

Татьяна Форш
Выйти замуж за Феникса

Книга подготовлена для библиотеки HL (Scan - Изольда; OCR, ReadCheck - rip228;
Conv - shtuks) HL
«Татьяна Форш «Выйти замуж за Феникса»»: Альфа-книга; М.; 2013
ISBN 978-5-9922-1514-4

Аннотация

Инструкция по выживанию для принцесс:

— если тебя выдали замуж за огненного колдуна — не беда! Вызнай, зачем ему это

было надо, убеди в сумасшествии и попроси отпустить тебя добровольно. Ну а если не получится — постарайся сбежать! В конце концов от этого зависит твоя жизнь...

— если по дороге тебе попадется красивый наемник, не отказывайся от его услуг. От говорящего коня тоже нос не вороти, кто еще тебе поможет не свихнуться в той дороге? Ну а Змей Подгорный так вообще подарок небес!

А если совсем туго придется — не расстраивайся! И главное, не бойся! Да и сама посуди: чего тебе бояться? Ты и так попала дальше некуда: ведь ты вышла ЗАМУЖ ЗА ФЕНИКСА!

Татьяна Форш ВЫЙТИ ЗАМУЖ ЗА ФЕНИКСА

ГЛАВА 1

— Меня — замуж?! Ну знаешь ли! Я не твоя собственность, чтобы скрещивать меня с кем попало! — От переполнявшей меня злости я топнула ногой.

На папочку это, конечно, не произвело никакого впечатления. Он сидел, прихлебывая из блюдечка душистый чай так, словно ничего не происходило, но на всякий случай поглядывал на меня из-под седых косматых бровей. Вроде как — я прав, но мало ли что может учудить эта взбалмошная девчонка!

Как на грех в это время мимо меня, с трепыхающейся птицей в зубах, крался дворцовый кот Пуля. От неожиданности он замер, попятился, а воробушек, почуяв свой последний шанс, изо всех сил забился в его пасти и, неведомо как оказавшись на свободе, бросился спасать жизнь. Кот обиженно покосился на мою золоченую туфлю, выгнулся и,

шипя как голодный василиск, рванул за удирающим прыжками помятым воробьем.

— Па-па! Что ты молчишь?!

— Вася! Я тебя умоляю! — Папаня шумно отхлебнул для решимости чая и невозмутимо продолжил: — Ты — именно моя собственность! Ты — моя дочь! И обязана выполнять мои приказы! Желательно молча! Если я сказал, что в воскресенье твоя свадьба, разлюбезная ты моя, то так тому и быть! И единственное, что тебя должно волновать, — фасон платья, в котором ты пойдешь к алтарю.

Я пренебрежительно фыркнула, давая понять, что его аргумент меня не впечатлил, на что дородная служанка Фроша, тенью стоявшая позади отца, только перекрестилась и бесшумно ретировалась с поля военных действий, а спасенный воробей приземлился рядом с опустевшим блюдечком и, нагавив в него, с победным чириканьем выпорхнул в открытое окно.

— Так... твою ж... раззтак... — Папочка брезгливо покривился, разглядывая привет от нахальной птицы, затем пульнул блюдце вслед за воробьем и угрожающе поднялся. — Василиса! Как бы ты ни хотела со мной поспорить, уверяю тебя, это не тот момент! Ты. Выходишь. Замуж. За Феникса! И точка!

— Ни за что! — Я ничуть не испугалась отцовского рыка, подбоченилась и, не сводя с него взгляда (надеюсь, достаточно гневного, чтобы объяснить ему, что так просто я не сдамся!), принялась наступать на венценосного родителя. — Я его даже никогда не видела! Что это за гусь?

— Не гусь, а Феникс! — Папа сделал шаг назад.

— Да все равно! Ты никогда ничего не говорил ни о каком фениксе, и вдруг вчера, вернувшись с охоты, сообщаем мне радостную новость?! Откуда взялась эта птичка?

— Он не птичка! Он... — Папа замялся и неуверенно выдал: — Он мой хороший друг! — Затем, видимо вспомнив, что он все-таки король, выпалил: — Иди к себе в покои, неблагодарная девчонка! Была бы жива королева, она бы вырастила тебя послушной принцессой, а не... Все! Уйди с глаз моих долой! Общайся с портнихой, выбирай украшения — завтра твоя свадьба! Точка!

Я развернулась и, сопя как дракон, вылетела из обеденного зала. Ну ладно! Не хочешь по-хорошему — будет по-плохому!

Торопливо пересчитав привычные десять ступеней лестницы, я ворвалась на третий этаж. Увешанные выцветшими гобеленами стены спального этажа отчего-то показались мне сегодня на редкость мрачными и чужими. Ковровые дорожки, лежавшие между выстроившихся солдатами массивных лакированных дверей, особенно бросались в глаза своей древностью. Я впервые за столько лет заметила проплешины изъеденных молью узоров. Увидела затянутые пылью и редкими паутинами стекла окон, сквозь которые лилось яркое весеннее солнце. Еще неделя, и наступит лето! Но... эта жаркая сказка будет не для меня. Скоро я покину дворец...

Тоска сжала сердце. За что? Почему это происходит со мной? Зачем я должна покинуть дом, в котором выросла?!

Я направилась по коридору к моей опочивальне, касаясь рукой резных узоров массивных дверей. Сколько себя помнила, эти двери почти всегда были закрыты, а я мечтала, что когда-нибудь их распахнут новые жильцы... Вот только этой мечте никогда уже не осуществиться! Теперь и мою комнату запрут на ключ...

Наконец я остановилась у моей спальни, взялась за медную ручку и медленно ее повернула. Замок щелкнул, открываясь. Замешкавшись на пороге, я шагнула в покои и замерла, с растерянностью и грустью разглядывая привычные с детства вещи: пушистый ковер, кровать, кресло, стол и распахнутые ставни окна, за которыми птицы на все голоса свистели, щелкали, чирикали и стрекотали гимн наступающему лету.

Вдруг в душе шевельнулась злость. Неужели я так легко сдамся и откажусь от привычной жизни? Уеду в чужое царство? Я ведь даже не знаю, откуда нарисовался этот... Феникс.

Я стиснула кулаки и села на кровать.

Нет уж! Без боя — не сдамся!

И тут в мой мысленный спор с самой собой вступила тревога.

А может, лучше добиться результата не боем, а хитростью? Без крика выпросить у батюшки, что это за Феникс такой, а уж опосля решать.

Ведь как ни крути, а что-то тут нечисто. Я впервые вижу папочку таким... решительно настроенным. Почти всегда он шел у меня на поводу. Я его единственная наследница и фактически единственный родной человек! Мама умерла так давно, что я ее совсем не помнила. Правда, у нас с отцом есть еще Мафания — сестра мамы, но видимся мы не часто. Отец не любит говорить о ней. К слову, тетя всегда была немного странной: жила за городом и пользовалась довольно плохой репутацией. Проще говоря, тетя Мафа — ведьма и, когда речь заходит о деньгах, не гнушается любого колдовства.

И тут меня осенило!

Точно! Я должна с ней увидеться! Просто обязана! Вдруг она научит, как переубедить моего жениха на мне жениться? Или даст мне какие-нибудь капли? Да хоть пургена! Если просидит этот Феникс всю свадьбу на толчке — я ни при чем! Отсутствие жениха заменяет фактическое «нет»!

Я решительно поднялась, вышла из светелки и, оглядев пустынный коридор, бросилась бежать к лестнице. Только бы не встретить отца, не то вернет и закроет в комнате дожидаться портниху и шить платье. И это в мой последний свободный денечек! Да плевать, что завтра свадьба! Лично я ее не хочу!

Завтра свадьба...

Сердце вновь тревожно екнуло.

Интересно, почему так быстро? Отчего отец готов выдать меня, свою единственную дочь, замуж — вот так! Без торжеств и гуляний на неделю, без званных балов и знакомств с будущими родственниками, как того требовал обычай? Ведь наверняка у этого Феникса есть родители, друзья или пусть какая-никакая, хоть седьмая вода на киселе — родня.

Кому нужна эта спешка? Моему будущему мужу или... отцу? Почему он стремится от меня избавиться?

Ох как мне все это не нравится!

Поглощенная мыслями, я даже не заметила, как пролетела по серпантину лестницы, что привела меня на первый этаж. Вот и колонны дворцового холла, где всегда, сколько я себя помнила, проходили балы и праздники. Сейчас здесь было тихо и мрачно. Солнце уже ушло на другую сторону дворца, и под высокими каменными сводами поселился привычный полумрак.

Из всей немногочисленной челяди папани меня здесь поджидали только два стражника, истуканами замершие по обеим сторонам двери. Я даже не обратила на них внимания, потому что с детства привыкла считать их статуями.

И снова обидой сдавило сердце.

Как он посмел согласиться отдать меня замуж за первого встречного?!

Выскользнув за неплотно прикрытые массивные двери, я со всех ног бросилась на задний двор.

Срубленная из толстых, потемневших от времени бревен огромная конюшня встретила меня теплом и терпким ароматом сена. В загонах шумно всхрапывали жеребцы — гордость отца. Скакунов он любил, как иногда мне казалось, даже больше, чем меня! И честно говоря, я очень опасалась, что застану здесь своего сумасбродного папашу, но, кроме конюха Парамона и его сына Степки, в конюшне никого не было.

— Вась? Чего пришла? — Степка был моим ровесником, но за последний год дуже вытянулся, став на целую голову выше меня. Симпатичный парнишка. Волосы, что поле льна, и глаза — синие, как горные озера. И почему я не замечала этого раньше, воспринимая его никак иначе, кроме как товарища по играм? Возможно, все сложилось бы по-другому, если бы не бездна, разделяющая нас: я — принцесса, он — никто!

— Приготовь мне Борьку. — Я покусала губы, видя его враз насторожившиеся глаза, и заставила себя улыбнуться. — Все хорошо, Степ! Просто хочу прогуляться!

— Тебе составить компанию? — Он распахнул створки загона, где уже в нетерпении приветливо пофыркивал Борька — рыжий жеребец, подарок отца на мой пятнадцатый день рождения.

— Не нужно. Я до старой мельницы и обратно. — Я продолжала ему беспечно улыбаться, вот только, по моим ощущениям, улыбка уже превратилась в оскал.

Ну и пусть! Пусть думает что хочет! Только бы не увязался следом. Да, не скрою, иногда я позволяла ему сопровождать меня на конных прогулках, но... сейчас он мне не нужен! Тетя при нем ни за что не будет ворожить...

Степка все понял, обиженно поджал губы. Молча вывел жеребца, оседлал. Привычно подставив руку под мой сапожок, помог вскочить в седло, но напоследок спросил, не терпел:

— Вась, а чего случилось-то?

— Случилось? Ты о чем? — Сегодня что, все можно прочитать по моему лицу? С чего такой интерес? Можно подумать, я и раньше без него на прогулки не ездила.

Степка уже открыл рот, чтобы что-то мне поведать, но его опередил Парамон.

— Король... — дохромав до нас, хрипло начал тот, — ворвался совсем недавно, едва дождался, когда Степан оседлает Ветра, и умчался, только его и видели. — Конюх взглянул на Степку и приказал: — Иди ворота открывай.

Стараясь не показать удивления, я со знанием дела покивала.

— Ах да-а... Мы договорились покататься. Но, видно, ему не терпелось, вот он и уехал один...

Интересно, куда это батеньку понесло?

Я чуть тронула поводья, показывая, что разговор закончен. Борька нехотя направился к воротам, которые уже спешно открывал Степан.

Выехав со двора, я с какой-то злой радостью хлестнула жеребца, заставляя того очнуться от сытой лени и во весь опор рвануть по пыльной дороге, выходящей мимо богатых особняков и бедняцких лачуг, ромашковых полей и выстроившихся ровными рядами грядок с зеленеющими всходами. Мое любимое крошечное королевство! Такое крошечное, что все его можно объехать за день. Когда-то королевство называлось Ромашковое, но за время правления короля Еремея (а по совместительству моего отца) королевство стали называть — Еремеево, позабыв историческое название. Но... моим подданным здесь нравилось жить — а не это ли главный показатель мудрости правителя, способного поддерживать в своем государстве беззаботную жизнь? Хотя отец не так давно на собрании советников что-то говорил о повышении налогов, но... эти тонкости политики меня уже не касаются! Зачем забивать голову политикой, если родной папочка мечтает сплавить меня куда подальше?! Впрочем, может, вся эта королевствология пригодится мне во владениях будущего мужа?

А ведь я даже не знаю, кто мой жених. Принц или королевич? А может, князь? Я даже не знаю, есть ли у моего жениха королевство... Или царство? Или вообще хоть что-нибудь!

От таких мыслей я только крепче намотала поводья и, прищипорив жеребца, прижалась к Борькиной шее, спасаясь от бьющего в лицо ветра. Я не заметила, как закончился город Славный, столица нашего королевства. Вслед мне голосили куры и хором брехали собаки, вместе с хозяевами осуждая бесшабашность королевской дочки, но мне было все равно. Мы с Борькой вырвались из сонного плена и теперь задыхались от напоенного цветочным ароматом весеннего ветра, играющего с нами в догонялки. И все это раздолье, эту вольную жизнь я должна бросить в угоду папочке? В угоду какому-то незнакомцу?!

В груди снова заворочалась злость. Я буду не я, если не испорчу завтра свадьбу и не отобью у женишка желание жениться!

И не только на мне!

Хижину тетушки я увидела издалека. Впрочем, вру! Сама хижина пряталась под раскидистой ивой и для посторонних глаз была совершенно неприметна, но вот иву невозможно было не заметить. И не только потому, что одинокое дерево шатром раскинулось у небольшого озера. Дело в том, что тетушка Мафания подрабатывала ведьмой и для привлечения доверчивых горожан и путешественников, забредших в наше государство, украсила бедное дерево так, что издалека оно напоминало цирковой шатер — ярко, заманчиво и бросается в глаза, — мимо не проедешь.

Остановившись неподалеку от ивы, я спешила. Мафа очень не любила, когда клиенты подъезжали прямо к дому, и ругалась на это страшно и нецензурно. А все из-за чахлого садика с подозрительными травками, которые она нежно любила, трепетно выращивала и бережно добавляла в свои колдовские зелья и курительные смеси.

— Борька, дружок, побудешь тут? — Я ласково погладила жеребца по ярко-рыжей шерстке и совсем другим тоном скомандовала: — Лежать! И чтоб ни звука мне!

Коняга обиженно покосился на меня черным глазом, вздохнул и послушно лег. Выдрессировала я его хорошо! Лежать, рысцей, лапу — это он легко выполняет. Вот только по команде «умри» эта скотина начинает по-пластунски ползти, причем задом наперед.

Я усмехнулась. Ладно, молодой еще, зеленый. Научится!

Сделав несколько шагов, я обернулась, чтобы еще раз бросить взгляд на Борьку, почти незаметного на фоне пожелтевших камышей, и уже успокоенно направилась к хижине. Но едва я обошла озеро и, нырнув под ветки ивы, вышла к дому, как открывшаяся картина заставила меня замереть и покрыться холодным потом. У покосившейся от времени, приоткрытой двери мирно пасся привязанный к толстой перекладине забора, огораживающего тетины посадки, черный жеребец отца.

Ветер?

Неужели отец приехал к Мафе? Сам? Добровольно?!

Ох как мне все это не нравится!!!

Я сглотнула и, стараясь не шуметь, юркнула за дом. В хижине тети одна комната и одно окно, которое почти всегда открыто, а значит, есть все шансы узнать много интересного!

Влипнув в стену, я прокралась к распахнутым ставням и замерла, прислушиваясь.

Папаня всю мою сознательную жизнь официально недолго любил мамину сестру и никогда не приглашал ее в гости! Что же такое могло случиться, что он, бросив все, примчался сюда?

Ответы на все мои вопросы не заставили себя долго ждать.

Голос отца — раскатистый бас — я узнала, едва он заговорил.

— Эх, Мафуша! Да кабы знать! Столько же лет прошло! Отдавай, говорит, мне его! Нужно оно мне до зарезу! — Послышался всхлип. — Эх, Мафанышка!..

Всхлип?!

Я еще сильнее вжалась в стену, стараясь не пропустить ни слова.

— Эх, Ерема, а я предупреждала, что так все закончится! — Мафа, казалось, тоже была расстроена. — Что ж получается — сам повеселился, а Ваське теперь за тебя отдуваться?

— Да как ты могла подумать! — Голос отца загремел с новой силой. — Да неужто бы я не отдал, если бы оно у меня было?! Говорю ж! Я и думать забыл про Феникса и благодарность его! А когда вчера на охоте-то встретил — тут-то мне и поплохело...

— Поплохело ему, вишь ли! Сопли пузырями не пускай, дурень старый! Лучше вспоминай, куда эту чертову вещицу дел?

Снова послышался вздох отца.

— Отдал... Когда Ксана заболела. Ваське тогда от роду даже года не было. Приехал один лекарь... пошаманил, неделю от жены не отходил, и та поправляться начала. Да чего там! Такой веселой со дня нашей свадьбы ее не видел! Вот я и обрадовался! Думаю — вылечил! Говорю — как благодарить тебя, врач заморский? А он мне — колечко хочу, что на цепке золотой за треном висит. Я ему и то и это! Говорю — на кой тебе сдалась эта медяха?

А он уперся! Говорит, ладно, уеду без него, а лечебное снадобье как делать, не скажу — вернется болезнь к королеве. Ну я и подумал...

— Что ты подумал? Раз у тебя все есть — можно и отдать? А подумать, что я это снадобье знать могу, не удосужился?

— Ну...

— Му! Эх, телок ты безмозглый! Как был вором-наемником, так и остался! Даром что Феникс тебя королевством наградил! Титул — его заслужить надобно!

— Да он мне только кольцо подарил, а корону я сам пожелал! Молодой был. Надоело вором быть, вот и думаю — чего мелочиться? Полюбить — так королеву, украсть — так миллион! — Голос отца сорвался.

— Ладно...

Деловито забренчали чашки. Скрипнул стул.

— ...Дело ясное, что дело темное. Колечко уже не сыскать... и с Фениксом не договориться... Он если чего потребовал — все! Вот только думаю... чего он у тебя королевство-то не попросил взамен? Васька ж дитя малое, кошка шальная! Чего он жениться-то на ней удумал?

Послышались тяжелые шаги.

— Так че-че! — В голосе отца зазвучали нотки злости. — Видно, решил, что женится, а после без волнений и трон возьмет, когда я дуба врежу!

— Так-то оно так... А с другой стороны: на кой ему такое махонькое королевство? Он же себе весь мир пожелать сможет с таким колечком-то!

— Знаешь, когда я вором был, мне и такое махонькое — целым миром казалось!

— Н-да-а-а... Влип ты, король Еремей! Надо было то колечко пуще глаза беречь, а ты его бродяге отдал! Как хоть звали-то? Не помнишь?

— От ты ж дура баба! — Рев отца даже заставил меня зажмуриться. — Совсем из ума выжила? Ты ж сама мне его сосватала, когда он у тебя проездом был! Не то Цитрамон, не то Цитрон... Или, может, это ты ему колечко то заказала? Помню, что ты говорила, когда Васька родилась! И когда я к сестренке твоей сватов заслал — тоже помню!

— Че, сдурел, старый?! — Тетя Мафания решила не отставать и тоже добавила в голос ультразвука. — Это ж надо было придумать! Если бы я то колечко заказала, так с чего бы мне все эти годы в глуши гнить? Из-за любви к природе?! Ладно. Подумаю, что с бедой нашей делать, и, если чего придумаю, завтра к свадьбе сообщу.

Скрипнул стул, послышались шаги, и голос отца глухо спросил:

— А если не придумаешь?

— Значит, будет у Васьки муж!

— Так он же страшный, как моя жизнь! — В голосе отца послышалось неприкрытое страдание.

— Как по мне — так просто прелесть! Впрочем, мне и Яков Леший нравился, пока ты его не депортировал в заповедник Лукоморья. А Феникс... он герой! Ты хоть знаешь, что ради знаний и силы он прошел врата Пекельного царства и вернулся? Не чета тебе, Ерема, мужик... Правда, не знаю, добился ли он того, чего хотел, но... Результат на лице, как ты видишь. Приходил он ко мне как-то года три назад, и таким от него жаром дохнуло...

— А чего приходил-то? — Теперь голос отца прозвучал совсем близко.

Я вжалась в стену. Приветливо зафыркал Ветер.

— Узнал чего надо и пошел дальше! Мы вроде как с ним давние знакомые. Все! Теперь возвращайся во дворец! Ко мне клиент подъехать должен.

Послышалось какое-то невнятное бормотание, ржание и удаляющийся цокот копыт.

Я облегченно вздохнула. Молодец Борька! Не выдал!

— И давно ты тут уши греешь? — Раздавшийся над ухом голос заставил меня подпрыгнуть. Из окна мне улыбалась тетя Мафа, еще довольно красивая, кудрявая, дородная женщина. Подмигнув, она приглашающе махнула рукой, будто невзначай откинув смоляной тяжелый локон, выбившийся на высокий белый лоб. Зеленые глаза хитро блеснули. — Давай

заходи, племяшка. Обсудим!

Я не стала обходить дом, чтобы войти через дверь. Просто дождалась, когда тетина голова скроется в полумраке комнаты, подпрыгнула и, перекинув ногу, забралась в распахнутое окно.

— Мафа, у меня...

— Знаю! — отмахнулась она и снова поправила туго связанные в высокую прическу волосы. — Свадьба с Фениксом. Вот твой папаня-то учуди-и-ил! Было бы колечко, так не позарился бы этот колдун на тебя, недоросль!

— В смысле? — Не отводя от тети глаз, я плюхнулась в деревянное кресло, стоявшее у окна.

Мафа сосредоточенно пожевала ярко окрашенными губами, притянула табурет и устроилась напротив меня за круглым столом, уставленным всякой магической атрибутикой.

— Давай посмотрим, вдруг нам чего духи подскажут по этому вопросу?

— Только сначала расскажи все от начала до конца! — Я поерзала в кресле. — Кто такой Феникс, почему папа согласился на нашу свадьбу и как он мог быть вором? В смысле папа, а не Феникс. Это что, такой досуг у королей?

— А для чего, стесняюсь спросить, ты под окном уши грела? — Она прищурила подведенные шамаханской сурьмой вдруг потемневшие глаза. — Чтобы я тебе все снова рассказала?

— Да я... почти ничего не поняла! — Я виновато шмыгнула носом и, сделав бровки домиком, протянула: — Ну пожа-а-а-луйста!

— Ладно-ладно, не ной! Расскажу я тебе страшный секрет твоего папани. — Тетка деловито придвинула к себе какую-то высохшую птичью лапку и принялась ею обмахивать большой стеклянный шар. — Значит, так. Когда-то давно твой отец на ярмарках и городских базарах подрабатывал вором. И вот однажды возвращался он на вечерней зорьке в свою деревню, смотрит — а впереди на дороге четверо здоровяков какого-то бедолагу мутузят. Может, Еремей бы и не вступился за бродягу, кабы можно было их обойти. Да там с одной стороны болото к дорожке подходило, а с другой — овраг глубокий. По крайней мере, это твой папаня мне так набрехал. — Тетушка усмехнулась и снова принялась рассказывать, рассеянно вглядываясь в белесую пустоту магического шара: — Так вот. Вступился Еремей за бедолагу, хотел начистить рожу супостатам, а они возьми да и обратись нечистью. Ну Ерема не из робкого десятка, как ты знаешь. Начал им молитву Воскресения читать. Те взяли да и подевались куда-то, только жертва обстоятельств на дороге лежит, не шевелится. Ну батя твой подошел ближе, и тут человек возьми да и открой глаза. А они — что твоя серебряная монетка! Перепугался Еремей, уже сбежать хотел, да тут спасенный Фениксом назвался и протянул ему колечко. А прежде чем исчезнуть, посоветовал желание самое заветное загадать. Ну папаня твой и загадал, не будь дурень, чтобы в него влюбилась принцесса из ближайшего царства-государства. А какая — не сказал... чтоб его! — Тетка печально вздохнула. — И в него влюбилась моя милая старшая сестренка.

Меня озарила внезапная догадка.

— Вы обе влюбились в него?

— Угадала. — Тетя поджала губы и обиженно процедила: — Но этот кобель выбрал твою мать. Возможно, потому что она была первой претенденткой на трон. А потом для него все удачно сложилось. Наш отец, король Федор, умер, и корону приняла моя сестра. Так твой отец и стал правителем Ромашкового королевства и переименовал его в королевство Еремеево...

— Замечательно! — Я побарабанила пальцами по подлокотнику кресла. — Ладно. С этим фактом биографии моего папочки разобрались. А чего этому Фениксу от меня-то надо?

— Понимаешь, он вчера на охоте к Еремею явился и ну давай колечко дареное требовать назад. Мол, от него теперь многое зависит. А Еремей только руками развел. Говорит — нету! Бери чего хочешь! Вот тут Феникс у него и попросил. Тебя. За долг.

— Здорово! — Мотивы папеньки теперь понятны, но мне от этого не легче!

— Здорово-то здорово — у ворот Егоровых, а подальше от ворот все совсем наоборот! — передразнила Мафа, не вставая, дотянулась до полки, где ровным строем стояли шесть расписных глиняных чашек. Подцепила две и, подставив к пузатому самовару, по очереди принялась их наполнять зеленоватой, исходящей паром жидкостью. — Хочешь?

Передо мной появилась чашка с еще бурлящим варевом. Я с опаской принялась. А ничего... пахнет мятой и еще какой-то травой.

— Это что?

— Чай. Бодрит. — Она звонко помешала ложкой напиток и отхлебнула. — У тебя аллергии на мухоморы нету?

— Есть! — вздохнула я, с сожалением отодвигая чашку. Пока не знаю, хочу ли я свести счеты с жизнью или нет, а посему с чайком, настоящим на мухоморах, повременю. — Так что мне делать-то?

— А чего делать? — Громко прихлебнув чаек, она причмокнула и посоветовала: — Выходи замуж за Феникса! Пусть он не твой ровесник, зато богат. Колдун. А настоящих колдунов всегда уважали. Будешь как сыр в масле кататься.

— А сколько ему лет? — Я насторожилась и принялась буравить Мафу взглядом судьи.

— Ну... — замялась она. — Постарше меня будет. Точно. Насколь — не знаю. Да только по нему и не скажешь!

— Нет, замуж я категорически не хочу! Тем более за старика!

— Да, может, и хорошо, что старик! — отмахнулась чертовка. — С супружеским долгом приставать не будет.

— А зачем тогда ему жениться? — Я пытливо прищурилась.

Тетя занервничала:

— Так... может, одиноко ему? Вот и будешь кашки варить да сказки по ночам рассказывать. Как подружка моя Шакира Зада — дал же бог имечко... Вышла замуж за маньяка-убийцу с прогрессирующим склерозом и промывала ему мозги, пока тот не забыл, зачем на ней женился.

— Нет, тетя! Я не настолько сумасшедшая. И я здесь не для того, чтобы выслушивать жуткие истории о моем будущем. — Я встала с кресла и подошла к ней. — Ты же можешь мне помочь избежать этой свадьбы?

— Мм... — Мафа пожевала губу и вдруг решительно помотала головой. Черный локон снова выбился из высокой прически и пружиной запрыгал у виска. — Нет. Не получится. Но! — Заметив мои раздувающиеся от возмущения и отчаяния ноздри, тетя поспешно подняла вверх указательный палец. — Думаю, что Феникс затеял эту женитьбу, чтобы досадить твоему папаше. И значит, прости, дорогая, но ты сама ему до лампочки. Поэтому, думаю, тебе с ним можно договориться. Верни Фениксу злосчастное колечко, и пусть он подарит тебе развод.

— Но как я верну ему это колечко? — Я погрустнела. — Оно же исчезло в неизвестном направлении столько лет назад!

— Не совсем! — Тетя смущенно поколупала выбоину на чашке, залпом выпила настой и решила. — Знаю я того Цитрона-лекаря, что колечко стибрил. Дружком он мне был когда-то. Помогу тебе его найти. А чтобы не отвертелся — будем связь через интерактивное зеркальце держать. — Она протянула мне заляпанный зеркальный кругляшок. — Бери-бери! Пальчиком коснешься — меня увидишь, и тогда спрашивай, чего захочешь. Только тайком. Народ у нас дикий — магию любят, но боятся. А ежели ты... без рекомендаций — так и вовсе на костре сожгут и фамилию не спросят.

— Вот спасибо за подарочек! — вздохнула я, зеркало взяла и тихо пробормотала: — Еще один способ уйти из жизни, когда совсем не вмоготу будет!

Но тетя на слух не жаловалась.

— Успеешь! Ишь чего удумала! Жизни лишаться! Лучше кумекай, как тебе после свадьбы от Феникса сбежать? Колечко-то выручать надо, да и жизнь твою погубленную тоже...

— За это не волнуйся! Сбегу! — Я решительно придвинула к себе стеклянный шар и попросила: — Ну-ка, покажи мне этого Феникса!

— Ха! Это ж Феникс! — хохотнула тетя и посерьезнела. — Если не захочет — никто его не увидит, особенно через мой дешевый шар.

— А ты попробуй! — не отставала я, и Мафания сдалась.

— Ладно. Попробую. — Она возложила руки на стекляшку и, закатив глаза, могильным голосом завывала: — Феникс!!! Приди! Покажись! Появись! У-у-у-у-у-у-у-у-у!

— Теть, а можно без твоих спецэффектов?

— А? — Мафа недоуменно посмотрела на меня, поморгала и звонко расхохоталась. — Вот ты черт! Уже по-другому и не могу! Все на публику стараюсь... Что значит профессионализм! Ладно... а если так?

Но поэкспериментировать ей не удалось. Стекло шара вдруг замутилось, и в его таинственной глубине я увидела крошечного, одетого в черный балахон мужчину. Он сосредоточенно расхаживал по каменным плитам мрачного, освещенного факелами зала. До меня донеслось бормотание:

— Три... Кольцо Юпитера в шестом доме Луны. О отец! Помоги! Дай свершиться моей мечте! Ты же знаешь, как долго я этого жду!

— Тетя, а приблизить его можно? — не выдержала я. — Лицо бы разглядеть!

Мафа сделала страшные глаза, выразительно показала мне кулак и приложила к губам палец. Картинка с крошечным мужчиной начала стремительно увеличиваться. Я с жадностью вгляделась в вырастающую с каждым мгновением фигуру. И тут мужчина перестал мерить шагами зал, настороженно замер и стремительно обернулся.

Я застыла.

Охнув, тетя торопливо накинула на шар край скатерти и несколько раз перекрестилась.

— Ох ты господи! Да что же это... Да кто же... Да как же...

Я перевела на тетю полный ужаса взгляд и просипела:

— Ни за что за него не выйду! — Теперь это искалеченное шрамами и огнем лицо с ртутными, невероятно серебристыми глазами будет преследовать меня в кошмарах! — Он же... он...

— Знаю, девонька...

— И лысый!!!

— Ох бедняжечка...

— Я сбегу-сбегу-сбегу-у-у-у!!!

— И сама бы помогла тебе сбежать... но... — Тетка поднялась, жалостливо прижала меня к своей пышной груди и пробормотала: — Убьет он тогда отца-то твоего... Сожжет!

— А что мне делать? — Я отстранилась.

Тетя нахмурилась и, перестав изображать мировую скорбь, деловито заговорила:

— Я думаю — вот что! Пусть завтра ваша свадьба произойдет. Ею ты отца убережешь. А после бежать тебе надо. Добираться в город под названием Болотная Гать, что в царстве Берендея. Ты не гляди, что название пакостное. Это такой наукоград в ихнем царстве. Там живут и работают знахари и целители всех мастей и категорий. Ты, главное, зеркальце при себе держи, чтобы потом этому ворюге Цитрону очную ставку со мной устроить. И вот еще. — Она протянула мне брошку — серебряную веточку с зелеными камушками.

— Зачем? — Я взяла украшение.

Тяжелое!

— Это принадлежало твоей... матери. Она просила отдать тебе украшение, когда ты вырастешь и замуж пойдешь. Надень, когда тяжело будет... — Тетя смахнула невидимую слезу и заторопила, выталкивая меня из комнаты: — Ну все, иди! А то с собаками искать начнут! Папке обо мне и о том, что услышала, — ни слова. Изображай покорность и вселенское горе. Пусть у этого ирода сердце кровью обливается, чтобы в следующий раз головой думал!

Я вышла из дома Мафы, пропахшего травами и пылью, положила украшение в карман

к зеркальцу и вдохнула пропитанный озерной прохладой воздух.

Дело ясное, что дело трудное! Сбежать после свадьбы? Мм... даже если будет очень трудно, почти невозможно — я попытаюсь это сделать! Даже если оглошу жениха сковородой в первую брачную ночь! А чего? Он все равно колдун — ничего с ним, кроме шишки на лбу, не будет!

— Ах ты зараза!!! — Тетя вышла следом — проводить, а заодно и убедиться, что я действительно уехала. Всплеснув руками, она сорвала с ноги поношенную тапку и пульнула ее куда-то задом. — Васька! Какого... твоя кобыла пасется на моем огороде?

— Хм, мадам, прошу прощения, — вдруг из-за дома раздался мелодичный тенор, послышался цокот, и из-за угла вывернул Борька. — Но... я не кобыла! Я — жеребец, причем редкой породы!

Я вытаращила глаза, не в силах даже пошевелиться, зато тетя Мафа, кажется, держала ситуацию под контролем. Ничуть не удивляясь, она не торопясь отломала от ивы прут.

— Еще и болтанку чашелистную сожрал! А ну-ка... Пшел!

— Ваша агрессия, мон ами, исходит от одиночества, случайных половых связей и...

— Пшел, сказала! — Прут рассек воздух там, где только что умничал Борька.

Вовремя вспомнив мою дрессуру, коняга рухнул в траву, разбросав копыта в разные стороны, и пополз вперед, загребая ими, словно заправский пловец. Мафу такая гуттаперчевость озадачила больше его разговорных способностей. Она на несколько мгновений замерла, во все глаза наблюдая за тем, как рыжий вредитель непостижимым образом уползает из-под ее наказующей лозы, и, только когда он скрылся за камышами, беззлобно ругнулась:

— Ну чертяка! Да еще такой умный, аж тошно становится! А как он узнал, что у меня с полом в доме совсем плохо? Что и говорить, за столько лет доски-то поизносились.

— Меня больше волнует, как теперь заставить его замолчать? — отмерла я, выискивая взглядом притаившегося за камышами Борьку.

— Так прикажи заткнуться! — Лоза полетела в траву. Мафа развернулась и, прежде чем скрыться в доме, посоветовала: — Если ты так выдрессировала свою рыжую скотину, что он по земле как гусеница ползает, то заставить его замолчать, думаю, будет проще простого — вот только зачем? Кто еще тебе скажет правду-матку, не опасаясь твоего гнева и статуса, а? Принцесса?

Не отвечая, я вышла из-под стекающих зеленым водопадом веток ивы, покосилась на солнышко, неотвратимо спешащее к горизонту, и бросилась к Борьке. Увидев меня, он вскочил и в нетерпении запрядал ушами.

— Ну, говорящий ты мой, поехали домой, и побыстрее!

Всунув ногу в стремя, я взлетела в седло и едва успела вцепиться в поводья. Лошадка стартанула так, будто за нами несея черт или как минимум мой будущий муж.

При воспоминании о жутком облике, привидевшемся мне в магическом шаре, у меня в животе зашевелился холодок.

Этого не может быть! Этого не может быть со мной!!!

— К слову сказать, хозяйка, на будущее. Если ты не будешь: колотить меня пятками в бок, стегать хлыстом и ерзать в седле так, будто собираешься пробежать стометровку на ягодицах, — я в свою очередь впредь обещаю не срывать с места в галоп. Если благодаря чудо-траве я теперь могу говорить — пожалуйста, научись со мной общаться! А то мне будет ску-у-учно!

Обалдеть! Не думала, что говорящий конь — это наказание господнее! Представляю, чего бы я наслушалась от дворцового кота, если бы еще и он наелся этой «чудо-травы»!

— Знаешь, — я все-таки ткнула пятками вредную животину, — если ты хочешь, чтобы мы были на равных, надо было и мне захватить пучок этой чудо-травки! Подождем до завтра? Если ее эффект пройдет, то мне и мучиться не надо будет — привыкать к тебе, такому умному!

— Умный — не синоним «вредный», а как мне показалось, ты сейчас сказала именно в

таком подтексте! — снова выдал Борька заумную фразу, из которой я поняла только несколько слов и то, что какая-то «конина» меня назвала «дурой». Образно!

Чтобы окончательно не сойти с ума и не закатить жеребцу скандал, я решила промолчать. Только покрепче стиснула зубы и даже прильнула к его шее, чтобы выдержать галоп.

К счастью, конь действительно оказался умный. Ответа не потребовал, скандалить не полез, и мы довольно быстро (к закату) оказались у загона, где меня и поджидал хмурый папа.

— Где тебя носило! — загремел его бас, едва мы въехали в ворота. — Что я тебе сказал? У тебя завтра свадьба, а ты ведешь себя, будто ничего не происходит! Тебя вон портниха весь день дожидается!

— Значит, дождалась. — Я легко прыгнула на землю, хлопнула Борьку по крупу, позволяя конюху его увести, и запоздало испугалась: а ну как жеребец загнет чего-нибудь этакое? Папа его сразу же на живодерню отправит. Во-первых, потому что решит, будто в него вселился бес, а во-вторых, потому что не захочет быть тупее лошади!

К счастью, это Борька и сам понимал. Беседу не завел, только хлестнул меня напоследок хвостом по руке и неспешно направился вслед за Парамоном в стойло.

Не дожидаясь мрачного отца, я бросилась через сад по мощенной булыжником дорожке, выбирая самый короткий путь во дворец. Взбежав по ступеням крыльца, я юркнула в приоткрытые двери и, привычно не обратив внимания на истуканов-стражников, устремилась по лестнице, серпантином уходящей вверх.

Вот и мой этаж. Закатные лучи солнца, пронзая узкие пыльные окошки, уже давно не скрывали облупившуюся позолоту на светильниках, пыль на некогда сияющих яркой краской ставенках. А вышарканная ковровая дорожка уже и не помнила свой изначальный цвет и узор. Что и говорить, дворец, как и все крохотное королевство батюшки, медленно, но верно приходил в упадок.

Распахнув тяжелую дверь моей светелки, я замерла на пороге, разглядывая снежно-белое кружевное платье, которое, словно ангел, парило под высоким потолком. Две дворцовые портнихи, вцепившись в него с двух сторон, будто боясь, что их творение сейчас улетит, тарасились на меня, как на ожившего покойника. Наконец одна из них обрела дар речи и торопливо забормотала:

— Принцесса Василиса! Мы не хотели входить в ваши покои без вашего разрешения, но король повелел за день сшить свадебное платье, а вас не было...

— Поэтому мы сняли мерки с вашей одежды... — подхватила другая.

— Знаю-знаю! — Я шагнула в светелку и угрожающе захлопнула дверь. Вот, значит, как?! — Батюшка говорил, что вы придете. Ну сняли так сняли... Ради дела можно и в чужих вещах порыться... Я на вас не в обиде!

— Вы так добры, только...

— А как бы примерить платье, госпожа? — Портные почувствовали безнаказанность и решили брать быка за рога, но бык, то есть я, подставлять рога не пожелал.

Нет, не потому, что мой наряд мне не нравился! Платье было невероятным. Легким, кружевным, с обнаженными плечами и длинным шлейфом! Словом, если бы я выходила замуж за любимого, лучше платья и представить было бы сложно, но радовать глаз мерзкому уроду, который, похоже, и сам не знает, чего хочет в этой жизни? Фигушки! Поэтому я с удовольствием продемонстрировала белошвейкам свой монарший характер.

— Никак! Я очень устала и хочу спать. А значит, сегодня ничего мерить не буду! — отрезала я и, не раздеваясь, плюхнулась на кровать. — Или вы не доверяете собственному профессионализму?

Каких слов понахваталась! Не иначе от коняги!

Портнихи переглянулись, смирив меня взглядом оскорбленного достоинства и гордо упорхнули за дверь.

Платье осталось висеть посреди комнаты, прицепленное за свисавшую с потолка

люстру. Мне вдруг так захотелось вышвырнуть его в распахнутое окно, но я понимала, что это ничего не даст. Платье — лишь попытка скрасить завтрашнее жертвоприношение со мной в главной роли.

Я устало закрыла глаза. Ничего не хочу. Только спать!

Но как назло, перед мысленным взором тотчас предстало лицо моего будущего мужа. Теперь он смотрел прямо на меня, так, словно видел. Будто передо мной по-прежнему находился магический шар Мафы, или я находилась в этом шаре...

Интересно, с чего отец решил, что Феникс — старый? Обезображенное, будто сожженное лицо без бровей скрывало его возраст словно маска. На лысом черепе ни единого волоска. Серебристые ясные глаза смотрят равнодушно и остро.

Вдруг он протянул ко мне руку, и я почувствовала жар там, где коснулись моей щеки его пальцы. Даже не пальцы, а... угольки?! И тут Феникс вспыхнул. Пламя метнулось ко мне, мгновенно опалив лицо адским жаром, делая меня такой же уродливой, как и он сам...

ГЛАВА 2

Распахнув глаза, я села на постели и долго пыталась отдышаться, приходя в себя от приснившегося кошмара. Господи, женишок мне лишь приснился, и я чуть богу душу не отдала, а что будет, когда я его увижу? А если он вознамерится воспользоваться правом мужа?!

Ну спасибо, папочка! Ну угодил!

Господи, помоги!

Словно в ответ на эти мысли в дверь деликатно постучали. Не дожидаясь моего позволения, в светелку шагнул мрачный родитель.

— Вась... ты это... Там в часовне уже народ собрался. Я понимаю, что невесту надо ждать, и все такое... но ты бы поторопилась...

— А что? Так не терпится от меня избавиться? — Я поднялась и, бросив на папеньку полный обиды взгляд, подошла к окну.

Эх... а погода-то какая! Яркая лазурь майского неба такая синяя, словно бездонный океан перевернулся и повис над головой. И как на грех — ни облачка! Тетя Мафа всегда говорила — если чего не к добру, то и природа плачет вместе с тобой, а тут... Н-да... не все приметы сбываются... Ну скажите, что за счастье меня ждет вместе с... даже не знаю, с человеком ли? При мыслях о суженом настроение испортилось вконец.

— Феникс уже явился?

— Пока нет. Но думаю, он явится сразу же, как только придешь ты.

Я обернулась к топтавшемуся у меня за спиной папане.

— Бать, скажи, только честно, почему — он?

Отец резко поскучнел.

— Долгая эта история... Как-нибудь потом расскажу. — Отец замялся под моим пристальным взглядом, покусал усы и, не глядя мне в глаза, выдал: — Ну обещал я ему тебя, Вась! В долгу я перед ним... Он... он мне как-то жизнь спас!

Ах вот оно как! И ведь не знала бы — поверила!

Отец, посчитав объяснение исчерпывающим, принялся меня уговаривать:

— Да ладно тебе, доча, с лица воду не пить... Мужчина он видный, известный, богатый. Ты давай одевайся, собирайся...

Тут дверь без стука отворилась, и в комнату впорхнули три служанки. Увидев короля, они поклонились и застыли на пороге, глаза на нас.

— Да поторопитесь! Ждем! — раздраженно смял монолог папаня и, так и не дождавшись от меня ни звука, поспешно вышел.

Служанки плотно прикрыли за ним дверь и всерьез принялись исполнять королевскую волю. Привычно раздев, они поставили меня в корыто и принялись поливать теплой водой из кувшина, не забывая натирать ароматным мылом. Затем обмыли, вытерли, побрызгали

душистой водой и натянули белоснежные панталоны, гольфы, юбки и корсет, а уж после на меня обрушилось все кружевное великолепие моего свадебного платья.

После мне долго выдирали волосы, пока не смастерили на голове что-то невообразимое, и наконец подтолкнули к зеркалу. Взглянув на свое отражение, я замерла. Неужели эта тоненькая красавица с ниспадающим водопадом светлых локонов, огромными синими глазами в обрамлении густых ресниц, с изящными темными бровями — я?

Моих обнаженных плеч коснулся прохладный ветерок, заставив поежиться. Что и говорить, декольте портниха, на мой вкус, сделала уж слишком глубоким! Надо было все же платье вчера померить. Эх, кого теперь винить?

Сдунув русский локон, строптиво выбившийся из великолепной прически, я прищурилась. Ничего! Еще посмотрим, кто кого! Я не я буду, если не оправдаю данное мне в народе прозвище Василисы Премудрой!

Мазать губы свекольным соком и подводить глаза шамаханской сурьмой я отказалась наотрез. Еще чего не хватало, так выеживаться перед обгоревшим франтом! Только немного пощипала себя за щеки, потому что, по уверению моих «экспертов красоты», я выглядела как покойник, а покойников на свадьбах не очень-то любят...

Очень хотелось им ответить, что по сравнению с женихом я — эталон жизни и красоты, но промолчала. Все равно их на свадьбу не пустят, так зачем распалять любопытство и вызывать жалость?

Затем меня обули в удобные туфли-лодочки и, подхватив под руки, вытащили в коридор.

Потом была лестница. Холл. Площадь. Сад.

Когда мы подошли к часовне, дворцовые часы пробили полдень. Служанки остановились перед скрещенными пиками стражников, а я, в который раз пробормотав молитву, начала подниматься по белокаменным ступеням.

Точно знаю, что у дворцовой часовенки их ровно пять, но сейчас мне показалось, что их на сотню больше.

И все же вечно откладывать неизбежное нельзя...

Едва я появилась на пороге, как сразу все разговоры стихли. Гостей было мало. Несколько папашиних советников с женами да с пяток зажиточных горожан. Скорее всего, о моем бракосочетании среди простого люда решили не распространяться. Мало ли...

Я нашла взглядом отца. Мафани не было.

Что ж, неудивительно. Она терпеть не могла столичных вельмож.

Хотя и жалко... Я до последнего надеялась, что она придумает что-нибудь этакое...

Священнослужитель словно очнулся и срывающимся голосом затянул псалмы. Я глубоко вздохнула и, стараясь ни на кого не смотреть, решительно направилась к алтарю, кожей чувствуя направленные на меня взгляды гостей. Любопытные, скучающие, равнодушные.

Боже, зачем я здесь?

Вдруг сердце уколола обида. Как же все это неправильно — не познав любви, вот так заживо себя похоронить! А что делать? Надо выручать папаню!

У алтаря я остановилась и вопросительно взглянула на священника.

Ну и где Феникс?

А вдруг жених сбежал? Вот было бы счастье!

Но, к сожалению, моим мечтам не суждено было сбыться. Я вздрогнула, услышав, как с грохотом захлопнулись двери часовни. По рядам зевак прошелестело «ох!», и у меня за спиной раздались приближающиеся тяжелые шаги. Затаив дыхание, я будто окаменела, не в силах обернуться. Колени противно задрожали, а когда я увидела тень гостя, коснувшуюся алтаря, и вовсе чуть не уселась наземь. С каждым шагом тень продолжала расти, пока не закрыла собой и алтарь и священника. Мне даже показалось, будто тень — живая!

Наконец мой жених приблизился, и шаги оборвались. Я бросила на него быстрый взгляд, борясь с разрывающим любопытством и обессиливающим ужасом, но ничего

ужасающего в высоком, с головы до ног закутанном в черный балахон мужчине не увидела. Лицо скрывала плотная ткань низко надвинутого на глаза капюшона. Вот только я знала, КТО скрывается под ним.

— Горожане, мы собрались здесь... — стараясь не смотреть на нас, начал прерывающимся голосом священник, но Феникс его вежливо перебил:

— Давайте к завершению, отец. Все гости знают, зачем мы здесь собрались, так не будем тратить их драгоценное время.

Я с тревогой вслушалась в глухой, с легкой хрипотцой баритон. Ох как не похож он на старческое дребезжание!

Священник на миг задумался, бросил на него растерянный взгляд и, пожав плечами, выпалил:

— Согласны ли вы стать мужем и женой?

— Да. И закончим на этом, — снова ответил за нас обоих Феникс.

— Пусть и невеста скажет! — вдруг нахмурился священнослужитель.

— Пусть... — Мой жених шевельнулся.

Упрямо разглядывая пол, я почувствовала его полный нетерпения взгляд. Наступила гнетущая тишина.

В глазах вдруг потемнело, и отчего-то вспомнился сон. Я оперлась рукой на алтарь и едва слышно прошептала:

— Да!

Почти сразу же из-под свисавшей ткани черного балахона показалась молодая рука с длинными пальцами и тяжело легла на мою.

От неожиданности и волнения мне показалось, что его ладонь обжигает горяча. Все вокруг предательски закружилось, и, не в силах противиться липкой, ватной темноте, я начала оседать на пол. Меня подхватили сильные руки жениха, точнее уже мужа, и, прежде чем я окончательно провалилась в беспамятство, передо мной возникли серебристые глаза из ожившего кошмара.

Щебетание птиц, бархатистое гудение шмелей и ветер...

Я улыбнулась. Причмокнула губами и зарылась носом в подушку. Ну и ужас же мне приснился... Значит, ничего не было? Я по-прежнему дома, и страшная свадьба всего лишь сон?

Расскажу папеньке, то-то повеселится. Или к Мафе отправит за разъяснениями.

Послышался тихий скрип двери, шаги. Кровать просела под тяжестью гостя.

А вот это уже не сон.

Ощущая пристальный взгляд, я сделала над собой усилие и вынырнула из пут дремоты. Приоткрыла глаза, ожидая увидеть папеньку, и вытаращилась на застывшую рядом со мной фигуру в черном балахоне. Окончательно проснувшись, я рывком села на постели, едва не запутавшись в свадебном платье. К счастью, жуткое лицо мужа по-прежнему скрывал низко надвинутый на глаза капюшон. Да и на меня он не смотрел, а разглядывал устланный циновкой пол.

Значит, свадьба — не кошмар, а реальность?! И я теперь собственность этого... этого... Я даже не знаю кого!

И интересно — где я?

Я окинула быстрым взглядом небольшую спальню. Белые стены, стол, стул и кровать — вот и вся обстановка... В распахнутые ставни вливается раскрашенное багрянцем закатное небо, и недвусмысленно уходит ввысь высоченная каменная стена.

Да-а-а, похоже, я еще и узница!

Путаясь в свадебном платье, я торопливо начала отползать к стене, подальше от моего дорогого супруга, но он словно не заметил моих маневров, продолжая все так же старательно разглядывать пол.

Наконец он заговорил:

— Благодарю, что оказала мне честь, став моей женой. Если честно, я не ожидал, что ты согласишься. Не всякая девушка рискнула бы выйти замуж... за такого, как я.

Почувствовав за спиной стену, я вжалась в нее и замерла, вслушиваясь в голос мужа. Если бы закрыть глаза и только слушать, я бы с легкостью смирилась со своей участью: бархатный, мягкий, с легкой волнующей хрипотцой... голос совершенно не вязался с его обезображенным лицом! И его нечеловеческими глазами... Сейчас он не смотрел на меня, но я помнила его изучающий взгляд.

— Такого, как ты? А какой ты? Кто ты? — выдохнула я и тут же испугалась своей смелости. Хотя... Ну не убьет же он меня? Хотел бы — давно бы это сделал, избежав церемонии бракосочетания!

— Я? — Казалось, он замешкался и взглянул на меня. Я сжалась, увидев его блестящие в тени капюшона глаза. — Колдун. Чернокнижник. Но вообще... никакие аспекты магии мне не чужды. Однажды я даже практиковал некромантию. Еще вопросы?

— А зачем тебе я? — Колдун! Не было печали, но папенька когда-то спас непонятно кого и непонятно зачем, а я сейчас отдувайся!

— Если я скажу, что был очарован твоей красотой, следил, как ты расцветала, — согласишься? — Он откинул капюшон, обнажив совершенно лысую голову. Его серебряные глаза насмешливо прищурились. Вблизи они казались еще страшнее. Будто залитые ртутью бельма, но отсутствие зрачка не мешало ему видеть!

Помня наказ тетушки, я постаралась забыть, кто передо мной. Неважно, какие у него глаза! Сейчас самое время, чтобы договориться с ним о колечке и моей свободе. А самое главное — научиться его не бояться, иначе диалога не получится!

Набравшись смелости, я отлепилась от стены, удобно уселась, по-шамахански скрестив ноги, и затараторила:

— Ну да... Рассказывай сказки! Очарован он был! Я все знаю! Ты пришел за кольцом, а я — твоя моральная компенсация! Только хочу сразу расставить все точки над «ё». Я тебя не люблю! Я не признаю брак по расчету и не вижу в наших отношениях будущего. Поэтому предлагаю сделку — я найду тебе кольцо, а ты дашь мне развод и навсегда отстанешь от моего отца и от меня!

— Хм... Заманчивое предложение. — Он продолжал буравить меня взглядом. — Вопрос только в том — *как* ты найдешь мое кольцо? Даже твой отец не знает, где оно.

— Мафания сказала, что лекарь, который его увез, живет в соседнем царстве. В городе Болотная Гать. Э-э-э... — Пришедшая вдруг мысль заставила меня замолчать. Зачем я все это ему рассказываю? Не хватало только, чтобы муженек сам отправился на его поиски!

Но Феникс ни словом, ни жестом не показал, что его заинтересовало сказанное мной. Он продолжал сверлить меня задумчивым взглядом, а его тонкие губы чему-то улыбались. Вдруг он поднялся и, не прощаясь, направился к двери.

— Эй! — Я вскочила следом и бросилась за ним. — Так что ты решил?

У самой двери он внезапно развернулся, так что я, не успев остановиться, налетела на него и оказалась в его объятиях. Увидев близко его жуткие серебристые глаза, я с силой зажмурилась и даже задержала дыхание, боясь пошевелиться.

— А решу я вот что. — Жар его тела, на мгновение опаливший меня, отступил. — Я не хочу принимать твои условия! Кольцо я найду сам, а ты с этого самого дня и навсегда останешься моей пленницей и... женой. Я тоже не поклонник фиктивных браков!

Послышался стук двери.

Я обреченно вздохнула и открыла глаза. Поздравляю! Мои самые жуткие опасения сбылись. Феникс ушел. Я умудрилась все испортить и напоследок разозлила того, от кого зависит моя жизнь. Моя свобода!

Но... я ничего не могла с собой поделать — его ужасный облик меня страшил!

А может, еще не все потеряно?

В надежде исправить ошибку я бросилась к двери, но она распахнулась сама, и в комнату шагнула мрачная, высокая и худощавая женщина неопределенного возраста.

— Госпожа? — Ее голос с аглицким акцентом был резок и как нельзя кстати подходил к ее облику. — Позвольте представиться. Я — домоправительница господина Феникса, а также, к несчастью, ваша помощница и тюремщица на время отсутствия вашего мужа. Мое имя Евлампия Ферапонтовна. Но можно просто Лампа.

— Э-э-э... — Я замялась. Неожиданное имя для заграничной стервы... — Лампа? А... где мои вещи? Со мной были сундуки или что-нибудь еще, когда я сюда попала?

Домоправительница смерила меня презрительным взглядом и с легкой ухмылкой процедила:

— А... Наверное, ты говоришь о том барахле, что господин Феникс приказал сжечь?

У меня перехватило дыхание.

— Мои вещи? Сжечь?

— Да. Он сказал, что у него есть лучшая огранка для его бриллианта. Видимо, это он о тебе?

Бриллианта? Значит, мое предложение с кольцом изначально не имело смысла? Он не собирался торговаться со мной, потому что считает, что... я — его бриллиант?!

Я едва не застонала. Боги, чем же я ему так приглянулась?

— Пожалуйста, Пимпа...

— Лампа, — тут же чопорно поправила она. Если честно, больше всего эта женщина мне напоминала вяленую рыбу: сухую, жесткую и колючую.

— А... ну да. — Я набрала в грудь побольше воздуха и выпалила: — Отведите меня к моим вещам. Там есть подарки господина Феникса, а сами понимаете — если они сгорят по вашей вине и халатности, то вас накажут, используя в качестве полена для растопки! Чем, между нами, вы и являетесь! — Эх, не люблю быть хамкой, но в этом случае терять все равно нечего, а лишиться маминой броши и зеркала Мафы я не могла!

Ничего не ответив, Евлампия развернулась и вышла в коридор, оставив дверь открытой. Значит ли это, что я должна отправиться за ней?

Не раздумывая больше ни мгновения, я бросилась следом и оказалась на увитой виноградом террасе. Закатное солнце раскрасило красным золотом янтарные досточки стен. В углу притулились два деревянных резных кресла и дубовый стол. Сразу за террасой раскинулся богатый сад, за которым, как вечное напоминание о том, что я в плену, высилась каменная стена.

Батюшки, да где же мы? Не скажу, что я все знаю в моем королевстве, но такую стену точно бы заметила! Значит, дом Феникса в другом королевстве? Знать бы еще в каком?

Я догнала служанку и тронула ее за рукав.

— Пифа... Э-э-э... а мы где? — Не скажу, что мне было принципиально дразнить эту гримзу, но хоть какое-то развлечение...

Она дернулась словно от пощечины и остановилась, разглядывая меня прозрачными льдинками выцветших глаз.

— Во-первых! Я — Лампа! А если вам трудно запомнить это сокращение, называйте меня полным именем. Евлампия Ферапонтовна! — перешла на «вы» эта особа. Явно чтобы подчеркнуть бездну, разделяющую нас.

— Без проблем. — Один черт не запомню, так чего спорить? — А во-вторых?

— А во-вторых, отвечая на ваш вопрос — это личные земли господина Феникса, и, если вы не знаете их географическое расположение, могу только посочувствовать. Вашему супругу!

Грымза развернулась и, печатая шаг, вышла в сад.

Ах так! Ну ладно.

— Лимантия Ферапонтовна, а вопрос можно? А мой супруг — он кто? — Я догнала тихо звереющую домоправительницу. — Ну... то, что он — страшный лысый дядька с серебристыми глазами, я уже поняла. А кто он по жизни? Можно узнать, к примеру, характер, предпочтения, политические взгляды?

— Во-первых. Мое имя — Евлампия Ферапонтовна!!! — Щек домоправительницы

коснулась нездоровая бледность. — Во-вторых, господин Феникс — великий маг, а о магах так говорить нельзя, если не хочешь стать предметом обстановки или одним из таких цветков в великолепнейшем саду нашего повелителя! — Она выразительно повела рукой, указывая на роскошные клумбы, разбитые по обе стороны мощенной белыми камнями дорожки. Дальше ровным строем стояли всевозможные фруктовые деревья, но даже они не могли скрыть от моего взгляда мрачную высоченную стену. Интересно, какой баобаб стал жертвой этого «великого и ужасного» в сотворении этой громадины? — Впрочем, последнее вас не касается. Говорите все, что пожелаете, а я с удовольствием передам ваши слова господину, когда он вернется! Вдруг он одумается и избавит меня от вашего присутствия?

Угу... Помечтай!

Проигнорировав ее нахальное заявление, я сочувствующе заглянула в лицо Лампы, и меня понесло...

— Кстати, а вы... когда умерли?

— Я — что?

— Ну умерли, говорю, когда? Господин Феникс признался, что он еще и некромант, а если судить по вашей безумной преданности хозяину и отсутствию каких бы то ни было эмоций, я позволила себе предположить что вы — зомби!

Домоправительница захрипела так, что я подумала, уж не начался ли у нее приступ астмы, но... радовалась я недолго.

Видимо решив не связываться со мной, она припустила по дорожке так, что я едва за ней поспевала. Наконец она свернула к какой-то неприметной постройке и, ткнув пальцем в знакомые цветастые сундуки, небрежно сваленные под навесом, заявила:

— Вот ваше барахло! Берите что желаете, и вернемся в дом. Скоро стемнеет. А знаете, какое самое главное правило этого дома? Во всем выполнять волю хозяина и...

Не дослушав, я бросилась к сундукам, моля бога только о том, чтобы в них оказалось то, что я ищу!

Какое-то время я методично исследовала мое приданое, вот только вещей, в которых я вчера была в гостях у тети Мафы, а значит, брошь и зеркальце, я не нашла. Вдруг, когда почти все сундуки были выпотрошены, где-то неподалеку раздалось странное цоканье. Охнув, Евлампия подскочила как ужаленная и, юркнув под ветви яблони, принялась кого-то визгливо распекать:

— Ах ты, скотина! Я же тебя привязала! На три узла! Как ты отвязался? Да еще г... яблоки на дорожке оставляешь! Все, завтра же отведу тебя на живодерню!

Подозрительный цокот стих.

Я покосилась на последний сундук, но любопытство, а точнее предчувствие оказалось сильнее. Подобрав подол платья, я, не разбирая дороги, нырнула вслед за служанкой, выбежала на дорожку и оказалась нос к носу с... Борькой! Домоправительница пыталась увести его за собой, безуспешно дергая за отгрызок веревки. Это выглядело так, словно она пыталась утащить на тоненькой ниточке гору. Гора, естественно, не двигалась, полностью сосредоточившись на пережевывании какой-то былинки.

Наконец былинка пала смертью храбрых, и Борька приветливо потрянул рыжей гривой.

— Мадам, к сожалению, нас не представили друг другу при встрече. Я — Борис! Друг и спутник этой юной леди. — Борька ткнул мне в шею бархатым носом и, скосив на онемевшую домоправительницу черный глаз, галантно поинтересовался: — А как вас по имени-отчеству называть?

По мере того как он говорил, челюсть бедной женщины медленно опускалась все ниже и ниже, пока не исчерпала все свои возможности. И тут...

— Ааааааааааиииииии!

Визг, вырвавшийся из ее глотки, заставил нас с Борькой вжаться друг в друга и замереть, молясь только о том, чтобы это «звуковое оружие массового поражения» как можно быстрее перестало терзать наши уши. И бог внял нашим молитвам. Не замолкая, домоправительница вдруг рванула по дорожке с такой скоростью, что очень быстро в

вечерней тишине растаял не только ее топот, но и визг.

— Привет, хозяйка! — Борька щекотно фыркнул мне в ухо. — Здорово я ее пуганул?

— Здорово-то здорово! — Я погладила его бархатный нос. — Только как ты тут оказался?

— Элементарно! После вашей скоропостижной свадьбы твой новоиспеченный супруг наколдовал странную вертящуюся воронку, и в нее начали скидывать все эти сундуки. Я заподозрил неладное. А уж когда и он сам, с тобой на руках, шагнул в эту воронку, тут я и не выдержал! Точнее, Парамон. Как врежет мне по задку хворостиной, ну я его лягнул с двух копыт и с места в галоп. Сам не заметил, как в эту воронку влетел. Очутился в этом саду. Конец истории.

— Эх, Борь... лучше бы ты дома оставался. Не нравится мне тут... И сбежать не сбежишь. А еще я потеряла зеркальце, что мне Мафа дала...

Отстранившись от жеребца, я направилась к последнему сундуку, уже и не надеясь, что там найду пропажу. Следом раздалось цоканье.

— Алле, хозяйка. Честно, не мое, конечно, дело, но если не нравится — кто заставляет? Давай сбежим?

— Как?! — Я взглянула на него мученическим взглядом и указала на стену. — Видишь? Через такой забор только перелететь!

— Да он невысокий! Я такие на раз беру! Ну... если боишься, тогда можно перегрызть пару досточек? — Борька для убедительности подошел поближе и продемонстрировал мне зубы. — На веревках уже натренировался, могу что угодно попортить, только если не торопясь. Что-то не хочется в мои юные года с протезами ходить. Дамы засмеют!

— Какие досточки, какие дамы?! — Совсем у коняги крыша поехала! И вспомнила: — Тебя вроде обещали на живодерню спровадить, а ты о какой-то ерунде говоришь!

Борька в нетерпении переступил с ноги на ногу и заторопил:

— А я о чем? Пошли быстрее!

— Сейчас! — Я все-таки открыла сундук.

Нет. Удача сегодня не на моей стороне. Только какие-то шелка и бархат. Зачем мне все это? Тут! Даже и выйти никуда.

— Пошли, кому сказал! — Борька нетерпеливо вцепился мне в платье зубами чуть пониже талии и потянул, вытаскивая меня на дорожку, а после с готовностью подставил спину. — Забирайся в седло!

— Как? — Я развела руками, демонстрируя уже изрядно пожухлое, но все еще пышное свадебное платье. — Я же в нем как в гипсе!

— А переодеться? — Борька мотнул башкой, указывая на выпотрошенные сундуки.

Я задумчиво почесала висок. А ведь точно! Видела в одном из них брючные костюмы для конных прогулок...

Едва не чмокнув Борьку в черный нос, я снова бросилась к сундукам и принялась за поиски. Да где же они?

Наконец под горой тряпок пальцы нащупали гладкую кожу брюк для верховой езды. Брючные костюмы? Один за другим я вытянула на свет из недр сундука то, что искала: кожаные штаны, короткие сапоги, кожаный жилет и темно-серая рубашка. То, что надо!

Вдруг неподалеку раздались возмущенные голоса. Кажется, Лампа собрала подмогу для разборки с говорящим жеребцом, и Борька вот-вот лишится рыжей шкурки!

Цапнув вещи в охапку я развернулась, чтобы броситься к коняге, но... того уже и след простыл!

Вот гаденыш! Бросил меня одну?!

Крики приближались. Не придумав ничего умнее, я скользнула тенью за сарай и едва не застонала, сообразив, что вляпалась в кусты шиповника.

Ну и пусть! Не бегом, так ползком!

Хоть как-нибудь!

Только бы меня не нашли!

Неожиданно царапающие, старающиеся удержать ветви расступились. Я выползла прямоком к стене и поднялась, разглядывая это монументальное строение. Черно-серый камень. Высота такая, что шапка падает!

Стараясь не обращать внимания на вопли, что время от времени издавала Лимпопона Феодосиевна (пытка для врагов, а не имечко!), я принялась стягивать с себя платье. Дело шло медленно. Какой дурак придумал все эти завязочки и бантики? Но когда настала очередь корсета, то и вовсе чуть не взвыла.

Шнуровка!

Где же ходит Борька?

Ох, он бы мне сейчас помог своими хваленными зубками...

Я снова покосилась на стену с ее острыми уступами и решила. Не развяжу, так, может, повезет перетереть? Подошла ближе, облюбовала острый выступ и развернулась к нему спиной, ожидая, что в спину упрется холодный камень, но... случилось странное. Вместо холодного камня я ощутила спиной нечто деревянное и шершавое.

Озадаченно поморгав, я развернулась и думать забыла о «юных следопытах», что сейчас прочесывали сад в поисках нас. Стены — не было! Точнее, был деревянный забор. Не очень высокий. В полтора моих роста. Я во дворце у батюшки такой брала с разбегу, когда нужно было незаметно сбежать на рыбалку с сыном конюха.

В довольно широкую щель между досками я увидела лес и... пасущегося неподалеку Борьку!

Но как?..

Тут мне вспомнилось его предложение перегрызть... ДОСТОЧКИ!!! Неужели он не видел стены? Тогда понятно его нетерпение! Конечно! Что ему такой заборчик перемахнуть? Две секунды!

Ну Люминесценция Фосфоридзе! Ну зараза! Или за иллюзию крепостной стены нужно благодарить моего новоявленного муженька?

Быстро натянув штаны, я застегнула ремень и заправила жесткие штанины в сапоги, надела рубашку с жилетом прямо на корсет и, подпрыгнув, принялась подтягиваться. Но в это самое время удача решила, что с нее хватит, и повернулась ко мне своей «задней частью спины». Раздалось басовитое: «Эй, куда?!», и мне в сапог вцепились чьи-то пальцы. Не в силах отказаться от такой близкой свободы, я озверело принялась лягаться и размахивать свободной ногой, стараясь попасть преследователю хоть куда-нибудь, но лучше по носу. Наконец мне повезло. Удерживающие руки вдруг разжались, послышалась отборная ругань, а я, перевалившись через забор, грохнулась в траву.

— Немедленно за ней! Если вы ее упустите, хозяин вам головы снимет! — раздался совсем рядом пронзительный вопль домоправительницы, и топот, похожий на топот стада, начал удаляться.

— Вставай, чего разлеглась! — Ко мне уже скакал Борька. — Садовая калитка тут всего метрах в пятидесяти!

Хороший аргумент. Не замечая ноющего бока, я торопливо вскочила, подпустила ближе скачущего во весь опор жеребца, вцепилась в поводья и одним прыжком взлетела в седло. Этому трюку год назад меня выучил сам Парамон. Когда-то он был знатным наездником.

Борька всхрапнул и недовольно бросил:

— Чего ты так долго? Я уже ждать устал. Полполянки выполол.

— Долго? — Я не удержалась и вцепилась коняге в ухо. — Да благодаря тебе я вообще чуть там навсегда не осталась!

— Эй, что за инсинуации! — Освобождаясь, тот тряхнул головой так, что я чуть не сверзилась наземь. — Может быть, ты от мужа уходить не хочешь? Так я же не против! Каждый кузнец своего счастья...

— При чем тут муж?! — вспылила я. Болтология хоть и недолгая, но самая сильная черта моего «перевозочного средства»! — Я спрашиваю, как ты узнал, что вместо

высоченной каменной стены — деревянный забор?

— Какой стены? — Борька даже притормозил и попытался скосить глаза, норовя меня разглядеть.

Позади уже слышались крики и лай. Я оглянулась. За нами мчались человек десять на лошадях и еще столько же с идущими по нашему следу собаками. Довольно близко! Может, оторвемся? Нет, не так! Должны оторваться!

— Прямо смотри! — Зло дернув поводья, я пришпорила пятками беднягу.

Борька возмущенно заржал и вновь перешел на галоп.

Вскоре мы влетели в лес. Редкий молодняк опушки сменил мрачный вечерний лес. Лучи закатного солнца почти не достигали земли и гасли, путаясь в чуть шумящих верхушках деревьев. Под копытами Борьки зашелестела прелая листва. Заплелся колючей проволокой малинник, как нарочно путая ноги жеребца. Но вот что странно! Погоня, которая, казалось, вот-вот настигнет, отчего-то не спешила нас поймать. Голоса по-прежнему раздавались где-то позади и даже как-то стихли, словно боясь встревожить вековую тишину.

Впереди пахло водой. Значит, там или река, или озеро! Можно сбить со следа!

— Так что там за проблема была с забором? — вспомнил Борька, а может, решил отвлечь себя и меня от погони.

— Проблема в том, что вместо забора я с самого начала увидела огромную стену! Иллюзия, чтобы у меня даже мысли не возникло, что можно сбежать! — Я печально усмехнулась.

— Ничего себе! Не знал! — Борька насторожился, одним прыжком перемахнул через поваленное дерево и прибавил ходу. — Хозяйка, ты пока помолчи, перевари случившееся, а я попытаюсь нас спасти!

Я вцепилась в поводья и пригнулась, спасаясь от засвистевших над головой веток. Вот было бы весело, на радость Лампе, котенком повиснуть на ветке!

Вскоре впереди действительно блеснула лента реки.

Коняга вбежал в реку, подняв водопад брызг, зашел в воду по самую шейку и поплыл, но не в сторону манившего в сгущавшихся сумерках соседнего берега, а вниз по течению, где шагах в пятнадцати от нас, покачиваясь на воде, медленно дрейфовала здоровенная куча тальника. Держась одной рукой за седло, я скользнула в реку и поплыла рядом, наслаждаясь на удивление теплой водой. Поравнявшись с кучей тальника, Борька обогнул ее так, чтобы нас не заметили с берега преследователи. Дотянувшись до первых веток, он сначала вцепился в них зубами, а затем, подплыв ближе, зацепился копытами. Не отпуская луку седла, я тоже ухватила за гладкую талину и отдалась на милость течения, позволив себе хоть немного отдохнуть.

Я слышала, как на берегу обиженно заскулили собаки, потеряв наш след, как раздалось злые голоса и гребки. Наверняка преследователи решили, что мы выбрали самый простой способ для побега и, переплыв реку, скрылись в зарослях другого берега. Что ж, пока они будут нас там искать, течение отнесет тальник так далеко, что мы сможем оторваться от погони.

Не знаю, сколько мы так дрейфовали, держась за толстые ветки, лежавшие в основании этого естественного плота. Наконец река начала расширяться. Убыстрилось течение, да и сама вода стала холоднее.

— Борь! — Я тронула жеребца за ухо. — Вроде далеко уплыли. Давай на берег выбираться?

— А на какой? На тот или на этот? — Конь покрутил головой.

Хм, вопрос, конечно, интересный!

— Нам в Берендеево царство надо! В Болотную Гать.

— Как будто я знаю, где такое есть! Ладно, поплыли на авось! — фыркнула зверюга, мощно оттолкнулась от плота и, утянув меня за собой, поплыла к видневшейся неподалеку песчаной косе, бурча под нос: — Я ж с детства из нашего королевства ни разу не выбирался!

И вообще, кто у нас принцесса?

Эх, если бы я могла сказать: «Ты!» и этим решить все проблемы!

Вскоре мы уже выбирались на берег. Мягкий песок, еще хранивший тепло ушедшего дня, так и манил лечь поудобнее и не вставать до утра. Но я не могла себе позволить так рисковать даже сейчас! Да — ушли от погони, возможно, далеко, но я знала, что Люстра Филаретовна в лепешку расшибется, а постарается найти сбежавшую пленницу.

Заставив себя подняться, я обняла жеребца за шею, и мы зашагали вперед, оставляя на песке вереницу мокрых следов. За время нашего плавания мое белье промокло до нитки и противно липло к телу, а кожаный костюм весил как хороший доспех! Наконец песок остался позади, и я запрыгнула в седло. Эх, как бы я хотела сейчас высохнуть и выспаться! А еще поесть. Я уже даже забыла, когда в последний раз ела!

В подтверждение мыслей желудок болезненно сжался. Я только вздохнула. Стиснула поводья и по привычке уже хотела было прищипорить Борьку пятками, но не сделала этого, а просто попросила:

— Борь, давай выбираться отсюда!

— Куда? — Он переступил с ноги на ногу, деловито разглядывая подступавшие к нам деревья. — Кругом лес.

— Не такой уж и лес. Скорее роща. — Я попыталась его приободрить. — Просвет видишь?

Он честно помотал головой, но все-таки направился куда-то в глубь стоявших стеной деревьев. Эх, надеюсь, нам повезет не наткнуться на хищников! У меня ведь даже оружия нет!

Но к счастью для нас, вскоре лес и вправду поредел и неожиданно закончился, оказавшись широкой полоской деревьев, идущей вдоль берега. Мы вышли на пыльную дорогу, что отделяла рощу от бескрайнего поля сочной травы. Но даже не это меня обрадовало больше всего на свете — где-то впереди, среди порядком сгустившихся сумерек теплой крошечной звездочкой горел огонек!

Я нетерпеливо тронула узду:

— Борь, держи курс на костер!

— С ума сошла, хозяйка? — испуганно прынул ушами жеребец. — Какой костер? А вдруг там опасно?

Ну опасно... и что теперь? Жить, как выяснилось, тоже опасно, но лошадку свою паникерскую надо бы успокоить... Поэтому я равнодушно хмыкнула и беспечно бросила:

— Ну и чего ты испугался? Наверняка там такие же путники, как и мы.

— Но погоня...

— Я думаю, мы оторвались! — с нажимом заявила я. Не надо меня пугать, и так дальше некуда! В любом случае: пан или пропал! — Даже если слуги муженька сообразят, куда мы делись, я успею обсохнуть и, может, даже чем-нибудь перекушу!

— А ты перекуси травкой! Глянь, какая сочная! А одежда сама высохнет! К утру... — Борька, словно в подтверждение своих слов, нагнулся и принялся сосредоточенно щипать травку. Не ожидая такого предательства, я чуть не скатилась на землю, вовремя повиснув у него на шее.

— Какая трава?! — В отместку я хлестнула его ладонью. — Ну-ка, выпрямляйся и вези меня к костру! Быстро! Я замерзла и хочу есть!

— Как по мне, так я бы объехал этот костер по самой дальней дороге, но... хозяин — дурень! То есть — барин! — проворчал Борька и не спеша потрусил к огоньку.

Я не стала спорить. Может, и дурень — но кто не рискует, тот ходит мокрым и голодным! Главное, не показать свой страх и то, как сердце сжимается от нехорошего предчувствия.

Но все сомнения быстро развеялись, когда я увидела сидевшую у костра одинокую фигуру. И чем ближе мы подъезжали, тем спокойнее на душе мне становилось.

Путник, одетый в темный дорожный плащ, оказался молодым, симпатичным парнем. Отблески пламени играли в его коротких темно-русых волосах, делая их почти рыжими. Он, видимо, давно приметил гостью и теперь сидел, поглядывая на меня, но не забывая при этом что-то помешивать в котелке.

Остановив Борьку в нескольких шагах от костра, я спешила:

— Хлеб да соль!

— Да нет... скорее картошка и вода... — Он демонстративно помешал варево. Ночной ветерок с готовностью подхватил аромат еды и не хуже заправского вояки ткнул мне в нос так, что закружилась голова. — Присоединяйся.

Я торопливо подошла к костру, но все-таки дворцовый этикет, с рождения вбитый мне в голову, поспешил возразить парню раньше, чем мой голод ответит ему «да!».

— Нет, что вы! Не хочу быть вам обузой! Я только погреюсь, если можно...

Парень недоуменно оглянулся и снова взглянул на меня.

— Кому это «вам»? Я вроде один... — Он вдруг улыбнулся, и на его щеках, скрытых недельной щетиной, появились милые ямочки, так не вязавшиеся с его суровым обликом.

— Ну... — Я невольно заулыбалась ему в ответ. — Тебе.

— А! Ты из этих... из породистых, что ли? — Спрятав улыбку, он прищурился и смерил меня таким пытливым взглядом, что я даже смущенно сглотнула.

— Что, прости? — Какие светлые у него глаза!

— Из благородных, говорю?

— Вообще-то... э-мм... вообще-то я... — И тут Борька толкнул меня в спину носом, да так, что я чуть не рухнула в костер. Как вовремя! Я едва не ляпнула, что я дочь короля Еремея! Вот дура-то! — Моя семья из разорившихся дворян.

— О как. Ну... садись, коль не шутишь. — Он глазами указал на место у костра.

Что ж, сама пришла. Чего теперь стесняться?

Я уселась напротив парня:

— Спасибо.

— Да пока не за что! — Тот повел широкими плечами. — Есть хочешь?

— Очень! — кивнула я. — Со вчерашнего дня во рту маковой росинки не было.

— Нет, маковыми росинками питаться — не дело. — Губ парня снова коснулась задорная улыбка, и милые ямочки вновь преобразили его суровое лицо. — Картошка всяко лучше. И... с утра голова не болит. — Он изучил мое озадаченное лицо и, помрачнев, перевел: — Говорю, если хочешь есть — ешь. Ложку дать?

Ложку? Незнакомого парня?

Нет, как бы мне ни хотелось есть...

Я снова сглотнула и тоскливо качнула головой.

— Подожду, пока остынет.

— Жди, — буркнул тот и замолчал, сосредоточенно вороша короткой веткой объятые огнем поленья.

Улучив момент, я украдкой оглядела путника. Открытое лицо. Коротко стриженные волосы. На высокий лоб падает челка. Прямые линии бровей над светло-серыми глазами. Чуть с горбинкой нос, улыбчивые губы, волевой подбородок.

Может, тоже из породистых?

— А... как тебя зовут? — Я решила не гадать. — Откуда ты и что здесь делаешь?

— Зови меня Ник, — с охотой ответил он. — Я из Заречного королевства. Иду домой. Был пять лет на службе у шамаханских шаманов и три года провел в армии царя Ефремия. А как твоё имя и что здесь делаешь ты? Одна...

Н-да... ну и толку, что спросила? Все равно о Шамаханском шахстве и Ефремском царстве я знала только из рассказов приходящего учителя истории и географии. А о Заречном королевстве даже не слышала! А может, и слышала, да как все эти царства, ханства, шахства, королевства и княжества запомнить?

Надо срочно менять тему...

— А Ник это производное от Николая?

— Скорее от Никиты. Но... меня давно так никто не звал. А ты? — Он снова смерил меня цепким взглядом и увел разговор в свое русло: — Кто такая и что здесь делаешь?

Я помедлила и нехотя заговорила:

— Меня зовут Василиса. Можно Вася или Васька — как звал меня батя. Я в бегах, и здесь... — Вспомнив, что до сих пор мокрая как мышь, я придвинулась к огню и распахнула жилет, наслаждаясь жаром. — Здесь я сохну.

— По кому? — Его губ снова коснулась улыбка.

— По себе! И вообще! — Я вдруг разозлилась. Еще и умничает! — Картошка уже готова?

— Не знаю. Попробуй. — Не переставая улыбаться, парень снова предложил мне ложку, понаблюдав, как я поморщилась, но взяла и принялась украдкой вытирать ее о край рубашки. Вдруг улыбка сползла с его лица. Он настороженно уставился мне за спину и тихо бросил: — Кажется, у нас гости.

Я торопливо обернулась, глядя на подходивших к нам «гостей». Пятеро. На фоне ночного неба они казались какими-то квадратными и большими. Очень большими. Но с каждым шагом иллюзия рассеивалась. Вскоре нас обступили пятеро бродяг, одетых в рванину и в широкополых шляпах. За поясами у них поблескивали широкие ножи, а у двоих я даже заметила топоры.

Сжав крепче ложку, я пересела поближе к Нику, не сводя глаз с недружелюбно настроенных «гостей». Ник вдруг поднялся во весь свой немалый рост. Повел широкими плечами, выразительно хрустнул пальцами и невозмутимо спросил:

— Чем могу помочь?

Эх, а может, не нападут?

Один бродяга, видимо главарь, шагнул к костру и хрипло заявил:

— Если ты отдашь нам все свое барахло и то, что завалилось у тебя в кошеле, мы не станем тебя убивать.

— Потому что — не догоним! — хохотнул другой. В его щербатом рту неожиданно блеснул золотом зуб. — Так что раздевайся и вали, парнишка, пока мы добрые.

Ник вдруг виновато развел руками.

— Да у меня и барахла-то раз-два и обчелся. А в кошельке две медяхи, чтобы заплатить входную мзду у городских ворот. Но... — Он заговорщицки подмигнул приунывшим бродягам. — Могу поделиться другим. Ночлег у костра, ужин и... эта девица в обмен на то, что вы меня не тронете. Согласны?

Услышав его последние слова, я похолодела. Вот ведь! Доверилась уроду!

Затем в сердце зародилась здоровая злость. Шестеро на одну? Еще попробуйте справиться. Где мой Борюсик?

И коняга, словно прочитав мои мысли, не заставил себя ждать.

— Твою ж мать! — вдруг тоненько взвизгнул главарь, подпрыгнул и, едва не свалившись в костер, обиженно пожаловался: — Меня кто-то укусил!

Из-за плеча стоявшего рядом с ним товарища высунулась рыжая голова Борьки. Сосредоточенно пожевав, он выплюнул под ноги бандитам какой-то цветастый клочок и глубокомысленно заявил:

— Нет, все же мы, благородные жеребцы, лучше тех, кто считает себя повелителями этого мира. Человек разумный... Фу! Да о каком разуме может идти речь, если вы не в состоянии позаботиться о собственной гигиене!

— Э-э-э... — изумленно проблеял стоявший рядом с Борькой разбойник и, не сводя глаз с жеребца, медленно начал отступать.

— Чего он там про гиену загнул? — громким шепотом поинтересовался непонятно у кого другой, маленький и рыжий, нервно теребя не желающий доставаться нож.

— Похоже, братва, мы мухоморов пережрали! — промямлил третий и усиленно потер глаза, явно надеясь, что видение исчезнет. — Ну не может этот холодец разговаривать. И

вообще, откуда он взялся? Может, он не настоящий?

Борька скептически фыркнул, неспешно развернулся к нему задом и вдруг с пронзительным ржанием вскинул копыта. Бродяга, видимо, так и не понял, почему и зачем он куда-то летит. В полете его перехватил Ник и, врезав кулаком в висок, заботливо уложил у костра.

Не сразу, но все же сообразив, что к жертвам неудавшегося ограбления подоспела тяжелая кавалерия, трое бандитов вместе с главарем, сверкавшим в прореху штанов голым задом, отскочили подальше от жеребца и моментально вооружились кто чем мог.

В руках у Ника непонятно откуда взялся довольно дорогой клинок с усыпанной самоцветами рукоятью и так выразительно заплясал, что разбойники окончательно погрузнели, но, подбадриваемые главарем, снова принялись нас окружать.

— Девчонку хватайте! — разорвался он, махая во все стороны топором. — Тогда и этот выюнош сговорчивым станет! Главное, бешеной кобыле под копыта не попадитесь!

А вот о кобыле ему лучше было бы не заикаться!

Злобно фыркнув, Борька развернулся и рысцой попер на обидчиков, но бродяги, помня наказ главара, кинулись врассыпную. Выбрав жертву, жеребец бросился за ним и, настигнув, принялся гонять бедолагу по полю.

Тем временем трое других напали на Ника. Я даже невольно залюбовалась, глядя, как он ловко отбивает атаку сразу троих. К сожалению, это и было моей ошибкой. Бандит, «отдыхавший» у костра, очнулся, но заметила я это, только когда холодная сталь ножа больно впилась мне в шею и хриплый голос над ухом прокаркал:

— Эй, братаны! Я цыпу поймал!

Все на мгновение отвлеклись от размахивания ножами и обернулись к нам. Даже Борька забыл о своей жертве, чем тот воспользовался и, решив взять тайм-аут, со стоном рухнул в траву, где и затаился.

— Ага! Молодец, Бубен! — воспрянул духом главарь и, взглянув на Ника, победно заявил: — Теперь твоя девчонка в наших шаловливых лапках. Не хочешь получить ее в разобранном виде, отдавай саблю, деньги и шмотки. Да сапоги не забудь.

Ник нахмурился, окинул меня недовольным взглядом и беззаботно рассмеялся:

— Она не моя. И свои вещи, а тем более клинок я ценю куда больше смазливой мордашки. Да таких, как она, на каждом постоялом дворе пруд пруди!

На такое заявление разбойники не рассчитывали и уже куда неувереннее принялись отбивать яростную атаку Ника.

Хватка державшего меня тоже немного ослабла. Вспомнив о ложке, все еще зажатой у меня в руке, я резко вскинула ее туда, где над ухом доносилось сосредоточенное сопение бандита. Неповторимый звук подсказал, что мое оружие нашло цель, то есть лоб.

От неожиданности бродяга на мгновение замер, чем я и воспользовалась. Оттолкнув руку с ножом, кувыркнулась в сторону, туда, где с нетронутым ужином стоял котелок. А когда в следующую секунду он бросился за мной, я была вооружена уже куда более серьезно.

— Получай! — Горячие картофелины полетели в заросшую бородой, недоумевающую рожу бродяги.

Взвыв, тот схватился за лицо и бросился бежать в темноту, а я, только сейчас почувствовав нестерпимый жар в ладонях, выронила обжигающие снаряды и принялась торопливо дуть на пальцы.

Тем временем троица стала теснить Ника. Я даже с каким-то злорадством наблюдала за тем, как все медленнее пляшет в его руке клинок. А зачем мне болеть за его победу, если он сражается ради своего имущества? У меня есть куда более серьезный защитник.

Я поискала глазами Борьку.

Его светлая туша выплывала неподалеку. На чем-то. Точнее, на ком-то. Потому что, помимо фыркания и ржания, до меня доносились слабые стоны, которые перерывались на то, чтобы вознести молитву о спасении от «этого рыжего дьявола».

Наконец жеребцу все это надоело, и он позволил жертве сбежать. Я не удержалась от нервного смеха, глядя, как бандит, прихрамывая на обе ноги и не переставая стонать, ковыляет к рощице. Борька тоже проводил его взглядом, развернулся и бесшумно потрусил к сражающимся.

Оказавшись рядом, он вытянул шею, ухватил зубами за шиворот одного из разбойников и под переливчатые вопли выдернул того из сражения.

Его товарищи лишь на миг отвлеклись на то, чтобы с ужасом понаблюдать, как рыжая бестия, словно тряпochку, подкидывает и ловит зубами их приятеля, и тотчас со стоном попадали в траву, коварно пронзенные оружием Ника.

Тот неспешно вытер клинок об их лохмотья, огляделся и направился к костру.

— Отзови зверя, — бросил он, подойдя ко мне. — Надо уходить.

— Во-первых, этот зверь — мой! И он меня защищает. — Я вытерла ладони о траву и поднялась. — Во-вторых, мы с ним уйдем, когда я посчитаю нужным, но без тебя! Ты дал мне понять, что переживаешь только о своем барахле. Вот и переживай дальше.

— Ты что, не понимаешь? — Его светлые глаза с ехидцей уставились на меня. — Если бы я выказал им свое волнение за твою жизнь, они в первую очередь отыгрались бы на тебе. И еще. Лучше бы нам быть отсюда подальше, когда в предутренний час здесь пойдет обходом стража царя Берендея.

Я наострила уши.

— Хочешь сказать, что мы недалеко от границы?

— Вообще-то эта дорога и есть граница. — Ник с сожалением вытряхнул остатки ужина и стал засовывать котелок в дорожный мешок. (Каюсь, почти все оставшиеся картофельные снаряды я без зазрения совести слопала, и мне было немного, самую малость, стыдно.)

— А ты не знаешь, как далеко отсюда местный наукоград? Называется Болотная Гать.

Ник закинул мешок на плечо и удивленно воззрился на меня, словно не мог связать слово «наукоград» со мной.

— Зачем он тебе?

— Э-э-э... понимаешь... — Я потупилась, придумывая очередную легенду. — У меня там дядя живет. Вот иду к нему, но ни разу там не была, поэтому, если не сложно, проводи меня до ворот?

Он пожал плечами:

— В принципе по пути.

Вот и славно!

— Борька, мы уходим! — развернулась я к жеребцу. Тот по-прежнему продолжал играть в «мячик» со своей порядком охрипшей жертвой.

— А с этим чего делать? Того... или отпустить? — спросил он и, не дожидаясь ответа, зашвырнул бандита в траву. — В принципе он хорошо налетался. Теперь только ползком сможет — груз в штанах мешает.

— Пусть ползет! — усмехнулся Ник и, вдруг посерьезнев, протянул руку подошедшему Борьке. — Ну давай знакомиться, зверь чудной, раз уж наши тропки пересеклись. Приятно было с тобой работать.

Борька, кажется, стал еще рыжее. А может, мне это показалось из-за отблесков догорающего костра? Он по-собачьи сел и гордо протянул ему копыто.

— Борис. Петровский конезавод.

— Никита. Заречный конеза... э-э-э... — Ник замялся, крепко пожал Борькино копыто и поправился: — Точнее, родом оттуда. А теперь, друг, нам надо очень быстро исчезнуть. Не хочу, чтобы из-за покалеченных бандитов меня упекли в берендеевскую тюрьму.

— Да не вопрос! — Борька поднялся, с готовностью подставляя ему спину.

Я даже моргнуть не успела, как наш новый знакомый вольготно устроился в седле и протянул мне руку:

— Помочь?

Ну Борька! Ну предатель!

— Сама! — прорычала я, всунула ногу в стремя и вцепилась в уши жеребца.

Борька не был бы Борькой, если бы стерпел такое. Уши — это наше все! Он встряхнул головой и взбрыкнул. Ник, не ожидавший такого, кубарем полетел в траву, а я, победно скалясь, забралась на свое законное место.

— Специально? — Ник посопел, поднимаясь, и тут же оказался позади меня.

Чувствуя спиной его разгоряченное схваткой тело, я только пожала плечами:

— Нарочно! Этот предательский конь — мой! И никакие друзья-приятели ему не нужны! Проводишь, и адью!

— Без проблем! — буркнул он у меня над ухом, решительно отобрал поводья и, придвинувшись ближе, чуть тронул пяткой бок жеребца.

Тот послушно пошел, а потом и перешел на бег, унося нас все дальше по дороге в ночь.

ГЛАВА 3

Не знаю, сколько мы летели, предоставленные только мыслям, скрывающему нас мраку ночи и напоенному запахом трав летнему ветру. От мерного топота копыт и тепла сидевшего у меня за спиной парня незаметно навалилась сонливость. Может быть, я бы даже задремала, если бы до нас не донесся встревоженный лай разбуженных собак. Я встрепенулась, заметив на фоне ночного неба изломы крыш.

Деревня? Или село. О том, что перед нами не город, говорило отсутствие стены, рва или хоть какого-нибудь ограждения.

— Интересно, куда нас занесло? — невольно пробормотала я, вглядываясь в приближающееся скопище домов.

— Колодцы, — буркнул Ник.

— Где? — Я покрутила головой и озадаченно нахмурилась, пытаюсь найти хоть какое-то объяснение его высказыванию.

— Чего «где»? — поинтересовался он мне прямо в ухо, заставив толпу мурашек промаршировать по спине и осыпаться под копыта Борьки.

— Где «чего»? Какие колодцы? Ты о чем?

— Говорю, там впереди село. Называется Малые Колодцы. Можно поискать здесь ночлег.

— Ночлег? — Теперь удивляться пришлось мне. Во-первых, глубокая ночь, кто рискнет пустить в дом чужаков? Во-вторых, после того что мы устроили, нам бы лучше быть как можно дальше от границы. Я даже попыталась обернуться, чтобы убедиться, что на мордахе спутника нет ехидной улыбки. Не получилось. — Ты собрался здесь ночевать?

— А ты собралась загнать своего единственного говорящего коня? — Он снова фыркнул мне в ухо, и я опять покрылась мурашками. Не подумайте чего, просто щекотно!

— Э-э-э... я как-то об этом не подумала... — Я погладила Борькину шею.

Ник дернул поводья, заставляя жеребца перейти на шаг.

Борька повернул к нам голову и недовольно поинтересовался:

— Ну чего еще? У меня только третье дыхание открылось! Имейте в виду, если я сейчас остановлюсь, то ни за какие коврижки не попрыгаю дальше!

— Вообще-то мы хотели предложить тебе отдохнуть, — обрадовал скотинку Ник и указал вперед. — Когда проедешь село — увидишь несколько колодцев, сворачивай.

Борька внимательно вгляделся в темнеющие на фоне ночного неба крыши поселения и, не ответив, неспешно поцокал вперед.

Интересно, а сколько сейчас времени?

Я подняла голову вверх, разглядывая звезды: яркие, крупные и совершенно не собирающиеся тускнеть в угоду не торопящемуся к нам рассвету.

— До утра еще часов пять, не меньше! — снова угадал мои мысли попутчик и похлопал Борьку. — Сворачивай к тем стогам.

— Ты, кажется, хотел к колодцам? — уточнил тот, когда последние дома остались позади, и послушно свернул к возвышающимся стогам.

— Точно. Сразу за стогами и будут колодцы. Вода и ночлег — что еще нужно?

— И еда! — облизнулся жеребец, ускоряя шаг. Наконец он воткнулся мордой в первый же стог сена и довольно прочавкал: — Готовая еда! Высушенная и собранная!

— Кажется, твоего жеребца теперь не скоро сдвинешь с места. — Ник спрыгнул на землю и протянул ко мне руки, явно намереваясь снять, но я сделала вид, что не заметила этот жест доброй воли, перекинула ногу через седло и скатилась по рыжему боку жеребца, как по горке. В конце концов, зачем переводить отношения со случайным попутчиком на новый уровень?

Колодцы я увидела внезапно. Ряд одинаковых, укрепленных камнями возвышений открылся моему взгляду сразу же, едва я зашла за ближайший стог.

— А почему Малые Колодцы? — Я обернулась к Нику, шуршавшему сеном чуть позади. — Их целых пять!

— Их всего пять. А в Средних Колодцах — десять. — Он прошел к ближайшему каменистому возвышению, ухватился за невидимую в темноте веревку и сделал несколько сильных рывков. Когда на поверхности показалась деревянная кадушка, Ник развернулся к шуршавшему травой Борьке и позвал: — Борька, друг, иди пей!

Тот оторвался от сена, подошел к нему и надолго припал к воде. Я слушала, как он благодарно фыркает, сопит, и смотрела, как раздуваются его бока. Наконец конь напился и отступил.

— Спасибо! Вода — закачаешься! А ничего, что я вам туда слюней напускал?

— Воду выльем, а ведро сполоснем, да и все, — отмахнулся Ник. Сорвал пучок травы, повозил, будто мочалкой, по деревянным стенкам кадушки, выплеснул остатки воды и снова сбросил ведро в колодец.

Мм... не сказать что я брезгливая, но пить после лошади...

Не дожидаясь, когда Ник достанет новую порцию воды, я прошла к другому колодцу, нащупала привязанную к бортику веревку и потянула.

Э-э-э... Даже не ожидала, что ведро такое тяжелое!

— Василиса, вот вода, иди пей! — широким жестом предложил Ник, вытаскивая на бортик колодца до краев наполненное ведро, но я мотнула головой:

— Спасибо, но я себе уже почти достала.

Та-а-ак. Еще рывок! Главное, грыжу не заработать!

— Боишься превратиться в рыжего жеребца? — хохотнул парень, разгадав мои мысли.

— Превратиться — это еще полбеды. А вот если я так же говорить начну... — не стала отпираться я и, не переставая тянуть, покосилась на шуршавшего сеном Борьку. Он уже пасся у другого стога. Видимо, решил передегустировать их все.

— Тогда могу с уверенностью сказать, вам в пути не будет скучно! — усмехнулся Ник, рывком поставил ведро на землю и принялся пить, зачерпывая воду ладонями. Затем он развязал плащ, стянул с себя рубашку и, бросив одежду на стог сена, попросил: — Польешь?

Я с сожалением покосилась на поблескивающую уже рядом с поверхностью колодца отвоеванную мной деревянную бадейку, сделала еще одно усилие и, выплеснув часть ледяной воды себе на брюки, тоже плюхнула ведро на землю.

Хорошо, что брюки кожаные! Ладно. Потерплю. Что я, не из благородных, что ли, — просьбу спасшего меня странника не уважу?

Я подошла к Нику, стараясь не смотреть на его голый торс, и взялась за ведро, к счастью, уже наполовину пустое.

— Вода холодная! — на всякий случай предупредила я.

— Я заметил. Но это ничего. Не привыкать! — Он наклонился. — Лей.

Не зная, куда и как поливать, я недолго думая с размаху окатила его водой.

— Твою ж!.. — Ник задохнулся, резко выпрямился и, шагнув ко мне, едва сдержался, чтобы не выругаться. — Ты... ты чего делаешь?!

— Ты же сказал полить, вот я и поливаю! — Я попятилась, не сводя глаз с его крепкого торса, блестящего каплями воды в лунном свете.

— Полить, но не утопить! А ты мне даже штаны все вымочила!

— До утра высохнут! — наивно улыбнулась я, стараясь скрыть замешательство. Нет бы сказать, *как* полить — медленно, тонкой струйкой на спину или на голову... А то — «польешь»! Я огород с чудо-травкой у тети Мафы только так и поливала — с размаху! Ведро на грядку.

— Если не высохнут — с тебя сниму, — пригрозил он, спихнул ведро в колодец и примирительно поинтересовался: — Воды достать?

— Не. У меня... — Я хотела сказать «есть», но подозрительные звуки заставили меня замолчать и обернуться. Ну как всегда! Сбылись мои самые худшие опасения! Пока я поливала эту «мускулистую грядку», Борька решил запить сытный ужин и наткнулся на приготовленное мной ведро!

Я едва не застонала и нехотя кивнула ухмыляющемуся парню:

— Достать.

Спустя какое-то время мне все-таки удалось попробовать сладкую, чистую (без чьих-либо слюней) воду, а после дело наконец дошло и до ночлега. Если честно, передо мной встала дилемма. Одна лезть в стог я не хотела по простой причине — вдруг мой попутчик сбежит вместе с Борькой, пока я буду спать? С другой стороны, на Борьку где сядешь, там и слезешь. Упрямая скотина! Но опять же как спать в одном стоге вместе с незнакомым мужчиной? Папенька бы с ума сошел, если бы узнал, какая невероятно насыщенная ночь поджидала его доченьку после алтаря.

От таких мыслей у меня снова испортилось настроение.

Свадьба... Первая брачная ночь с незнакомцем и конем в стогу сена. Супер! Эх, Вась-Вась... докатилась!

— Долго будешь звездами любоваться? — Позади послышались шаги. — Не спится?

Я с сожалением обернулась к попутчику:

— Да... как-то не очень.

Ник постоял рядом со мной, затем облюбовал ближайший стог и принялся выкапывать в нем довольно широкую нору. Когда тоннель был готов, он уселся возле стога в траву и посмотрел на меня.

— Может, поделишься? Что тебя мучает?

Я усмехнулась. Мозгоправ нашелся.

— Ты не поверишь.

Он приглашающе похлопал рядом с собой:

— А ты попробуй. Поведай.

Не в силах больше таить в себе неуверенность, страх и какую-то невнятную тоску, я подошла, уселась рядом и, помолчав, принялась рассказывать. Ведь самый лучший слушатель — случайный попутчик. Он разделит с тобой твоё время и... уйдет!

И я рассказала ему все, что произошло со мной за эти два дня, а когда закончила рассказ, звезды начали тускнеть. Значит, скоро рассвет, и у нас совсем мало времени на отдых.

Ник помолчал.

— Значит, тебя угораздило выйти замуж за какого-то монстра, колдуна, которого все боятся, а в заключение ты от него сбежала!

Я вздохнула.

— Угу. Может, я от него и не сбежала бы, если бы он со мной поговорил, все объяснил. Но... знаешь, Ник... — Я взглянула на него, и блестящие, с сумасшедшей искоркой глаза парня оказались совсем близко. Я смутилась, но договорила: — Мне кажется, он женился на мне для каких-то только ему ведомых целей. Я предложила найти кольцо в обмен на мою свободу, но он даже слушать не стал!

— Угу... — Ник отвел взгляд и уставился на светлеющую полосу рассвета. Снова

помолчал и вдруг выдал: — Остается только одно. Шантаж!

— Это как? — опешила я.

— Это такая методика воздействия, чтобы добиться желаемого, — пояснил он и принялся растолковывать: — Я думаю, что тебе нужно найти это кольцо первой. Спрятать. А затем сообщить мужу свои требования в обмен на то, что его интересует.

— Хм... — Я уставилась на его симпатичную открытую мордашу. Красив, да еще и умен — адская смесь! — А ведь действительно! Фениксу зачем-то очень нужен этот артефакт, и значит, он согласится обменять мою свободу на кольцо!

— Вот видишь! Умная голова — хорошо, а две других четырех ногам покоя не дают. — Он улыбнулся. Поднялся и, стянув со стога уже подсохшую рубашку и плащ, оделся. — Ну что? Спать?

— Было бы неплохо. — Я отвела взгляд. — Только где?

— Закапывайся! — Ник таким широким жестом указал на нору в сене, словно это был пятизвездочный трактир со всеми удобствами!

Раздумывала я недолго и, представив себя гусеницей, заползла в сено. Почти сразу же где-то слева послышалось шуршание, и голос Ника совсем рядом произнес:

— Спокойной ночи.

Я уже начала засыпать, когда сквозь сон послышалось цоканье и в сене снова что-то зашуршало.

— Эй, народ! Спим? — Громкий шепот Борьки раздался справа от меня. Не дождавшись ответа, он шумно выдохнул и почмокал губами. — Спим. Ну и правильно!

Я промолчала, пытаясь справиться с разыгравшимся воображением. Мне вдруг представились торчавшие из сена копыта. Скорее всего, Борька, как и Ник, вырыл себе гнездышко рядом со мной.

Эта картинка оказалась настолько абсурдной, что я тихо похихикала и уже в отличном настроении незаметно для себя заснула.

Утро наступило внезапно...

— Глянь, Клавдия, шо творится!

— Шо, Макар?

— Черти в твоём стогу ночуют.

— Да не бреши!

— Собаки брешут! Гля — копыта!

— Дык а вдруг это конь?

— Где ты видела ночующего в стоге сена коня?

— Дык тогда, мож, попа привести?

— Не. Он вчерась так самогонкой причастился, сегодня раньше вечера не очнется. А разбудишь — чертей ловить начнет.

— Так вот и хорошо! Пущай этого копытного поймают!

Слушая незнакомые голоса — один громкий, визгливый, другой неторопливый, басовитый, — я медленно всплывала из омута сна. Снилось что-то непонятное, тревожащее, но едва я приоткрыла глаза, как все, что волновало ночью, забылось. Словно ветерок выдул из головы.

Я сосредоточилась на голосах.

— А может, все-таки самим посмотреть? Вдруг вправду лошадь приبلудная — поделим!

— Хм... — Видимо, последний довод все-таки решил спор в пользу женщины, и ее собеседник после короткой паузы лениво пробасил: — Ну ладно, давай посмотрим. Бери вилы, а я за ноги потяну.

— Взяла...

— Тогда поехали!

Но поехать так никто никуда и не смог. Рядом завозились, раздался стук, и дикий визг

заставил меня похолодеть.

— Дьявол! Дьявол!!!

Дружный удаляющийся топот подсказал мне, что любопытство сгубило не только кошку.

— Что за люди? — слышался недовольный Борькин голос. — Мало того что любопытные, так еще и психически неустойчивые! Стоило только пару раз их хорошенечко лягнуть, и спящего в стогу коня сразу записали в дьяволы.

— Выбирайтесь! — слышался неподалеку голос Ника, шорох сена, и вскоре в образовавшуюся дыру заглянула серьезная физиономия нашего попутчика. — Надо уходить. Крестьяне в пригороде всего боятся, и если поднимаются, то всем скопом. Нам сильно не повезет, если с красноногим дьяволом придет разбираться все село. Сожгут вместе с сеном.

Аргумент прозвучал весомо. В следующую секунду я была на ногах и вовсю помогала Нику вытягивать застрявшего в сене (не иначе, для сытного завтрака) жеребца. В результате наших стараний от стога почти ничего не осталось. Дождаться возмездия в лице трусливых селян мы не стали, и едва сели на Борьку, как тот стартовал с такой скоростью, что мы не заметили, как миновали неблизкий путь до Средних Колодцев.

— Может, поищем чего перекусить? — наконец после затяжного молчания буркнул у меня над ухом Ник.

— Отличная идея! — Я подняла вверх большой палец, не сводя взгляда с разноцветных крыш довольно большого поселения, приближавшегося к нам с каждым вздохом. — Но у меня нет ни копейки.

— Это не проблема. Средние Колодцы — деревня большая, попробуем заработать. — В его голосе мне слышалась улыбка. Он легонько тронул поводья, направляя Борьку к колодцам, окружавшим селение не хуже стены.

Тот послушно свернул на широкую, посыпанную красноватой галькой каменистую дорогу, ведущую прямо к домам.

На первой же улице наше внимание привлек женский плач и оживленная толпа, окружившая небольшой, крашенный желтой краской дом с корявой вишенкой у плетеной ограды и крошечным огородом.

— А вот и работа... — Ник подождал, когда мы приблизимся, дернул поводья, заставляя Борьку остановиться, и спешил.

Я скатилась по Борькиному боку и направилась за ним.

Меж тем Ник подошел к ближайшей группке мужчин, тронул стоявшего к нему спиной здоровяка и поинтересовался:

— Что случилось?

Мужчины тут же как один развернулись к нам, и такие у них были мрачные лица, что я поспешно ретировалась за спину Никиты и уже оттуда мельком их оглядела. Все широкоплечи, невысоки, одеты по-простому. У каждого на поясе широкий нож, а у кого и топор, и почти все светло-русые бородачи.

— Кто такие? — шагнул к нам один и, пытливо разглядывая, выразительно сжал рукоять висевшего на поясе ножа.

— Я — Никита Заречный, — Ник смело встретился с ним взглядом, — а это сестра моя — Васька. Мимо проезжали. Услышали крики.

— Услышали крики и лезете в самое пекло? Ехали бы подобру-поздорову... — все так же неприветливо пробурчал мужчина, но руку убрал.

Ник вежливо улыбнулся:

— Да мы бы и ехали, да закрома пустые, и во фляжке вода закончилась. А тут ваше село. Кто же не знает чистой, сладкой воды Колодцев?

— Да-а-а уж... — тоскливо протянул другой.

— Нет больше той воды! — вздохнул третий.

— А что за беда у вас приключилась? — Ник нахмурился.

Мужчины переглянулись.

— Никто не знает. Да только полсела будто вымерло за пару дней! Люди стали впадать в странный сон. Будто и не сон, а смерть. Да только как хоронить, живых-то?

Ник задумчиво поскреб щеку:

— Живых?

— Да. Говорю же. Хоронить уже собрались, да слышали едва заметный стук сердца. Никто не знает, что за напасть. Люди боятся. Воду не пьют, думают — отравили. А все равно болезнь не отступает.

— А здесь, — мой названный «братец» мотнул головой в сторону дома, — я так понимаю, тоже сегодня кто-то не проснулся?

— Да. У Марьяны. Сынок, — охотно встрял колченогий старик. Притиснувшись поближе, он уже несколько мгновений прислушивался к нашему разговору. — Десятый год от роду пошел.

— А посмотреть? Можно? — Ник сунул мне в руки поводья стоявшего рядом Борьки.

— Это тебе что, балаган? — вдруг вызверились мужчины.

Ник примирительно поднял ладони.

— Ни в коем случае не хотел вас обидеть, но... Я пять лет служил у шамаханских шаманов, а они известные на весь мир целители. Подумал, вдруг смогу помочь?

Мужчины в какой уж раз переглянулись. Боясь показать блеснувшую в глазах надежду, говоривший с нами развернулся и пошел к дому. Не знаю уж, что за шишка он в этой деревне, да только толпа в два счета расступилась, открывая нам дорогу к калитке.

— Борь, подождешь здесь? — шепнула я на ухо коняге.

Тот скосил на меня глаза и только заговорщицки прятнул ушами.

Шпион.

В засаде!

Накинув уздечку на колышек забора (на всякий случай), я тоже бросилась в дом. Конечно, похвастаться годами обучения у шаманов я не могла, но любопытство грозило укатать меня не хуже загадочной болезни.

Посыпанная гравием дорожка привела нас к крыльцу. Перемахнув две вышарканные ступеньки, я шмыгнула в приоткрытую дверь и замерла, ослепленная густым сумраком и оглушенная тишиной, царившей в доме. И даже как-то зябко!

Я поежилась. Проморгалась, привыкая к полумраку, покосилась на Ника, замершего посередине единственной комнаты, и с опаской огляделась. Какая-то траурная обстановка... Два окна в единственной комнате занавешены темными шторами. Покрытый половиками пол. В центре квадратный стол. Два стула. За столом сидит женщина. Вся в черном, словно нахохлившаяся галка. У стены две кровати, на одной из них, свернувшись калачиком, лежит ребенок. На мгновение мне показалось, будто он и вправду спит.

Ник отмер, подошел и, сев на краешек, взял мальчонку за руку. Позади меня хлопнула дверь. Я обернулась, разглядывая нашего проводника. В ответ он зыркнул на меня так, что я поспешно отвела глаза, прошагала вперед и остановилась у стола. Женщина даже не посмотрела на меня. Тяготясь молчанием, я едва слышно у нее поинтересовалась:

— А что-нибудь особенное произошло перед тем, как в селе началась эта болезнь?

Та, будто не услышав меня, продолжала сидеть, буравя невидящим взглядом изрезанный стол, зато заговорил мужчина:

— Позавчера к нам в село забрел путник. Высокий, худой. Одетый в черный не то плащ, не то балахон с капюшоном. Попросился на ночлег. Да только хозяева дома, когда его лицо увидели, даже на порог не пустили.

— И у них первых не проснулся ребенок? — Ник поднялся и, не отводя взгляда от говорившего, подошел ко мне.

— Ну почему же ребенок? Хозяин, что не дал ночлега путнику. А потом, как цепная реакция, эта напасть распространилась на все село! — Мужчина скупно вздохнул.

— Что ж... — Ник коротко взглянул на меня и снова посмотрел на него. — Не знаю, кто так решил отомстить вам за негостеприимство, но месть поистине жестокая... Такой

эффект дают цветки серебряной лилии, и через несколько недель вы все были бы обречены на медленную смерть, а ваши дома на разграбление. Почистите колодцы и бросьте туда по змееголовнику.

В его руке появился красновато-серый камешек. Совсем такой же, какими была усыпана подъездная дорога.

Мужчина недоверчиво нахмурился и даже шагнул ближе, не отводя от камня взгляд.

— И ты, путник, уверен, что это поможет?

— Уверен. А чтобы кто-нибудь снова не причинил вам зла, советую сделать на колодцы крышки и закрывать их на ночь. — Ник сунул ему в руку камень.

— Но ведь и днем можно подсыпать какой-нибудь гадости, — оживилась сидевшая за столом женщина, услышав, что ее сын может поправиться.

— Можно. Но серебристая лилия боится лучей солнца, поэтому ее называют Дитя ночи, или Серебряная смерть. Поэтому днем ее уж точно не подбросят, а даже если подбросят, этот цветок не причинит вреда. Солнечные лучи убивают яд. — Ник развернулся и направился к двери.

Я вышла следом. У самой калитки нас догнал все тот же мужчина, вот только теперь его светлые глаза светились радостью.

— Я уже приказал заняться чисткой колодцев! — выпалил он и поделился планами: — На первое время можно будет поставить караул, чтобы следить за ними и днем и ночью.

— Очень здравая мысль, — улыбнулся Ник. — Иначе в мире не хватит принцесс, чтобы разбудить хотя бы половину ваших спящих красавцев. Что ж, были рады помочь, а теперь нам пора. — Ник подтолкнул меня к калитке, вышел следом и направился к послушно дожидаящемуся Борьке, но нам преградили путь несколько мужчин.

— Уже уезжаете?

— Может, останетесь?

— Отдохнете.

Ник по очереди смерил их внимательным взглядом и вдруг усмехнулся:

— Опасаетесь, что мое лечение не сработает?

Мужчины смущенно переглянулись и покаянно потупились.

— Не то чтобы...

— А может, вы все же заставите хоть одного из них проснуться?

— Ясно. — Ник потрепал по холке Борьку, тут же разомлевшего от такой ласки и, взяв его под уздцы, кивнул: — Ведите.

Мужчины снова переглянулись.

— Куда?

— В дом, где мы с сестрой смогли бы отдохнуть, — пояснил Ник. — Кстати. Пусть это будет дом того, кто не проснулся первым.

Огромный дом негостеприимного хозяина находился почти в центре села. И жил в нем с семейством не кто иной, как деревенский глава.

— Интересно, зачем колдуну понадобилось искать ночлег так далеко от дороги? — словно невзначай любопытствовала я, поглядывая на двухэтажный каменный дом, обнесенный высокой оградой, за которой, порывая для проформы, бегали волкодавы.

— Тем более в этом доме. — Ник понимающе смерил взглядом возвышающееся перед нами здание. Не здание — дворец!

— Вы думаете, что это был кто-то, специально навестивший нашего уважаемого главу? — Один из провожатых прислушивался к нашему разговору и не скрывал этого.

— Вполне возможно. Вот только если счета личные — зачем травить других... — Ник замолчал, внимательно поглядывая на лязгнувшие засовы.

Створка ворот чуть приоткрылась, и оттуда высунулся любопытный веснушчатый нос слуги.

— Господа желают видеть хозяйку? — проблеял ломающийся подростковый тенор. —

Кликнуть?

— Не утруждайся, — осадил парня Ник, подошел и, открыв пошире створку, шагнул мимо склонившегося в поклоне слуги, не забыв опять сунуть мне в руки уздечку.

Нет, ну какова наглость! Как кататься, так вдвоем, а как тайны распутывать...

Я оглянулась на провожатых, но те, не замечая моего растерянного взгляда, ровным строем протопали мимо меня вслед за Ником.

Заметив, что даже слуга пытается сделать от меня ноги, я цапнула его за рукав, всучила уздечку и юркнула во двор.

Борька насмешливо заржал.

Двор был довольно большим. От ворот уходила к дому широкая дорожка, украшенная разбитыми по бокам клумбами, а чуть дальше ее окружали яблоневые деревья, за которыми виднелись крыши приусадебных построек. Ника я заметила сразу. Он стоял возле массивного каменного крыльца хозяйского дома, увитого диким виноградом, и внимательно слушал всхлипывающую черноволосую девушку примерно моих лет. Рядом почтительно застыли провожатые.

Я быстрым шагом направилась к ним по выложенной красными камушками дорожке. Заметив еще одну свидетельницу ее горя, девушка перестала жалобно бормотать, размазывая по щекам слезы, и недовольно уставилась на меня. Обогнув селян, я остановилась рядом с Ником и мило улыбнулась не спускавшей с меня мрачного взгляда девице.

— Мое почтение! Примите мои...

Но девица, не дослушав меня, вдруг бросилась Нику на шею:

— Пожалуйста! Помогите! Оживите моего папеньку!

Гм... какие припадочные нынче пошли селянки...

Ник терпеливо выдержал объятия и даже утешающе похлопал страдальцу по спине, затем, отступив, серьезно поинтересовался, буравя ее ехидным взглядом:

— А что... он уже начал смердеть?

— Что? — Девушка явно не поняла юмора и истово перекрестилась. — Нет! Нет, конечно! Он жив, но спит!

— Значит, нужно только разбудить? — В голосе моего попутчика послышалось нескрываемое разочарование. — Жаль. За воскрешение целители берут плату побольше. Вот только последствия непредсказуемые.

— Какие последствия? — Девица захлопала ресницами так быстро, словно собиралась взлететь.

— Разные... — По губам Ника скользнула улыбка и тут же пропала. Отодвинув девицу, он, не разуваясь, шагнул в дом.

Я помедлила секунду и направилась следом.

Нам открылся длинный коридор и шесть дверей в ряд. На каменных стенах по обе его стороны крепились массивные подсвечники, на которых, сияя робкими огоньками, доживали свои последние часы молочно-белые свечи. Потечи воска залили бронзовых ангелов, державших оплавленные свечи на своих плечах, и никто не торопился снять воск, никто не желал заменить умирающие огоньки новыми свечами. Огромный дом словно вымер. Но даже этот скудный мерцающий свет не помешал мне разглядеть массивные, украшенные металлическими вставками двери. Пять оказались закрыты, и лишь одна, в самом конце коридора, была открыта. Оттуда доносилось не то рыдание, не то бормотание.

Ник бросил на меня быстрый взгляд, и мы не сговариваясь решительно направились на звуки.

Картина, открывшаяся нам, тоже не внушала надежды. В центре полутемной комнаты, освещенной огоньком единственной свечи, на высокой кровати лежал богато одетый мужчина, а возле него, закрыв лицо руками, всхлипывала худенькая женщина.

— И вправду можно принять за покойника, — ни к кому не обращаясь, буркнул Ник и прошел к постели.

Женщина испуганно вздрогнула, развернулась к нему и замерла, не отводя

настороженного взгляда. Между тем Ник коснулся руки мужчины, приподнял ему веки и наконец, довольно хмыкнув, обратился к женщине:

— Хозяюшка, принеси-ка в кувшине воды да стакан не забудь захватить.

Не спросив, ни кто мы такие, ни зачем нам все это надо, женщина бесшумно поднялась с низенького табурета и выбежала из комнаты, а спустя мгновение снова вернулась, держа в руках все, о чем просил ее Ник. Поставила на табурет, а сама встала у кровати, глядя на гостя воспаленными глазами.

— Тебе помочь? — спросила я из вежливости, поглядывая на бездыханного хозяина.

— Лучше не мешай! — буркнул тот, наполняя стакан водой.

Я пожала плечами и принялась наблюдать, как Ник кинул в кувшин один за другим несколько красноватых камушков, подождал, наполнил стакан кроваво-красной жидкостью и протянул женщине:

— Держи. Я подниму ему голову, а ты попробуй напоить этой водой.

Наступил волнительный момент. Я даже невольно прикусила губу, наблюдая, как женщина робко пытается влить воду сквозь крепко стиснутые зубы псевдопокойника. Если поможет — хорошо! А если не поможет? Нет, не то чтобы я не верила моему попугайчику, но все же...

Наконец Нику надоел перевод целительной влаги. Он сел рядом и, все также поддерживая голову мужчины, помог разжать тому зубы. Несколько глотков, и дело пошло быстрее. Дыхание хозяина участилось, дрогнули веки.

— Маха? — послышался наконец его тихий, охрипший голос.

— Я здесь! — Теперь в воспаленных бессонницей глазах женщины плескалась радость пополам с безумием. — Я здесь!

Деревенский глава открыл глаза и вдруг сладко зевнул.

— Сколько времени? Я же проспал совет старейшин! Почему ты меня не разбудила?

— Если бы мы случайно не оказались поблизости, вы бы проспали не только совет. — Ник поднялся с постели, подхватил лежавшую рядом вторую подушку и подсунул ее под спину мужчины.

Глава поспешно обернулся к Нику и удивленно вытаращил глаза:

— Кто ты? И что ты делаешь в моем доме? В моей спальне?

— Фома, это целитель! — ответила вместо Ника женщина. — Ты спишь вот уже почти три дня! Помнишь? Тебя заколдовал тот ужасный странник, что просился к нам на ночлег!

С лица мужчины схлынули все краски.

— Да... — Он уставился на пламя свечи. — Он... я до сих пор помню его глаза... Серебристые, без зрачка, словно залитые свинцом... А потом вышла моя жена и... Ничего потом не помню!

Я вдруг почувствовала, что задыхаюсь, и искала взглядом, куда бы сесть. К сожалению, одна-единственная табуретка оказалась занята нехитрым лекарством, а садиться на кровать к незнакомцу не позволял вбитый годами дворцовый этикет.

Ладно, пол тоже сойдет...

Я сползла по стенке, пытаясь отогнать душный жар свечи. Неужели это был Феникс?

К счастью, никто не обратил на меня внимания. Ник продолжал расспросы, а хозяин так же вяло ему отвечал.

— Что он говорил?

— Попросился переночевать.

— Сказал, куда идет?

— Нет. Только спросил, далеко ли до Еремеева королевства.

— А почему вы отказали ему в ночлеге?

— Потому что он откинул капюшон и посмотрел мне в глаза.

— Вы испугались?

— А ты бы сам не испугался, когда бы увидел вспыхнувшего как спичка человека? — Хозяин подержался за грудь и решительно свесил ноги с кровати. — Я очень благодарен тебе

за мое спасение, но отвечать на эти вопросы не хочу. Говори, что тебе нужно! Я с удовольствием тебя награжу, а взамен ты расскажешь, как заставил меня очнуться!

— Старейшины уже знают мой рецепт. — Ник с неизменной улыбкой на губах поднялся. — Просто я должен был показать на деле, как мое лекарство работает, и они выбрали для эксперимента своего главу.

— Похвально. — Мужчина тоже улыбнулся, но было видно, что эта улыбка ему далась очень тяжело. — Так что тебе нужно, целитель?

Ник пожал плечами:

— А что нужно путникам? Деньги, еда да вода.

— И ночлег?

— К сожалению, мы торопимся. — Ник продолжал выжидаяще на него смотреть.

Деревенский глава кивнул и сделал знак жене:

— Дай ему то, что он просит.

Женщина благодарно посмотрела на Ника и бросилась исполнять приказание. Муж проводил ее взглядом и снова уставился на Никиту.

— Еду и деньги ты получишь, когда решишь покинуть Колодцы.

— Значит, сейчас. — Ник довольно кивнул и обернулся ко мне: — Василиса, сестренка, мы можем... — Он замолчал. Я видела, как испуганно расширились его глаза, когда он увидел меня сидящей у стены. — Василиса?

Как он так быстро оказался рядом?

— Все хорошо. — Не отводя от него взгляда, я попыталась улыбнуться.

Какой же тут горячий воздух! Словно огонь проникает в легкие, делая их пеплом...

Его глаза вдруг приблизились и завертелись, утаскивая меня в опасный водоворот. Последнее, что я запомнила, были руки Ника, легко поднявшие меня. Прижав к себе, он бросился вон из комнаты. Видимо, на улицу, но солнечного света я так и не увидела, все глубже и глубже погружаясь в спасительную темноту.

ГЛАВА 4

— Слушай, а может, ей на голову полить?

— Решил ее утопить?

— Ну почему сразу утопить? Шок очень хорошо приводит в себя!

— Шок — это ты! Конина говорящая — первый раз такое вижу. Ты что, хочешь узнать о себе много нового, когда эта барышня очнется после твоего «шока»?

— Ты хотел сказать — если очнется?

— Типун тебе на язык больше твоей головы!

— А чего ты так перепугался? Аль понравилась?

— Давай так — ты не задаешь лишних вопросов, а я не говорю, куда тебе идти!

Я глубоко и судорожно вдохнула и распахнула глаза. Жива! И прохладный, напоенный запахом трав ветерок уже не напоминает тот жар, что пытался спалить меня изнутри. А может, всему виной моя разыгравшаяся фантазия? Я наткнулась на след Феникса и... испугалась!

Кстати, а где мы? И почему так пахнет сеном?

Изучив над головой медовые бревна с каплями застывшей смолы, я рывком села и огляделась. Да мы же на сеновале! Отдыхаем на небольшом стоге пожелтевшего сена, оставшемся, наверное, еще с зимы.

В шаге от меня, заложив руки под голову, лежал Ник. Сосредоточенно покусывая длинную травинку, он терпеливо поглядывал на меня серыми глазюками и молчал, не спеша начинать разговор. Его ленивый спор с Борькой прекратился, едва я подала первые признаки жизни.

Так... а где же наш говорливый?

Я даже привстала на колени и заглянула вниз. Пропажа нашлась тут же. Коняга

устроился на животе, на усыпанном сеном бревенчатом полу, рядом со стогом, служившим нам с Ником довольно неплохой кроватью. Причем устроился вольготно: передние ноги он сложил в задумчивом жесте одну на другую, а задние раскидал в свободном полете. Заметив мой изучающий взгляд, Борька попытался подмигнуть, но его длинные рыжие ресницы только синхронно хлопнули, придав его наглой морде легкий налет игривости. Сообразив, что фокус не удался, зверюга решил воспользоваться не так давно приобретенным даром.

— Как спалось, хозяйка? Во сне не икалось?

Я решила проигнорировать его приветствие, отползла от края и взглянула на Никиту.

— Где мы?

— Все там же. — Он перекатился на бок и подпер кулаком щеку, продолжая разглядывать меня. — Пока милая жена главы согласилась приютить нас и несколько часов меняла тебе на лбу повязки, я вместе с ее мужем и группой поддержки разбудил всех лежебок. Помог соорудить крышки на колодцы и научил, как отличить змееголовник от крашенных камушков. Лучше расскажи, что с тобой произошло? Ты горела в лихорадке, пока я не дал тебе целебного питья, а во сне просила Феникса простить тебя за побег и не трогать папу... — Ник выплюнул травинку и рывком сел. — Мне в принципе нет никакого дела до твоей жизни и твоих кошмаров, но хочу посоветовать — не надо бояться. Страх обессиливает! Тем более что ты боишься того, чего нет! Того, что тебе подсовывает твое воображение.

— Ты ничего не знаешь! Тоже мне мозгоправ нашелся! — Я посмотрела ему в глаза. Интересно, какого они цвета? При свете солнца кажутся зелеными, а в полумраке сарая — серыми. И тут же разозлилась на себя — да какая разница? Наглые они у него! — Думаешь, я просто испугалась его обожженного лица? Нет! Когда смотришь на него, кажется, что пламя, изуродовавшее его, все еще горит под кожей... и глаза... Они выжжены! Белые, без зрачков! Но он все равно как-то видит! И когда смотрит, такое впечатление, будто ты сам вот-вот загорись! И я не представляю, что он сделает со мной за мой побег!

— А почему ты согласилась выйти за него? — Парень потянулся и нехотя спрыгнул вниз.

— Потому что я *не* могла за него не выйти! — Я тоже съехала вслед за ним и направилась к Борьке. Умный зверюга. Молча поглядывает на нас. Понимает, что, если я в таком состоянии, ко мне лучше не лезть! А вот этот... вьюнош!.. не понимает! — Мне Мафа сказала, что иначе он бы убил отца! Понимаешь?

— Не понимаю! — Ник резко развернулся и сложил руки на груди, буравя меня дотошным взглядом. — Нельзя же так легко верить всему, что тебе говорят! А его самого ты расспросить обо всем не догадалась? Теперь бы голову не ломала.

— Пыталась! Почему не пыталась? — Я подбоченилась. — Но он со мной и говорить не стал! И вообще! Ты на чьей стороне?

— На своей! — Ник вздохнул и подошел к Борьке, присел рядом с ним и, взяв пучок сена, принялся тереть им шкуру тут же разомлевшего жеребца. Нет, так он мне скоро коня избалует! Впрочем, хорошо, что он за ним ухаживает. Раньше это входило в обязанности конюха Парамона.

— Объясни! — Я решила не отставать.

— А чего объяснять-то? — Ник повел широкими плечами и, не прекращая своего занятия, лениво принялся пояснять: — Я спас от бандитов девушку знатного происхождения, которая сбежала от влиятельного мужа. И это еще полбеды. Она не знает, куда и зачем идет, у нее нет сопровождения, кроме болтливого средства передвижения, и я взялся довести ее до определенного места. Так?

Я растерянно кивнула.

— Так.

Интересно, к чему он клонит?

— А что потом? — Он отбросил истершуюся траву и посмотрел на меня. Теперь его глаза вообще показались мне темного болотного цвета.

— Найду кольцо и вернусь к отцу. — Я передернула плечами.

— Это в идеале! Но даже если найдешь, как ты вернешься? Ты даже не знаешь обратной дороги!

— К слову сказать, я дорогу тоже не очень-то запомнил, ни когда в переход сигал, ни когда мы по речке плыли, — мурлыкнул Борька и томно попросил: — А можно еще такой же массаж на левой нижней части спины?

— Вот! — Ник снова взял клочок сена. — А мне нужно возвращаться домой. Нет, я, конечно, не брошу такую красивую девушку в беде, но...

— Но? — Не зная, чем унять внезапное волнение, я тоже ухватила сено и принялась отчаянно тереть другой Борькин бок. Плохо, что подпруги мешают.

— Хотелось бы помимо эстетического наслаждения этой миссией получить еще и материальное.

Я даже опешила:

— Ты говоришь о награде? Я должна буду тебе заплатить? За что?

— За то, что я стану твоим проводником. — Ник широко улыбнулся, и зазорные ямочки снова украсили его и без того симпатичное лицо. — Я хорошо знаю все царства-государства, немного владею целительством и мечом. Я стану твоим телохранителем и, когда ты найдешь то, что ищешь, с удовольствием провожу тебя до дому.

А чего я ждала? Что молодой и красивый путник останется со мной из-за моих прекрасных глаз? Может, его в Заречном королевстве какая-нибудь Дуня ждет не дожидается? Но... предложение не лишено смысла. С попутчиком-мужчиной легко и не так страшно, как показал опыт с бандитами...

— Но у меня нет с собой денег! — Я развела руками. — Сейчас я нищая, как церковная мышь!

— Вот! Поэтому есть два варианта. — Не переставая улыбаться, Ник принялся загибать пальцы. — Первый — я привожу тебя к твоему мужу, и за то, что возвращаю ему жену в целости и сохранности, он дает мне золотые. Второй — я привожу тебя к отцу. Концовка та же.

— Хорошо. — Я поспешно кивнула. Уже легче! — Я согласна. В любом случае, когда все закончится, ты получишь награду. Надеюсь, не будем торговаться?

— Не будем! — Ник враз стал серьезным. Теперь его глаза снова были светлого серого цвета. — Верю, что ты оценишь мою службу по достоинству.

Он приподнял край седла, чтобы пройти под ним самодельной щеткой, но оттуда вдруг что-то выскользнуло и упало в сено. Подцепив за веревочку печально знакомый темный мешочек, Ник покачал его у меня перед глазами.

— А может, и аванс найдется? — Но, заметив мой хмурый взгляд, тут же сдался: — Шучу-шучу.

Выватив у него из рук находку, я развязала мешочек и замерла, не в силах поверить в неведомую магию, что позволила мне снова обрести тетушкино зеркало и мамин подарок — брошь с зелеными камнями. А ведь никакой магии не было! Я сама перепрятала мешочек, перед тем как спешиться у конюшни. На внутренней стороне седла Парамон давным-давно сделал небольшой тайник.

На всякий случай...

Вот и пригодилось...

Интересно, как я могла забыть, куда подевала эти драгоценности?

— Что это? — Ник поднялся, пытаясь заглянуть в мешочек, но я торопливо стянула веревку и спрятала находку за корсет.

— Ничего. Вещи личной гигиены! — И поспешно сменила тему. — К слову сказать, мы ночевать тут будем или все-таки продолжим путь?

— Как хочешь. — Он снова напустил на себя вежливое безразличие. — Если прямо сейчас выйдем, можем попытаться добраться до города прежде, чем закроют ворота.

— А если доберемся после закрытия? — Я прищурилась. Надо же узнать все детали

этой авантюры.

— Придется ночевать у городской стены. — Снова милая, но уже начинающая раздражать меня улыбочка.

— Тогда поехали. — В следующую секунду я была на ногах и легонько ткнула Борьку носком сапога в «левую нижнюю часть спины». — Вставай! Чай, не в отпуске!

— Печально! — философски вздохнул жеребец, но с радостью вскочил. Видимо, тоже не прочь ноги поразмять.

— Что за спешка? — Ник стянул со стога дорожный плащ, заменявший ему и одеяло и простыню, отряхнул и накинул на плечи. — Готова даже крышей над головой рискнуть, только бы побыстрее со мной рассчитаться?

— Сплю и вижу! — фыркнула я. — Не люблю, знаешь ли, быть должной!

— Угу... похвально! — Он взял Борьку под уздцы и повел к приоткрытым дверям, размышляя вслух: — Интересно, а кто за тебя больше денег даст — твой отец или супруг? А папаша-то удивится... Или скажешь, что повидаться приехала? А потом... бац!

— Давай без «бац»? Указывай путь, за тем тебя и наняли! — Не скрывая раздражение, я первой бросилась вон из сарая и чуть не сбила с ног древнюю бабку. Придерживая за руку, ее, как на грех, вела та самая молоденькая девушка, что встретила нас на пороге дома. — Ой, извините, я вас не видела!

— Ты такая же слепая, как и я? — ехидно прошамкала бабка, разглядывая бельмами глаз что-то над моим плечом.

Я замялась, не зная, что ответить, но тут двери сеновала распахнулись и из них, гарцуя, вырвался Борька, неся на спине моего только что нанятого телохранителя. Я отскочила подальше, а девушка, продолжая держать за руку старуху, осталась стоять, во все глаза глядя на замершего в полуметре от них жеребца. Быстро оправившись от испуга, она протянула Нику какой-то узелок и даже попыталась улыбнуться.

— Спасибо от всего нашего села.

— Всегда пожалуйста! — заулыбался в ответ Ник.

— Обращайтесь. И недорого! — не удержался Борька.

Вдруг старуха перестала разглядывать раскрашенные облаками бездонные небеса, уставилась бельмами глаз на Никиту так, словно могла видеть, и зашипела как рассерженная кошка:

— Нашелся!!!

Вместо того чтобы проигнорировать полоумную старуху, Ник выхватил из рук девицы узелок и поспешно свесился ко мне.

— Хватайся.

Не раздумывая, я поймала его руку в замок. Он легко втащил меня в седло и, придерживая одной рукой за талию, пришпорил Борьку так, что конь одним прыжком перемахнул через этих двоих, перелетел через низкую перекладину забора и понесся вниз по улице, а вслед нам летел истошный вопль старухи:

— От меня не уйдё-о-ошь!!!

— Ну и что это значит? — поинтересовалась я, не обращая ни к кому конкретно.

Борька, стремясь загладить вину, скакал так долго, как только мог, пока не выдохся. Буркнув: «Баста, карапузики!» — он сошел с тракта в густую траву и, перейдя на шаг, принялся срывать сочные былинки.

Ник продолжал сидеть позади меня, вежливо, но надежно придерживая одной рукой за талию и усиленно делая вид, что не услышал моего вопроса.

— Ну и что это значит? — повторила я и развернулась к Нику, пытаюсь увидеть его глаза.

— Где? — вместо него прочавкал конь.

— С тобой вообще разговор отдельный! — бросила я и снова посмотрела на сидевшего у меня за спиной телохранителя. — Что произошло? Почему у слепой бабки были такие...

такие страшные глаза? И что еще за угрозы?

— Просто сумасшедшая старуха, — равнодушно хмыкнул Ник и тронул поводья, обращаясь к Борьке: — Долго сачковать будешь, друг ситный? Через час уже солнышко зайдет, а нам еще ехать и ехать!

— Да ладно тебе! Уже и отдохнуть не даст. От вас, кроме пинков и подзатыльников, ничего не дождешься! Изверги и рабовладельцы! — Борька стегнул хвостом, норовя нас достать, и послушно направился к дороге.

— Подумаешь, хлестнули его поводьями пару раз для быстроты реакции! — Парень тоже не собирался сдаваться. — Думать же надо, когда своими талантами пользоваться. Бабулька вон окончательно сбрендилла, когда твой чувственный тенор услышала!

Борька повернул к нам голову, смерил долгим взглядом и, не отвечая, сорвался с места в карьер. Я едва успела вцепиться в поводья, которые одной рукой держал Никита, и замерла, глядя, с какой скоростью нам навстречу летит пыльная дорога.

Н-да... нервная коняга... Что ж, зато у меня есть время подумать.

Во-первых: Феникс. Если в Средних Колодцах был он, то зачем отравил мирных жителей? И только ли потому, что его не пустил на ночлег не кто-нибудь, а местный глава? Ха! Да это все равно что если какой-то бродяга придет и будет требовать комнату во дворце папеньки! Ведь не знал же глава, что к нему в гости пожаловал колдун! Или знал?

Во-вторых! Если честно, меня очень — разочаровал, что ли? — мой попутчик. Оказывается, он бросился мне помогать, только чтобы получить деньги! Обычный наемник! А что я хотела? Что мне все будут помогать даром? За красивые глазки? Ладно... Если все получится, заплачу ему столько, сколько он попросит, и адью! Главное, колечко найти и вытребовать у мужа развод!

Ну и в-третьих... Мне никак не давала покоя увиденная у сеновала картина. Слепая бабка смотрела не на говорящую лошадь, а именно на Ника глазами, похожими на глаза Феникса, и говорила странные слова!

«От меня не уйдешь». Что это значит? Может, просто сумасшедшая бабка? И смотрела она не на Ника, а ориентировалась на звук голоса?

Брр! Какая ерунда!

Решив не думать об этом, дабы избежать вывиха мозга, я только сейчас заметила, что одной рукой держусь за поводья, а второй вцепилась в запястье парня. Незаметно палец за пальцем я разжала руку и переместила ее на лук седла.

Так-то лучше! А то еще подумает... И вообще, чего тут думать-то? У нас чисто деловые отношения! Я — хозяин, он — проводник и по совместительству телохранитель!

Внезапно разозлившись сама на себя, я решительно уставилась вперед, где вдалеке, на фоне расцвеченных багрянцем небес темнели высокие башни города, обнесенные высокой стеной. Время от времени кое-где над городом вспыхивали странные огни и сполохи, которые тут же гасли.

Неужели наша цель близка?

В предвкушении близкого окончания моих злоключений у меня от волнения заколотилось сердце. Теперь остается только молить бога, чтобы Цитрамон никуда не свинтил! Иначе где его искать?

С каждым шагом город-крепость приближалась, а я, чтобы хоть как-то себя успокоить, принялась считать первые звездочки, которые, как бусинки, одна за другой появлялись на еще алевшем красками заката небе.

Наконец громадина города выросла так, что мне стали слышны крики и голоса, раздававшиеся по ту сторону крепостной стены.

— Ворота! — крикнул Ник, привлекая наше внимание к все еще распахнутой створке массивных, сбитых из толстых мореных бревен городских ворот. Возле нее сустились две фигурки. Вторая створка уже была закрыта.

— Немного осталось! Успеем! — выпалил Борька и, прижав уши, прибавил ходу.

Стражники возились недолго, и я в ужасе увидела, как распахнутая створка вдруг

качнулась и плавно поехала, отрезая нас от столь близкого счастья.

— Они сейчас закроют ворота! Борька, сделай что-нибудь!

И Борька сделал.

— И-и-и-о-охо! Эй! Народ! Тпру! К кому обращаюсь?! Что, вконец ослепли? Видите? Я тут скачу! Ну и двое нахлебников на спине... Эй ты! Рыжий! Только попробуй закрыть! Только попробуй! Найду и покусая! Я такой! Дюже нервственный!

От переливчатого вопля нашего коняги стражники замерли. В немом изумлении уставились на несущихся к ним во весь опор припозднившихся гостей, переглянулись и шустро принялись тянуть-толкать створку. Наконец им это удалось, и ворота с грохотом захлопнулись перед самым нашим носом!

— Ну ты молодец! — шумно выдохнул Ник и спрыгнул. Пройдя к створке, он запрокинул голову, изучил высоченные ворота и вежливо постучался. — Господа стражи, мы немного опоздали и, чтобы попасть в город, готовы заплатить вам две цены за каждого, и даже за нашу волшебную говорящую лошадь!

Тут же распахнулось крошечное окошко, и в нем засветился любопытством глаз.

— Волшебная, говорите?

— Ага. На выставку привезли! Если понравится, царю Берендею подарим.

— Чудненько, — хмыкнул голос и пожурил: — Да только больно она у вас агрессивная!

— Это только с виду. А так белая и пушистая! — заверил Ник.

— Белая, но рыжая? Это как? — озадачились стражи, даже палец о палец не ударив, чтобы открыть ворота.

— По настроению меняет цвет, — со зловещей улыбкой процедил мой спутник. Видимо, даже его ангельскому терпению пришел конец.

— А в темноте не светится?

— Мы над этим работаем! — Улыбка Ника стала еще шире, но взгляд не сулил ничего хорошего.

Стражи зашушукались и наконец приняли решение:

— Вы пока подождите. После закрытия ворот только начальник стражи может дать разрешение открыть их до рассвета.

— Ага! А сейчас его в городе нет, и раньше полуночи он не вернется.

Ник ругнулся сквозь зубы и, ни на кого не глядя, прошел мимо нас с Борькой к лежавшему неподалеку от ворот поваленному дереву. Яркое солнце уже высушило и осветило его добела, а опоздавшие путники, коих явно было немало, отполировали сухой ствол своими... гм, своим бесконечным терпением.

Мы с жеребцом переглянулись и направились к нему. Я уселась рядом, а Борька решил не терять времени даром и принялся пощипывать травку.

Наконец молчание мне надоело.

— Да ладно тебе, Ник! Откроют же! Не в полночь, так утром.

— Может быть! — буркнул мой телохранитель, мрачно поглядывая на растворяющийся в сумерках закат.

— Лето! Не замерзнем! — продолжила я его успокаивать. — Только... есть хочется.

Ник молча поднялся, подошел к Борьке, снял с седла узелок с чем-то весомым и снова вернулся. Усевшись на прежнее место, он развязал и протянул его мне. Я повеселела, обнаружив в тряпице нарезанные ломтиками хлеб и мясо.

— С такими запасами мы точно до утра перезимуем!

— А комары? — тоскливо вздохнул Борька. Подобравшись к нам поближе, он для убедительности стегнул себя хвостом.

— Да ерунда! — отмахнулась я и соорудила двойной бутерброд. — Даже я знаю, что от них можно избавиться, капнув на кожу лишь пару капель сока полыни.

— Надеюсь, ждать придется недолго. — Ник тоже соорудил себе бутерброд. — Думаю, на байку о двойной оплате клюнет даже начальник стражи. Не хочется только ждать его до

полуночи!

Погрузившись каждый в свои мысли, мы с Ником незаметно съели наш нехитрый ужин. В металлической фляжке, тоже лежавшей в узелке, мы нашли ягодное вино. Жить стало легче.

— Теперь бы где-нибудь полежать... — Я вздохнула и сонно потерла глаза. Хоть и провалялась в обмороке, как сказал Ник, почти целый день, а спать хотелось невероятно! А может, тому причиной — ягодное вино?

— Где тут полежишь? — огляделся Ник и покосился на Борьку, неутомимо пощипывающего травку. — После этой газонокосилки здесь ничего не будет расти еще лет десять!

— На меня намекаешь? — тут же засопел Борька, бросив на него подозрительный взгляд.

— Отчего же намекаю? Прямым текстом говорю! — Ник поднялся, огляделся и лениво направился к невысокой, но густой траве, росшей сразу за дорогой, аккуратно напротив ворот. — Впрочем, пожалуй, я поспешил с обвинениями, ты еще не все уничтожил.

Стянув плащ, Никита расстелил его и с довольным стоном улегся на спину. Заложив руки под голову, он уставился в нависавшую над нами бездну фиолетового неба.

— Но это не дает тебе права не просить у меня прощения! — Борька решил не отступать. Промаршировав к нему, он улегся рядом в густую траву и мстительно заявил: — И я не произнесу ни слова и буду твоей молчаливой совестью, пока ты не извинишься!

— Неужели меня ждет несколько секунд тишины? — Ник уже не скрывал улыбки. — Раз, два...

— Секунд? Ты сказал — секунд?! Ну знай, что ты меня обидел! И о-о-очень сильно! Все! Ни слова больше! — Борька поерзал, катаясь с боку на бок, пока не улегся на спине, непередаваемым образом разбросав ноги в разные стороны.

Я покачала головой. Похоже, эти двое нашли друг друга. Подошла ближе и уселась на свободном клочке плаща моего телохранителя.

— Ты хотела полежать? — Ник, как галантный кавалер, тут же подвинулся, уступая мне почти весь плащ. — Для щедрого клиента ничего не жалко!

Сердце почему-то обожгла обида. Столько внимания, и лишь затем, чтобы в будущем получить гонорар побольше?

— Спасибо, но мне и тут неплохо. Земля теплая. Трава мягкая... — Я демонстративно пересела в траву подальше от него, свернулась клубочком и закрыла глаза, прислушиваясь к успокаивающему стрекоту кузнечиков.

Уснуть не усну, так хоть побуду один на один со своими мыслями и... чувствами? Да. Надо подумать! Хорошенько обо всем подумать!

Но мечты остались мечтами. Незаметно подступила дремота. Мне даже начал сниться сон, и тут...

— О! Курица! А вон еще одна. И еще... Целый косяк! Куда они летят, интересно?

— Борь, а можно считать их не вслух? — тут же раздался голос Ника. — У меня тут, может, бараны на юг улетают...

— Бараны это тоже актуально, — примирительно хмыкнул Борька и порадовался: — Хорошо, что коровы не летают!

Звук, раздавшийся где-то над головой, заставил меня на несколько секунд затаить дыхание:

— Му-у-у-у-у!

— А ты говорил, что не летают! — нервно хохотнул Ник и поспешно завозился. — Вась, просыпайся! Воздух!

Вот интересно, что было подмешано в вино? Или, может, хозяйюшка испекла лепешки из мухоморов?

Где-то совсем рядом раздался подозрительный «шмяк».

Я с трудом разлепила глаза, но от того, что я увидела, сон прошел моментально. Над

нами, летя ровным косяком, неспешно перемещались в неизвестном направлении целые стада кур, баранов и коров. Где-то в центре поля они пропадали в невидимой воронке, но лепешки и горох по дороге оставляли самые настоящие.

Не сговариваясь мы вскочили и бросились бежать к воротам. Первыми добежали Ник с Борькой и гулко заколотили кулаками и копытами.

— Откройте!

— Откройте, пока дерьмом не закидало, а то покусая на фиг!!!

У меня над головой, со звуком метлы на магической тяге, что-то прогудело. Я запрокинула голову и замерла, во все глаза разглядывая огромную трехглавую тень. Мигнув зеленым светом восходящей луны, отразившейся на чешуйках, тень скрылась за стеной наукограда. Я проводила ее взглядом и бросилась к спутникам.

— Стойте! Не надо! Там... Туда дракон полетел!

Ник обернулся, видимо, хотел что-то сказать, но тут распахнулось окошечко, и на нас уставился сердитый глаз стражника.

— Опять вы? Говорю же! Скоро начальник придет! Как раз прибыл на своем ручном драконе.

— Ручном? — Я подошла поближе. — Тогда, может, все же запустите? Мы у двери посидим, его подождем! А то над головой помимо драконов еще и всякий крупнорогатый скот летает, а навеса-то нет!

— Да это наши животноводы-умельцы во главе с магами Павлом и Мичуром опыты проводят. А начальство не жалуется. Ночью ведь у ворот безлюдно, а с такими опытами и удобрения для травки не надобны. Все довольны!

— Угу! Кроме нас! — буркнул Борька.

— А кто вам виноват? Могли бы в «Придорожнике» заночевать.

— А это еще что такое? — не выдержал Ник.

— Так трактир выстроили, и году не прошло. Дальше туда. К столице. — Разговорчивый стражник неопределенно махнул рукой, задумчиво посмотрел в стремительно пустеющее небо и успокоил: — На сегодня уже закончили. Значит, и ждать не в тягость будет.

— Нет, ну почему бы тебе нам дверь не открыть, мил-человек? — не выдержал Борька, распахивая нас с Ником в разные стороны. — Мы никому не скажем! Чесслово! Еще и озолотим!

— А ты подумай, если такой умный! — нахмурился неподкупный страж. — Ежели вас в город запустят, так надо сначала все формальности пройти! А вдруг вы какие шпионы шамаханские? Ихний падишах тоже, поди, не лыком шит!

— Ясно! — Ник одной рукой цапнул за узду разошедшегося Борьку, второй сгреб меня и решительно направился прочь от ворот, туда, где вдоль крепостной стены пыльной лентой тянулся тракт.

Позади пощечиной захлопнулось окошко.

— Нет, ну какой он бездушный! Черствый, как... — Борька задумался, но, решив не мучиться с придумыванием метафор, попытожил: — Гад, короче!

— Просто подневольное существо, — хмыкнул Ник и, когда ворота скрылись в темноте, выпустил мою руку. — Ну ничего, не будем рисковать. Подождем до утра в этом «Придорожнике». А то вдруг начальник стражи решит, что не дело ему, такому крутому, проверять среди ночи городские ворота!

— Запросто может решить! — поддакнула я и с опаской посмотрела в небо. К счастью, теперь на нем, кроме крупных звезд, ничего не висело, не летало и не кружилось. — Кстати, Ник, а когда ты предлагал стражнику за нас двойную оплату, это ты ему врал или...

— Или. Глава Колодцев дал мне золотые червонцы. Так что нам бы хватило заплатить за вход, если бы не этот бюрократ хренов!

— А бю-ро-крат — это кто? — тут же решил пополнить свой словарный запас жеребец.

— А это стражник! — охотно пояснил Ник. — Так их называют тогда, когда они

отказывают в ночлеге хорошим людям.

— И жеребцам? — уточнил для более четкого понимания Борька.

— И хорошим жеребцам! — не стал разочаровывать его Ник и вдруг замер.

Мы тоже остановились, до боли в глазах вглядываясь в темноту, и уже хотели продолжить путь, но тут... Неподалеку от нас прямо в стене засветился тусклым светом узкий прямоугольник двери, послышались приглушенные голоса. Две рослые фигуры, кутаясь в темные плащи, вышли на тракт и торопливо зашагали туда же, куда направлялись и мы. Выпустившая их дверь захлопнулась, и нас снова окружила ночь, напоенная ароматом скошенной травы и резким запахом натуральных удобрений, еще совсем недавно сыпавшихся с неба. И только быстрые шаги незнакомцев, постепенно стихающие в ночи, напоминали о том, ЧТО мы сейчас увидели.

— Вы думаете о том же, о чем и я? — тихо поинтересовалась я, прислушиваясь к обступившей нас тишине.

— Лично я думаю о том, что неплохо было бы по-маленькому в кустики сходить, — интимно прошептал мне на ухо Борька. — Хочешь составить компанию?

— Коняга ты и есть коняга! — снисходительно фыркнула я и кивнула на городскую стену. — Нет, я думаю не о кустиках, а о том, что мы сейчас находимся в шаге от того, чтобы попасть в город!

— И как? — заинтересованно выдохнул мне на ухо Ник. И то ли из-за природной вредности, то ли из-за моего бездельничающего телохранилителя мне вдруг захотелось вытворить что-то этакое!

— А вот так! — Я мило ему улыбнулась и решительно направилась туда, где предположительно находилась потайная дверь. Даже если есть один шанс из ста, что тот, кто выпустил незнакомцев, может остаться ждать их у двери, мой план мог сработать.

Дверь долго искать не пришлось. Приблизившись к стене, я заметила тонкий волосок света, пробивающийся из крошечной щели, как свет маяка. Видимо, по ту сторону действительно находился сторож.

Подойдя вплотную к двери, я обернулась к увязавшемуся за мной Нику и с легкой полуулыбкой спросила:

— Я — красивая?

— Что? — опешил он, растерянно хлопая ресницами. — А при чем здесь это?

— Балбес! — тут же ввязался в обсуждение Борька. — Если девушка спрашивает тебя о таком, не надо ломаться! Ответ «да» — и ты в дамках! Вась, ты очень красивая, вот тебе мое честное жеребецкое слово. А тебе зачем этот опрос? Тем более сейчас?

Он шел за Ником, но я совершенно не слышала стука копыт. Надо будет потом поинтересоваться, может, у него есть и другие таланты помимо «неудержимой болтологии»? Например, ходьба на цыпочках при наличии копыт?

Вместо ответа я расстегнула несколько верхних пуговиц на рубашке, чтобы был виден поддерживающий грудь корсет, и громко постучала. Мои попутчики тут же бросились в разные стороны и затаились.

Почти тут же за дверью послышались шаги. Я услышала, как лязгнул засов, но страж открывать не спешил.

— Михайло?

Ник вжался в стену, в темноте блеснули его выразительно выпученные глаза. Я развела руками. Кто же знал, что страж такой любопытный попадетсЯ?

— Кто там? — не дождавшись ответа, занервничал стражник.

— Ой, извините меня, пожалуйста! Ворота закрыты, а здесь так страшно! — пропела я и рывком сдернула ленточку, помогавшую удерживать волосы на макушке. Шелковистая волна мягко окутала плечи.

Вовремя!

Дверь приоткрылась, и из нее, с шашкой наголо, осторожно выглянул усатый детина выше меня головы на три. Увидев перед собой хрупкую кудрявую блондинку с

полуобнаженной грудью, он на несколько долгих мгновений потерял дар речи, правда, потом нашел.

— О! Пардон, мадам! А я тут как раз один... скучаю... — Затем, словно что-то вспомнив, он смущенно спрятал шашку и невзначай поинтересовался: — А как зовут-то тебя, мадам?

— Глаша! — Моя улыбка стала еще лучезарнее. Я поправила рубашку так, что доблестного стража уже не интересовали такие глупости, как имя, и принялась щебетать: — Я шла от ворот и увидела, как отсюда кто-то вышел. Вот и решила, что такой мужественный и сильный мужчина защитит такую маленькую, испуганную темнотой девушку! Ведь так?

Где-то сбоку, из темноты послышалось не обещающее ничего хорошего сопение. К счастью, страж был погружен в эстетическое наслаждение и не заметил подозрительных звуков. Утратив бдительность, он глубокомысленно покивал, соглашаясь с моими словами, распахнул дверь и, шагнув ко мне, обнял за талию.

— Защищу, то есть защитю! Ты права. Темнота иногда таит в себе монстров, от которых только такой, как я, и сможет защитить такую беззащитную девушку, как...

Кулак и копыто вылетели из темноты с двух сторон одновременно. Стражник даже не смог понять, что его так припечатало. Он закатил глаза и рухнул бы на меня, если бы не контрольный хук слева, буквально внесший его обратно в дверь.

— Надеюсь, ему не больно? Вообще-то я хотела проникнуть в город без членовредительства. — Я мило улыбнулась шагнувшему из темноты мрачному Нику, но тот смерил меня таким взглядом, что я решила не продолжать. Мало ли... может, юноша не в состоянии смириться с собственной некомпетентностью в некоторых вопросах...

А вот Борька, наоборот, утопал в восторгах:

— Браво! Какая игра, ма шер ами! На одну крохотную секундочку я даже пожалел, что вы, моя хозяйшечка, пардон, не лошадь!

— Долго будешь умничать? — рыкнул Ник, цапнул Борьку за уздцы и втянул его в освещенный тусклым светом фонаря закуток.

Не дожидаясь подобного приглашения, я скользнула внутрь и торопливо принялась застегивать пуговицы. Так... теперь волосы!

Пока Ник закрывал на засов дверь, я скрутила в шишку непослушные локоны и туго перевязала их ленточкой.

— Куда теперь?

Мы оказались в крошечной караулке: стол, три табурета и еще одна приоткрытая дверь, за которой плескалась ночь, разбавленная светом городских фонарей. Стражник глухо застонал, попытался подняться, но, встретив снова Борькино копыто, затих, что-то тихо бормоча. Я покосилась на Ника:

— Мы его здесь так и оставим? Он вообще как? Жить будет?

— А что с ним станется? У него же самый крепкий доспех — тут. — Ник легонько постучал себя по голове, сплюнул на земляной пол и вдруг зло прищурился. — Или переживаешь? Нашла мужчину по себе?

Почему-то его слова меня разозлили.

— Дурак! Не смог сам ничего придумать — так и скажи! А сцены ревности мне устраивать не надо. Меня не интересуют ни стражники, ни наемники!

— Как скажете, моя госпожа! — тут же раскланялся он и, не говоря больше ни слова, вышел в ночной город.

Мы с Борькой переглянулись.

— Не обращай внимания. Диагноз налицо! — успокоил тот и мордой выпихнул меня за дверь.

Я хотела было уточнить, что за странный диагноз, но позабыла обо всем на свете, едва оказавшись на улице этого удивительного города. Дома ярко светились непонятными вывесками, от мостовой исходило призрачное сияние. То тут, то там вспыхивали огни, а над городом повис большой яркий куб, в котором два бородатых звездочета спорили о тайнах

звезд.

Несколько раз мы видели странных животных. Прогуливаясь на поводке вместе с чудаковатыми хозяевами, мимо нас пропрыгал тигрозаяц, большая обезьяна с павлиньим хвостом и хрюкающая собака, а один раз, что-то бормоча, даже прошагала странная механическая кукла.

Кое-где на маленьких сценах выступали ораторы, окруженные небольшими группами людей. Мне даже запомнились две бредовые темы: «Как с помощью дуста выгнать из дома тараканов и призраков» и вторая «Шамахане — кто они? Инопланетные захватчики или просто агрессивные братья по маразму». Впрочем, как выяснилось, бредовыми эти споры были только для нас. Слушатели же, наоборот, очень рьяно поддерживали, спорили, крича до хрипоты, восхваляли, но только не оставались равнодушными.

На нашу странную троицу никто не обращал внимания. Даже прошедший мимо патруль не увидел ничего странного в двух бродягах, прогуливающих по нешироким улочкам в компании с лошадьё.

— Куда мы идем? — Наконец я окончательно запуталась в изгибах улиц, поблескивающих витринами и вывесками, и мне очень захотелось уже куда-нибудь прийти!

— На постоянный двор, — буркнул Ник, даже не взглянув на меня.

Интересно, неужели его так задела моя маленькая победа? Или...

— И как еще далеко до него?

— Уже пришли! — Он свернул к большому квадратному дому, над крышей которого парил весьма доходчиво поясняющий знак: крендель и кружка с чем-то пенным.

Из-под навеса к нам тотчас выбежал шустрый мальчишка:

— Господа чего-то желают?

— Накорми до отвала скакуна и почисти его! — Ник кинул поводья и один золотой проворно схватившему все это мальчугану. — Кстати, если он будет недоволен, я пожалуюсь твоему хозяину.

— Кто недоволен? — Мальчишка вытаращился на странного постояльца.

— Он! — Ник двумя пальцами отсалютовал Борьке. — Спокойной ночи, друг!

— И тебе как следует отдохнуть! — фыркнула в ответ рыжая бестия и кивнула мне: — Сладких снов, мон ами!

Я только усмехнулась, глядя, как мальчишка, чуть ли не кланяясь, провожает Борьку в стойло, и поднялась вслед за Ником по скрипучим ступеням крыльца в теплое нутро дома.

Нам повезло. Посетителей, как ни странно, было мало, если учесть, что сейчас еще даже не за полночь! Впрочем, Ник не обратил никакого внимания на пустующий трактир. Подойдя к стойке, он буркнул пару слов трактирщику, взял ключ и направился к свободному, даже довольно чистому столику.

Хоть бы слово сказал! Ну все!

Я бросилась за ним.

Не собираюсь платить за его перепады настроения! Сейчас так и скажу!

Но парень наконец соизволил меня заметить. У самого стола он оглянулся, вдруг отодвинул стул и, улыбаясь, вежливо проговорил:

— Садись, Вась, отдохни. Ты это заслужила! Всего-то и делов — показать свои прелести стражнику, а потом отдыхать в трактире. — Его улыбка была бы искренней, если бы не бешенство, едва заметно проскальзывающее в голосе хрипотцой, и стальной блеск чуть прищуренных глаз. — А что бы ты делала, если бы нас с Борькой не было рядом?

— Ты на что намекаешь? — нахмурилась я. В конце концов, я заказывала телохранителя, а не личного проповедника! — Никак не можешь смириться, что сам не придумал, как попасть в город?

— Ну... боюсь, мой голый торс стражника бы не вдохновил. Так что все лавры тебе! — Снова милая улыбочка и ямочки на щеках.

Я зло выдохнула и села на предложенный стул.

Даже поссориться как следует не может! Ну и... фикус с вами — как любит говаривать

мой папенька.

Никита сел напротив меня и, не переставая улыбаться, взглянул на подскочившую к нашему столу девушку-прислугу.

Молча дождавшись, когда она расставит тарелки с дымящейся кашей, водрузит в центре стола фарфоровый кувшин и снова исчезнет, я притянула тарелку и принялась за еду.

В отличие от некоторых меня совесть не душит, и оправдываться не вижу необходимости!

Спрятав ненавистную улыбочку, Ник еще какое-то время буравил меня взглядом. Не знаю, чего он хотел этим добиться, но, так и не дождавшись от меня никакой реакции, в конце концов тоже уткнулся в тарелку и сосредоточенно заработал ложкой.

Вскоре я почувствовала себя сытой и довольно вздохнула. Притянув кувшин, доверху наполнила стакан красным вином. То, что это — вино, я поняла, почувствовав, как у меня немного закружилась голова всего от нескольких глотков. Какой приятный ягодный вкус! Словно пьешь морс. С градусами!

— Кстати... запиши на мой счет и то, что ты потратил на меня из своего бюджета. — Я наконец соизволила взглянуть на своего телохранителя.

— Непременно! — А я гляжу, ему тоже понравилось вино! Он опрокинул один за другим пару стаканов и вызывающе посмотрел мне в глаза. — И моральный ущерб тоже!

— Послушай, я одного не пойму: ты меня что, ревнуешь? — Я мило улыбнулась. — Как быстро, однако. Знакомы без году неделя. Или... хочешь попытать счастья в фаворитах?

— Зря надеешься. — Ник смерил меня равнодушным взглядом. — Ты не в моем вкусе. А вот что касается денег... Ничего личного, но, если с тобой что-то случится, боюсь, мне не заплатит ни одна из заинтересованных сторон. Поэтому и только поэтому я позволил себе немного неуместного волнения. О чем сожалею! А теперь я отведу тебя в номер, где ты и проспишь до утра.

— А ты будешь меня сторожить? — Я не сдержалась и икнула. А это вино не такое уж безобидное! — Как верный пес?

— Я закрою дверь на ключ. — Он поднялся, подождал, пока я встану, и неспешно направился к лестнице.

Едва сдержав зевок, я поплелась за ним. Пожалуй, сон — это то, что мне сейчас нужно, но я не удержалась от ехидства:

— Изнутри?

— Спаси и сохрани! — Ник едва не перекрестился.

Поднявшись на второй этаж, мы миновали две двери, у третьей Ник остановился. Щелкнул замок.

— Твоя комната здесь. — Он распахнул дверь и посторонился.

Я шагнула в небольшую, чистую светелку с одной, но огромной кроватью, на которой, словно покрывало, лежал серебристый лунный свет, льющийся из небольшого окна. Дальний угол спальни скромно отделяла ширма.

Эх, помыться сегодня явно не получится... Ноги уже не держат.

Сзади скрипнула дверь, и в замке заворочался ключ. Я подошла и рухнула на постель.

Ну и ладно!

ГЛАВА 5

Я бежала, из последних сил пытаюсь уйти, скрыться в темных переходах незнакомых мне домов, тоннелей, залов и комнат. Бежала, молясь о милосердной смерти, что забрала бы мое дыхание раньше того, кто шел за мной по пятам. Быстрее того, кто не оставил бы от меня даже горстки пепла!

Ворвавшись в огромный каменный зал, я остановилась. Я уже понимала, что сбежать не получится, и знала, что увижу здесь самый худший мой кошмар. У черного алтаря стояла высокая фигура, скрытая темным балахоном. Лысый череп прятался под капюшоном. Я не

видела лица, но я знала, что это ОН! Тот, кого я увидела в хрустальном шаре тети Мафы, тот, кто стоял рядом со мной у алтаря! Феникс! Мой муж...

Я хотела бежать, сделать хоть шаг, но ноги будто приросли к каменным плитам, хотела зажмуриться, но не могла отвести глаз. Наконец мужчина медленно, словно это было самой изощренной пыткой, обернулся. Его тонких губ коснулась жуткая улыбка.

— Ты... — Он направился ко мне, и с каждым его шагом меня окутывал жар. Такой, что вскоре стало больно дышать. Наконец он остановился, словно не решаясь сделать разделяющий нас шаг, и уставился на меня бельмами глаз. — Ты пришла, чтобы оказать мне услугу? Смелая девочка... Приведи меня к нему... Найди его... Как и обещала...

Я молчала, не в силах пошевелиться от ужаса, обессиливающего еще сильнее жара. Из-под балахона показалась, вся в огненных язвах, рука и ласково коснулась моей щеки.

Не в силах терпеть обжигающую боль, я заорала и... тяжело дыша, села на постели.

Где я?

Темная комната... Трактир!

Сколько я спала?

Вдруг в замке заворочался ключ. Я натянула повыше одеяло и с ужасом и надеждой замерла, глядя на медленно открывающуюся дверь.

— Никита? Это ты?

Из мрака показалась высокая, широкоплечая фигура и шагнула в комнату. У меня оборвалось сердце, когда я снова увидела воплотившийся в реальности кошмар — блеснувшие в лунном свете выжженные глаза моего дорогого супруга.

— Нет! Не подходи! Уйди! Исчезни!

И вдруг услышала голос Ника:

— Василиса? Вася! Вась?

Высокая фигура приблизилась, стиснула мои плечи и затрясла, не переставая повторять голосом Никиты:

— Васенька! Васька! Василиса!!!

Пощечина, обжегшая щеку, заставила меня дернуться и распахнуть глаза. Я поняла, что смотрю в глаза Никиты. Не в силах справиться с пережитым ужасом, я обвила его за шею и, притянув к себе, громко, навзрыд заплакала.

— Все-все-все! Тихо, тихо! — Парень, видимо, сообразил, что если ему не уйти от благодарностей разбуженной им девушки, то лучше расслабиться и получать удовольствие. Сграбастав меня в охапку, он удобно устроился рядом и, поглаживая по волосам, продолжал успокаивать: — Тихо, тихо! Я здесь! С тобой!

Наконец эмоции, а вместе с ними и слезы — закончились. Я шмыгнула для достоверности несколько раз и, сообразив, что пытаюсь справиться с кошмаром, уткнувшись в шею практически незнакомого мужчины, отстранилась.

— Ник?

— Я тут! — Он приподнялся на локте, волнуяще глядя мне в глаза.

— А что ты делаешь в моей постели?

Он смутился. Рывком поднялся, затем, подумав, присел на краешек кровати.

— Извини. Вообще-то я услышал твой визг и пришел. Если честно, думал, что на тебя кто-то напал и чуть не переломал все ноги.

— Мне... сон жуткий приснился... — Действительно. Парень пришел на мои крики, попытался разбудить. Он же не виноват, что я его чуть не задушила? Признаваться даже самой себе в том, ЧТО я испытала, спутав моего милого попутчика с ожившим кошмаром, не хотелось. Пусть даже это было во сне...

— Я понял. Самое смешное, что мне тоже кошмар приснился. Еле проснулся... — Его глаза в полумраке комнаты продолжали смущать меня слишком уж пристальным взглядом. — Может, все дело в вине? Наверное, трактирщик ставит опыты над посетителями.

— Возможно... — Я даже улыбнулась. Поднялась, подползла и уселась с ним рядом. —

А что тебе приснилось?

Он покусал губы и покосился на меня.

— Нет, давай сначала ты!

— Я? — Пожав плечами, я уставилась на полоску рассвета, медленно, но неукротимо разрывающую ночное небо. — Ладно. Мне снова приснился Феникс. И он хотел, чтобы я нашла ему кольцо.

— И все?

— Ну... почти все! — Я снова посмотрела на него. — Половину сна я от него убегала.

— Вот и мне... — Ник отвел глаза. — Приснилось нечто подобное.

— Врешь? — Я смерила его взглядом, опустила ноги на холодный пол и поднялась. — Ничего тебе такого не снилось, и ты говоришь все это, чтобы меня поддержать!

— Ну... можно сказать, что ты права! — Никита тоже поднялся и, шагнув ближе, вдруг обнял меня за плечи.

Я непонимающе уставилась ему в глаза:

— Ты чего?

— Да... ничего. — Он отстранился и виновато улыбнулся. — Вась... ты это... не обижайся на меня за то, что я тебе вчера наговорил.

Я пожала плечами и улыбнулась в ответ.

— Не обижаюсь. Да и чего обижаться? У нас ведь чисто деловые отношения? Так?

Неуловимая тень скользнула по его лицу.

— Так. А я вот чего подумал... — Он замялся и сменил тему: — А может, пойдем перекусим? А потом отправимся искать твоего Ципролета.

— Не... — Я категорично покачала головой. — Точно не Ципролета. Знаешь, ты иди. Закажи чего-нибудь перекусить, а я у тети уточню, кого мы ищем.

— Может, помочь? — Он шагнул ко мне, но я решительно мотнула головой.

— Нет. Я сама. Ты иди.

Ник побуравил меня подозрительным взглядом, передернул плечами, мол, ну как хочешь, и вышел за дверь.

Я села на постель и судорожно нащупала за корсетом заветный мешочек. Надо же, уснула не раздеваясь! Главное, чтобы не разбилось... Распустив узелок, я бережно вытащила маленькое зеркальце.

Та-ак! Что там про тебя Мафа говорила... Интерактивное? Просто протереть от вековой пыли?

Ладно! Рискнем.

Я осторожно мазнула подушечками пальцев по холодному грязному стеклу и принялась ждать результата.

Через полминуты я поняла, что зеркальце не фурычит. А может, я просто в нем ничего не вижу? На стекле отпечатки пальцев, какие-то разводы, пыль...

А если поплевать и протереть?

В конце концов я так увлеклась оттиранием грязи с серебряной поверхности, что едва не взвизгнула, когда из зазеркалья на меня внимательно уставился заплывший глаз.

— Ты кто? — Да и голос — триста лет курительного стажа плюс хронический ларингит. Был у нас один менестрель боярина Ёшкина. Как запоем с таким вот прононсом — хоть стой, хоть подпевай. Его так все и звали — менестрель бояринский.

— А ты кто? — Я на всякий случай отодвинула зеркальце на расстояние вытянутой руки. Вдруг оно еще и скрытый телепорт?

— Васька!

— Какой еще Васька?

— Да не Васька, а Мафа! Это ты — Васька!

— Мафа? — Я вспомнила, из-за чего, точнее, из-за кого решила поколдовать с тетиным подарочком. — Это ты?

— Да я это! Я! — Глаз внезапно уменьшился, и теперь из зеркала мне улыбалось все

изрядно помятое лицо тети Мафани. — Где тебя носит? Блудня!

— Хм. Если ты помнишь, я вышла замуж!

— Только не свисти, что ты сейчас именно там!

— Где? — нахмурилась я. Иногда как что-нибудь спросит-спросит...

— Замужем! — Тетка вдруг ехидно прищурилась. — Ну-к, дай-ка мне с твоим милым поздороваться. Все-таки как-никак, а мы теперь с ним родня!

— Тетя! — Я понизила голос. — Ты что, опять вчера настойку на мухоморах пробовала?

— Да если бы! — Голос Мафы погрузнел. — Решила испытать в действии травку одну — почечуйник чашекрылый... ик!.. До сих пор эксперимент еще до конца не выветрился.

— Ясно... Короче, объясню в двух словах! — Я приблизила зеркальце к губам. Мало ли... — Я убежала из дома Феникса. Более того. Я сейчас в Болотной Гати. Скажи, где мне искать Цитрамона?

— Не Цитрамона, а Цитрона. — Тетя оживилась. — Да неужто у тебя получилось?! А как? Как тебя Феникс-то отпустил?!

— Никак! Я сбежала, когда он ушел!

— Так, племяшка. А как он отреагировал на твое предложение о разводе?

— Тоже никак! Он хочет, чтобы я осталась его женой! Взаправду! А я не хочу, не хочу, не хочу! — Я шмыгнула носом, а перед глазами на миг появился человек из сна. Брр!

— А чего тогда ты сбежала? — Тетя сосредоточенно поскребла включенную голову.

— Как «чего»? — Боже, и угораздило меня связаться с ней именно сейчас! Она же даже внешне напоминает почечуйник чашекрылый! Хотя даже не представляю, что это за дрянь! — Я же говорю! Я не хочу быть его женой!

— А чего? — Тетю, похоже, заклинило. — Мужчина он видный! Даже где-то интересный! Хотя... как по мне... молодой уж больно! Не! Не по годам... С годами у него все в порядке. Да вот в голове — ветер, даром что колдун со стажем! Как раз под стать тебе!

— Те-тя! — отчеканила я. Чувствую, почечуйник чашекрылый — это заразно! — Ты меня с ума сведешь своими бреднями! Какой молодой? Какой интересный?! А что касается видного — да-а-а! Один раз увидишь, всю жизнь видаться будет! Ты пойми! Я хочу свободу! Я хочу другого мужа! А еще Ник мне посоветовал первой найти кольцо и отдать его Фениксу в обмен на мою свободу. И если оно уж так ему нужно — Феникс согласится!

— Так! Стоп-стоп! — Глаза Мафы даже немного открылись. — А вот с этого момента поподробнее. Ник?

— Никита! Он мне помог тут кое-кого победить, а сейчас помогает с поисками кольца.

— И с чего бы вдруг?

Я смутилась:

— А ни с чего! Наемник он. Понятно? Я ему денег пообещала, если поможет!

— Угу... А вдруг он не просто так тебе на пути встретился? — Тетя устала держать глаза открытыми и снова прищурилась, изображая гидайского разведчика.

— Ну конечно! — Я только покачала головой. — Сам наплодил бандитов, науськал на одинокую путницу и сам их раскидал! Теть, завязывала бы ты с почечуйниками экспериментировать...

Мафа согласно вздохнула:

— Эх, детка. Я ж за тебя переживаю! Одна, с каким-то лихоимцем...

— Да он хороший! — встала я на защиту Никиты.

— Все они хорошие, — тут же вскинулась тетя и смущенно закончила: — А когда — не скажу. Вот будет у тебя мужик — сама узнаешь!

— А чтобы он был — мне надо найти твоего Цитрамона!

— Цитрона! — строго поправила тетя и предупредила: — И смотри не перепутай, а то и вправду отыщешь не того! В этой Гати и Цитронов и Цитрамонов хоть ложкой ешь!

— А где его искать-то? Адрес?

— Не знаю! В наукограде, говорил, живет. В районе Фарма Кологии. Название жуткое,

так что ты запиши, а то вдруг забудешь. А что касается твоего наемника...

— Он — целитель! — снова вступилась я.

— Даже так? Хм... — Тетя закрыла глаза и задумчиво замолчала.

Я терпеливо ждала. Затем мое терпение иссякло. Ну о чем можно так долго думать?

Мои самые мрачные предчувствия нарушил теткин раскатистый храп.

— ТЕТЯ!!!

— А? — тут же проснулась она. — Кто здесь?

— Это я! Твоя совесть! — фыркнула я, глядя, как она заполошно ищет по сторонам этого страшного собеседника. — Ты — спишь?!

— С кем? Если ты про Матвея, то нет! Брехня! Ну, может, только раза два-три было. А про остальные разы брешут!

— Тьфу! Тетя! Это я! Василиса! Интерактивное зеркало. Помнишь?

— А-а-а! — Тяжело дыша, Мафа вцепилась в свою безразмерную грудь с правой стороны, потом подумала и переложила ладонь на левую сторону. — Вот зараза! Разве можно так шутить! А если бы я тебе про Парамона конюха выложила? Или про отца твоего?

— Чего?! — нахмурилась я.

— Где? — Она тут же удивленно выпучила глаза.

— Что ты там про отца мне хотела выложить?

— Про кого? Да тебе слышалось! Я говорю, овца его, ну... Парамона... вчерась заблудилась. Вот и искали ходили... — Вдруг слышался чей-то басовитый всхрип, а Мафа заторопилась: — Ладно, Василек. Ты иди. Ищи Цитрона. А как найдешь — на связь выходи. А мне сейчас бежать надо. Слышишь, свинья хрюкает? В дом забралась!

— Так у тебя же не было свиньи? — Я, уже ничего не понимая, озадаченно похлопала ресницами.

— А! — Тетя с улыбкой отмахнулась. — Приблудилась тут одна. Теперь вот корми ее, пои, развлекай... Ладно. Все. Конец связи!

Еще несколько мгновений я растерянно смотрела в рябившее зеркальце и бережно засунула его назад в мешочек, печально понимая, что почечуйник чашекрылый это не трава для опытов, это образ жизни!

Спустя несколько минут я привела себя в порядок и даже умылась холодной водой, что нашла в кувшине за ширмой, а затем поспешно вышла за дверь. Прислушалась к тишине и, прокрадываясь на цыпочках мимо закрытых дверей, со всех ног бросилась вниз по лестнице.

Какая-то странная тишина. Жуткая, что ли?

Трактир тоже встретил меня молчанием и полумраком. Не горели свечи, не полыхали дрова в печи, более того, не было ни посетителей, ни трактирщика — никого, кроме Ника, одиноко сидевшего за столиком у окна.

— А где же завтрак? — Я села рядом.

Тот развел руками:

— Вообще ничего не понимаю. Может, рано еще?

— Рано? — Кивнув на первых спешивших мимо окон трактира горожан, я побарабанила пальцами по столу. — По-моему, мы просто выбрали трактир, где и гости и прислуга спят до полудня!

— А вот и нет, барышня! — Откуда-то из-за занавески, скрывающей полкухни, вынырнула косматая голова трактирщика. — Простите, что вмешиваюсь, но лень моих работников тут совсем ни при чем! Я бы с радостью вставал еще до рассвета, чтобы напечь вкусных булочек, которые очень любят студенты и господа целители, маги и прочий ученый люд! К слову сказать, я так и делал всего каких-то пару лет назад!

— И что мешает вам делать это теперь? — Ник заинтересованно склонил голову набок, разглядывая шагнувшего к нам хозяина. Его одежда и фартук были измазаны в чем-то желтом.

— Что?! — Казалось, такой простой вопрос возмутил его до глубины души. Он

отдернул занавеску и обличительно указал на творившийся за ней бедлам.

Я даже привстала, чтобы разглядеть рассыпанную по полу муку, размазанную по стенам сметану. Вчерашний окорок, вымазанный сажеей, торчал из печи, а яйцами словно держали оборону. Желтые кляксы тесным рядом стекали по стене.

— Ужас какой! Что здесь произошло? — Ник поднялся и подошел к трактирщику.

Тот всхлипнул. Подумал. И принялся рассказывать:

— Все началось два года назад, спустя месяц после того, как здесь, в трактире, погиб мой постоялец. Причем в некоторые дни тишь да гладь да божья благодать, а в некоторые... И ведь все продукты в... Поди разбери, что это...

— А как постоялец-то погиб? — Ник огляделся, поколупал пальцем торчавший из стены нож, завязанный в каральку, и внимательно уставился на трактирщика.

— Да случайно! Откуда он взялся, не знаю. Мой брат иногда, когда заезжает ко мне в гости, любит устраивать смешные соревнования. Вот и в тот день решил братец устроить соревнование, кто всех быстрее и больше съест моих булочек, а сам ставки давай принимать. А к слову сказать — был у него для такого соревнования человек испытанный. Обожрет любого! — Трактирщик чему-то усмехнулся, но, встретившись взглядом с Ником, тут же посерьезнел. — Так вот! Ставки все сделали, соревнование началось. Народ болеет за проверенного — почти все на него поставили. И вот осталось всего трое — парень моего братца, один гидаец и здоровяк тот, чтоб его... Уже упокоился б где-нибудь! Потом и вовсе ажиотаж поднялся. Гидаец выбыл первым — сказал, что наелся на халяву на год вперед и ему хватит. Вот, значит, соревнуются из последних сил здоровяк и подсадной братишки. Осталось всего по четыре булочки на каждого. Две съели. На третьей булке подсадной уже и дышать судорожно начал, а здоровяк даже скорость не сбавил. Доел все! Последнюю жует, ну братишка ему в сердцах возьми и скажи — чтоб ты подавился!

— И тот подавился. — Я возвела глаза к потолку и шумно выдохнула, попутно отскочив подальше от лапши, свисавшей с потолка прямо над моей головой. — Банально!

— Может, и банально, но только с того дня один раз в неделю кто-то в трактире переворачивает все с ног на голову и изводит под ноль все продукты. Работать приходится почти что в убыток! А ночью к постояльцам приходит призрак того здоровяка и просит его накормить! — На его последних словах мимо нас пролетел кометой здоровенный рыжий кот и исчез на печке.

— Угу... — Ник проводил его взглядом, еще раз все оглядел и медленно прошелся по пустому залу. — Я бы мог помочь вашему горю, но... я простой наемник и благотворительностью не занимаюсь.

— Да-да! — покивала я, поддакивая неизвестно чему — то ли тому, что он мог бы помочь, то ли тому, что задарма он этого делать не станет.

— Сколько? — Трактирщик не стал юлить и с ходу перешел к теме, интересующей моего телохранителя, но тот, на удивление, вдруг покачал головой.

— Вопрос не в деньгах. Если все получится и я помогу вам совладать с этим неупокоенным духом, я попрошу только о помощи. Мы ищем одного человека. Знахаря. — Ник посмотрел на меня.

— Да-да! Ищем! — очнулась я. — Район Фарма Кология. Цитрон. Очень надо.

Трактирщик задумчиво поскреб небритый подбородок.

— Его самого я не знаю, но знаю того, кто знает всех, кто когда-либо жил или живет в этом городе.

— Годится. — Ник вдруг незаметно мне подмигнул.

Я поспешно отвернулась к окну, чувствуя, как мои щеки охватил пожар. Интересно, зачем ему это? Или снова выслуживается? Ясное дело, без помощи мы этого Цитрона будем искать до морковкиного заговенья! Если верить словам тети — наукоград город огромный!

Тем временем Никита что-то забормотал. Тут же с печки спрыгнул перепачканный сметаной кот, оцетинился и, громко урча, пошел в бой. Одним ловким движением Ник поймал дикую зверушку за шкурку и, не обращая внимания на брыкания и недовольное

фыркание рыжей зверюги, сосредоточенно продолжил произносить непонятные слова.

— Это мой кот! Мясоед! — Трактирщик бросился на помощь коту, но Ник жестом его остановил.

Сперва кот повис тряпочкой в его руках, затем вдруг издал громогласный мяв и с такой яростью начал вырываться, размахивая когтистыми лапами, как стилетами, что мне даже стало страшно за жизнь Ника. Но тот как ни в чем не бывало дочитал заклинание и обратился к Мясоеду:

— И не стыдно тебе мстить тому, кто ни в чем не виновен?

Кот прижал уши и зашипел, но Ник не растерялся и издал в ответ несколько фыркающих и шипящих звуков. Котяра дернулся, но буйствовать перестал и довольно разборчиво промяукал:

— Мияса муала.

— И поэтому ты разоряешь дом, где тебя постигла скоропостижная смерть? А если я тебе помогу? Хочешь снова жить? Быть сытым, любимым. Тебя будут на руках носить! Только сначала клятва: ты не станешь больше пакостить в этом доме, а, наоборот, будешь помогать и за это получать много свежайшего мяса.

— А если неу?

— Тогда навсегда останешься призраком этого дома. Хозяин уедет, и тебе будет некого пугать и нечем питаться.

Ник выжидательно посмотрел коту в глаза. Тот опять повис тряпочкой у него в руках и печально вздохнул:

— Ну лауна. Мияса мноу. Люмлю.

— Отлично. — Ник пригладил кота и положил на чистый островок пола. — Значит, так. Отныне ты — кот Мясоед. У тебя очень много работы — у твоего хозяина развелись мыши, которые портят его продукты. Если ты станешь на них охотиться, ты всегда будешь сыт и приласкан. О своей предыдущей жизни ты скоро забудешь.

— Мияур! — Кот встряхнулся, принялся и с победным ревом бросился куда-то за печь.

Ник посмотрел на ошеломленного трактирщика. Тот с трудом отвел глаза от печи и встретился с ним взглядом.

— Что, и все? Сумасшедшая беседа с моим котом — и я должен поверить, что в него вселилась душа постояльца?

— Я не настаиваю. — Ник невозмутимо пожал плечами и скрестил руки на груди. — Время покажет. Только могу уверить в одном. Сейчас для вас и вашего трактира самая страшная беда — отсутствие мышей, крыс и прочих грызунов! Потому что, пока они здесь, у вашего врага есть много мяса, которого он желает.

— Что ж... — Трактирщик развел руками. — Тогда мне осталось выполнить свою часть сделки. Хорошо, что я ничем не рискую: теперь либо все повторится, либо этот дух меня больше никогда не беспокоит.

— Рад, что вы меня понимаете, — коротко кивнул Ник. — Доказать я вам так сразу не смогу. Только со временем вы сможете успокоиться, перестав ждать новых разрушений, но мне, к сожалению, некогда дожидаться очевидного.

— Я понимаю и даже верю вам. Ни один уважающий себя обманщик не станет обманывать за столь ничтожную плату, какую запросили вы. — Трактирщик развернулся и направился к печи. — Если желаете — сделаю вам яичницу из оставшихся яиц.

— Желаем, даже очень! — бросила я ему вслед и устроилась за столиком, предварительно проверив, что над головой не висят спагетти.

Вскоре ко мне присоединился Ник.

— Вась... — Он сел напротив, помолчал и вдруг взял мои руки в свои. — Я бы хотел еще раз извиниться за вчерашнее. Ты рисковала жизнью и честью, а я... Не знаю, что на меня нашло. Я бы хотел, чтобы и в дальнейшем между нами не было разногласий. Ты будешь моим другом?

Какие светлые у него глаза. В этот утренний час они стали лазурными, как море, которого я никогда не видела.

— Не оправдывайся, я все понимаю. Вчера ты разозлился, потому что волновался? Да?

Он какое-то время смотрел на меня, а затем принялся внимательно разглядывать стол.

— Да. Волновался. Больше так не рискуй. Хорошо? — И снова взгляд в упор.

— Хорошо. — Какие горячие у него руки. — Не буду.

Я улыбнулась. Не в силах противостоять искушению, высвободила руки и погладила его длинные, красивые пальцы.

— Все-таки я правильно сказала Мафе. Ты не наемник. Ты — целитель.

Парень отчего-то смутился так, что на его смуглых щеках даже выступил румянец.

— А... Э... Ну...

— Короче, мир? — подвела я итог нашей примирительной беседе.

— Мир. — Он улыбнулся. Светло и нежно. И что-то екнуло в сердце. Защемило. Вспыхнуло. И я вдруг поняла, что счастлива. Непонятно отчего. Неизвестно почему. И забылся страшный сон. Стал неважен мой путь. Кто я... Кто он... Какая разница? И Феникс неважен...

Точнее, он важен... Даже слишком!

При воспоминании о муже наваждение ушло.

Отдернув руки, я отвела взгляд от Никиты и принялась сосредоточенно разглядывать изрезанную столешницу.

О чем я только думаю? Ник с самого начала дал мне понять, что его интересуют только деньги! К тому же он знает, что я замужем! И с моим мужем лучше не связываться...

Я — ЗАМУЖЕМ!!!

Нет! Никаких надежд, никаких мечтаний, пока я не разберусь со своим браком!

Обстановку разрядил трактирщик. Он поставил перед нами две тарелки с еще шкварчащей на них яичницей, водрузил в центре самовар, расставил чашки и маленький чайничек.

— Приятного аппетита, спасители вы мои! А как позавтракаете, так сразу и пойдете с провожатыми к интересующему вас ученому мужу. Кстати, вашей лошадке я тоже овса задал.

— Благодарю! — мурлыкнул Ник, пододвигая к себе тарелку.

Хлопнула входная дверь, запуская первых посетителей. Трактирщик заторопился к ним и думать о нас забыл. Я проводила его взглядом и тоже набросилась на завтрак.

— Вась... ты чего? — Ник первым расправился со своей порцией и теперь наполнял ароматным чаем наши чашки.

— Чего — «чего»? — Я даже вздрогнула и бросила на него быстрый взгляд. Не хватало еще, чтобы он понял, какие меня мучают мысли...

— Сопишь, как дракон. Кулаки сжала и брови нахмурила. — Его губ коснулась ехидная улыбка. — Если ты так ненавидишь яичницу, могла бы мне сказать. Я бы с удовольствием помог тебе в этой неравной борьбе.

Еще и издевается!

Романтические чувства затмила внезапная обида. О чем я думаю? Да этому наемнику ничего, кроме денег, не надо! Ясно же! Нет, напридумывала себе всякую всячину.

— Спасибо, как видишь, я и сама справилась! А то вдруг предъявишь мне счет за съеденную тобой яичницу? Я, знаешь ли, не настолько богатая наследница. — Не замечая его потемневших глаз, я поднялась. — Пойду Борьку провожаю.

Чувствуя спиной удивленный взгляд Ника, я не оглядываясь вышла из трактира, постепенно наполняющегося посетителями.

Господи, что со мной происходит? Ведь еще совсем недавно все было так легко и понятно! Муж — кольцо — свобода! И как в этот понятный график вписался Никита?

У конюшни играли в чижа несколько светловолосых, загорелых до черноты мальчишек. Я постояла, наблюдая больше за игроками, нежели за игрой, но, так и не узнав

среди них того, кому вчера с рук на руки сдала наше говорящее сокровище, решила сделать проще. Юркнув в распахнутые двери просторной конюшни, я пошла вдоль пустовавших стойл, пока не увидела за дверцами рыжую челку и печальные глаза Борьки.

Жеребец меня тоже заметил, и конюшня наполнилась веселым переливчатым ржанием.

— А-а-а-а-а! О-о-о!!!! Не верю своим глазам! Не верю своим ушам! Хотя ты ничего и не говоришь... Но все равно — не верю! Как прошла ночь? Нет, это не вопрос с подковыркой. Я ни на что не намекаю... ты не подумай! Это у нас, коней, все просто, а у людей... У-у-у... Горе от ума! Хотя ты все же подумай, принцесса! Мужик он видный! Мне нравится — что немаловажно! Ты ж знаешь, я плохишей за версту чую! Сколько их у папеньки твоего через ограду перелетело... Вась? — Неужели Борька наконец-то заметил мою невероятно кислую физиономию, или его все же озадачило то, что уже на первых приветственных воплях я не начала в него чем-нибудь кидаться? — Что случилось?

Я открыла дверцы и, взяв лежавшую неподалеку щетку, зашла к нему в стойло.

— Все хорошо, Борь. Скоро все закончится. Сейчас мы идем за кольцом, а потом — сразу домой! Ты рад?

Коняга внимательно посмотрела на меня бархатной темнотой иссиня-черных глаз.

— Главное, чтобы ты, принцесса, была рада, а я этого пока что-то не замечаю... Так что случилось?

Едва сдержав тяжелый вздох, я принялась чесать щеткой его шелковистую, цвета огня гриву, но Борька не отставал:

— Ладно... если ты мне сейчас же не ответишь — пойду и кому-то копытом в морду дам! Пусть знают, как мою хозяйку обижать!

— Борь! Правда! Все хорошо!

— А почему на тебе лица нету?

— В трактире забыла!

— Кого? Тьфу! Ты меня не путай!

— А я и не путаю!

— Ладно... — В бархатных глазах коняги засветились упрямые искорки. — Давай проведем психологический тест! Я задаю простые вопросы, а ты не задумываясь отвечаешь на них только «да» или «нет». Согласна?

— И что ты этим добьешься?

— А вот про забубенные ответы сразу забудь! Погнали?

Я нахмурилась. Зверюга вредная, и лучше согласиться, чем всю обратную дорогу объяснять, почему отказалась участвовать в этом опросе года.

— Погнали!

Борька довольно фыркнул, обдав меня теплым дыханием, и вдруг спросил:

— У меня шерсть рыжая?

— А при чем тут это? — Я недоуменно поморгала.

— Отвечай только «да» или «нет»!

— Тогда да.

— Небо синее?

— Да.

— Ты Феникса любишь?

Меня аж перекосило.

— Нет, конечно!

— А Ника?

Я прищурилась:

— Что-то я не поняла... ты... что ты тут развел, мозгоправ хренов?

— Отвечай только «да» или «нет»! — фыркнул мне в лицо Борька.

— Не буду я отвечать на этот вопрос! — Я в сердцах топнула ногой и распахнула дверцы. — И вообще! Выметайся! Ты нам скоро понадобишься в качестве перевозочного средства! Живым!

— А я, может, хочу попробовать себя в психологии! — Борька и ухом не повел. Зубами снова аккуратно закрыл дверцу и уставился на меня одним глазом. — Значит, так! Теперь мне все ясно!

— Что тебе ясно? — Я подбоченилась. Нет, ну сегодня этот психолекарь у меня получит!

— Хочешь правды? Ладно. Ты сегодня такая печальная, потому что скоро найдешь кольцо!

— Так это, наоборот, хорошо! — Я равнодушно передернула плечами. — Найду колечко — обрету свободу!

— И потеряешь Ника.

— А это еще почему должно меня печалить? Он — всего лишь наемник! Я — его работа!

— Потому что ты в него влюбилась!

— Я? — Щеки отчего-то затопил пожар. — Брехня!

— Влюбилась! Влюбилась! — радостно запрыгал конь.

— Ах ты... — Я попыталась вцепиться ему в уши, но эта зверюга научилась изворачиваться как змея. Тогда я ему заколотила в бок. — Немедленно заткнись! А если попробуешь высказать свои умозаключения Нику, я отдам тебя на скотный двор!

— Не скажу! — Борька вдруг успокоился. — Но при условии, что ты, вот прямо сейчас, здесь, положи копыто на грудь, признаешься в этом мне!

Вот ведь! Шантажист! Рыжий вымогатель!

— Ладно! — Я выдохнула. Подумаешь! Ну и скажу! Это ведь только слова! Это неправда!

Или правда?

— Копыто на грудь класть не буду, даже не мечтай, но скажу, что ты... прав! Я, кажется, действительно влюбилась! И мне от этого так... — Не в силах произнести хоть слово, я обхватила Борьку за шею и, всхлипнув, прижалась лбом к его шелковистой шерстке. — Так пло-о-охо-о-о!

Рядом послышались шаги, чуть скрипнули дверцы, а от раздавшегося голоса я чуть не потеряла сознание:

— В кого это ты успела влюбиться?

Боже! Ну Борька! Ну... гад! Развел как... Но Никите никогда не признаюсь! Ни-ког-да!

Нацепив безмятежную улыбочку, я развернулась. Ник стоял, облокотившись на дверцы загона, и в ожидании ответа внимательно поглядывал на нас.

Не зная, что сказать, я вдруг выпалила:

— В Феникса!

— Неправильный ответ. А мы, Ник, тут в загадки играем. Хочешь шараду? — Борька сосредоточенно почесал копытом нос. — Вилка, телка, елка, булка, Яшка. Разгадаешь — поймешь, кто счастливчик!

— Яшка? Какой Яшка? Так ты влюбилась в Феникса или в Яшку? Или у Феникса подпольное имя — Яшка? — Ник подержался за голову. — Я понял. Вам двоим надо на свежий воздух. Мне кажется — это все дух. Сюда тоже добрался.

— Так он же кот! — Я охотно сменила каверзную тему.

— Это он сейчас кот, — возразил Ник. — А полчаса назад он был духом.

— Согласен! — перебил наш спор Борька. Скосив глаза к переносице, он потряс головой и выдал умозаключение: — Тут явно что-то витает в воздухе, и оно заразно! Валим отсюда, пока до нас не добрался страшный кото-Яшко-дух!

Копытом открыв дверцу, он заставил Ника отшатнуться в сторону и бодро потрусил к выходу.

ГЛАВА 6

У дверей конюшни уже никто не играл в чижа, зато нас поджидали три такого умного вида мужчины, что я даже заробела. А ну как скажу чего-нибудь такое, трудное для их гениальных мозгов? Сами не поймут, а меня — вот обязательно — в дуры запишут! Лучше создам впечатление человека разумного и помолчу!

— А вот и мои гости! — Из-за самого высокого и широкоплечего незнакомца выглянул трактирщик и с лучезарной улыбкой направился к нам.

— Это кто? — Ник тотчас сосредоточился и внимательно оглядел изучающих нас взглядами мужчин.

— Они — моя часть сделки. Высокий — глава городской стражи. Блондин рядом с ним — глава ученого совета, а тот, что самый низенький, — брат целителя, которого вы ищете.

Едва только ознакомительная речь была закончена, как мужчины дружно шагнули к нам.

— Весьма приятно встретить в нашем городе талантливых духоловов. — Первым Никите протянул руку глава стражи. — Давно у нас?

— Недавно! — Ник вежливо пожал ее.

— А цель визита?

— Найти великого ученого Цитрона. — К рукопожатию добавилась вежливая улыбка.

— Я польщен, что так отзываются о моем самом нерадивом ученике! — В разговор вступил тот, кого трактирщик представил как главу ученого совета. — И где же выпивоху и лодыря Цитрона знают как великого ученого?

— В Еремеевом королевстве, — вдруг выпалила я. Если честно, сама от себя не ожидала! — Однажды он был там проездом и сумел вырвать из когтей смерти мою маму.

— И вы только сейчас пришли его за это поблагодарить? — фыркнул третий. Брат Цитрона оказался невысоким мужчиной неопределенных лет с совершенно бесцветной внешностью.

— Лучше поздно, чем никогда, — кивнула я. — Вы проводите нас к нему?

Мужчины переглянулись.

— К сожалению, он немного не в себе, — кашлянул глава ученого совета.

— Увы! — печально вздохнул родственник нашей пропажи. — Мой брат сошел с ума. Уже несколько лет твердит о каком-то белоглазом демоне и проклятом кольце. Мне жаль, но думаю, что вы проделали ваш путь зря. Отправляйтесь домой.

— И все же я вынужден настаивать! — Ник стиснул зубы так, что заходили желваки, и медленно процедил: — Я увижу его. Сегодня! И только после этого мы покинем город.

Мужчины снова переглянулись.

— Как пожелаете. — Начальник стражи вдруг достал из кармана платок, встряхнул его, и перед нами в полуметре от земли повис большой квадрат темной ткани. — Забирайтесь. Я отвезу вас.

— Но... а как же наш жеребец? — Я взглянула на Борьку. Не заинтересованный нашей беседой, он уцокал под навес и, сунув морду в деревянную кадучку, уже чем-то аппетитно хрустел.

— Мои ребята за ним приглядят! — успокоил трактирщик. — Когда вернетесь, найдете его здесь же.

Я бросила быстрый взгляд на Ника. Какой-то он уж больно мрачный. Не иначе, из-за упоминания о белоглазом демоне. Зря я сказала, что люблю Феникса... Вдруг он принял это признание за чистую монету?

Хотя ему-то какая разница?

— Хорошо. — Ник подошел к воздушной ткани и протянул мне руку, помогая подняться.

Глава стражи первым взобрался на это летучее приспособление (по ощущениям, больше похожее на тоненький, пружинящий под нашим весом матрац) и теперь сидел, терпеливо нас дожидаясь.

Едва мы уселись, как летучее чудо техники начало плавно подниматься. Я тут же

почувствовала, как вокруг моей талии сомкнулись невидимые зажимы, но все же поинтересовалась:

— А мы не упадем?

— Платок-дирижабль, последняя разработка технического отдела наукограда, оснащен невидимыми подушками безопасности и невидимыми ремнями безопасности! — заносчиво буркнул наш провожатый, ухватился обеими руками за такое же невидимое колесо и прогудел: — Би-биб! Набираем высоту!

— Что ж это? На последнюю разработку ума хватило, а на клаксон к ней нет? — Чувствуя нарастающее недоверие к невидимым ремням безопасности, я огляделась в поисках того, в кого бы вцепиться, но, кроме Ника и здоровяка-стражника, рядом никого не было... Интересно, как мы высоко? Разноцветные крыши домов и деревья, что еще секунду назад загораживали нам ярко-синее полуденное небо, теперь остались где-то внизу.

— Би-биб — это особенный магический звук, позволяющий дирижаблю набирать высоту, — обернулся ко мне здоровяк и подметил: — А клаксон в небе не нужен. Особенно днем. Вечером еще мог бы понадобиться, чтобы в летающие опыты наших активистов не вляпаться.

— Это вы сейчас говорите о стадах перелетных кур, коз и коров? — уточнила я.

— Ну да... Так наши маги-ученые на экспорт в другие царства-государства поставляют животных и птиц, выращенных при помощи магического воздействия. И дешево и сердито! Одна такая курица растет неделю. Баран — две, корова — месяц. Чистая прибыль.

— А этот ваш «экспорт» съедобен? — Я в сомнении покусала губы. Надо бы по приезде домой сообщить батюшке о таких опытах. А то наши фермы годами молодняк за гроши выращивают, а тут такое летучее надувательство!

— Будьте спокойны! Правда, я эти опыты не пробовал, но... А вы из какого государства? — запоздало спохватился начальник стражи.

— Я из Заречного, — выручил меня Ник. — Вот только не знаю, пробовал ли вашу живность на вкус...

— Самая вкусная — наша! — расплылся в фальшивой улыбке наш проводник.

Нет, точно! Приеду, скажу папе, чтобы прекратил весь импорт из Берендеева царства.

— Даже не сомневаюсь, — покивала я, украдкой разглядывая проплывающий под нами город. С высоты птичьего полета он, окруженный стеной, казался странной изогнутой каплей, в которой перемешались почти все цвета, какие только есть на этом свете. — Красиво...

— Да, — польщенно мурлыкнул здоровяк. — А знаете, зачем эта цветовая гамма? Это карта. Например: на темных секторах работают животноводы, на синих — ботаники, на желтых — целители, на красных — экспериментаторы. Серые ровные кружочки в каждом из них — посадочные площадки для облета стражи.

— А зеленые? — Я заметила островки зелени. Они были везде, точно брызги по всему городу.

— А зеленые — жилые сектора. Мы же не только город передовых технологий, но и культурный центр, где любят гостить и жить наши горожане и гости Болотной Гати.

— А почему ваш город так называется? — Ник бросил на него подозрительный взгляд.

— Все дело в том, что когда-то здесь была вековая гать. И основательница города решила побороться с болотом за право жить здесь. Более того. Она была искусным алхимиком и магом и всего за пару столетий создала из гниющей топи эту жемчужину Берендеева царства.

— И? Город назвали в память болота? — Я усмехнулась. Как трогательно и банально!

— Почти. — Глава стражи бросил на меня снисходительный взгляд. — В память основательницы. Ее звали Гатя.

Тут даже Ник не выдержал:

— Дал же бог имечко!

— А чего? — тут же нахмурился проводник. — В нашем городе много девушек носит

это имя. А родители считают за честь называть так дочерей.

Мы с Ником переглянулись и, уже не таясь, в голос заржали. Начальник стражи смерил нас взглядом оскорбленной добродетели, отвернулся и принялся сердито рулить.

Вскоре платок-аэробус пошел на снижение. Мы приземлились в живописном месте, на небольшом круглом возвышении. Выложенная серым камнем посадочная площадка была настолько чуждой среди зеленых садов, пестрых клумб и маленьких разноцветных домиков, что мне захотелось поскорее сбежать с нее на шелковистую травку.

Начальник стражи, все еще обиженный на наше непочтительное отношение к общегородскому имени, молча подождал, пока мы спрыгнем с перелетного «платка», зависшего в метре от посадочной площадки, указал на желтый крошечный домик, стоявший на отшибе, и процедил:

— Цитрона вы найдете там. Даю вам два часа. Если управитесь раньше или у душевнобольного случится приступ — просто вызовите стражу.

— А как нам это сделать? — тут же поинтересовался Ник.

— Каждый жилой дом оборудован быстрым вызовом стражи — в виде изображенной у входной двери пятерни. Приложите к ней руку и можете ждать патруль.

— Учтем. — Ник развернулся и вместе со мной направился к дому.

Пройдя несколько шагов, я обернулась.

На площадке уже никого не было.

— Да-а-а... Как у них в этой... Гати все запутано-о-о! — вдруг фыркнул Ник, вызвав у меня новый приступ смеха.

Сама себя не узнаю! Казалось, что этим смехом я пытаюсь отгородиться от всего того, что мучило меня утром. Вернуть бы все на тот виток развития, когда еще не было мучительно больно осознавать предстоящую разлуку и страх потерять этого мужчину.

— Да уж... — буркнула я, когда истерика внезапно прошла. — А я всю жизнь терпеть не могла имя Василиса. Как оказалось — зря! Бывает и хуже!

— У тебя невозможное, невероятное и самое прекрасное имя из всех имен, что я встречал. — Ник вдруг сжал мою руку, заставляя остановиться и обернуться к нему.

— Как показал опыт — смотря с чем сравнивать. — Я попыталась за шуткой скрыть охватившее меня волнение.

— Вась... Васька... Василек... — Глаза Ника оказались так близко, что я даже задохнулась от волнения.

— Не называй меня так!

— Как? — Его мягкий баритон вдруг сменился тревожащим шепотом.

— Василек... — Я почему-то тоже перешла на шепот. — Меня так называет тетя. А еще меня так называл отец.

— А еще тебя так буду звать я... — Его ладони коснулись моих щек. Он приподнял к себе мое лицо и едва шевельнул губами: — Я разгадал шараду.

Я почувствовала, как самый настоящий пожар охватил мое лицо.

— Какую шараду? — выдохнула я, чувствуя, как невероятное смущение сгорает в огне праведного гнева. — Ты о чем?

Ну Борька! Ну... мечта скотобойни!

И тут же почувствовала себя свободной. Его теплые ладони исчезли, даря и облегчение и досаду. Ник прищурился, словно принимая правила игры.

— Вопрос на миллион. Который вы с Борькой обсуждали.

— И? — Я скрестила руки на груди.

Он развернулся и не спеша направился к желтому домику.

— И все же? — Я догнала его и пошла рядом.

— Я понял, в кого ты влюблена. — Он бросил на меня быстрый взгляд.

— Если думаешь, что в тебя, — ты ошибаешься. — Я победно ему улыбнулась и тут же помрачнела. Так захотелось выговориться, ощутить спокойствие и... его ладони на моих

щеках...

Он словно почувствовал мое настроение. Снова взял меня за руку и развернул к себе.

— Ладно, выкладывай все как на духу!

Я покосилась на белую дверь заветного дома и посмотрела в слишком уж серьезные, стремительно темневшие глаза Ника. В них больше не было искорок, что так смущали меня. Зато теперь я могла рассказать ему все. Как отцу или... старшему брату, которого у меня никогда не было.

— Пять шагов.

— Что? — Он удивленно нахмурился.

Я кивнула на дверь.

— У нас осталось пять шагов. Потом ты получишь расчет и уйдешь, а я... Я вернусь к отцу. И может, даже буду счастлива. Буду продолжать жить так, как будто ничего не произошло.

— А разве что-то произошло? — Он чуть наклонил голову, не сводя с меня мудрых, всепонимающих глаз. — Разве произошло что-то, что может помешать тебе быть счастливой?

Сказать?.. Не сказать?..

И я решилась.

— Ник... Я хочу, чтобы ты знал...

И тут дверь распахнулась. На пороге появился полноватый, одетый в белоснежную рубаху и такие же белые льняные штаны невысокий мужчина средних лет. Роскошная светлая грива связана в длинный хвост. Увидев нас перед домом, он замер, по-совиному хлопая глазами.

— Вы ко мне, молодые люди?

Ник скрипнул зубами, а я поспешно высвободила руку и развернулась к хозяину дома.

— К вам, если вы целитель Цитрон.

— Ну... можно сказать и так. Целителем я был когда-то, теперь пишу книги о своей лекарской деятельности. А вы студенты? Не хотите узнать, как сделать вытяжку из белой поганки? Шикарно помогает от геморроя. А за перегонку плесени я даже получил награду от самого Берендея! Кто бы мог подумать, что именно мне доведется получить чудо-порошок от простуды! Или... — Он растерянно оглядел нас. — Вы не студенты? Вы пришли меня лечить?

— Послушайте... мы приехали, чтобы почерпнуть ваш бесценный опыт, аж из самого Еремеева государства. Поэтому, если не трудно, не могли бы вы уделить нам несколько минуток? — Я постаралась вложить в улыбку всю душу, только чтобы расположить его к себе.

Мне удалось. Цитрон заулыбался в ответ, а из его глаз ушла настороженность.

— Конечно! Прощу! Что же это я вас на пороге-то держу? — Он нырнул обратно в дом, оставив дверь открытой.

Я посмотрела на Ника и первой сделала те последние пять шагов, о которых говорила.

В маленьком, но уютном доме не было ничего, что намекало бы на безумие целителя. Простая, но аккуратная мебель. У дальней стены — кровать с медными шишечками. У большого окна — круглый стол с лежавшими на нем кипами книг и три окружавших его стула, в центре чистый коврик, на окне занавески, герань и пустые беленые стены. Я не заметила ни одной картины или зеркала. Ничего, что бы украсило жилище лекаря. Но... ведь это не странность и не повод записывать хозяина дома в буйные сумасшедшие. Мало ли... не все украшают свои дома картинами и уж тем более зеркалами. А вдруг оно у него висит где-нибудь в отхожем месте? Словно в ответ на эти мысли на дальней стене, за кроватью, я заметила прикрытую плотной шторой дверцу, ведущую в еще одну комнату.

— Садитесь, гости дорогие! — засуетился хозяин. Выдвинул все стулья, грузно плюхнулся на один и, подперев голову кулаками, внимательно уставился на входившего последним Ника.

Тот прикрыл за собой дверь, прошел к столу, но воспользоваться предложением не торопился.

Я же, наоборот, уселась рядом с целителем и, помедлив, принялась за допрос:

— Если честно, нас к вам прислала Мафания Премудрая. Принцесса из рода Премудрых. Дело в том, что примерно восемнадцать лет назад вы были проездом в нашем королевстве и вылечили ее сестру. Помните?

Мне показалось, что в глазах Цитрона мелькнула какая-то тень, но он обрадованно закивал:

— Да! Был! Знаю! Мафания вместе со мной проходила обучение в высшей лекарской школе. — И тут же озабочился: — А что случилось? Неужто королева снова заболела?

— Королева умерла, — успокоила я. — Через полгода после того, как вы уехали. Но мы пришли не призвать вас к ответу. Дело о лекарской ошибке за давностью лет закрыто. Мы здесь, чтобы ненадолго взять у вас колечко, то, что вы потребовали в уплату ваших трудов.

— Ко-ко-колечко? — испуганно закудахтал лекарь и вдруг развел руками: — У меня его нет.

Я почувствовала, как сердце рухнуло куда-то в пятки, а может, даже еще ниже.

— Как нет?

— Вот так. — Целитель тяжело вздохнул. Поднялся. К нему тут же шагнул Ник и толкнул бедолагу на стул. Цитрон испуганно вжал голову в плечи и торопливо заговорил: — Пожалуйста! Не трогайте меня! Я говорю правду! Я уже миллион раз пожалел, что послушался Мафу, но ничего уже не исправить! Это кольцо привело меня к сумасшествию. Все мои великие открытия, приближая к желанной славе, забирали у меня что-то взамен. Жизни друзей. Родных. Сладкие сны! Боже, как я скучаю по снам!

— Так. А теперь давай поподробнее! — Ник оперся кулаками о стол, не сводя с целителя внимательных глаз.

Тот бросил на него быстрый взгляд и забормотал:

— Мне не снятся сны...

— Да при чем тут твои сны? — грубо оборвал его Ник и потребовал: — Начни с того, как ты узнал об этом кольце! Ведь отчего-то же ты потребовал в награду именно его, а не авоську золота!

— Это все Мафка! — снова заскулил Цитрон. — Помню, я мимо ехал, ну и забрел к ней в гости. Она в очередной раз поругалась с мужем сестры и переехала из дворца в лачугу на окраине. Ну, значит, мы с ней выпили какую-то лекарственную настойку за встречу...

— Видимо, много... — вздохнула я, но Цитрон меня не услышал, продолжая покаянно бормотать:

— ...Она и поделилась горем. Говорит, что без памяти влюблена в мужа своей сестрицы, да тот на нее даже и не смотрит; пожаловалась, что всему виной кольцо, то, что король Еремей бережет пуще короны. И что, если бы не оно, не знала бы она этого ирода. Ну я возьми да и спроси: что за силы у этого кольца? Она пояснила, что это — амулет, который то ли делает его обладателя счастливым, то ли как-то исполняет все желания.

— А потом? — не выдержала я.

— Той же ночью с королевой случилась беда, — послушно продолжил целитель. — Горлом пошла кровь. Я вызвался лечить и пообещал Мафе добыть то кольцо...

Его тяжелый вздох объяснил все.

— Ты дождался, когда королеве станет лучше, потребовал в награду кольцо, но Мафе его не отдал. Ты сбежал с ним! — голосом судьи отчеканил Никита, буравя взглядом совсем поникшего Цитрона. — Ладно. Я могу понять твою глупость — захотел весь мир у ног? Но вот чего я не понимаю: ты же должен знать, что магические артефакты такого уровня ничего не делают без платы! Куда ты его дел?

— Я ничего не знаю! Ничего не помню! — вдруг заверещал Цитрон и, подскочив, обвел нас безумным взглядом. — Кто вы? Как вы оказались в моем доме? Немедленно

уходите, или я вызову стражу!

— Обязательно. А мы поможем. — Ник, положив руку ему на плечо, снова вернул его на место и, не отводя глаз, проникновенно заговорил: — Ты пойми, мил-человек. Это кольцо спасет жизнь мне и вот этой девушке, если ты скажешь, где нам его искать. От этого артефакта зависит, будем ли мы с ней вместе, понимаешь ты это? Помоги!

Но Цитрон только продолжал бормотать:

— Ничего не знаю... уходите...

Ладно... Я достала мешочек и выудила тетушкино зеркальце. Есть у меня одна «энциклопедия» по таким вот тяжелым случаям, заодно и очную ставку устрою! Но не успела я даже коснуться его гладкого серебристого стекла, как с бедолагой целителем и вовсе конвульсии приключились. Не отводя от зеркальца по-настоящему безумных глаз, он опрокинул табурет, грохнулся на спину и как паук пополз прочь, пока не уперся спиной в кровать.

— Нет! Нет! Убери его! Убери!!! Я все скажу! Все! Только не вызывай демона огня! Нет! Не надо!!!

Мы с Ником переглянулись и бросились к нему.

Зеркало я убрала. От греха подальше.

— Говори! — Ник поднял его за шиворот и толкнул на кровать.

— Демон! Он начал приходить ко мне по ночам и требовать кольцо! Я... пожелал не видеть сны! Тогда он стал видаться мне в зеркалах! Он горит, и только его глаза — как застывшее серебро! Тогда, чтобы избавиться от демона, я отдал кольцо главному советнику Берендея и честно рассказал о его свойствах. Хотел, чтобы он поместил кольцо в магическое хранилище. А теперь уходите!

— Понятно. Но если ты нас обманул, я вернусь. Тебе не спрятаться от меня, как от демона огня. Поверь! — Ник развернулся и направился к двери.

— Нет! — Цитрон враз успокоился и, глядя ему вслед, покачал головой. — Я тебя не обманул. Если бы я только знал, ЧТО мне сулит эта награда, то даже не поехал бы в королевство Еремея!

— Скажи честно — ты не безумен. Ты просто очень боишься! — Не дожидаясь ответа, я тоже направилась к двери, а в спину мне донеслось:

— Если бы ты хоть раз увидела этого демона, девочка, ты бы боялась ничуть не меньше...

На пороге я развернулась и, прежде чем выйти в распахнутую Ником дверь, усмехнулась:

— Мне не повезло больше. Я замужем за ним!

Захлопнув за собой дверь, я медленно спустилась с небольшого крылечка и остановилась возле поджидавшего меня Никиты.

— Скажи... это правда?

— Что? — Он не отводил от меня глаз.

— То, что ты сказал Цитрону? От этого колечка зависит наше счастье? Ты действительно хочешь остаться со мной? — Я выдержала его взгляд. Ник без тени улыбки кивнул и ответил вопросом на вопрос:

— А ты сомневаешься, что у нас получится?

— Что — получится? — Как же хорошо и спокойно стоять вот так, рядом с ним, и просто разговаривать!

— Быть счастливыми. — Его губы тронула улыбка. — Это и есть мой ответ на твои «пять шагов». Они не последние — они первые на пути к нашему счастью, и, если будет нужно, я сражусь со всеми белоглазыми демонами, которые будут мешаться под ногами... Кстати, встречный вопрос: каково это — быть беглой принцессой?

Я даже почувствовала, как вокруг меня сгустился холодный воздух. Конечно, теперь, после откровений Цитрона, он узнал мою большую тайну... И тут же решил стать счастливым? За мой счет? Конечно, зачем ему золото, когда принцесса, наследница короны и

королевства, лучше? О чем я думаю?! Как ему доверять?

Поживем — увидим. Главное, чтобы он не узнал, какие гадкие мысли мучают меня.

Беспечно передернув плечами, я развернулась и направилась к посадочной площадке.

— Не очень приятно. Особенно когда мою тайну узнают наемники. Кстати, странно, что ты меня не сразу узнал...

— Хм... — Сзади послышалось многозначительное хмыканье и шуршание травы под ногами. — Вообще-то я в вашем королевстве был всего раз и то проездом, так что... извини, что не узнал тебя сразу. Кстати, а ты в курсе, что в Шамаханском шахстве у правителя пять дочерей?

— На что это ты намекаешь?! — развернулась я.

От моего лирического настроения не осталось и следа. Нет, ну не понимаю, отчего он так на меня действует? То хочется, чтобы прижал к себе крепко-крепко и не отпускал, а то вдруг мечтается, чтобы больше не видеть его никогда! А от его насмешливых ноток в голосе меня и вовсе трясти начинает!

— На то, что даже в парандже я быстрее узнал бы в них принцесс, чем во встретившейся мне на дороге оборванке! — Он первым шагнул на круглую каменистую площадку и развернулся ко мне. — Вась, я не понимаю твоих страхов. За три дня, что мы в пути, ты могла бы уже понять, что мне можно довериться!

Он протянул мне руку, но я шарахнулась от нее, как черт от ладана, и сама шагнула на площадку. В душе снова шевельнулась обида.

— Доверять? Как можно доверять человеку, который сразу начинает говорить о цене и предлагать свои услуги?

— Ах, ты об этом... — Никита сделал вид, что не заметил моего пренебрежительного отношения, и как ни в чем не бывало заложил руки за спину, немного отведя борт плаща, под которым прятался клинок. Слишком дорогой для простого наемника... Вот тоже странность — о себе вроде и рассказал много, да только я как ничего о нем не знала, так и не знаю, кроме того, что он — Никита Заречный, учился и служил у целителей и теперь возвращается домой в Заречное королевство. — Ладно, Василиса Еремеевна, скажу тебе как на духу: понравилась ты мне сразу. Вот как только увидел — сразу покой потерял, поэтому и надумал к тебе в услужение попроситься, чтобы поближе стать. Согласись, кому бы ты доверилась больше: мужчине, который после знакомства стал бы набиваться к тебе в полюбовники, или тому, кто предложил бы тебе услуги провожатого?

Мои щеки загорелись, словно объятые пламенем.

Откровенный начался разговор... А что я хотела, сама начала...

— Допустим... — Для моральной поддержки я подбоченилась. По мнению тети: «Это самая лучшая поза для предупреждения, перед тем как вооружиться скалкой. Мужик, если умный, перестанет нарываться, если глупый — получит стимуляцию мозгов!» — Но... неужели тебя не пугает то, что я замужем за страшным колдуном? Или ты думаешь, что я — дурочка деревенская? И раз мне так не повезло в замужестве, я брошусь в объятия первого встречного красавчика, а потом прости-прощай?

Негодяй вдруг улыбнулся мне в тридцать два белоснежных зуба и заговорщицки подмигнул:

— Ты действительно считаешь меня красавчиком?

— Нет! — выпалила я и отвернулась, но только для того, чтобы в следующее мгновение снова броситься к нему: с неба к нам бесшумно спикировало местное летательное средство, зависло в метре от площадки, а сидевший на нем парнишка поторопил:

— Забирайтесь поскорей! Мне в центр срочно нужно! Там такое...

— Какое? — Мы с Ником встревоженно переглянулись и тут же взобрались на слегка прогнувшийся под нами платок-дирижабль. Не знаю, о чем подумал Никита, но моя первая мысль была о Борьке. Что он там опять натворил?

— Какое-то странное животное забралось в секретную лабораторию наших биологов и сейчас устраивает форменные беспорядки! — подтвердил мои самые мрачные предчувствия

словоохотливый страж, смешно библикнул, поднимая нас в воздух, и злорадно протянул: — Ох, только попадись он мне...

— И... что тогда? — вкрадчиво поинтересовался Никита, пристально разглядывая профиль беззаботно рулившего парнишки, время от времени поглядывавшего вниз.

— Тогда моя смена закончится, — вдруг заулыбался тот, — и я пойду в балаган «Ароматы Гиндии». Эх не вовремя ж принесло эту животину!

— А что за животное? — нахмурилась я. Нет, для спокойствия мне нужна конкретика. — Лошадь?

Стражник посмотрел на меня так, словно я сказала что-то невероятное, и фыркнул:

— Если бы! Там такой мутант бегают — не приведи господь, если ночью приснится!

— А-а... — Я не сдержала вздох облегчения. Значит, не Борька!

Но порадоваться мне не дали вдруг донесшиеся издали переливчатые вопли:

— Фашисты! На опыты не дамся!!! Знайте! Я верен своему народу! И хозяйке еще! Живым не сдается наш гордый коняг и в суп ни за что не желает! Че эт ты мне в нос вилы тычешь? Подумаешь, пение ему мое не понравилось! Ты лучше под ногами не мешайся, а то как хоботом задену, мало не покажется! О! Теперь третья пара ног отросла... Иех, поберегись, а то зашибу-у-у!!!

Не в силах даже пошевелиться, я встретила взглядом с помрачневшим Никитой.

— Любезнейший, а не ваша ли пропажа там кричит диким голосом? — Он первым отвел взгляд и свесился, пытаясь разглядеть что-то внизу.

— Ага, она, кажись! — обрадовался парень и предупредил: — Скоростной спуск. Не бойтесь. Вы пристегнуты.

Летательный аппарат вдруг ухнул вниз вместе с подскочившим к горлу сердцем. В ушах засвистел ветер. Не в силах видеть летевшие навстречу деревья и дома, я на миг крепко зажмурилась, а когда распахнула глаза, мы уже не падали, а висели в метре от земли.

— Прибыли! — сообщил стражник, подождал, когда мы спрыгнем на разноцветную мостовую, и, не прощаясь, снова ушел в небо.

Прислушавшись к нарастающему шуму, я обернулась к Нику, но тот не дал мне и рта раскрыть. Указал на что-то позади меня, оттолкнул к стене дома, а сам остался стоять в центре улицы, глядя на...

Бо-оже!

Я вросла в шершавые бревна, пытаясь осознать то, что только что увидела: на Никиту во весь опор несло шестиногое нечто. Приплюснутая голова с огромными, как у элфанта, клыками плавно переходила в длинную пернатую шею, а та в свою очередь заканчивалась бронированным шестиногим туловищем ярко-зеленого окраса. Всю эту невозможную картинку венчал полосатый хвост, которым чудо-юдо пользовалось как кнутом, отгоняя особо приблизившихся к нему стражников. Они-то и создавали невероятный шум криками и лязгом доспехов, серой волной катясь по неширокой улочке вслед за обезумевшим животным.

Я перевела взгляд на Ника. Он стоял, не сводя глаз с приближающегося чудовища, и уходить не собирался. Вдруг страшный зверь открыл пасть и голосом Борьки проревел:

— Поберегись! Зашибу! Ни-ик?! Ни-и-и-ик! — Чудовище попыталось остановиться, но его ноги словно жили своей жизнью и продолжали нести бронированное тело к застывшему посреди улицы Никите.

— Борька?! — Я бросилась к Нику.

Зверь и мой телохранитель рывкнули одновременно:

— Отойди!!!

Но было уже поздно. Никита бросился навстречу мутировавшему жеребцу, кувырком вскочил между мелькавшими лапами на бронированную спину и, цепляясь за длинную шею, протянул мне руку.

— Хватайся!

Не раздумывая, я метнула тело навстречу чудовищу, вцепилась в спасительную руку

Ника и в следующее мгновение уже сидела у него за спиной, слушай восторженные вопли Борьки:

— Хозяйка! Ник! Здорово, что я вас нашел!!! А меня эти экспериментаторы хреновы хотели на опыты забрать, но я не дался!!!

Позади послышались выкрики:

— Попробуйте его остановить!

— Скоро обещала прибыть Гатская летная полиция.

— Предлагаем сотрудничать, а то от вас и мокрого места не останется!

Ник обернулся и гаркнул:

— Что вам от нас надо?! Этот зверь принадлежит принцессе Еремеевого государства! Хотите развязать войну?

— Не...

— Не хотим! — послышался нестройный ответ. — Но желаем получить компенсацию за причиненную вашим зверем разруху.

— А взамен дать препарат, который позволит вашей тупой скотине снова обрести свой естественный облик! — рыкнул впереди зычный голос.

Ник тихо выругался.

Я выглянула из-за его плеча и едва не повторила ругательство: улица впереди сужалась. Более того! Ее перекрывала огромная сеть, а на пологой крыше стояли несколько мужчин в белых балахонах и явно поджидали нас.

— Тормози! — Ник вцепился Борьке в уши и хлопнул того по бронированной спине. — Обещаю, мы тебя в обиду не дадим!

— Поздно! — оскорбленно рявкнул тот. — Они меня уже обидели! Да как обидели-то! Сделали какого-то... Кобылы засмеют!

— Зачем вы превратили благородного жеребца ее высочества Василисы Еремеевны в это страшилище?! — крикнул Ник, обращаясь к стоявшим на крыше белым балахонам.

От эпитета «благородный» Борька даже стал выше ростом и заметно сбавил обороты. Правильно, негоже «благородным» жеребцам копыта бить и от каких-то там стражников тикать!

— Да больно он нам нужен! — раздалось возмущенные выкрики, а все тот же насмешливый голос терпеливо пояснил:

— Ваш, с позволения сказать, благородный жеребец сам запёрся в наши хранилища биологических разработок и сожрал целый тазик заготовленного для птицефабрики магически активного ячменя! А потом с перепугу уничтожил почти всю лабораторию и вылил на себя экспериментальный химикат. Дальше рассказывать? Или подождем, пока вы упакуетесь в сети для лучшего восприятия проблемы?

Ник что-то пробормотал, и Борька встал как вкопанный.

— Серьезно? — Он с тревогой обернулся к Нику. И тут его жуткая клыкастая голова плавно сменила цвет с зеленого на лиловый. Перья на длинной шее стали жесткой щетиной, а сама шея вдруг втянулась и стала шире. — Ой, мамочки!

— Слушаем внимательно! — крикнул Ник белым балахонам, покосился на стражников, замерших неподалеку с саблями наголо, и предложил: — А может, спуститесь? Что-то неинтересно вас против солнышка разглядывать.

— А нам неинтересно быть рядом с вами, когда вашу животину разорвет в клочья. Только сперва она сойдет с ума и станет буйной.

Ответ биолога-экспериментатора мне совсем не понравился. Ник зло скрипнул зубами, и только Борька был в неведении о своей скорбной участи, расшифровав сказанное по-своему:

— Это что же вы мне такое дадите, что мне опять так захорошеет?

Но ему никто не ответил. Тогда я вдохнула побольше воздуха и что есть мочи завопила:

— Если с Борьки упадет хоть волос, вам не поздоровится! Я скажу папеньке, какими опытами вы занимаетесь с живностью, и наше государство прекратит с вашим любыми

отношения!

— Ой, напугала! — вякнул все тот же голос. — Да от вашего клочка земли у нашего правителя только изжога! Вроде и договор есть, а исполнять его ради крошечной горстки едоков — нет ни желания, ни прибыли!

— Тогда мы расскажем всем союзным царствам-государствам о ваших магических экспериментах! Да еще припугнем! Мы тоже можем быть конкурентоспособными с нашими настоящими курицами, баранами и коровами! — Эх, что ж я батю-то не слушала, когда он мне экономику государства и основы управления объяснять пытался? Теперь бы не пугала несуществующими угрозами, а резала бы правду-матку!

Но... кажется, говорун в белом балахоне от моих угроз слегка смутился и примирительно сбавил тон:

— Ну чего греха таить, неувязочка вышла с конем-то вашим, господа хорошие. А посему предлагаю спокойненько разойтись. Вы живите в нашем славном граде сколь душе угодно, а как соберетесь отчалить — денежку на въезде заплатите. За вход и за выход! И за то, что сорвали нам отличный эксперимент вашим говорливым непарнокопытным!

— Это что же получается?! — возмутился Ник. — За то, что вы лишите нас средства передвижения — магического, смею заметить, — мы вам еще и заплатить должны?!

— Заплатите вы как раз за то, что мы сохраним жизнь вашему «средству передвижения» да еще дадим препарат, способный впоследствии вернуть ему его формы! — Говорящий подошел к самому краю крыши и уже тише закончил: — Это будет стоить вам пятьдесят золотых!

— У нас нет столько! — отрезал Ник, с нежностью погладил лысый, чешуйчатый затылок Борьки и полез в карман. — Но у меня есть кое-что другое. Какой у вас обменный курс рубля к самоцвету?

Балахоны пошушукались, наш собеседник достал какое-то приспособление, щелчком раскрыл его, превращая в три небольшие лопасти, и шагнул с крыши. Лопасти завертелись и, тихо жужжа, понесли его сорванным цветком белой лилии к мостовой.

Шагнув на камни, мужчина спрятал механизм и не спеша направился к нам.

— Рад, что мы нашли с вами общий язык. — На ничем не примечательном лице немолодого мужчины появилась надменная ухмылка.

— А с кем мы имеем дело, если не секрет? — Ник не сводил с него глаз.

— Я — мэр этого города. Назначен царем Берендеем десять лет назад, а благодаря моему уму и изобретательности этот пост будет за мной вечно. Так что... в каком-то роде я — повелитель Болотной Гати и, по секрету, ее прапрапраправнук.

— Ага, сам себя не похвалишь — никто не похвалит, гатский правнук! — во весь голос заржал Борька, заставив бледное, одутловатое лицо мэра пойти красными пятнами.

А в следующее мгновение четыре задних ноги жеребца исчезли, исчез и удобный бронированный панцирь. Я вдруг почувствовала, что сижу на чем-то мягком, неустойчивом, и, чтобы не упасть, вцепилась в Никиту, с изумлением разглядывая новое Борькино тело. Теперь он стал походить на огромную курицу с пышным коротким хвостом. Голова нашего бедного коняги тоже трансформировалась и чем-то напоминала голову свиньи с клювом, а вот шея осталась прежней: короткой, покрытой жесткой щетиной.

— Может, еще что-то умное хочешь сказать, жертва любопытства? — широко улыбнулся мэр, светанув желтыми зубами, достал из-за пазухи зеленоватые пилюли в прозрачном мешочке и, поманив ими, как конфеткой, направился к нам. — Что ж, скажи, и это будет твоим последним словом. И вообще, на месте твоих хозяев я бы оставил тебя здесь и не тратил самоцветы.

Ник задумчиво смерил взглядом приближавшегося к нам мэра, снова что-то шепнул на ухо Борьке, вдруг развернулся и одним рывком перетащил меня вперед. Я только успела вцепиться в короткую шею Борьки, как он, похрюкивая, рванул с места в карьер. Не дав опомниться от таких акробатических номеров, Ник крепко прижимая меня к себе, вдруг свесился и выхватил мешочек с пилюлями из рук остолбеневшего мэра.

— К счастью, вы не на нашем месте!

Возмущенный мэр что-то завопил нам вслед, но я его не слушала, во все глаза разглядывая приближающуюся сеть.

— Ник! Там... Там же... — Чтобы не видеть нашего пленения, я изо всех сил вцепилась в руки Никиты и крепко зажмурилась, а в следующее мгновение над ухом что-то лязгнуло. Раздались возмущенные вопли стражи...

Устав дожидаться встречи с сетью, я наконец осмелилась открыть глаза. Мы летели по улице, вот только сети уже никакой не было. Догадавшись, я обернулась, разглядывая, как рассеченная преграда двумя флагами вьется на ветру, прощально махая нам, а за нами, прилично отстав, упорно продолжают забег доблестные гатские стражи.

— И куда теперь? Город все равно окружен стеной! Нас не выпустят! Не проще ли было заплатить?! — Я обернулась и взглянула на Ника.

Невозмутимый, уверенный в победе, он даже не удосужился ответить мне взглядом. Впрочем, понятно почему. Одной рукой держа меня за талию, второй он обхватил Борьку за шею и, продолжая умело им рулить, оставлял погоню все дальше и дальше.

Свернув пару раз в узкие переулки и распугав группу горожан, слушавших лекцию «О пользе летучих жаб», мы вывернули на широкую улицу, и только тогда Никита соизволил мне ответить:

— Сейчас мы направляемся к воротам. Не бойся, принцесса, днем они всегда открыты. А что касается оплаты, отвечу так: не всегда нужно платить, особенно тем, кто хочет тебя унижить и оскорбить.

— Конечно! — возмущенно фыркнула я, разглядывая разбежавшихся прохожих. — Лучше своровать и пуститься в бег! Ты идиот? — Я снова посмотрела на него. — Сам всем рассказал, кто я такая, и что теперь?! Хочешь, чтобы батюшку удар хватил, когда он увидит на столбе мой портрет с шестью нулями и подписью: «Ее требует выдать стража царя Берендея»?

— А не слишком ли высоко ты себя ценишь? — удивленно хмыкнул Ник и даже скосил на меня ставшие светло-зелеными глазищи. — Даже за меня никто не давал больше четырех нулей!

— Сравнил елку с метелкой! — вскинулась я и осеклась. — Ты был в бегах?!

Боже, кто такой мой попутчик?! А если выяснится, что он обучался в племени опасных гидайских воинов мань-яньк?

Но Ник вдруг расхохотался и успокоил:

— Каждый, кто хоть мало-мальски выделяется из серой массы и чего-то стоит, имеет неурядицы с законом! Я кое-что украл, когда служил учеником у шамахан. Не бери в голову.

Сзади снова раздались крики, но я даже не обратила на них внимания.

— Украл? Ха! А ты бы нашел общий язык с моим папенькой. У того тоже... была бурная молодость!

— Вот и славно! Ты же нас когда-нибудь познакомишь? — Губы Никиты улыбались, а сам он снова не отрываясь смотрел вперед.

А вот я, как ни старалась, не могла заставить себя отвести взгляд от едва заметных ямочек на его щеках, четкой линии подбородка и... губ. Какие они, должно быть, мягкие и теплые...

Но помечтать мне не дал Борька. Он свернул в темную подворотню и внезапно остановился. Никита прыгнул первым, ссадил меня и, высыпав на ладонь горсть сворованных у гатского мэра пилюль, подошел к Борьке.

— Жуй. Точнее, клуй! И поскорее!

Я посмотрела, как мучается Борька, пытаюсь переловить их одна за другой коротким клювом, и огляделась. Укрывшая нас арка оказалась заброшенной и сильно заросла тенетами паутин. Что ж, умно. Безлюдно, и с неба не заметят.

Наконец на ладони у Никиты не осталось ни одной пилюли, и мы в выжидании усталились на Борьку. Вот только меняться он не собирался. Впрочем, взрывать тоже.

— Вкусно! — Он прищелкнул клювом и даже попытался облизнуться. — Ну как? Я хорош?

— В качестве беговой свинокурицы — очень! — фыркнула я, чувствуя, как на меня опять наваливается паника: неужели у нас ничего не получится?

Но Ник успокоил:

— Лекарство подействует, только не сразу. А ждать мы здесь не можем. Скоро закат, ворота закроются, и тогда выбраться из города будет сложнее!

— Я же говорила, что из-за тебя нас поймают! — Усталость, страх, злость — плохие советчики. Зарождающую к нему симпатию сменило раздражение, грозя нам ссорой, но, к счастью, Никита не обиделся.

— Я сказал «сложнее», а не «невозможно»! У меня есть план... — Он погладил Борьку по клюву. — Друг, ты способен совершить невозможное?

— А что нужно делать? — насторожился тот.

— Изю всех сил бежать к воротам. Только есть одно «но». Я не знаю дорогу. Сможешь найти ворота сам?

— А чего их искать? — Борька глубокомысленно почесал острым когтем за коротким, стоявшим торчком ухом и выдал: — Отсюда два раза направо, один налево и прямо до ворот!

— Отлично! Беги что есть сил. И не отвлекайся на стражников. Я сделаю так, что они нас не заметят — но! — могут услышать. Вася, садись! — Ник помог мне взобраться на мягкие перья Борьки. Сам легко вскочил следом, повозился и вдруг, накинув полу своего плаща нам на головы, скомандовал: — Трогай!

Борька сорвался с места так, словно за ним гнались бесы!

Какое-то время я молча сидела, старательно держась за Борькину шею, пытаюсь разглядеть хоть что-то сквозь плотную темную ткань, затем начала тихо хихикать, пока и вовсе не перешла на истерический смех.

— Ну и что здесь такого смешного? — прошипел мне на ухо Никита.

— Просто представила... Хи-хи... Бежит свинокурица, а на ней едут два сумасшедших, прикрывшись плащом, — типа спрятались!!! Ха-ха! Ой, не могу!!! Ой, держите меня семеро!!!

— Смешно не это, — рука парня крепко зажала мне рот, заставив подавиться смехом, — а то, что из-под плаща, который на самом деле сейчас никому не виден, как не видна и сама свинокурица, доносятся смех и стоны!

— Эй, народ! — прервал нашу познавательную беседу громкий шепот Борьки. — Может, заткнетесь? Оба! Я тут уже пять минут на площади перед воротами круги нарезаю. Народу мало, но у ворот стоят два стражника, а в небе над нами кружит какая-то хрень. Судя по тени, один из тех самых летающих платков класса дирижабль.

— Молчим! — пообещал Ник. Его рука исчезла, позволив мне глотнуть воздуха, но недовольное сопение над ухом осталось.

Борька сбавил шаг, уверенно неся нас вперед.

Вскоре до нас донеслись голоса, видимо стражников:

— Слышал, какая-то облава в городе?

— Слышал. А по-моему, это ученые из лаборатории опять чего-то начудили. Помнишь, как они вместо мусора сожгли мешок опилок карликовой конопки? Весь город два дня ржал!

— Еще бы! Мне, например, жена привиделась с *таким* носом, я над ней до сих пор иногда посмеиваюсь, когда вспоминаю!

— А мне теща с... Ой! До сих пор башка болит, после того как я ее с мусорной бочкой перепутал и получил сковородой в бубен!

— О чем и речь! У нас в городе всегда так. Кого ловить-то? Своих глюков?

— А чего их ловить? Сходи вон к дезинфекторам, они тебе всех твоих глюков за пять рублей поймают!

Голоса приближались, но пугало не это. Мне вдруг стало удобнее сидеть. Спина Борьки

как будто стала шире, шея, за которую я держалась, толще, а вместо жесткой щетины руки коснулась мягкая шерсть. Интересно, в кого на этот раз превратилась моя зверюга?

Ответ не заставил себя ждать. Вместо мягких шагов послышалось бодрое цоканье. Как вовремя!

Одно радует! Если верить Нику — нас не видно! Пока стражники поймут, откуда доносится цокот, мы будем уже за пределами города.

Но порадоваться маскировке мне не удалось.

— Гля, Макар, а это что за чудо-юдо?

— Ага. Гляжу. Сидят, плащиком прикрылись — типа не видно!

— Ну точно чего-то перебрали! — хохотнул стражник и тронул мою ногу. — Эй, там, в плащ-палатке! Живы?

Я в ужасе почувствовала, как ткань, скрывающая нас, плавно поехала вниз, и тут руки Никиты грубо развернули меня к себе и его губы жестко впились в мои.

Мне в глаза ударил яркий солнечный свет, и я зажмурилась, разом забыв, как дышать. На стражников мне уже было наплевать.

К нашему счастью, стражники оказались смекалистыми. Им хватило и секунды, чтобы понять, кто есть и где.

— Ну точно! Отдохнули на славу. Поди, в шатер «Ароматы Гиндии» заглянули? Теперь долго не отпустит. Сам как-то туда заходил...

— Макар, а какая у нас наводка?

— Двое. Принцесса и вор, верхом на какой-то мечте птицефабрики.

— И тут двое!

— Да ты сбрендил? Где ты видишь принцессу и эту... саму... хрюшку-несушку? Нормальные туристы!

— Да не! Я чего? Я ничего! Нормальные!

— Эй, мужик! — Тот, кого звали Макаром, решил проявить сочувствие и, кашлянув, посоветовал сосредоточенному на поцелуе Никите: — Ты, когда неможешь уже будет, на себя холодной водой плесни. Девушка тут же отмокнет. Не любят они... холодную...

Он хлопнул по крупу замершего Борьку, заставляя того перейти на шаг, а потом и на бег.

ГЛАВА 7

— Может, хватит? — Сделав усилие, я отстранилась от Никиты, пытаюсь отдышаться и избавиться от головокружения, нараставшего с каждой секундой. И без ароматов Гиндии обошлось... Губы уже болели от сумасшедшего поцелуя, а щеки горели от колкой щетины. Это сколько же мы так... «маскировались»?

Городской стены и поля уже не было и в помине, а дорогу окружил лес.

Ник тоже огляделся. И как ни в чем не бывало бросил:

— Скоро Царь-город. Столица Берендеева государства.

— Темнеет. — Я снова украдкой покосилась на стену леса. Деревья стояли частоколом, не пропуская в тревожную чащу ни лучика заходящего солнца. — Опять ночевать у ворот?

— Не бойся, в Царь-городе круглосуточная пропускная система. Главное, успеть затеряться, пока о нас не дошли новости...

— Думаешь, в наукограде уже догадались, что сумасшедшая парочка под плащом — это были мы? — Вспомнив, я едва удержалась от смеха. Н-да... это же надо было так спрятаться...

Ник угадал мои мысли и мрачно буркнул:

— Они не должны были нас заметить! Я применил заклинание, способное на время придать свойства шапки-невидимки любой ткани или вещи!

— Видимо, вся загвоздка оказалась в недостаточном количестве времени, и, когда Борька подошел к воротам, заклинание рассеялось! — Я все-таки не выдержала и

рассмеялась: — Хорошо, стражники душевные попались!

— Главное, выкрутились! — Ник тоже неуверенно улыбнулся и бросил на меня быстрый взгляд. — Я тебя не напугал?

Я до ушей покраснела и тем не менее смело фыркнула:

— Чем это?

Ник, может, и хотел внести ясность, но Борька его опередил:

— Вот, всегда знал, что бабы ветреные, но не до такой же степени? Ее... мужик... полчаса... взасос... а она... Или это ты к тому, что напугали ежа голой попой?

Ну гад!

Я вцепилась Борьке в ухо и яростно зашипела:

— Ты, мечта мясника, имей в виду, еще одно подобное замечание — и по возвращении к батюшке я из тебя лично сосисок навярчу!

Борька попробовал взбрыкнуть, но подумал и решил этого не делать, только тоненько завизжал:

— Хозяйка, обещаю! Ни слова! Онемею! Снова разучусь говорить, только, пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста, отпусти!!! Я ж не слон какой! Я ж конь! К тому ж породистый!!!

Все еще возмущенно сопя, я медленно, один за другим разжала пальцы и с силой стиснула луку седла. Только бы кого-нибудь из этих двоих не покалечить...

— Вась... — Губы Никиты коснулись моего затылка, на миг вызвав у меня паралич дыхания. — Не сердись... Этот поцелуй всего лишь маскировка. Ты же понимаешь, что, если бы мы могли обойтись без этой крайней меры, мы бы обошлись, но...

Дыхание вернулось, а вместе с ним и злость.

— Значит, всего лишь маскировка?! — Я стремительно развернулась, хлестнув волосами по его породистому лицу. Он закрыл лицо ладонями, и его плечи судорожно вздрогнули. — Ах так! Я сказала что-то смешное?!

Ник качнул головой, нехотя отвел руки от лица и с милой улыбкой заглянул мне в глаза.

— Я просто хотел убедиться, что ты во мне теперь не сомневаешься.

— Знаешь что? Теперь я в тебе сомневаюсь еще больше! — Я отвернулась от него, и мой взгляд замер на показавшихся вдалеке башенках замка, будто пожаром объятых лучами закатного солнца. — Поэтому все разговоры о том, что может быть или чего быть не может, оставим до лучших времен!

— И когда же они наступят? — Его теплое дыхание снова коснулось моих волос.

— Когда найдем кольцо и отдадим его Фениксу, — буркнула я. — А до тех пор ты будешь для меня проводником. И только.

— Знаешь, хозяйка... — снова вякнул было Борька, но, услышав из двух глоток: «Заткнись!», обиженно фыркнул. — И чего так орать? Только хотел советом помочь, но с таким отношением — фигу вам, а не помощь!

Я стиснула зубы, чтобы не сказать какую-нибудь гадость этому умнику.

И почему он так на меня действует?! То бесит невероятно своими шуточками, а то смотрит так, что дыхание перехватывает... Да нет, не Борька! А Никита!

Чтоб их... обоих!

Надо бы сегодня с тетей посоветоваться... Если только с почечуйником экспериментировать не будет...

К городским воротам мы подъехали уже затемно. Если честно, я боялась, что в ночи мы их не заметим, но царь Берендей расстарался сделать их заметными в любое время дня и ночи, поэтому увидеть высоченный прямоугольник городских ворот, освещенный множеством горящих факелов, смог бы даже слепой. К тому же совсем рядом с ними проходил тракт, а у ворот развлекались игрой на скрипке и жалейке десятка два горожан. Совершенно не замечая гостей, они приплясывали в такт музыке и звонкому, чистому как ручеек, девичьему голосу:

Весело да весело
У деревни Лесьево.
А подальше от ворот,
Где резвится черный кот,
Все совсем наоборот!

Собрались как на парад
Мужики, кто чем богат.
Ухватили топоры,
Колья, факелы, багры!
Не дошло бы до беды.

А коту все нипочем,
Он обедом увлечен:
Стаю серых голубей,
Пять коров и семь свиней
Одолел кот Тимофей!

Да три пуда сала.
Да как крикнет: «Мало!»
Ох!

Не дожидаясь, когда девица поведаст о всех чудачествах обжоры кота, Ник спрыгнул с Борьки и громко спросил:

— Почтенные! А как бы нам в город попасть?

Оказавшись под пристальными взглядами разом забывших про веселье зрителей, я поежилась.

— Кто вы? Откуда и куда путь держите? — Из расступившейся толпы к нам вышел седоволосый мужчина. Крепкий, высокий, с пронзительными синими глазами. Назвать его стариком — просто язык не поворачивался. В руках он держал скрипку. — Зачем в столицу пожаловали? Рассказывайте...

— Мы с сестрой возвращаемся домой. В Заречье. Ночь застала нас у ворот вашего города. Вот, пожалуй, и весь сказ. — Ник смело встретил взгляд его ясных глаз. — Так где стража? Кому пошлину за въезд платить?

— А у нас в городе пошлину на праздничную неделю отменили! — дерзко прозвучал звонкий голосок, и к мужчине подошла невысокая черноволосая девушка с такими же пронзительно-синими глазами.

Седоволосый тут же подтвердил мою догадку:

— Моя дочь. Олена. Завтра у нашего славного царя Берендея день рождения, вот и берем за вход плату не звонкой монетой, а умениями. Всю праздничную неделю не смолкает музыка и песни на площадях города и у ворот. Любит царь, чтобы подданные так его поздравляли. Да повеселее, да погромче. — Мужчина пытливо прищурился. — Покажите ваши таланты, и вход в Царь-город открыт!

— Да мы ничего и не умеем... — Ник отчего-то запахнул плащ, покосился на меня и снова спросил: — Может, все-таки цену назовете?

— Цену батюшка уже назвал, — шагнула вперед девчонка. — Так что выбор за вами. Или споете, спляшете нам, или прощевайте! Тракт — вон он...

Ник развернулся и направился к нам с Борькой, а голосистая «заноза» вдогонку ему обидно бросила:

— Слабаки! Ну и ночуйте в поле!

И тут в меня словно бесенок вселился. Ишь какая хозяйка ворот нашлась! Вон как

глазами зыркает! Ничего, мы еще посмотрим...

Я скатилась по крутому боку жеребца и тихо спросила:

— Борь, ты мне, если что, поможешь? Ну там копытами ритм задать?

— Легко! — так же едва слышно фыркнул жеребец и уточнил: — А вторым голосом тебе не подпеть? У меня с детства был классический баритональный дискант. Как заржу, бывало...

— Это по настроению, — перебила я его и тут же остерегла: — Но лучше не высовывайся. Вдруг про твои говорливые таланты уже сообщили как про главную примету на картинке с надписью «Их разыскивают»?

Ник подошел и принялся что-то искать в дорожном мешке, висевшем на луке седла.

— Ты собираешься уехать? — Я тронула его за руку. — Но нам, кажется, было нужно попасть в город!

Он взглянул на меня и подмигнул.

— А кто говорит, чтобы уехать? У меня с собой где-то была губная гармошка, вот и решил тебе подыграть.

— Мне?! — Весь задор куда-то тут же подевался. — Это что же, я еще и за всех отдуваться должна?

— Только не говори, что у тебя ни слуха, ни голоса... — подначил Ник.

Наконец выудил из мешка гармошку и, цапнув меня за руку, потащил за собой. Позади послышался мерный перестук копыт. Эх, хоть Борька рядом... ритм задает. Не так страшно...

— Неужто насмелились? — насмешливо прошептала девица.

— Насмелились! А подыграть не слабо? — подбоченилась я, судорожно вспоминая слова песен, которые все до единой, как назло, выпорхнули из головы. А ведь благодаря тете Мафе я знаю их в огромном количестве!

— Да без проблем! — В руках девицы оказалась сопелка, а рядом, смычком, уже пробовал струны скрипки ее отец.

Понятно. Наверное, никакие они не стражники, а обычные городские музыканты. Развели нас на «слабо»!

Что бы такого спеть?

— Ну? Язык отсох? Или тебе ноту ля продудеть? — опять сбила с мысли маленькая стервочка.

Ну врешь! Нас так легко не возьмё-ошь!

Я набрала в грудь побольше воздуха и выдала частушку:

В огороде у меня
Расцвела вдруг конопля.
Может, ты смекнешь, подруга,
И отстанешь от меня?
А не то недолго мне
Растрепать по всей стране
То, что ты, как лист до попы,
Привязалась вдруг ко мне.

Тишина стояла недолго. Грянул хохот. Девица прищурилась и со змеиной улыбочкой пошла ко мне, от злости выбивая чечетку. А может, это у нее такой нервный тик?

Не пойму я, кто поет?
Крокодил аль бегемот?
Не пойму я, почему
Весь народ от смеха мрет?
Может, внешность хороша,

Только ты поверь, душа,
Что в частушках и куплетах
Ты не смыслишь ни шиша!

Ах так?!

Чья б корова помычала,
А твоя бы помолчала.
На сопелке ты играй,
Рот поменьше разевай!

И, не удержавшись, показала разгневанной девице язык под одобрительные крики воодушевленной творческой дуэлью толпы...

Она уже открыла рот, чтобы наверняка сразить меня наповал, но тут нашу дуэль прекратил ее отец:

— Отлично, Олена! Голос нашей юной гостьи и ее находчивость доказали мне, что она достойна войти в наш город. Но что скажет ее спутник?

— А чего говорить? — раздался у меня за спиной мягкий баритон Никиты. — Мне до моей сестренки далеко. Пусть поет, а я могу подыграть на губной гармошке, ежели нужно...

— Нужно, — кивнул седоволосый. — С приблудившейся овцы хоть шерсти клок, так сказать... — И в ожидании посмотрел на меня.

Я пожала плечами, покосилась на Никиту, оглядела замершую толпу и, чувствуя над ухом теплое дыхание Борьки, вдруг затянула:

Ветры буйные, сиротинушкой
Вы оставили мою душеньку...
Черны вороны в края дальние
Унесли давно любовь девичью.

На этом месте, старательно вытягивая все высокие звуки, своим «баритональным дискантом» вступил Борька (авось не поймут, кто у меня на бэк-вокале), а к заунывным звукам губной гармошки присоединилась плачущая скрипка.

Я добавила страсти в голосе:

И осталась я в слезах реченьке...
С сердцем блудным, с телом грешным...
Прокляни меня, мой царевич,
Прах ненужный — пусти по ветру.
Или счастье дай мне — прощение
И царицею сделай нищенку...

Оборвав пение на высокой ноте, я замолчала, наслаждаясь наступившей тишиной. На этот раз молчание было куда более долгим и слаженным. Я победно взглянула на разглядывающую меня девицу.

Так-то! Какие мы песни знаем... Это вам не про кота-проглота распевать!

И вдруг задумалась. Отчего мне вспомнилась именно эта песня? Ее очень любила петь тетя Мафа после особо удачного травяного сбора на мухоморах. А еще мне вспомнилось ее признание о том, что в молодости она любила моего отца. А может, и до сих пор любит?

В мыслях забрезжила надежда свести этих двоих. А чего? Маму не вернешь, а я же вижу, как отцу одиноко... Особенно сейчас, когда ему пришлось отдать меня Фениксу...

От последней мысли настроение снова сделалось препаршивейшим, и я едва не пропустила официальное разрешение для всей нашей честной компании пройти в город, а

заодно и приглашение на праздник, что «состоится завтра, в честь дня рождения царя Берендея».

— Очень ждем вас! — Седоволосый пожал мне руку, заставив очнуться и кивнуть.

— Непременно будем. — Я даже не забыла вежливо улыбнуться и, подталкиваемая Борькой, направилась вслед за Ником в манившие огнями ворота Царь-города.

Какое-то время мы молча шагали по довольно многолюдным, несмотря на столь позднее время, чистым улицам столицы. Аккуратные домики утопали в море цветущей сирени и яблоневых садах, точно облитых молоком. Время от времени нам попадались небольшие площади с фонтанами. Мимо изредка проезжали возницы. Отовсюду слышались голоса, музыка, смех.

По сравнению с наукоградом этот город вызвал у меня чувство какого-то вечного праздника. А еще он вызвал у меня чувство защиты, и я, впервые за эти бесконечно долгие несколько дней, ощутила спокойствие.

Сколько мы шли — не знаю, наконец мне надоело молча прислушиваться к цокающим шагам Борьки.

— И куда мы так целенаправленно движемся? — Я покосилась на задумчиво идущего чуть впереди Никиту.

— Надо где-то остановиться, — буркнул он, не сбавляя шаг.

— Мы уже миновали сотню трактиров! Неужели сложно было выбрать хотя бы один? — Ссориться не хотелось. Но как достучаться до этого лба, что я не ясновидящая и мысли читать не умею? Неужели сложно понять, что я устала, волнуюсь и совершенно не знаю наших ближайших планов на завтрашнее торжество и поиск колечка?

— Эта сотня трактиров была под надзором столичной стражи и наверняка по случаю предстоящего празднества переполнена гостями столицы. — Ник едва заметно зевнул, смерил меня внимательным взглядом и вдруг ласково улыбнулся. — Устала?

Вся злость тут же испарилась. Шмыгнув носом, я кивнула.

— Очень! И есть охота. А еще спать! И пить... Я так устала, что даже не знаю, что мне хочется больше всего! — Я прибавила шагу и поравнялась с ним. — А еще очень мучает неизвестность...

— Она меня тоже мучает. — Он отвернулся и добавил: — Утро вечера мудренее!

— Смотри. — Я решила проигнорировать его заумные отговорки и указала на старый дом, стоявший на этой улице самым последним. Может быть, я бы и не обратила на него внимания, если бы не заманчивая вывеска, гласившая: «Здесь вы найдете еду и ночлег за весьма разумную плату». — Может, зайдём? Непохоже, чтобы в этой глуши была охраняемая стражей переполненная гостиница!

Никита бросил на обветшалое здание внимательный взгляд и прибавил шагу.

— Давай зайдём.

Но тут воспротивился Борька:

— Вы, может, и зайдёте, а меня куда? На улице ночевать? Тут даже стойла нет, если, конечно, не брать в расчет те столбики под навесом!

— Ну знаешь ли! Может, тебе еще диван для ночлега вынести? — вспылила я. — Конечно, раз говорить научился, то почти человеком себя почувствовал?

— Я был бы не против дивана! — с достоинством кивнул жеребец.

— Давайте не будем ссориться. — Ник примирительно погладил Борьку по носу. — Дивана не обещаю, но вода и овес будут!

— Эх... вот так всегда... Вережки вы из меня вьёте! — печально вздохнула зверюга и послушно потрусилась вслед за нами к воротам в частокоте, окружавшем постоялый двор.

Едва мы шагнули за скрипучую калитку, как к нам навстречу бросился затрапезного вида мужичонка. Будто караулил!

— Чего желаете, господа хорошие?

— Ночлег ищем, — ответил за всех Ник и передал ему поводья. — Овес имеется?

— Даже стойла. Там. — Тот неопределенно махнул рукой. Подхватил поводья и повел Борьку куда-то за дом, гостеприимно бросив нам: — Не стойте. Заходите!

— Ну вот. Проблема с диваном решена! — Никита подмигнул мне и направился к дому. — Легенда та же? Мы с тобой брат и сестра?

— Да как получится! — Я проводила взглядом Борьку, послушно цокающего вслед за прислугой, и догнала Ника. Тот уже поднимался на высокое крыльцо. — А искать главного советника будем завтра?

— А ты хочешь сегодня? — Ник распахнул дверь и с улыбкой пригласил: — Прошу.

Переступив порог, я оказалась в довольно большом и, несмотря на начало лета, жарко натопленном зале. Голоса и смех посетителей сливались в монотонное бормотание. Грубо сколоченные столы ломились от огромного количества пустых кружек, которые едва успевали наполнять несколько полуголых девиц. Где-то в углу нестройно пиликало на скрипках трио музыкантов. Не иначе, готовились к завтрашнему празднику.

Ник огляделся и уверенно повел меня к трактирщику. Крепкий мужчина с пышными усами и длиннющей, заплетенной в косу бородой, он стоял за высоким длинным столом, уставленным всевозможными кувшинами и бутылками. Позади него на полках дожидались своего часа разнообразные стаканы, рюмки, стопки. В отдалении, за невысокой длинной ширмой, располагалась кухня. По крайней мере, именно туда впархивали девицы с подносами, на которых высились горы пустых тарелок, и возвращались в зал с блюдами, наполненными едой, источавшей аппетитные запахи.

Окинув нас внимательным взглядом, трактирщик притянул к себе бутылку из темного стекла и демонстративно наполнил рюмку темно-красной жидкостью.

— Приветствуем тебя, мил-человек. — Никита остановился у стола. — Нам бы где переночевать да поужинать. Есть комнаты?

— Здрав будь и ты, человеке! И спутница твоя здрава буде... — Трактирщик опрокинул в себя стопку, отставил и снова наполнил доверху. — Найдем. Главное, чтобы у вас было чем платить...

— Найдем! — в тон ему буркнул Ник и бросил на стойку сверкнувшую золотом монету.

— Мм... — глубокомысленно помычал трактирщик, повертел в пальцах кругляш и даже надкусил. Довольно улыбнулся и выдал: — Годится. Как плата за ужин. А за комнату еще четыре.

— Ты хотел сказать — за комнаты? — Ник едва заметно прищурился, глядя на трактирщика в упор, но того этим было не смутить.

— Чего хотел сказать, то и сказал! Народу гля сколь! Комната свободная одна осталась, но ежели вам не подходит — ничего не имею против. Дверь там. — Трактирщик одним глотком снова осушил стопку.

Ник задумчиво посмотрел на дверь и сцапал монетку.

— Пойдем, Вася.

Я вначале подумала, что ослышалась:

— Пойдем? Это значит, что мы снова будем искать трактир? Ты сдурел?

Ник посмотрел мне в глаза:

— Ты слышала? Комната одна.

— Да и плевать! — Я возмущенно покосилась сначала на трактирщика, снова наполнявшего стопку, потом перевела взгляд на Никиту и повторила: — Плевать! Я есть хочу! Я пить хочу! И я усну даже на полу в этом зале!

— Мм... уверена? — Ник задумчиво покусал губы.

Я озадаченно поморгала:

— В чем?

— Комната — одна! — снова с нажимом повторил он, не отводя от меня серых глаз, на дне которых снова закружились так пугающие меня искорки, но я упрямо мотнула головой:

— Я в курсе! А если мы уйдем — не будет ни одной! Так что... смирись, но сегодня мы

ночуем вместе!

Никита как-то обреченно покивал, точно раздумывая, и наконец решился.

Перед трактирщиком легли пять монет.

— Мы остаемся.

— Даже не сомневался, — фыркнул тот, сгребая монеты, а вместо них на гладко выструганную столешницу лег медный ключик с цифрой девять. Или шесть? И увесисто брякнула непочатая бутылка с чем-то темно-красным. — Налить вам? Настойка клюквенная. Успокаивает.

— Лучше налей то, что сон прогоняет. — Ник сцапал ключ, помедлил и все же опрокинул в себя стопку. Резко выдохнул. — Весьма успокаивает! Принеси-ка нам еды и чего попить.

— Будет исполнено, выбирайте место, — улыбнулся в усы трактирщик и даже не шевельнулся, чтобы исполнить приказ.

Никита развернулся, оглядел зал и направился к единственному пустому столу, стоявшему в тени под лестницей, ведущей к столь желанному отдыху. Неудивительно, что стол не занят, кому охота ужинать вместе с пауками?

Но мои опасения не оправдались. Под лестницей, на удивление, было чисто и даже не пыльно. Я со стоном плюхнулась на табурет, только сейчас в полной мере начиная понимать, как же устала. Ник, прежде чем сесть, снял дорожный плащ и только после этого опустил его напротив меня.

— А вообще, ты поспешила. Мы могли бы найти нормальный ночлег. — Сцепив руки в замок, он удобно устроил на них подбородок и принялся буравить меня взглядом.

Какие красивые у него глаза. Серые, в обрамлении густых темных ресниц. И кружащихся серебряных искорок в них все больше и больше...

— Я устала, Никит. — Сообразив, что смотрю ему в глаза слишком долго, я поспешно отвела взгляд и, рассматривая столешницу, отрезала: — Мне все равно, где ночевать. Хоть с Борькой в стойле, лишь бы под крышей. Но если тебя так смущает факт моего присутствия в комнате, могу предложить такой вариант: спим по очереди. Сначала я, потом ты.

Он запустил пальцы в короткие волосы и, поставив их дыбом, шумно выдохнул.

— Хорошее предложение, только давай сначала утолим голод, а после подумаем.

Словно услышав его слова, под лестницу нырнула служанка с подносом, уставленным тарелками с едой и стаканами, наполненными чем-то темным. Колыхая грудью, так и норовившей выскользнуть из открытого лифа, девица начала шустро сервировать стол.

Ник поднял на нее взгляд и обезоруживающе улыбнулся:

— Благодарствуем!

Та заулыбалась ему в ответ так, словно ей предложили мешок золотых, и напоследок, водрузив на стол пузатый кувшин, кокетливо мурлыкнула:

— Всегда пожалуйста, красавчик. Хозяин говорит, ты к нам на постой? Хочешь, скрашу тебе ночь... И недорого...

Я почувствовала, как самая натуральная, чистая злость взяла меня за горло, мешая говорить, дышать. Мешая думать!

— Эй, фря, вообще-то и я тут, если что... — наконец выдала я, заставив себя справиться с приступом беспричинной ярости. — И... у нас с братцем комната одна на двоих.

— Сестренка? — Придерживая двумя пальцами опустевший поднос, девушка кивнула на меня.

— Сестренка... — Ник перестал улыбаться и смерил ее выразительным взглядом. — Я подумаю.

— А ты не думай! Приходи на третий этаж. Первая дверь, — подмигнула девица и, уже уходя, заговорщицки выдохнула: — Для такого красавца эта ночь — бесплатно.

Я проводила ее взглядом...

Нет, ну какова зараза! Пусть скажет спасибо, что у меня позднее зажигание, а то

повыдергивала бы ей космы!

Бросив взгляд на ухмыляющегося Ника, я не сдержалась:

— Ух ты! Вот и проблема решилась! Иди ночуй с этой «гангреной общего пользования», а я спокойно выплусь в нашей комнате одна!

— Хорошая идея, — невозмутимо кивнул он. — Я подумаю. Только ответь мне на вопрос: чего ты так завелась на ее безобидное предложение?

Цапнув куриную ножку, он впился в нее зубами, не прекращая мучить меня взглядом.

Ну конечно! Лучшая защита — нападение...

— Безобидное? — Сделав равнодушное лицо, я тоже взяла ножку и, не заботясь о правилах и приличиях, принялась за еду. — Ну да... Безобидное. Наверное, у них здесь так принято... Забота о путниках, так сказать... А чего бы ей меня не попросить свечку поддержать?! — Притянув стакан, я, даже не заметив вкуса напитка, сделала несколько больших глотков и отставила. — Чего завелась? А ты подумай! Ни стыда ни совести!!! Она же меня чуть не выгнала из честно снятой комнаты!

— Ну не выгнала же! Наоборот, мне предложила уйти. — Ник одним глотком осушил стакан. — Вкусная медовуха.

И снова принялся меня разглядывать.

Ух, порой ненавижу его прищуренные глаза и ухмылочку такую, словно он знает обо мне нечто, чего не знаю даже я!

— Или это ревность? А, Василек?

— Ха! — Я едва не подавилась. — К кому? Забудь все, что я тебе наговорила. И забудь наш поцелуй! Мне не нужен наемник, возжелавший меня только после того, как узнал, что я принцесса! И не называй меня Васильком! Не в коня овес!

Улыбка парня поблекла. Глаза потемнели, а лицо сделалось злым.

— Неужели ты думаешь, что я с тобой только потому, что ты принцесса? Или потому, что ты пообещала мне заплатить? — Он поднялся.

— А что, опять будешь говорить, что это не так? — Теперь настала моя очередь всезнающе шуриться.

Ник молча натянул плащ, достал из кармана ключ и ладонью хлопнул его об стол.

— Так. И ты абсолютно права. Я — наемник. Помогать девицам задаром не в моих правилах.

Он развернулся и направился прочь.

— Эй, ты куда?! — Теперь на смену злости пришел страх. А ну как останусь одна?! Я вскочила, не сводя взгляда с его широкой спины. — Ник?!

Прежде чем выскользнуть из-под лестницы в зал, он неожиданно обернулся.

— Воспользуюсь щедрым предложением! — И снова по губам скользнула его ненавистная и... такая родная улыбка. И милые ямочки на небритых щеках... — Встретимся утром, сестренка.

Я медленно опустилась на стул, глядя, как к нему подскочила грудастая девица. Обняв Никиту за талию, она зашептала ему что-то на ухо и потянула к лестнице.

Придвинув к себе кувшин, я отвернулась и сделала вид, что меня совершенно не интересует эта парочка. Вскоре над головой проскрипели ступени, напоследок раздался звонкий смех, и все смолкло.

Ну и ладно!

Медовуха, говорите?..

ГЛАВА 8

Сколько я просидела, заливая медовухой сжигающий душу пожар, — не знаю. Завсегдатаев трактира становилось все меньше, а Ник все не спускался. Не скрою, я очень хотела его дождаться, чтобы высказать все, что о нем думаю, но этот мерзавец и вправду решил отсидеться (а точнее отлежаться) до утра в комнате своей новой подружки.

— Эй, красавица, скучаем?

Я сфокусировала взгляд на давно не бритой роже. Точнее, на сизом носу. Подняв взгляд повыше, я уставилась в подмаргивающие мне из-под включенной сальной челки мутные, чуть косящие глаза. В душе шевельнулось узнавание. Где-то я этого типа уже видела...

Не желая поддерживать разговор, я демонстративно отвернулась, но он тут же развернул меня обратно:

— Говорю, скучаем?

— Нет! — Я сбросила его руку и поднялась.

Ох! Лучше бы я этого не делала... Пол вдруг решил стать резиновым и пошел ходуном. Пошатнувшись, я оперлась на стол.

— Это все медовуха! — осклабился щербатым ртом мой неожиданный знакомец. — Крепкая она тут... ух! Давненько я сюда не заходил... а тут вот... решил горе залить... Да ты сядь! — Он припечатал меня лапой по плечу так, что я снова шлепнулась на табурет.

Буйный! Лучше с ним не спорить!

— А что за горе? — Я снова сфокусировала на нем глаза. Может, ему выговориться надо? И тогда он отстанет? Или предложить ему остатки медовухи? И тогда он уснет? Хотя, судя по роже, ему и два полных кувшина будет мало!

— Да ты понимаешь... было у меня дело всей моей жизни. Мы с друзьями промышляли на границах царства. Так сказать, чтобы враг с лишней монетой к нам в гости не пробрался...

— Пограничник, что ли? — нахмурилась я.

— Ага. Казак-разбойник! — хохотнул мой собеседник, без уговоров притянул к себе давно остывший ужин и кувшин, довольно булькнувший остатками медовухи. — И до недавнего времени все было хорошо. Напоролись мы, понимаешь ли, дня четыре назад на странную парочку... — Косые глаза снова уставились на меня, подняв в душе волну холода. Мне показалось, что даже хмель выветрился, заставляя мозг работать с отточенной ясностью.

Значит, вот откуда его лицо мне показалось знакомым! Он — один из тех бандитов, что получил от меня горячей картошкой в глаз!!! Господи, сделай так, чтобы он меня не узнал!

— И что произошло? — Я подперла рукой щеку, старательно прикрывая пальцами один глаз. Для маскировки, так сказать.

— Трех дружков порешили, — охотно поведал бандит, — один со спиной мается, после того как на нем бешеный конь поплясал. А я вот в столицу подался. Горе залить. Может, еще к какой банде примкну.

Черт!

— Гм... Сочувствую... Правда жаль, но уже поздно. — Я зевнула и сделала еще одну попытку подняться. — Пойду я спать. — Взяв ключ, я сжала его в руке.

— Дык я провожу! — Бандит, расправившись под шумок с нашим ужином, поднялся вслед за мной. — А мы с тобой, случаем, не знакомы?

— Нет. Не припомню. — Я отшатнулась, когда он шагнул ко мне. — Предупреждаю! Я тут с братом. И ему не понравится такое внимание к его сестре.

— Да я только проводить хотел. Видел, как твой братишка наверх с одной цыпочкой поднялся. Ох, жаркая девица — долго ждать его будешь... — Бандюган с радостью насыпал на ноющую рану соли. Пуд, не меньше.

Я отступила и вжалась в бревенчатую стену.

— Да ты не бойся! — Его лапы рванули ворот моей кожаной куртки. Я зажмурилась. Вдруг бродяга почти нежно провел пальцем по моей шее, и в нос ударил терпкий запах перегара. — Значит, все-таки свиделись, цыпа! А я сразу вас заприметил. Твоего парнишку запомнил как родного, а вот с тобой проблемы были. Думаю, вдруг не ты? Чего ж невинной-то за чужие грехи отдуваться? Вот и отправил к твоему парнишке Машку. Против нее никто не устоит, и она на таких смазливых падкая, да дружку моему неупокоенному — хозяину

таверны — навар будет. Все в выигрыше...

Я открыла глаза:

— Что вы хотите?

— Поквитаться. — На полубезумной роже мелькнула кривая улыбка. — Кажись, у тебя ключик был? Ну дык пойдем, провожу в комнатку-то. Подождем твоего братца с пользой для дела...

Значит, ловушка!

Он сцапал меня за шиворот и, прихватив кувшин с медовухой, потянул за собой в зал.

Я с надеждой огляделась. Может, кто заступится?

Но из тех, кто остался в таверне, многие уже и лыка не вязали, а те, кто хоть немного что-то понимал, только проводили меня равнодушными взглядами. Трактирщик лишь покосился и, спрятав в усы ухмылку, отвернулся, а затем... и вовсе исчез. Вроде только что был, но едва я сморгнула, как его не стало...

Может, нам что-нибудь в медовуху подсыпали?

Под ногами на все голоса закрипели ступени. Стараясь не упасть, я принялась перебирать ватными конечностями, панически пытаюсь хоть как-нибудь спастись, но одурманенные мысли рождали только неспособный к жизни бред. Пока я думала, лестница привела нас на второй этаж. Мрачный коридор без окон, с вереницей расположенных друг против друга закрытых дверей освещали четыре едва тлеющих факела.

— Какая у тебя комната? — бесцеремонно встряхнул меня разбойник, снова обдав смачным перегаром. — Давай ключик!

Я послушно залезла в карман и протянула ему ключ. Страх сменило безразличие. Борька на помощь не придет. Может, Нику покричать? Интересно, сколько у меня будет времени до того, как меня заставит замолчать кулак разбойника?

Бандит схватил ключ и, не выпуская меня, потянул к двери, на которой красовалась цифра шесть. Побренчав ключом, он распахнул дверь и вдруг замер, вытаращив глаза так, словно увидел призрака. Я осторожно высвободила руку из ослабевших пальцев конвоира и выглянула из-за его плеча.

То, что я увидела в комнате, заставило меня окончательно протрезветь. Я даже попыталась незаметно улизнуть, но вдруг поняла, что не могу пошевелить даже пальцем, попав под власть серебристых глаз мужа.

Мой сон оказался ожившим кошмаром!

— Феникс?

— Ну... приветствую тебя, Василиса Премудрая... — Голос мужа прозвучал тихо и оттого зловеще. Одетый в черный балахон, точно такой же, какой я видела на нем в день свадьбы, он стоял у окна и, освещенный призрачным светом луны, смотрел на меня. — Наконец-то свиделись...

— Свиделись... ага... — Я сделала шаг назад, но была остановлена его властным голосом:

— Подойди.

Не в силах противиться приказу, я нырнула под руку бандита, но тот тоже сделал шаг вперед и испуганно забормотал:

— Я ничего не делал... Я... я просто проводил девушку. Она пьяна. Можно мне уйти?

Тонкие губы Феникса растянулись в жуткой улыбке.

— Уйти? Не-эт! Ведь это ты с кучкой головорезов едва не спутал мне все планы! Твои товарищи мертвы... — Муж, объятый лунным светом, вдруг оказался рядом с нами и коснулся разбойника рукой, покрытой огненными язвами. — Так зачем тебе жить?

Бандит удивленно вытаращил глаза и даже попытался что-то сказать, но под ладонью Феникса вспыхнуло пламя и огненной язвой стремительно расплзлось по лохмотьям. Я едва успела отшатнуться. Мгновение спустя мой обидчик вспыхнул как спичка. Феникс убрал руку, и тлеющие останки ввалились в комнату.

Не мигая я уставилась на мертвеца, затем медленно подняла взгляд на мужа, терпеливо

разглядывающего меня бельмами глаз. Боже... а если он и меня сейчас... вот так же...

Понимая, что нужно что-то сказать, я было открыла рот, но он меня опередил:

— Я сделаю все, что ты захочешь. Я исполню любое твоё желание, даже самое невозможное, но только когда ты найдешь мое кольцо. Найди его! — После этих слов Феникса тоже окутало пламя, и, не дав мне испугаться, он исчез, в отличие от разбойника не оставив после себя даже пепла.

К горлу подкатила дурнота от мерзкого запаха сторевшей плоти. Чувствуя, как рвется нить реальности, я нашла в себе силы выйти из комнаты. Захлопнула дверь и, с усилием провернув ключ, вынула его из замочной скважины.

К счастью, вовремя. За спиной послышались шаги, и мягкий девичий голосок вежливо спросил:

— Госпожа что-то желает?

Я обернулась:

— Да... Я собиралась найти моего брата... Его нет в нашей комнате и...

Девушка подошла ко мне, посмотрела на бирку ключа и лучезарно улыбнулась.

— Возможно, ваш брат ждет вас в другой комнате? Этот ключ от девятого номера. А вы пытались открыть им шестой. Пойдемте. — И направилась в конец коридора. — Вот ваша комната.

Служанка побренчала ключом, щелкнул замок, и дверь с номером девять гостеприимно отворилась.

— Прошу.

Я с опаской заглянула в комнату. К счастью, Феникса здесь не оказалось, а что касается бандита... В конце концов кто-нибудь зайдет в шестой номер и увидит обгоревший труп! А все! Абсолютно все видели, как я поднималась с этим мужчиной наверх! Нет, не буду об этом думать. Только не сейчас! Пусть сначала докажут, что барбекю на ножках и тот хмырь — одно лицо!

— Спасибо! — Вытащив ключ, я шагнула в комнату и захлопнула дверь перед носом девицы.

Сейчас самое время бежать отсюда, и подальше! Боже, где носит моего телохранителя? Только бы с ним ничего не случилось! Иначе я лишусь возможности придушить его лично!

Мне нужен совет! И немедленно!

Я достала из корсета зеркало и торопливо его потерла.

Только бы тетя Мафа не спала!

Тетя Мафа не спала.

— Да ты мой хороший, да ты мой славный! Ох, да что ж ты со мной делаешь-то? Да ты... что, опять?! Вот как всегда!

Я с опаской вгляделась в блики теней, пляшущих на бревенчатой стене, и тихо позвала:

— Теть? Теть?

Странные монотонные звуки прекратились, и теткин голос как ни в чем не бывало поинтересовался:

— Вась? Ты, что ль, опять?

— Ну а кто еще? — Подумав, я подпустила жалобности в голос и всхлипнула: — Теть! Я пропала! Мне так нужен твой совет! Ты не очень занята?

Нет, ну мало ли... может, каким-нибудь колдовством занимается...

— Очень! Чего ж ты на связь ночью-то выходить придумала? Занята я! — отрезала она, и перед зеркалом наконец-то показалось ее накрашенное лицо и стоявшие колтуном волосы. — Из козла пытаюсь сделать человека, но, наверное, такое колдовство мне не по силам! Ладно, подождет. Рассказывай, чего случилось, племяшка.

— Феникс случился! — Я вдруг почувствовала накатившую волной панику. — Он только что сжег одного... нехорошего человека и приказал мне найти кольцо! А взамен пообещал все, чего я захочу! Свобода, теть!

— Рада за тебя, дорогая! — Тетя поправила бретельку ночной рубахи и пальцами попыталась причесать космы. — С Цитроном, значит, еще не виделась?

— С Цитроном все в порядке! Привет передает.

— А колечко?

— А колечко он уже отдал. В царскую сокровищницу. Поэтому мы и попали с Ником в Царь-город накануне праздника! А тут бандит! И бл... блондинка эта крашеная! И Феникс!

— Стоп-стоп-стоп! — Тетя решительно прервала мои стоны. — Блондинка — это какая-то нехорошая женщина?

— Не то слово! Ника увела, а оказалось, что она подельница бандита, а самого бандита Феникс сжег!

— Так! Ша, племяшка! Заканчивай истерику, — решительно прикрикнула на меня тетя и вдруг спросила: — Ты уверена, что бандита сжег именно Феникс?

Я вытаращилась на невозмутимую Мафаню.

— А что, есть ЕЩЕ белоглазые, горящие живьем колдуны? Может, у них в семье такая аномалия у всех? Объясни, что означает твой вопрос?!

— Мм... Ты не кипишишь. Я думаю... — Тетя нахмурилась и как ни в чем не бывало продолжила размышлять вслух: — Допустим, к тебе действительно зарулил... мм... Феникс, но... где он?

Я развела руками и на всякий случай огляделась. К счастью, в комнате я по-прежнему была одна.

— Не знаю. Исчез! Попросил найти кольцо, наобещал гору всего, сжег бандита и исчез...

— Ага... А исчез он как? — продолжала допытываться тетя.

Я растерянно пожала плечами:

— Да просто! Взял и исчез!!! Занялся огнем, и... даже пепла не осталось!

Тетя вдруг перекрестилась и окончательно помрачнела.

— Уходить тебе оттуда надо, племяшка. И чем быстрее, тем скорее!

— Да я понимаю! — Из груди вырвался вздох. — Но... я Никиту должна дожждаться! Не знаю, где его искать...

— Сдался тебе этот Никита! Ноги бы унести! — буркнула тетя и вдруг насмешливо прищурилась. — Аль запала на него? Хоть бы глазком одним взглянуть на твоего хухажера...

— И мне... — снова вздохнула я. Где вот он шляется?! Телохранитель, чтоб его! — Теть, а скажи, ты можешь посмотреть на человека и сказать, любит он или нет?

— Да легко! — отмахнулась Мафа. — Организуй нам с твоим человеком очную ставку, и я скажу все как на духу!

Мафаню вдруг отвлек чей-то приглушенный голос. Она обернулась, что-то ответила и заторопилась:

— Все, племяшка, завтра покажешь мне своего Никиту, а опосля поговорим.

— Теть, но...

— Завтра! — с нажимом повторила Мафа и смущенно мне улыбнулась: — Понимаешь, у меня тут колдовство наконец-то подействовало! Короче, до связи!

Зеркало пошло рябью и мгновение спустя отразило мое измученное лицо. Н-да... красавица, что и говорить: черные круги под глазами, на шее шрам...

Я спрятала зеркальце и подошла к кровати. Молодчина тетя... Что бы я без нее делала? Даже ночами магию изучает, эксперименты ставит над козлами... И всегда поможет — не делом, так советом...

Эх, а может, и впрямь Никиту пойти поискать?

Устроившись на тихо скрипнувшей кровати, я какое-то время смотрела в окно на скользившую по небосводу луну и закрыла глаза.

Часик вздремну и пойду...

— Вась! — Горячая ладонь зажала рот. Кровать скрипнула под тяжестью тела. — Просыпайся и обещай не кричать!

Я распахнула глаза и вгляделась в лицо склонившегося надо мной Ника.

— Обещаешь? — Тот чуть прищурился.

Я отчаянно закивала, чувствуя, что еще чуть-чуть, и мне нечем будет дышать.

Ник еще немного помедлил, будто раздумывая, можно мне верить или нет, и убрал руку.

— Выспалась? Уже утро... — Словно в подтверждение своих слов он посмотрел в окно на рассветное небо.

А я бросила украдкой взгляд на Никиту. Слишком уж он спокоен... И совесть не гложет!

— Выспалась?

Я рывком села на кровати:

— Между прочим, пока ты там развлекался, на меня напал бандит, и, если бы не Феникс, еще неизвестно *как* бы я выспалась! Кстати, не напомнишь, кто из нас кому телохранитель?

— Вась, угомонись и не кричи, ты обещала! — Он поднялся. — Потом расскажешь.

Угу... В подробностях, за чашечкой чая!

— Ладно! Буду твоей молчаливой совестью! И даже не надейся — слова не скажу! — Я смерила его взглядом, невольно стараясь уловить все следы сегодняшней ночи. Плащ не мятый, волосы не всклоочены, одежда не идеальна, но выглядит как обычно. Никаких зацепок! Если не считать нескольких странных темных пятнышек на рубашке.

— Пойдем, пока народ не проснулся.

Он лишь мазнул по мне внимательным, чуть виноватым взглядом, а сердце зашлось, помчалось вскачь от переполняющей меня радости и обиды. Если он чувствует себя виноватым, значит, не безнадёжен! Наверное, еще и волнуется, иначе не пришел бы сюда, а дожидался в компании завтрака, когда я спущусь вниз!

И тут меня осенило.

— Кстати, а как ты понял, что я здесь?! — Я бросилась за ним к двери.

— Кстати, а кто обещал молчать? — Ник распахнул дверь. Осторожно выглянув, он огляделся по сторонам и, выскользнув в коридор, тихо пояснил: — Вообще-то я сам дал тебе ключ с биркой, и уж конечно же я посмотрел, какой там номер.

— Но... как ты зашел? Я ведь закрыла дверь на ключ! — Я старалась от него не отставать, но все же прибавила шагу, когда мы поравнялись с дверью, на которой была вырезана цифра шесть.

— Я же сказал — я посмотрел! — невпопад буркнул Ник и даже поморщился, когда под нашими ногами закрипели ступени.

— Уже уходите? — улыбнулся в усы трактирщик. Казалось, он даже еще не ложился. По-прежнему маячил у стойки, поглядывая на нас, а рядом стояла неизменная полупустая бутылка.

— Ага, нам пора! — Ник подошел и бросил на стойку ключ от комнаты. — Спасибо за гостеприимство.

— И ты будь здраве, человеке. — Трактирщик привычным жестом опрокинул в себя стопку, посмотрел Нику прямо в глаза и добавил: — Не всем такого пожелаешь.

Тот только кивнул и быстрым шагом направился к двери таверны. Распахнув ее, он, едва ли не пританцовывая на месте, обернулся, поджидая меня.

Хмурясь, пытаюсь понять то нелогичное, что задело меня в этом трактиршике, я направилась за Никитой и была уже возле двери, как вдруг таверну огласил пронзительный визг. По лестнице загрохотали шаги, и девичий голос завопил:

— Хозяин! Хозяин! Машка убита!

Я даже замерла от услышанного.

Машка? Девушка, ушедшая с Ником? Или так еще звали бандита? Ну мало ли...

Трактирщик вдруг растворился в воздухе и появился рядом с нами, с огромным тесаком в руке, приведя меня в окончательно замешательство. И если бы не Ник... Он не стал дожидаться, когда трактирщик замахнется топором, легко забросил меня на плечо и одним прыжком слетел с высокого крыльца, окончательно разбудив всех зычным криком:

— Бо-о-орька-а-а-а!

Или, может, это было оружие массового поражения?

— Подъем! Прыжок! Галоп! — чуть потише повторила я его вопль, озвучив привычные Борьке с детства команды. Как-никак у меня дрессированный, воспитанный конь!

Где-то послышалось ржание, и из-за дома показался испуганный Борька. У него на узде висел, отчаянно пытаясь затянуть конягу снова в сарай, встретившийся нам вечером старикашка.

— Врешь! Не уйдешь!

— Куси его! — скомандовала я, трясясь на плече Ника.

Почти сразу же раздался оглушительный визг, и освобожденный Борька вылетел к нам на всех парах. Следом за ним ковылял вредный старикашка, придерживаясь за зад и ругаясь почему зря.

Ну что сказать?

Не повезло... Умнее надо быть... Интуицию тренировать...

Тем временем из таверны во главе с трактирщиком, вооруженным топором, высыпало с десяток включенных постояльцев и несколько полуголых девиц, но мы не стали дожидаться претензий разгневанного народа. Ник закинул меня в седло подскочившего к нам жеребца, запрыгнул сам, и Борюсик, не утруждаясь открыванием ворот, перемахнул через забор, унося нас навстречу просыпающемуся городу.

— Кажется, оторвались! — Борька первым прервал наше гробовое молчание. — Ну и?.. Кто-нибудь мне ответит, с какого перепуга за нами неслись эти подозрительного вида люди? Или, может, кто-нибудь подскажет, из-за чего мне пришлось кусать неэстетичного вида старичка за... Короче! Что происходит?!

Он внезапно остановился, и от неожиданности, чтобы не сверзиться с этого правдолюбца, мне пришлось обхватить его за шею. Ник поступил хитрее. Он спрыгнул с жеребца. Огляделся. И, взяв того под уздцы, неспешно направился по безлюдной улочке, мимо утопающих в зелени домов.

— Просто мы им не понравились.

— Ага! — Борька насмешливо фыркнул ему в ухо и послушно поцокал следом. — Настолько, что в вас полетели вилы? Даже не представляю, ЧТО можно за одну ночь отчебучить, чтобы ТАК не понравиться!

Я выпрямилась, удобно усаживаясь в седле, и решила вклиниться в разговор:

— Ник, правда, какого черта на нас кинулся тот странный трактирщик? А девушка... Это ты ее убил?

— Вась... — Ник обернулся и взглянул на меня, заставив поежиться от холода, блеснувшего в его глазах. — Не спрашивай меня сейчас ни о чем! Я расскажу тебе все сам. Потом...

— Отлично! — Я помрачнела, в мыслях рисуя картины расправы над бедной девушкой. Затем снова царапнула паника, и пришло понимание: я доверилась человеку, которого практически не знаю! А вдруг он и вправду... того... — И куда мы теперь?

— На рынок. Дождемся, когда придут торговцы, и попытаемся приодеться к празднику.

— Или переодеться! — ворчливо буркнул Борька. — Вас в вашей одежде уже срисовали. Не сомневайтесь! Поэтому, если есть желание сховаться, лучше шкурку-то поменять!

На это высказывание Ник ничего не ответил, только настороженно оглянулся и снова запрыгнул в седло, заставив меня отодвинуться от него как можно дальше. Мало ли!

Пришпорив обиженно всхрапнувшего жеребца, он отправил его в галоп и по-хозяйски

притянул меня к себе.

Во попала!

Через какое-то время утопающие в садах домики остались позади. Позади остались парк и узенькая речушка, которая границей делила город на зажиточные и бедняцкие районы. Процокав по каменному мосту, украшенному охранявшими его бронзовыми единорогами, Борька вылетел на выложенную разноцветной мозаикой широкую улицу. Выстроившиеся в ряд добротные каменные дома окружали резные ограды, за которыми цвели яблони и звонко журчали хрустальной водой фонтаны. В конце улицы к лазурному небу возносились золотистые башенки дворца.

— Скажи, если я не ошибаюсь — это и есть дворец царя Берендея? — Я даже попыталась обернуться к Нику. Ну не убьет же он меня за один малюсенький вопрос? Впрочем, чего я боюсь? Если бы хотел, давно бы пристукнул, благо поводов для этого было предостаточно!

— Совершенно верно, — буркнул он.

— И мы сейчас едем... туда? — Если сверну шею, пытаюсь рассмотреть его бесстыжие глаза, сам будет виноват, что не получит оплаты! — А как же идея сменить наряд?

— Нет, мы едем не туда, а в ярмарочные ряды, которые находятся за дворцом! — передразнил он и, взглянув на меня, посоветовал: — Не вертись!

— Не вертись?! Что еще за обращение с королевской дочкой?

— Эй, влюбленные, замолчите, а то дворцовая стража проснется! — фыркнул Борька, переходя на шаг, но его совету никто не внял.

— Сам заткнись, ошибка природы! — возмутилась я, причем довольно искренне.

— Гм, а я бы предпочел, чтобы ты вообще никогда не научился говорить! — поддержал меня Ник.

— Ну... предпочтения и факты — дела совершенно разные, сугубо личные и не поддающиеся желаниям некоторых! — ввернул по обыкновению заумную фразочку конь и, не дожидаясь новых гневных тирад, мотнул головой в сторону парка, открывшегося нашему взгляду сразу за дворцовым забором. Среди редких деревьев зазывно пестрели всевозможными навесами торговые ряды. К слову сказать, уже довольно оживленные, даже в столь ранний час. — Вам, кажись, туда?

Мы с Ником промолчали. А чего говорить, когда у тебя есть говорящий, читающий мысли конь-философ?

Кому рассказать...

Едва мы въехали в парк, Ник спрыгнул.

— Попасись тут. — Он похлопал по холке жеребца и протянул ко мне руки, собираясь помочь, но я, памятуя о неожиданно начавшемся утре, сама скатилась по круглому боку жеребца на зеленую травку.

— Я в состоянии спешиться.

Ник смерил меня хмурым взглядом. Ну и ладно! Не объясняясь, я направилась к палаткам. Он в два шага догнал меня и пошел рядом.

— Вась...

Я предупреждающе вскинула руку:

— Ты просил не донимать тебя расспросами? Я не донимаю.

— Вась, прости... Я — болван!

— Приятно познакомиться! — злопамятно фыркнула я, чувствуя, как сердце забилося от его слов. Но... это еще не значит, что я его так сразу прощу! Может быть, потом... и еще буду до-о-олго вспоминать! — Небошь когда вчера с этой лахудрой уходил, болваном себя не считал! Вот интересно, а за что ты ее?... Или не ты? А мой неожиданный муж?

— Вась! — Горячая ладонь Ника тяжело легла мне на плечо, заставляя остановиться и посмотреть ему в глаза. — Этот трактир оказался не совсем обычным. Трактирщик — призрак. Вот почему он не пьянел и так быстро оказался рядом с нами. А его девицы —

сирены. А знаешь, что остается от мужчины после ночи, проведенной с сиреной?

Я судорожно сглотнула, боясь поверить в сказанное им, и решительно мотнула головой:

— Подробности меня не интересуют!

— Вась! Я не сразу понял, кто она.

— Угу! И как? Разочаровался?

— Да послушай, дурочка! Я просто хотел тебя позлить. Но когда мы оказались в комнате, я ей объяснил, что не собираюсь ее ублажать, и... она на меня напала. Мне пришлось ее убить. А потом, отравленный каплями ее крови, я провалился в беспамятство и пришел в себя только на рассвете... — Ник замолчал, разглядывая меня, и убрал руку. — Впрочем, неважно. Не хочешь — не верь.

Развернувшись, он направился к шатрам. Заинтересованно поглядывавшие на нас торговцы ближайших лавок оживились:

— Ткани! Халаты! Штаны! Сарафаны!

Остальные, заслышав товарищей, а может заприметив первых покупателей, тут же подхватили рекламные лозунги:

— Шаровары!

— Самовары!

— Бегуны-тараканы!

— Огурцы, баклажаны!

Стараясь не отставать от Ника, я не забывала поглядывать по сторонам. Теперь, когда душа и сердце свободны от груза сомнений и обид, можно и нарядами заняться. Значит, у них ничего не было?

Сирены! Кому рассказать — не поверят!

Возле одного прилавка мое внимание привлек клочок белой в синюю ромашку ткани.

— А это что у вас такое? — Я свернула к торговке — пожилой дородной женщине — и ткнула пальцем в выглядывавшую из-под вороха вещей ткань.

— А это платье, солнышко! — обрадовалась она мне как родной. — Для тебя, девонька, берегла! Хошь примерить?

Я покосилась на что-то разглядывавшего у соседнего прилавка Никиту и решила:

— Давайте!

Примерки еще никто не запрещал! К тому же мы сюда затем и пришли!

— Заходи вон под тот навес и надевай! — засуетилась торговка. Проводила меня за цветастую занавеску и, сунув в руки так приглянувшееся мне платье, уже собралась сбежать, но я ее остановила.

— А корсет снять не можете? — Я быстро скинула жилет и рубашку.

Торговка всплеснула руками.

— Ох ты боженьки! Это кто ж тебя в такое одел? Ни вздохнуть, ни пе... перекреститься... — Она развернула меня к себе спиной и принялась колдовать. Вскоре я вздохнула полной грудью. Как-никак с самой свадьбы в этом корсете бегаю! Уже даже привыкла... — Муж, поди?

— Не... мм... — Я хотела сказать, что нет у меня мужа, но передумала. Еще откровенничать с торгашкой, которую вижу в первый и в последний раз. — Неважно. Спасибо, что помогли.

— Та не за что! — Торговка подала мне платье. — Держи. Справишься, или тоже помочь?

— Справлюсь! — Я взяла наряд и, слыша за спиной ее удаляющиеся шаги, принялась одеваться.

Холодная гладкая ткань скользнула по телу, обволакивая меня как вторая кожа. Я завертелась, пытаясь разглядеть себя. Короткие приспущенные рукава, обнаженные плечи, высокая в рюшах грудь, подчеркнутая талия, подол расклешенный, в пол. Хороша!

Я не удержалась, сдернула ленточку, стягивающую непослушные волосы, и

почувствовала, как они мягким облаком окутали меня.

Эх, где бы на себя поглядеться...

Вспомнив о тетином подарке, я торопливо пошарила в вещах и, найдя, попыталась разглядеть себя в крошечном зеркальце, но опыт не удался. Стекло тут же затуманилось, и на меня взглянул густо подведенный тетушкин глаз.

— Привет, племяшка. Ну? Чего на этот раз с тобой при... е-мое... Это кто ж на тебя капиталы тратит — признавайся!

Испуганно вздрогнув, я огляделась по сторонам и, приблизив зеркало, тихо забормотала:

— Мы на берендеевском базаре. Сегодня будет праздник, вот Ник и привел меня сюда. Приодеться.

— Чудно! Ну-кась, еще раз крутанись? Заценю! — Тетин глаз попытался вылезти за границу зеркала, чтобы еще раз полюбоваться на меня, но я прищипнула:

— Ша, тетя! Не могу я тут крутиться. Меня скоро Ник потеряет. Конец связи!

— Стой! — возмутилась тетка. — Какой еще конец связи? Главное, сначала разбудила ни свет ни заря, а теперь «концами» разбрасывается! Нет уж! Должна я свою кровиночку на бал благословить или как?

Я вздохнула. Не отвяжется! А если сейчас отключусь, еще и обидится!

— Ну гляди. — Отведя зеркало как можно дальше, я подбоченилась.

— Супер! — тут же одобрила тетя и вспомнила: — Так когда ты мне своего ухажера-то предъявишь?

Я почувствовала, как у меня краснеют щеки, и уже собралась возразить о причастности Ника к виду такого страшного зверя, как «ухо-жор», как вдруг раздался голос отца:

— С кем ты там, Мафанюшка, треплешься?

Тетя внезапно смутилась, покосилась в сторону и, сделав страшные глаза, ласково мне заулыбалась.

— Василек, а тут твой батя в гости заглянул. Правда, вовремя?

— Привет передавай! — Я тоже выдавила улыбку, с тревогой поглядывая на покачивающийся занавес. Где-то совсем неподалеку уже слышался встревоженный голос Ника. Дернуло же меня посмотреться в зеркало! Тетя теперь целую «зеркалосессию» устроит! Во главе с папаней. — Теть, мне правда некогда!

— Ну некогда и некогда, — поспешно согласилась тетка и подмигнула. — А будет время, жду тебя и твоего Ника. Так его величают, кажется?

Я не стала уточнять и едва успела спрятать зеркальце за лиф платья, как ко мне заглянула озадаченная торговка.

— Не тебя ли там парень ищет? Высокий такой, ладный. С ямочками на щеках?

— Меня, — кивнула я и поспешно добавила: — Брат.

— Ага-ага! — не стала разочаровываться во мне женщина и прицокнула: — А хорошо сидит вещичка! Аж из самого Кипеж-града везенная! Эх, где ж моя такая осиная талия!

Я польщенно улыбнулась, вышла из примерочной и нос к носу столкнулась с мрачным Никитой. Он уже открыл рот, чтобы высказать все, что обо мне думает, да так и застыл, не отводя от меня взгляда... Воспользовавшись моментом, я бросилась в атаку первая:

— Правда, красиво? Думаю, я нашла себе наряд на бал! А ты?

— А я? — тут же отмер Ник и возмущенно взвился: — А я тебя по всему базару ищу!

— Нервный у тебя братец! — поджала губы торговка и, не дожидаясь возмущенного взгляда Никиты, решила его добить: — Кстати, касатик, платье стоит десять золотых рублей!

— Сколько?! — переспросил мой телохранитель.

— Десять! — с готовностью поддакнула женщина и скорчила презрительную мину. — Но, кажется, кое-кому не по карману позаботиться о своей сестрице!

Несколько долгих мгновений Ник разглядывал ее, как какое-то заморское диво, затем, ни слова не говоря, выудил из глубины плаща мешочек с деньгами, отсчитал нужную сумму и, сунув золотые торговке в руку, так же молча развернулся и пошел прочь.

И чего так злиться?

Решив не переодеваться, я торопливо завязала в узелок старые вещи и, сердечно поблагодарив торговку, бросилась его догонять.

— Ник, ты сердисься? А чего сердисься? — Поравнявшись, я завертелась возле него лисой. — Смотри, какое платье! Красивое? Я же не могу пойти на бал к царю дружественной страны в каких-то дешевых тряпках! Что обо мне люди подумают?

— Если узнают, что ты — принцесса? — не выдержал Ник. Я вздохнула. Так и знала, что плотину сейчас прорвет. Хотя, с другой стороны, чего дуться? Все возместится! — А давай никому не скажем?

— Нет, не если, а КОГДА узнают! — Я перешла в глухую оборону. — Не забыл, какую шикарную рекламу ты сделал мне вчера? А если предположить, что мы встретим на празднике хоть одного, кто был вчера в наукограде и кто знает, что я — это я?

— Ладно, уговорила! — буркнул Ник и, свернув между лавками, направился прочь из торговых рядов туда, где среди березок мирно пасся Борька.

— Уговорила? — Я закинула на плечо узел с вещами и, подобрав подол, бросилась за ним. — Что значит уговорила? Впиши эти десять золотых в счет, и батюшка тебе заплатит!

— Для начала надо доставить тебя к нему в целости и сохранности! — вдруг рявкнул он и зловеще пообещал: — И не сомневайся! Я впишу туда все!

В ответ я показала язык его спине и поплелась следом.

— У-у-у!.. — ехидно взвыл Борька, завидев нас. — Всегда знал, что совместные походы на базар убивают любую романтику. Кстати, хозяйка, прикольное платьишко! Так и тянет съесть!

— Эта ромашковая полянка стоит в два раза больше, чем ты! — тут же вспомнил Ник и пригрозил: — Так что даже не облизывайся, иначе потом я съем тебя! Ничего личного, друг, просто ради морального удовлетворения!

— Подавишься! — оскалился жеребец, послушно дождался, когда мы с Ником заберемся в седло и тоскливо вздохнул. — А я тут на досуге песенку сочинил. Душевную. О моей нелегкой судьбине. Хотите, спою? Грива, хобот, чешуя — нету счастья ни...

— Заткнись! — недослушав, рявкнул Ник, опередив мой возмущенный крик:

— Что ты себе позволяешь?! Мы же не в конюшне Парамона!

— Даже песенки посочинять не дают! Геноцид в чистом виде! — огрызнулся Борька, припуская мимо торговых рядов. — Кстати, куда изволите вас доцокать?

— До ночлега. Останавливайся у всех постоянных дворов, — приказал Ник, наматывая на руки поводья.

Я привычно покрылась мурашками, почувствовав сквозь тонкую ткань платья его горячее тело.

— Ты хочешь заняться поисками ночлега? — Я даже попыталась отодвинуться. Жаль, что Борька не слон... — А как же бал?

— Бал начнется после заката. Если нам повезет, мы еще сегодня найдем советника и узнаем судьбу кольца — а что потом? Ты собираешься танцевать до утра? Или сразу двинешь домой? Или к муженьку? А ты хоть в курсе, где находится его дом?

— Возле реки... — Я сосредоточенно почесала нос. Было бы неплохо, перед тем как возвратиться домой, завернуть к Фениксу. В конце концов, надо выкупать свою свободу. — Там, где мы с тобой встретились... Только вверх по течению... Знаешь, какое там царство?

— Ну ты спросила! — Ник щекотно фыркнул мне в ухо. — Если быть точным, там граничат три царства: Берендеево, Еремеево и Тридевятое. Поди разбери, где его дом!

— А я и не знала, что была так близко от дворца батюшки! — Я прикусила губу от страшной догадки.

А вдруг мой муженек основал свой дом в королевстве отца? И чтобы замести следы, просто шагнул в портал! Во-первых, не отследишь, во-вторых, порталы открывают только для перемещения на очень дальние расстояния. Открытый им портал мог завести хоть на Кудыкину гору! Попробуй угадай! А значит, река, по которой мы сплавлялись, родная

Шароброда! Я же ее с детства знаю! Вот я дура! Но... почему тогда, когда сбегала, я не увидела ничего привычного и родного? Ведь я свое королевство как пять пальцев изучила!

— Ты, как я погляжу, много чего не знаешь...

Мне показалось, что Ник улыбнулся, и я закрыла глаза, представляя, как мои развевающиеся на ветру волосы касаются его губ, но мои фантазии быстро развеял голос Борьки. И хорошо! Иначе неизвестно куда бы меня завели эти фантазии...

— По курсу гостиничный двор. Тормозить или как?

— Тормози! — встрепенулся Ник и нахмурился. — Судя по дому — гостиница недешевая! А больше постоянных дворов или таверн по пути не было?

— Было! — покивал Борька. — Но у них на всех дверях была огромная надпись «Мест нет».

— Ты еще и читать умеешь? — насторожилась я.

— Нет. Не умею! — вскинулся жеребец, норовя разглядеть меня сначала одним, потом другим глазом. — Но я достаточно умный и сообразил, что если у двери стоит очередь в несколько десятков ругающихся людей, то это не означает ничего хорошего...

— Логично! — хмыкнул Ник и, дождавшись, когда Борька остановится у высокого каменного крыльца, спрыгнул. В два шага преодолел пять ступеней, покрытых блестящим отделочным камнем, и, распахнув лакированную дубовую дверь, шагнул внутрь.

ГЛАВА 9

Скучали мы с Борькой недолго. Даже не успели посплетничать, как дверь снова распахнулась и из нее вылетел одетый в ярко-красные штаны и такую же рубашку мальчишка. Следом за ним вышел Ник и махнул мне рукой:

— Вась, пойдем.

Вот как? И даже руки мне не предложат? Ладно...

Я попыталась привычно съехать по крутому боку жеребца, но платье, в отличие от брючного костюма, весьма неудобная одежда для верховой езды. Конечно же оно не преминуло взлететь и теперь собралось комом где-то в районе талии, открыв взглядам ошалевших мужчин мои кружевные панталоны. Мужчины — это Борька с Ником и паратройка прохожих. Мальчишку-слугу этот казус только рассмешил. Стараясь незаметно хрюкать в кулак, он взял Борьку под уздцы и повел к приоткрытым дверям добротного стойла, находившегося за двухэтажным каменным зданием постоянного двора.

Стиснув зубы, я решительно поправила платье, прихватила плюхнувшийся в траву узелок с вещами и направилась к дверям трактира, демонстративно не замечая поджидавшего Никиту.

Тот посторонился, пропуская меня вперед. Вошел следом и направился к высокому, худому, будто проглотившему палку мужчине, поднявшемуся ему навстречу с монументального кресла, больше похожего на трон. «Наверное, владелец трактира», — подумалось мне.

Я не стала прислушиваться, о чем эти двое договаривались, а прошла по коридору, разглядывая увешанные картинами высокие каменные стены. Кое-где стояли ажурные диванчики, под ногами лежала, заглушая шаги, ковровая дорожка, а в конце коридора наверх уходила лестница.

— Пойдем, отведу тебя в комнату. Я договорился, — заставил меня отвлечься голос Никиты.

— Я есть хочу! — Я развернулась и с вызовом посмотрела на парня. — Или тебе больше не хочется на меня тратить?

Ник усмехнулся:

— Боюсь, после тех денег, что я заплатил за комнату, мне уже нечего тратить!

— Обед уже ждет вас в номере... — чопорно заявил козлобородый хозяин таверны. — Мы отвечаем за наше гостеприимство, поэтому номера в этой гостинице стоят в несколько

раз дороже, чем комнаты в постоялых дворах этого города. За эту цену мы предлагаем нашим постояльцам не только трехразовое питание и ланч, но и тишину, чего им не предоставят ни в одной из обычных забегаловок столицы.

Щелкнув каблуками, он поклонился с таким достоинством, словно был по меньшей мере королем маленького государства.

— А откуда вы такие «необычные» взялись? — Я уже и думать забыла о казусе с платьем, во все глаза разглядывая странного хозяина гостиницы.

— Из Аглицких волостей. Налаживаем дружеские отношения с местными варварами, — охотно ответил тот, смерив меня чуть снисходительным взглядом. — Прошу, проходите. Будьте как дома, но не забывайте, что вы в гостях...

Ну... теперь сразу стало понятно, кого он считает местными варварами! Хам. Хотя все же лучше, чем хозяин-призрак с топором...

Размышляя о судьбе нашей тяжелой, я направилась вслед за Ником к лестнице, не забывая активно вертеть головой, разглядывая чудной интерьер и полотна картин, где были изображены незнакомые замки, парки и богато одетые мужчины и женщины.

Каменные ступени привели нас на второй этаж. Широкий коридор с большими, до блеска выдраенными окнами, утопающий в пестрой зелени цветов, тоже приятно шокировал. Ряд белоснежных дверей был ярко освещен естественным светом бегущего к зениту светила.

Не обманул хозяин. Не знаю, сколько заплатил за этот комфорт Никита, но оно того стоило. Как хорошо, когда ты не зависишь от наличия золота в кармане и можешь позволить себе такую роскошь!

Наконец Ник остановился, сосредоточенно позвенел ключом и распахнул дверь.

— Прошу.

Я с любопытством заглянула и не удержалась от восторженного оханья. Нам достались поистине королевские апартаменты! Огромная белоснежная комната с уже накрытым круглым столом, широкая воздушная кровать и распахнутое окно с букетом полевых цветов в роскошной вазе на подоконнике. Восхитительно!

— Даже у моего отца во дворце было скромнее... — Я вошла, бросила у двери тюк с вещами и с довольным вздохом села на кровать, разглядывая синь небес и крылатых младенцев, нарисованных на потолке. — Лепота!

— Тогда... ты пока отдыхай, кушай, а я скоро вернусь. — Ник уже хотел было захлопнуть дверь, но я возмутилась:

— Ты опять меня бросаешь?!

— Ненадолго. — Его губ коснулась улыбка, от которой тут же захотелось все ему простить. — Пойду распоряжусь насчет горячей воды. Негоже идти во дворец сразу с дороги...

— А... — Я отчего-то покраснела и отвела взгляд. — Только не забудь попросить душистого мыла и березового веничка. Люблю баню!

— Не хочу тебя разочаровывать, но откуда у аглицких бедолаг взяться бане? Здесь только ванна.

Пока я обдумывала, радоваться мне сему факту или послать подозрительного вида гигиену подальше, Ник хлопнул дверью, оставив за собой последнее слово.

Ну и ладно!

Я улыбнулась, легла на кровать и закрыла глаза. Только отдохну немного...

— Как же легко тебя стало найти, моя дорогая... — Раздавшийся в тишине вкрадчивый голос заставил меня покрыться мурашками от ужаса и распахнуть глаза.

— Ты?! — Я была в каком-то мрачном зале, а рядом со мной, живой и настоящий, возвышался муж, разглядывая меня бельмами выжженных глаз. — Но... откуда? Я же...

— Ты сейчас в гостинице. Точнее, твое тело. А вот твой дух я призвал к себе, чтобы выяснить кое-какие спорные моменты... — Он качнулся, словно от дуновения воздуха, и, вообразив себя радушным хозяином, повел рукой, указав мне на появившуюся из воздуха скамью. — Может, присядешь?

Я решительно качнула головой:

— Нет, давай уж сразу к делу...

— Люблю такую сговорчивость... И так... — Его обожженных губ коснулась улыбка. — Чего ты хочешь в обмен на то, что поможешь мне найти кольцо?

Я даже задохнулась от переполнивших меня чувств. Вот оно! Значит, права была тетя! Кольцо ему важнее! Вот и славненько! Теперь самое главное, чтобы он не понял, как мне дорога моя свобода.

— Даже и не знаю... Что же мне у тебя попросить? — Я с задумчивым видом потерла подбородок. — О! А может, я сделаю одолжение и попрошу о том, чего в равной степени хочется и тебе и мне?

— Надо же... — На страшном обгорелом лице даже мелькнуло удивление. — И чего же мне, по-твоему, хочется?

И тут меня прорвало:

— Наверное, того же, чего и мне — свободы! Я желаю, чтобы ты оставил меня в покое! И замужество мне не нужно!

— Хм... — Муженек задумчиво прошелся вокруг меня. — Значит, хочешь стать свободной? Ты угадала... Я тоже хочу сделать тебя свободной и... оставить в покое... Значит, договорились! Ищи кольцо, девочка. Ищи быстрее!

— Василек! Просыпайся! Бал проспий! — Моего носа коснулся легкий поцелуй, тут же заставивший мой кошмар сделаться смешным, а Феникса — ненастоящим.

Окончательно проснувшись, я распахнула глаза и взглянула в серые глаза Никиты, удобно лежавшего рядом со мной на кровати.

— Ник... — Я всхлипнула и дотронулась пальцами до его чисто выбритого подбородка, провела по губам. — Ник... Я...

— Тебе снова приснился кошмар? — Он нахмурился и тут же играючи коснулся губами моей руки. — Никаким кошмарам я не позволю портить отдых моей маленькой принцессы.

— Ник... Я попросила у Феникса свободы! И он согласился. Как только мы найдем кольцо, я стану свободной, и... если ты захочешь... — Дыхание прервалось от внезапно накатившего волнения и счастья. — Ник... Никита... Я так тебя... очень...

Но договорить он мне не дал. Его губы коснулись моих сначала в нежном, а потом необузданном, страстном и пугающем поцелуе. Я чувствовала его ласкающие руки, от которых тело стало мягкой глиной, а ромашковое платье само развязалось на груди.

В тот момент, осознав свои чувства к этому мужчине, я была готова на все! И если бы не... Мафания!!!

— Вась?

Из-за прерывистого дыхания Ника я сначала подумала, что голос тети мне послышался, но ее следующий вопрос заставил меня окаменеть, и через секунду я со сновороткой ужа выскользнула из-под тяжелого, горячего тела Никиты.

— Ты, что ль, опять озоруеть?

— Теть? Ты где? — Я поспешно стянула на груди шнуровку, попутно выискивая за лифом предательское зеркальце.

— В Караганде! — где-то уже совсем рядом послышался голос тети.

Ник с тяжелым вздохом выудил из-под себя говорящее зеркальце и, удивленно разглядывая его, сел на постели. Понятно! Значит, кто-то из нас случайно коснулся стекла, и тетя решила, что я вышла на связь. А может, оно и к лучшему? А то мало ли куда завели бы меня его поцелуи...

— О! А енто еще что за чудо-юдо рыба-конь на меня тарашится?

Я выхватила зеркальце из рук Никиты и радостно заулыбалась подозрительно щурившемуся на меня глазу Мафани.

— Это Никита, теть. Вот. Теперь вы знакомы.

Тетин глаз еще больше прищурился, затем вытаращился так, что я приготовилась его ловить, потом вдруг уменьшился, а в зеркале показалось все ее лицо.

— Васька! А чего это ты с титками наголе? А? Бесстыдница! Что енто вы там творите?!

Я поспешно стянула снова разошедшийся лиф и быстро покачала головой.

— Не было ничего, тетя! Ничего не было! Я только спала!

— С ним?! — грозно рявкнула Мафания.

Ник вдруг забрал у меня зеркальце и указал на ширму, из-за которой поднимался пар.

— Иди мойся. У тебя час на сборы, а потом нас ждут во дворце.

— А... — Я неуверенно покосилась на зеркальце.

— Я сам пообщаюсь с твоей недоверчивой родственницей.

Вот и здорово!

Не особо возражая, я, поддерживая платье, юркнула за ширму и, стянув с себя все, с наслаждением нырнула в белоснежную, чуть вытянутой формы, высокую посудину. Ванна... Надо же! Теперь хоть буду знать, как это приспособление у «аглицких бедолаг» называется.

Горячая вода наполнила пузырьками счастья все мое тело, еще шальное от ласк Ника, заставляя довольно жмуриться. Но все же баня лучше!

Нежилась я недолго. Что-то напрягало, точило душу червячком сомнения, пока до меня не дошло, что я не слышу так необходимых по сценарию возмущенных воплей. Еще больше насторожиться меня заставило неразборчивое бормотание Ника и тихие ответы тети.

— Теть? Ник? О чем вы там шепчетесь?

Бормотание стихло.

— Рассказываю твоей родственнице о наших планах. А до этого торжественно клялся, что до свадьбы — ни-ни! — Из-за ширмы показался Ник и, не смущаясь, смерил меня тяжелым взглядом. Точнее, мои не особо скрытые водой формы...

— Может, отвернешься?! — Я демонстративно скрестила руки на груди и согнула ногу в колене. А то пустила козла в огород...

— А чего я тут не видел? — Негодяй уставился мне в глаза серыми глазюками и, подмигнув, протянул зеркальце. — Держи! Если хочешь, допроси свою родственницу лично о нашем разговоре!

Он дождался, когда я возьму тетин подарок, и снова исчез за ширмой.

— Теть... прошу тебя... — Я нацепила дежурную улыбку, очень надеясь упротить Мафанию не рассказывать о случившемся отцу, но... вдруг увидела, что она не сердится. Более того, она чему-то улыбалась и только отмахнулась в ответ на мое воззвание.

— Забей, доча! Если не по молодости глупости совершать, то когда? Вот в моем возрасте глупости совершать вроде как уже и неприлично, да без них скучно. Тем более я тут с твоим миленком пообщалась. Ну сначала припугнула, как водится, да только скажу одно: нормальный он паренек. — И перешла на зычный шепот: — А уж любит тебя-а-а...

Я задохнулась от восторга:

— Это он тебе сказал?!

— Ха! Дождешься от этих мужиков чего путного! Не, сама вычислила. Ты же знаешь, я по этим делам спец! Так что смело ему доверяй во всем! Но... только об одном прошу, с внучками не спешите!

— Что?! Э... а... ну... — Несколько мгновений я от смущения не могла произнести ни слова, когда до меня дошел смысл ее просьбы. — Да ты что?! Да у меня еще развод по плану! Какие еще... Я вообще-то... Да мы только целовались!

— Ну и чего ты завелась?! — снова ухмыльнулась тетя и шкодно подмигнула: — Аль не знаешь, что от таких поцелуев и наследники приключиться могут? Хотя это ничего. Я помогу. Да и батю порадуешь...

— Тетя! — Я покосилась на ширму, за которой раздавались шаги Ника, и шепотом закончила: — Все! Больше я с тобой на эту тему говорить не собираюсь! Вообще никогда! И... и... — Не зная, как закончить этот разговор, я сунула зеркало под воду и злорадно

улыбнулась, слыша из-под воды невнятное бормотание.

Вскоре оно стихло. Я достала уже совершенно обычное зеркальце и, стараясь не дотрагиваться до стекла, погляделась в него.

Ну до чего хороша! Глаза — что васильки, лицо покраснелось, губы алые, волосы золотым облаком. Совершенно очевидно, что тетя не врет. Да, Ник меня любит. По крайней мере, я ему нравлюсь. Но что ему мешает любить еще и мысль о моем наследстве, которое он в конце концов получит?

Эх...

Испортила сама себе настроение...

Я поднялась, положила зеркальце на бортик ванны сохнуть и огляделась в поисках полотенца. Вот черт! Придется снова звать Никиту.

— Ник? А... где полотенце?

— Здесь. — Парень тут же появился, словно стоял за ширмой, и снова без зазрения совести одарил таким взглядом, что у меня заалели щеки. — Держи.

Он протянул мне полотенце и, не дожидаясь гневной тирады, исчез.

Я вытерлась и только сейчас заметила лежавший на полу небольшой белый сверток. Развернув его, я восхищенно цокнула языком, разглядывая новехонькие белоснежные шелковые панталоны и кружевной лиф. Но... как? Я ведь их не покупала!

— Ник? — Я поплотнее закуталась в полотенце. — А ты не знаешь, откуда здесь взялось это белье?

— Знаю, — высунулась из-за ширмы его довольная физиономия. Увидев меня в броне из полотенца, он разочарованно поморщился и пояснил: — Пока ты спала, я решил снова наведаться в торговые ряды за одеждой для себя и встретил торговку, которая продала тебе платье. Оказывается, к платью прилагался этот... набор и... туфли.

Он снова исчез и тут же вернулся.

— Вот. — Каблочки белоснежных туфель цокнули о деревянный пол.

Я восторженно выдохнула.

Молодец торговка! Не зря такую цену заломила!

Скинув полотенце, я надела белье, платье и с опаской померила туфли... но и тут мне придаться было не к чему. Туфли сидели идеально! Словно были не куплены на рынке, а сделаны дворцовым обувных дел мастером.

Сердце забило в предвкушении бала.

Выйдя из-за ширмы, я замерла как вкопанная, разглядывая Ника, уже застегивавшего последние пуговицы на черном, шитом золотом сюртуке.

Черные брюки...

Черные с золотистой вязью остроносые туфли...

Короткие темно-русые волосы тщательно причесаны, и явно не пятерней.

А может, я ошиблась? Может, Ник какой-нибудь замаскированный принц? Ну не могут наемники выглядеть ТАК! Не могут! Они же даже не знают ни как причесываться, ни как бриться и явно не смогут даже пуговицы застегнуть на сюртуке! Хотя, наверное, тут я спугала наемников с паралитиками...

Ладно... визнаю все потом! Сейчас бы как-то оправдать мой столь непростительно долгий взгляд и отпавшую челюсть.

Но Ник меня опередил.

— Ты красавица! — Его губ коснулась легкая улыбка. — Пойдем?

— Пойдем! — Я заметила висевшие у него на поясе ножны. — А зачем тебе на балу меч?

— Во-первых, он слишком дорог мне, чтобы оставлять его даже в такой гостинице, а во-вторых, какой же уважающий себя вельможа появится на королевском балу без оружия? — Он шагнул ко мне и подставил локоть, за который я с удовольствием взялась.

— Значит, ты — вельможа? Так и знала, что с тобой что-то не так! — Если он берет меч, то и я возьму то, что мне очень дорого, например зеркальце тети!

Спрятав заветную стекляшку в лиф платья, я, подумав, достала из кошелька мамину брошь и демонстративно приколола ее на ромашку чуть пониже плеча.

— Я признаюсь тебе честно!.. — Его улыбка стерлась. Он прошел к двери. Распахнув ее, пропустил меня, а затем вышел сам. Чуть повозился с замком, закрывая, и направился к лестнице. — Никакой я не вельможа. Мой отец был лекарем, а мать всю жизнь была ему поддержкой и опорой. Она-то и отправила меня учиться, белый свет повидать. И все, что я постиг, кем стал, чего добился, мне досталось не по праву рождения, а по праву труда и упорства. Вельможами редко рождаются, но чаще ими становятся.

Не обратив внимания на дремавшего в высоком кресле хозяина гостиничного дома, мы выскользнули за дверь.

— Поедем на Борьке? — Я посмотрела на догорающую вечернюю зарю и блеклую луну, уже повисшую на небосводе.

— А может, возьмем экипаж? — Ник указал на стоявшую чуть в отдалении карету.

— Ой... — Я покосилась на кучера, черным вороном нахохлившегося на козлах. — А... можно?

— Нужно! — тихо рассмеялся Никита, быстрым шагом подошел к карете и с поклоном распахнул дверцу. — Прошу, ваше высочество!

Кучер тут же проснулся и, покосившись на нас, выпрямился так, словно проглотил аршин.

Нет! Ну вот зачем афишировать?!

— Благодарю! — Ни на кого не глядя, я поднялась в карету.

Следом в нее забрался Ник и тоном барина повелел:

— Во дворец!

Я прикусила губу. В сердце снова заворочался червячок сомнения.

Ладно, война план покажет, как любит говаривать папенька.

А тем временем на дворцовой площади творилось нечто невообразимое. Над волнующимся ярко-пестрым нарядным морем гостей то там, то тут слышался смех, а в вечерние небеса вместе с огненными цветами колдунов взлетали звонкие песни. Сам дворец сиял и переливался призрачными огнями, как драгоценная жемчужина. К монументальному крыльцу с охранявшими вход каменными единорогами вела красная ковровая дорожка. По обеим ее сторонам в ожидании почетных гостей выстроились рядками одетые в парадные мундиры стражники.

Наша карета остановилась аккуратно напротив дорожки, и зычный голос кучера известил:

— Князь и княгиня Бобовские из Кипеж-града!

— Эт кто ж такое придумал? — не поверила я своим ушам и в ожидании объяснений вытаращилась на ухмыляющегося Ника. — Эт что еще за Бобовские? Я — Василиса! Из рода Премудрых! Я — принцесса! Бобовские?! Это что еще за шуты?

— Ну... для начала тебя в официальных списках гостей не было. И Василису из рода Премудрых вряд ли бы пустили во дворец. А тут... такой случай...

Дверь кареты распахнулась, и перед нами принялся раскланиваться одетый в золоченый костюм здоровенный детина:

— Прошу, княже! Княгиня!

— Признавайся, как ты все это подстроил? — Я подождала, пока Ник выйдет из кареты, приняла предложенную им руку, как того требовал этикет, и, ступив на дорожку, направилась вместе с ним к распахнутым дверям дворца, откуда лился яркий свет и доносились звуки скрипки.

— Какая разница? Ты хочешь попасть во дворец? — ответил он вопросом на вопрос.

— Хочу! — прошипела я еще тише. — Но... а если сейчас приедут эти... Попоскины!

— Не приедут! — Ник многозначительно приподнял бровь и, блеснув белоснежной улыбкой, принялся подниматься по каменным ступеням.

— Ты что, и их... как ту несчастную сирену? — Я заторопилась следом.

— Не говори глупостей! — цыкнул он, когда мы поднялись на крыльцо, покосился на высоченных стражников, стоявших по обе стороны распахнутых дверей, и шепотом добавил: — И не забывай о том, зачем ты здесь!

Да уж... забудешь тут...

Я сделала над собой усилие, заставляя себя оставаться спокойной, миновала стражников и оказалась в ярко освещенном дворцовом холле. Меня тут же окружили в водовороте веселья смех, голоса и неистовый, прекрасный вальс.

Н-да... приеду домой, скажу папеньке, чтобы сделал ремонт! А то у нас мрачно, как в заброшенном склепе, не чета этому великолепию! Белоснежные стены увешаны картинами, потолки украшены лепниной и золотом! Шик, блеск — как и подобает нормальным дворцам! И людно так, как у нас никогда не было и, видимо, уже не будет!

— Господа Бобовские? — К нам шагнул высокий мужчина, одетый в шитый золотом сюртук. Царь? Хотя вряд ли! Что же царь сам встречает своих гостей? — Доброго вечера. Как доехали? Прошу, отдыхайте. Их величества скоро появятся, чтобы присоединиться к нам!

Значит, не царь.

Ник благодарственно кивнул и, обняв меня за талию, повел мимо танцующих пар к стоявшим у дальней стены диванчикам, где скучали, дожидаясь появления царя, разряженные в парчу и бархат высокопоставленные гости.

— Побудь тут. — Он остановился возле свободного диванчика. — Если получится, попробуй узнать о главном советнике, скажем... у какой-нибудь придворной дамы.

— А ты куда намылился? — Я нервно поежилась, мельком оглядев будто не замечающих меня гостей. Н-да... даже в своем новом платье я в сравнении с ними похожа на гувернантку их деток. В лучшем случае!

— Пойду визнаю все о нашей проблеме у мужского бомонда. — Ник взгляделся в мои глаза, чуть коснулся щеки и вдруг тихо пробормотал: — Я здесь. И я тебя не брошу. Ты дорога мне, очень... дорога мне...

Не дожидаясь ответа, он развернулся и быстро затерялся в толпе гостей.

Вот и пойми его! Дорога в смысле как мешок с наградой или как прямой путь к трону? То, что я дорога ему как возлюбленная, вообще приходило на ум в самую последнюю очередь.

Ладно. Сейчас главное — кольцо!

Я еще раз внимательно оглядела гостей, выбрала жертвой моих расспросов скучавшую дородную даму и под села к ней.

— Добрый вечер!

— Добрый. — Она мазнула по мне равнодушным взглядом, явно не собираясь продолжать наш диалог, но я решила не отступать.

— Мы с мужем — гости вашей столицы. Ищем главного советника. Не знаете, он будет сегодня на балу?

Взгляд толстухи оживился.

— А... Петр Ильич нынче не выходит в свет. Разве что сына его встретите. — Она загадочно на меня посмотрела.

— А что случилось? — насторожилась я.

Толстуха словно только этого и ждала, придвинулась ближе и торопливо заговорила:

— Вы разве не знаете?! Это произошло лет пять назад! Повредился умом наш дражайший Петр Ильич. Заговариваться начал. И всюду ему мерещился какой-то белоглазый демон! А когда Петруша выпал с балкона второго этажа, его сын запер буйного папашу в доме с прислугой, а сам занял место главного советника.

Замечательно!

Повторяется та же история, что и с Цитроном. Значит, мы напали на след колечка. Теперь надо найти Ника и все ему рассказать. Вместе мы что-нибудь придумаем.

— А сын Петра Ильича сегодня здесь? Не напомним, как его зовут?

— Да здесь. Где ж ему быть, — обмахнулась платком толстуха и цепко вгляделась в кружащиеся в вальсе пары. — Такой высокий, рыжий. Не видишь? А зовут Илья Петрович. У них уже лет двести в роду имена не меняются. Кстати, ты поосторожнее с ним. Говорят, что он и сам едва не сбрендил. Долго лечился. Похоже на сильное колдовство... А еще...

— Спасибо! — перебила я говорливую даму и, вскочив, торопливо направилась к танцующим.

Так... где же этот рыжий?

И тут мой взгляд привлекла кружащаяся в танце парочка. Казалось, они настолько поглощены собой, что не замечают ничего вокруг...

Ник?!

Будто налетев на кирпичную стену, я резко остановилась, разглядывая во все глаза, как мой телохранитель самозабвенно вытанцовывает с какой-то девицей и что-то говорит ей, неустанно улыбаясь!

Волна ярости толкнулась в голову, когда я разглядела эту девицу получше. Олена! Голосистая красавица у ворот!

Ни о чем больше не раздумывая, я бросилась к ним и, остановившись в шаге, громко заявила:

— Не думала, что во дворец пускают нищих!

Ник поспешно развернулся ко мне и сделал страшные глаза.

— Вася, не начинай!

Девица тоже меня узнала и выразительно подбоченилась.

— Кстати, я тоже не думала. Но, очевидно, пускают. Иначе, что здесь делаешь ты? Почему-то, в отличие от своего брата, ты не очень-то похожа на высокородную. Приемная, что ль?

Ах ты ж...

— А тебя, видимо, держат тут вместо шута? Развлекаешь гостей? Танцуешь с ними? Тяжко... Платят хоть ничего? А платье после бала небось сдавать приходится?

Девица поменялась в лице. В синих глазюках зажегся нехороший огонек.

— Да как ты смеешь?! Я единственная наследница царя Берендея!

— Ха! Тогда я его внучатая племянница!

— Врешь! — взвизгнула девица.

— Сама врешь! — фыркнула я и огляделась, только сейчас заметив настороженную тишину, наступившую в зале.

— Его величество царь Берендей! — несмело вякнул уже знакомый слуга и скрылся в толпе, а я во все глаза уставилась на седоволосого высокого бродягу-музыканта, представившегося нам как отец Олены. Правда, теперь он был в золотисто-белом костюме, с короной на голове... Неужели я чуть не развязала международный скандал?

Девица вдруг по-детски показала мне язык и бросилась к отцу, а на меня накинута Ник.

— Ты что, окончательно свихнулась? — Он больно стиснул мне руку.

— И не надейся!

— Ты чего на людей бросаешься?

— Вообще-то я искала тебя, чтобы рассказать кое-что интересное о нашем советнике, но если ты так занят — не буду мешать! — Заметив идущего по правую руку от царя высокого, рыжего, как огонек, парня, я рывком освободила руку и бросилась к нему. Если не ошибаюсь, он очень подходит под описание, данное толстухой!

— Василиса! — донесся мне вослед грозный окрик Ника, но теперь меня остановить не смог бы даже папочка.

— Здравсте! — Я кое-как пробралась сквозь толпу, окружавшую царя, и едва не повисла на руке рыжего верзилы.

— Мое почтение, сударыня! — Его брови удивленно выгнулись. — С кем имею честь, так сказать?

— Меня зовут Василиса, и я очарована вами! — ляпнула я и растянула губы в улыбке. Ну а что еще сказать? — Позвольте пригласить вас на танец?

Рыжик покраснел до корней волос, но в грязь лицом не ударил.

— Нет, это я должен просить такую очаровательную девушку составить мне пару в танцевальном дуэте. Позвольте? — Он отчего-то взглянул на царя.

Тот с легким прищуром оглядел меня и кивнул:

— Конечно. Эта дама, насколько мне известно, не любит ждать, а еще не любит, когда ей перечат. Ступайте, Илья Петрович. Танцуйте.

Рыжий нервно сглотнул, но смело шагнул ко мне и с поклоном обнял за талию, утаскивая в хоровод танцующих пар.

— Значит, вы сын главного советника? — Я мило ему улыбнулась, решив сразу брать быка за рога.

— Он самый, — не стал отпираться мой партнер. — А позвольте узнать — кто вы?

— Гостья. — Я одарила его еще одной милой улыбкой. Гм... Хотелось бы верить, что милой. Хотя с Ником по качеству милых улыбок вряд ли кто сможет соревноваться. — Но я здесь не случайно.

— И что же привело вас на бал?

— Вы! — Я перестала улыбаться, уставилась на него и скороговоркой выпалила: — Вопрос жизни и смерти многих людей зависит сейчас от вашего ответа!

Парень нахмурился:

— Слушаю.

— Примерно лет пять назад вашему отцу подарили колечко. Оно мне очень нужно!

Мой собеседник даже сбился с шага. Огляделся. И вдруг, больно стиснув мне руку, уверенно потащил сквозь толпу. У дальней стены он остановился и, грубо толкнув меня к окну, грозно навис надо мной.

— Откуда тебе известно о том кольце?

— Это кольцо когда-то принадлежало моей семье, а тот, кто подарил его вашему отцу, украл его у нас. Поверьте. Моя жизнь и свобода зависят от того, отдадите ли вы мне это кольцо.

Главный советник долго разглядывал меня, словно не мог поверить своим ушам, и вдруг решительно качнул головой:

— Нет. Я ничем не смогу помочь.

— Что? — Я даже задохнулась от разрывавших меня чувств. А что я хотела? Что он тут же вытащит кольцо из кармана? И станет благодарить за чудесное избавление от этого коварного артефакта? — Но... пожалуйста! Прошу вас!

— Я не отдам его тебе, милая девушка, по одной простой причине. — Мужчина помолчал и зло выпалил: — У меня его нет! После того как однажды отец принес это кольцо, с нами начали происходить странные вещи. Сначала невероятное везение, затем полный крах нашей семьи. Брата нашли повешенным, мать не выдержала потери и умерла, отец сошел с ума и ему всюду начали видеться белоглазые демоны. Благо в то время я был на обучении в Шамаханском шахстве. Узнав о горе, я вернулся домой, но не один. К счастью, со мной оказался мой мудрый учитель. Он сразу понял, что все дело в кольце, и посоветовал, чтобы убрать проклятие, проиграть это злосчастное украшение в карты, чтобы вместе с проигрышем отдать и несчастье.

— И? — Я затаила дыхание.

— И я проиграл. А еще поклялся отомстить тому, кто навлек все эти несчастья на мою семью! — Он недобро прищурился, разглядывая меня в упор.

— Так! Стоп! Вы считаете, что это я всему виной?! Да если хотите знать, я сама пострадала из-за этого кольца!

Но он, не слыша меня, угрожающе придвинулся. Не сводя с него взгляда, я влипла в холодное оконное стекло. Нарвалась!

И тут...

Неведомая сила развернула рыжего, и припечатавший его кулак отправил бедолагу в глубокий нокаут, а я уставилась в горящие яростью серые глаза Никиты, понимая, что оглохла от наступившей в зале тишины.

— Взять их! — хлестнул бичом высокий девичий голос.

У меня даже сомнений не было, кому он принадлежит. Ник не стал дожидаться бросившихся к нам стражников. Подцепив щеколду, он распахнул тяжелую створку окна, вспрыгнул на подоконник сам, втянул меня, и в следующее мгновение мы полетели в траву.

Хорошо, что невысоко.

Метра два. Всего!

Так, нечего разлеживаться!

Бежать!

ГЛАВА 10

— Черт! — задыхаясь от бега, наконец выпалила я.

— Не зови — придет! Кажется, оторвались! — Ник свернул в какую-то подворотню, вжал меня в забор и, помедлив, осторожно выглянул. — Точно, мимо пробежали.

Он отстранился от меня, прижался спиной к забору и, запрокинув голову к безучастному звездному небу, тихо рассмеялся.

— И с чего такое веселье? — негромко осведомилась я и легонько толкнула его в бок. — Обязательно было сворачивать челюсть нашему единственному свидетелю? Теперь мы никогда не узнаем, кому он проиграл наше колечко!

— Да... наверное, надо было позволить ему тебя придушить, а уж потом интересоваться о судьбе колечка... — Ник с хрипом выдохнул, зло сплюнул на камни и вдруг прижал меня к себе. — Именно так я и поступлю в следующий раз... Знаешь, Василек, о чем я думаю с того момента, как увидел тебя? Мм?..

Его глаза лихорадочно блеснули так близко, что я только сглотнула и отчаянно помотала головой.

— О том, что... — Он помедлил, криво усмехнулся и насмешливо закончил: — В твоей маленькой красивой головке роится столько важных собственных мыслей, что тебе попросту плевать на окружающий тебя мир.

— Тебе что, голову стрясло, пока из окна летел? — Мне надоело чувствовать себя рядом с ним провинциальной дурочкой. Я решительно отпихнула его и отступила. — Или говори что-нибудь умное, или пойдем отсюда подальше! Нам еще нужно вещи и Борьку забрать! И из города хотелось бы уехать уже сегодня, а не после отсидки в городской тюрьме за мордобой важных чиновничьих рож! И вообще...

— Ты права... — Не дослушав, Ник развернулся и решительно зашагал в темноту.

Я смерила взглядом его удаляющуюся спину и бросилась следом. Давно бы так. Какие могут быть философствования, когда мы в такой ж... жизненной ситуации?

Какое-то время мы шли молча. Впрочем, говорить как-то и не хотелось. О чем? О белоглазом демоне? Или о том, что благодаря Нику я профукала свой единственный шанс на свободу? Обязательно было сворачивать нос главному советнику? И даже не это главное, а то, что я никогда не смогу объяснить свои претензии Нику и, наверное, не пойму его обиды... Мы очень разные, и, видимо, потому нас так тянет друг к другу...

Мы свернули в парочку темных переулков, перебежали несколько широких освещенных улочек, где прохаживались праздные горожане и время от времени проходили пристально зыркающие по сторонам отряды городской стражи. Не иначе, принцесса Олена расстаралась. И скорее всего, если нас поймут, — меня сожгут, а Ника отпустят, да еще и наградят! Вот что за мстительная ведьма? Подумаешь, я два раза честно выиграла у нее состязание по злословию. Кто же виноват, что у нее с воображением туго?

Ник остановился. Едва не врезавшись ему в спину, я очнулась от мыслей и огляделась. Если честно, после блуждания по ночному городу я совершенно перестала ориентироваться,

где мы. Стоп! Или нет?

Я заметила освещенную светом фонаря знакомую вывеску на двухэтажном каменном доме. Неужели Никита нашел путь к гостинице?

Выйдя из-за его спины, я уже было хотела броситься к двери, но Ник удержал меня за руку:

— Подожди.

— Что еще? — Я дернулась, пытаюсь высвободиться. Что-то в последнее время его прикосновения меня нервируют!

— Нас там могут ждать. — Он пылливо прищурился, разглядывая единственное тускло светящееся окно на первом этаже.

— А как бы они узнали, где мы остановились? — Я огляделась, пытаюсь увидеть притаившихся врагов, но теплая ночь начинающегося лета была безмятежна. Тихо. Спокойно. Безлюдно. И только сверчки давали концерт по заявкам, да такой, что можно было заслушаться.

— Кучер! — вернул меня на землю Никита. — Он вполне мог назвать то место, где посадил нас в карету. Дальше дело техники.

— Ну да! Сама лично слышала, как он уцокал, едва мы вышли из кареты. — Я нервно покусала губы. Неподалеку горел фонарь, освещающий единственную подъездную дорожку, которая вела к главному входу в гостиницу. Наверняка есть еще и черный ход. — Может, попытаем счастья и зайдем?

— Нет. Не зайдем, — отрезал Ник и направился к дверям конюшни. — Заберем Борьку и уедем.

Я зло притопнула. Ну что за вредина?! Почему хотя бы не попытаться? Я же не предлагаю ему появиться на пороге с гармошкой и пляшущим медведем!

— А вещи? Я в этом платье как бесплатный указатель «Мы тут».

— Купим другие! — донеслось до меня.

— Ночью?

До меня донеслось недовольное хмыканье. Не затрудняясь ответом, Ник перемахнул через забор. Прильнув к щели, я увидела, как Ник прокрался к двери конюшни, на мгновение замер, прислушиваясь, и решительно шагнул в царившую там темноту. Впрочем, можно было и не маскироваться под гайдацкого разведчика — Борька в один миг спалил всю засаду, выдав Ника с головой:

— Ник! Братан! Какого... ты сюда приперся? — раздались из конюшни переливчатые вопли. — В гостинице вас ждут! Меня демоны минут десять отборным ячменем пытали, но я ничего не сказал! Вот ни словечка! А так хотелось послать их всех на х... хутор бабочек ловить!

В гостинице?

Ждут?

Демоны?

Перед внутренним взором появилась целая толпа поджидавших нас Фениксов. Словно в ответ на эти мысли за спиной послышались крадущиеся шаги. Я стремительно развернулась, на мгновение замерла, разглядывая окружавших меня бравых детинушек, одетых в форму дворцовых стражников, и со всех ног бросилась бежать.

— Взять ее! — раздались сзади оживленные крики, топот ног...

Последнее, что я увидела, прежде чем растянуться на мягкой травке, запнувшись о невидимый валун, был Борька с сидевшим на нем верхом Никитой. Вырвавшись из конюшни, коняга вынес хлипкую калитку, перемахнул через занимавшихся моей поимкой стражников и помчался по улице прочь.

— А что с тем? — пробубнил над ухом чей-то голос. Сильные руки, не церемонясь, грубо дернули меня, заставляя подняться на ноги.

— Нам он не нужен. Илья Петрович велел привести к нему только девицу.

Меня грубо толкнули в спину:

— Шагай!

— Но мне нужно в гостиницу! Забрать вещи! — завертелась я, пытаюсь вырваться из удерживающих меня рук, но меня лишь сильнее стиснули и почти волоком потащили к подъехавшей карете.

— Тебе больше не понадобятся вещи, деточка! — «успокоил» появившийся перед каретой усач, осклабился, словно сказал смешную шутку, и распахнул дверцу.

Меня впихнули в темное нутро кареты и захлопнули дверцу. Кучер гикнул, и карета понеслась, поскрипывая и подпрыгивая на попадавших под колеса камушках.

— Госпожа... Ты так быстро изволила покинуть меня, не закончив любопытную беседу... — Где-то совсем близко послышался знакомый вкрадчивый голос. Я затаила дыхание, глядя, как из темноты вылепляется породистое лицо рыжего советника. — Прошу прощения, что я так бесцеремонно позволил себе пригласить тебя на приватную беседу и кое-что прояснить...

Я вжалась в сиденье, таким безумием блестели его глаза.

— Ты... меня убьешь?

На его лице появилась многозначительная улыбка и, ошарапав душу тревогой, так же стремительно исчезла.

— Пока нет. Но... все зависит от тебя!

— Что ты хочешь? — Я постаралась, чтобы мой голос звучал ровно и даже равнодушно. Надеюсь, у меня получилось. Не хватало еще, чтобы этот псих решил, что я его боюсь!

— Хочу? Мм... дай подумать... — Глаза советника приблизились, и моих ушей коснулся его угрожающий шепот: — Может быть, я хочу, чтобы ты рассказала мне чуть больше о своей семейной драгоценности? За что? Почему? Почему я? Почему моя семья? И если ты сможешь убедить меня, что не виновна в моих бедах, я пощажу тебя. Обещаю! Начинай!

Я сглотнула мешающий говорить комок, еще раз взглядела в безумные глаза советника и... пожала плечами.

— Мне больше нечего сказать, кроме того, что я уже сказала тебе на балу. Добавлю только одно: это кольцо убило мою маму, это кольцо уже разрушило не одну жизнь, и... это кольцо принадлежит моему мужу. А он всегда получает то, что ему нужно. И если не отдать ему кольцо, от этого цветущего царства не останется камня на камне, как, впрочем, и от всего этого уютного, красивого мира, в котором мы привыкли жить. А теперь можешь меня убить и обречь себя на еще большее безумие. Потому что ОН — придет за тобой.

В глазах советника мелькнуло удивление:

— Ты сейчас о ком говоришь? Кто придет?

— Мой муж! — Я вдруг даже испытала невольную гордость за наше с ним шапочное знакомство. Пусть я замужем за чудовищем, но он ради достижения своей цели умудрился запугать до сумасшествия немало сильных мира сего! А это дорогого стоит.

— Муж? А при чем тут муж?! — Главный советник вытаращился на меня так, что в полумраке кареты его глаза показались мне огромными белыми бусинами, вот-вот готовыми выпасть. Видимо, его контуженая черепушка оказалась неспособна вынести еще чье-то безумие. А ведь, наверное, в его глазах я выглядела именно так. Заговариваюсь, беспочвенно угрожаю... Не боюсь... — Что за муж? Твой муж? Кто твой муж?

Не в силах больше вынести напряжение этого бесконечного вечера, я невольно хрюкнула и, не выдержав, расхохоталась. Пусть будет что будет! Даже если мне суждено погибнуть в лапах этого безумца. Пусть! Только скорее бы!

— Замолчи! Слышишь меня? — Его цепкие пальцы больно впились мне в плечи и изо всех сил затрясли как грушу. — Замолчи, или я сверну тебе шею!

И тут меня осенило. Мучаемый белоглазым демоном ученый Цитрон боялся смотреть в зеркала... А если это мой шанс?

— Хорошо. Ты хочешь узнать, кто мой муж? — Я без тени улыбки снова посмотрела в

горящие безумием глаза советника, сунула руку за пазуху и, словно клинок, выхватила зеркало. — Смотри!

Советник в ужасе уставился в мутное стекло, но не успела я порадоваться правильно выбранной тактике, как он зло расхохотался:

— Наивная! Ты, верно, наслушалась историй о моем папаше и решила, что я, так же как и он, боюсь зеркал, потому что вижу в них белоглазого демона? Нет! Я не так долго был под властью проклятого украшения. И еще... Ты мне надоела! Теперь я точно знаю, что это ты виновата в бедах моей семьи. Я не знаю зачем, но это ведь ты сделала так, чтобы проклятое кольцо попало в руки моего отца? — И не дав ответить, крепко сцепил холодные пальцы у меня на шее. — Сейчас ты поплатишься за все наши беды! Молись, если умеешь!

Я забилась, пытаюсь вырваться, но... куда там! Может, он и был душевнобольным, но слабым его назвать было нельзя. Сознание стало меркнуть и напоследок попыталось сыграть со мной злую шутку. Я четко услышала перестук копыт, догоняющий карету, а в следующее мгновение у меня за спиной будто бы распахнулась дверца. Не прекращая душить, советник вдруг взглянул поверх моей головы, вытаращил глаза и отчаянно завопил, а после и вовсе понес какую-то околесицу:

— Нет! Это не я! Это мой отец! Хочешь его смерти? Иди к нему! Я сохранил тебе лазейку. В его спальне есть одно зеркало! Оно за картиной! Убей его! Только оставь меня в покое!

— Ох, не знал, что я такой страшный! — услышала я ехидный голос Борьки. — Бу!

После этого самого «бу» убивающие меня пальцы разжались, и я, потеряв опору, поняла, что куда-то падаю. Голоса Борьки, Ника и советника, вопящего что-то о дьявольском говорящем коне, смешались в громкий гул, который и вовсе ушел в точку, растворяясь в спасительном безмолвии.

— Эх, небо-то какое...

— Какое?

— Как будто блестящие пчелки утонули в черной воде топи...

— Да я посмотрю, ты — поэт!

— Станешь поэтом с такой-то жизнью! Нет чтобы, как всякий племенной жеребец, сидеть в родной конюшне и заниматься прямыми обязанностями, так нет! Зарабатываю грыжу, таская на себе целых двух нахлебников!

— Зато романтика!

— Угу... а давай поменяемся? И дальше на закорках меня и нашу спящую красавицу повезешь ты. Честно! Тогда я обещаю в полной мере стать романтиком! Или положи мою хозяйку поперек седла, а сам прогуляйся, ноги разомни...

— Не... Я тебе ее не доверю...

— Инвестиции бережешь аль все-таки влюбился?

— Много будешь знать — не видать тебе родной конюшни и поджидающих там тебя кобыл. Клянусь!

— Ирод!

— Дармод!

— Диктатор!

— Рохля!

— Я... Я... Нечестно! Ругательство на «я» еще не придумали!

— Ябеда!

— Не... не в тему...

— Язва!

— Ник, ну сам посуди — это даже не ругательство, а похвала!

— Ну тогда я пас.

— Япас? Красиво! А что «япас» означает?

— Япас означает не в меру болтливую, озабоченную, ленивую лошадь!

— Хорошо, что не жеребца! — слышалось насмешливое тихое ржание. — А лошади с такими качествами — очень даже пользуются спросом. Поэтому с ругательством ты опять не угадал! Не могу же я это слово применить по отношению к тебе! Ты даже не лошадь.

Над ухом слышался надсадный стон. Меня встряхнули, руки Ника крепче прижали меня к себе, и я снова почувствовала мерное покачивание.

— Это значит, что ты сдаешься и мы в ругательства больше не играем? — ехидно фыркнул Борька.

— Это значит, что ты меня уже без рогов забодал! — тихо рыкнул в ответ Ник и посоветовал: — Давай сворачивай вон к тому дому.

— Где написано «Гадаю за поллитру»? Ты че, сбрендил? Тебе ща такого там наворожат! — возмутился Борька.

— Мне сейчас там дадут воды и корку хлеба, а это главное! — невозмутимо ответил Никита. — А наворожить я и сам смогу. Пусть только удивляются!

Я не сдержала улыбки, но глаз пока решила не открывать. А может, они сами решили не открываться?

В следующий раз я очнулась от того, что меня куда-то несут.

— Ник? Где мы? — Вырываясь из пут липкой дремоты, я наконец-то распахнула глаза, разглядывая завешанную пучками высохших трав небольшую комнатку, и забарахталась у него на руках. — Поставь меня на ноги!

— Слава богу, ты очнулась! — Он смерил меня внимательным взглядом. — Мы в безопасности. Сегодня переночуем здесь, а завтра с утра поедем дальше.

— Куда поедем? Кольцо потеряно! Навсегда! — В памяти вдруг остро всплыл едва не убивший меня вечер. — Советник... Кстати, а где советник?

— Наверное, вместе с папашкой гоняет белоглазых демонов. — Ник опустил меня на жесткую лавку.

Я поняла, что сижу за круглым столом, очень напоминающим стол моей тетушки. Здесь был и гадальный шар, и карты, и высохшая птичья лапка... Жаль вот только вместо тети Мафани на меня глядела сморщенная годами старуха.

— Здравствуйте... — Я попыталась ей улыбнуться, но она даже не сморгнула, только встрепенулась, обвела комнату растерянным взглядом и снова уставилась на меня. Тут до меня дошло, что, скорее всего, старуха слепая от старости! Как же она тогда гадает?

— И тебе не хворать, девонька! Извини, что чаем не пою. Ноги не ходят. Так что подсуепись сама. Поставь чайник, сготовь еду и накорми себя, меня и мужа!

Я нахмурилась, но тут же улыбнулась, сообразив, что мужем она назвала не Феникса, а Ника! Наверное, услышала его голос, вот и решила, что мы — пара.

— Хорошо. — Я поднялась с лавки и, преодолев легкое головокружение, направилась к холодной печи, занимавшей половину комнаты. — Только вы ошиблись! Ник мне не муж, он...

— Я никогда не ошибаюсь! — довольно резко перебила меня старуха и уже мягче добавила: — Да только не всегда могу разобрать, приходят видения в будущем или в прошлом...

Сердце забухало молотом, когда до меня дошел смысл сказанного ею. Муж? Ник — муж?! Он все-таки останется со мной?! О боже!

— Давай помогу. — Его сильные руки отодвинули меня и сняли тяжелую заслонку. Я только смотрела, как быстро он накидывает в голодное нутро печи сухих щепок и бревнышек, в избытке лежавших у поддувала. Вскоре вспыхнул огонь. — А вот теперь твоя очередь, женушка, из «ни шиша» приготовить что-нибудь съедобное!

Он подмигнул мне, указав на ведро картошки под столом, а сам прошел к старухе и уселся напротив.

— А ты мне, бабушка, скажи как на духу, что видишь, а я уж сам разберусь, было это или будет! — От его стремительных, но по-кошачьи плавных движений испуганно метнулся огонек тусклой лампы, стоявшей на полке с иконами.

Я сосредоточенно посопела, разглядывая не замечающего моего праведного негодования парня, и вздохнув, поплелась к картошке. Ну и ладно! Сам виноват! Будет вместо картошки горох кушать! Да я картошку никогда даже не чистила! Мне? Готовить?! Вот придумал!

Вытащив из-под стола ведро, я огляделась в поисках того, чем можно было бы привести в исполнение придуманное мной наказание. Мой взгляд остановился на воткнутом в стену охотничьем ноже.

Хм... Странная лачуга! Хозяйка не видит и не ходит, а картошку и щепу для топки ей кто-то приносит, да еще и ножи в стены метает...

Недолго думая я подошла к ножу и после долгих раскачиваний и усилий вытащила его. Покрутила в руках и, еще раз выразительно вздохнув, сетуя на мою печальную судьбину, уселась за стол. Взяв картофелину побольше, я, не забывая прислушиваться к бормотанию бабки, принялась ее чистить. (По крайней мере, тогда мне казалось, что мои действия называются именно так.)

— Все круг. Время бежит по кругу, и я не знаю, где сейчас ты и где сейчас в этом круге она. Спрашивай. Расскажу все, что увижу, а решать, нужна эта информация или нет, тебе.

— Мы ищем кольцо, — без предисловий начал Никита. — Оно... магическое. Исполняет желания, а взамен дает только несчастья. Говорят, что этим кольцом владеет огненный демон...

— Стой! — Бабка вытаращилась так, что я даже немного отодвинулась (мало ли...), и без ошибки нашла слепыми глазами Ника. — Я знаю, о чем ты хочешь узнать! Только, пожалуйста, не ищи его! Твою беду можно решить по-другому! Бери девчонку, и бегите, пока ОН вас не нашел! Запомни! Если ты найдешь кольцо — ты погиб!

— Не так страшен черт, как его малюют! — парировал Никита, покосился на крошечные картофелины-горошины, которые выходили из-под лезвия моего ножа, и снова устался в изрезанное морщинами лицо старухи. — Как нам его найти?

Гадалка вздохнула и отвела глаза.

— Я не вижу, где оно. Слишком давно затерялся след...

— Значит, ты нам не поможешь? — Ник прищурился.

— Я — нет! — тут же вскинулась старуха. — Не хочу брать грех на душу. Но ежели так охота сгореть дотла — ступайте к сестрице моей!

— Далече?

— В сторону Кипеж-града, день пешком до Кудыкиной горы. Она там одна, мимо не промахнетесь. На вершине найдете дом. В нем и обитает моя сестра.

— А как звать твою сестру? — Ник снова покосился на усыпавший стол «горох», в который превращалась так опрометчиво отданная мне на растерзание картошка.

— Бабка Кудыка. Как же еще? — Гадалка даже удивилась такой невежественности, покосилась на меня и всплеснула руками. — Кто ж так картошку-то чистит?

— Э-э-э... кхм... — Я даже поперхнулась. — Вы что, видите?

— И еще как! — Бабка скользнула по мне вполне зрячим взглядом. — Испоганила всю картошку! Придется завтра снова Лиха Одноглазого в поля царские отправлять! Или ты думаешь, так просто с этим иродом договориться?

— Ли-ли-лих? — уточнила я, повертев в руке здоровенный нож. Кажется, я поняла, куда нас занесло! — Тот самый?

Помнится, в детстве старая нянька рассказывала мне страшилки о глазливом Лихе. Вроде стоит ему только взглянуть на тебя — и все! Пиши пропало! Ни удачи, ни денег, ни здоровья! А тут... еще и в гости к нему пришли!

— Какой еще «тот самый»? — нахмурила седые брови бабка. — Сынка это мой! Лодырь и обормот, но хороший мальчик... был. Лет сорок назад... Да вот он и сам возвращается. Заодно познакомитесь...

После ее слов на улице и впрямь что-то загрохотало, под тяжестью гостя заскрипело крыльцо, и распахнулась дверь, впуская в комнатку здоровенного косматого мужика с

черной повязкой на левом глазу.

Я было вытаращилась на него, но тут же уставилась в столешницу, вспомнив слова няньки о том, что ни в коем случае нельзя глядеть в глаз Лиху, если не хочешь потерять счастье. А вот Никите, кажется, было все равно. Он поднялся, оказавшись ростом не ниже этого косматого бугая, и неспешно к нему подошел.

— Ник.

— Лих. — Здоровяк вдруг робко пожал его протянутую руку и счастливо расплылся в щербатой улыбке. — К маманьке в гости зашли? А поллитра где?

— Какая еще поллитра?! — вскинулась старуха, пытаясь развернуться так, чтобы увидеть своего лоботряса. — Ну-к, говори! Чего опять удумал?!

— Да ничего! Рекламную акцию на крыше за... гм... забубенил! «Гадаю за поллитру!» И тебе хорошо, и мне радикулит лечить надо! — отрезал в ответ сынок и тут же заюлил: — Мамань, ну я ж не для баловства, а только для профилактики!

— Я тебе щас енттой профилактики цельный котел сварю! Ну-к, где там мои травки?.. — Она даже сделала вид, что собралась подняться и снова тяжело плюхнулась за стол. — А я думаю, чего сегодня все как озверели? Денег не дают, зато вон, весь угол бутылками заставили! А это, оказывается, ты мне подмогнул?! Ну...

— Мамань! — Детинушка сделал бровки домиком и подошел к столу. — Да ты не серчай! Я там зайца припер. Вот и закусь нам с тобой и гостям! Глянь, как с недозора девица заскучала, прям головы от стола не поднимает, а ты ей каких-то орешков насыпала... Кстати, а чего картошку с кожурой порезали? Новое блюдо кошеварить собрались?

Бабка тяжело вздохнула:

— А это, сына, не орешки. Это наша гостья мне так постругала твой краденый картофель. Ужин помогала делать. Так что бери ведро и дуй снова на поле.

— Не! Под зайца и кожура пойдет. Влом мне снова по ночи шастать, — отмахнулся Лих, пододвинул к себе ведро и, сбросив в него начищенную картошку пополам с кожурой, быстрым шагом вышел за дверь.

Его не было несколько мгновений, затем он снова вернулся в комнату с ведром, уже полным чистых очисток и картофелин, а в другой руке у него болтался заяц.

— Сейчас ужин сварганим, гости дорогие! — подмигнул он мне. Вспомнив свои опасения, я снова уставилась в стол. — Ник, а чего твоя барышня такая скромница? На незнакомцев не глядит?

— А может, ты ее своей повязкой и бородой пугаешь? — Ник вернулся за стол. — Кстати, хозяева дорогие, а не позволите ли нам остаться у вас до рассвета?

— Ха, да легко! Тока расчет сразу: пузырь самогонки — одно спальное место на сеновале. Значит, с вас два! — басовито хохотнул Лих, шлепнул на стол тушку зайца, одним движением его освежевал, в два счета покромсал его тесаком на мелкие кусочки и сунул в ведро с очистками.

— А если нету? — Ник покосился на ведро, точнее на его содержимое, поднялся и, пройдя к печке, стянул с нее закоптелый котелок. — Может, сюда?

— Можно и сюда, — согласился Лих и ссыпал в котелок содержимое ведра. Затем отнес котелок к печке и поставил готовиться наш ужин. — Так что ты там говорил — нет самогона?

— А ежели и так? — выжидательно прищурился Ник.

— Ну... — Одноглазый задумчиво поскреб включенную бороду, смерил заставленный бутылками угол прихожей и великодушно отмахнулся: — На нет и суда нет! Что ж я, зверь какой, из-за недалновидности некоторых выставять на улицу хороших людей? Оставайтесь уж и так. Перезимовать эту ночьку нам хватит. Все равно до рассвета часов шесть уже осталось. Одно условие... расскажите мне что-нибудь. Это и будет платой!

— Например? — заинтересовался Ник.

— Ой, да не слушайте вы этого болтуна! — очнулась помалкивающая до сих пор бабка. — Он у меня сызмальства такой! Пока байку не послушает — не уснет!

Я не выдержала и снова с любопытством взглянула на Лиха. Человек как человек... с кучей комплексов... а то что с именем не повезло, так не его же в том вина!

— Договорились! — Никита протянул ему руку.

— Вот и славненько. — Лих пожал ее и уселся вместе с нами за стол. — Тогда, пока ужин поджидаем, может, и поболтаем?

— И что ты хочешь услышать? — Ник внимательно посмотрел в заросшее лицо детины.

— Начни с самого простого! — осклабился тот. — Например, почему по всем улицам Царь-города расклеены три ваши физиономии?

— Три? — не выдержала я. — Это как? Я, еще раз я и он?

— Это так! — Лих перевел на меня мутный глаз. — Ты, он и рыжий жеребец. Причем из вас троих только за тебя, деваха, назначили такую цену, что я было подумал, это у меня в глазах нолики десятерятся... Сиди! — прикрикнул он на Ника, будто невзначай сжавшего рукоять меча. — И не рыпайся! Нужны мне их нолики... Ты подумай, прежде чем нервничать, — я сам живу за пределами города потому, что и на меня у Берендея зуб имеется! Чуть что — сразу Лих Одноглазый!

— Тогда... Никакого секрета тут нет, и сказ мой будет коротким, — начал Никита, убрав руку. — Мы потому и пришли к твоей матери, что хотим найти одну вещицу, из-за которой и попали в это негостеприимное царство. И именно из-за этой вещицы по приказу главного советника за нами и охотятся стражники.

— Точнее будет сказать, охотятся они за нами из-за местной вредной принцески! — согласно покивала я. — Язва та еще!

— О как! Сумели попасть в немилость к этой парочке? — хохотнул Лих и обреченно махнул рукой. — Муж и жена — одна сатана.

— Муж и жена? — Мы с Ником переглянулись.

— Ага! — Лих обрадовался, что нашел свободные уши, и затарахтел: — Супружники они. И что самое смешное: он — псих, она — дура дурой, но с характером. А живут душа в душу! Не дай бог, не ровен час, склеит лапти Берендей, и прости-прощай наша сторонushка. Если сами не уйдем, эта парочка свои порядки установит такие, что мама не горюй!

— А чего это мы горевать из-за пришибленных должны? — снова очнулась бабка и возмущенно покосилась на сына. — Соберем манатки и уйдем к сестрице на Кудыкину гору. Откроем бизнес и заживем лучше прежнего!

— Ну да... — Лих отчего-то бросил на нее быстрый взгляд, наклонился к Нику и тихо пробормотал: — Не обращайтесь внимания на маманьку. Она малость того... заговаривается... Нет у нее никого, кроме меня... И сестры никакой нет...

Мы с Никитой в очередной раз переглянулись и не сговариваясь посмотрели на бабку, но та уже снова отрешенно ушла в себя, устремив невидящий взгляд на тусклый огонек лампы.

Вот ведь! А если старуха никакая не пророчица, а обыкновенная городская сумасшедшая? И сынок ей под стать... Неужели нет никакой горы и никакой предсказательницы?

Лих снова выпрямился и как нив чем не бывало поинтересовался:

— А вы вообще сами откуда?

— Заречные мы, — по привычке ответил Ник и завел разговор о Заречном королевстве, рассказывая, какие там порядки и устои... После пяти минут рассказа я поняла, что не могу совладать с зевотой, положила голову на руки и закрыла глаза, прислушиваясь к спокойному, чуть с хрипотцой голосу Ника...

Вот что значит стресс...

Как я уснула, не помню. Да так крепко, что меня не смогли разбудить на ужин. А может, я придумала себе бабкин голос, отчаянно приказывавший «оставить деточку в покое, картохи и самим мало»? И то, что меня потом куда-то несли, я, кажется, тоже придумала... Или нет?

Очнулась я от того, что у меня нестерпимо зачесалась щека. Я зевнула, открыла глаза и с наслаждением потянулась. Где это я? Дощатые щелястые стены, сквозь которые уже заглядывал серый свет утра. Сено кругом. Похоже на сеновал. А где Ник?

Я села и тут же увидела моего телохранителя. Парень лежал в двух шагах от меня и крепко спал, укрывшись с головой дорожным плащом.

Стараясь не шуметь, я осторожно подползла к нему и рывком отдернула плащ. Но вместо заготовленных слов: «С добрым утром!» у меня вырвался визг: под плащом оказался не Ник, а Феникс! Он распахнул белесые глаза и молча уставился на меня.

Я отшатнулась, вскочила и снова рухнула в сено. Ноги предательски дрожали и отказывались держать. Феникс, не сводя с меня глаз, начал медленно подниматься. Тонкие губы растянулись в улыбке, исказив обезображенное огнем лицо. Не придумав ничего лучше, я поползла к скрипевшей на ветру двери, стараясь перебраться через стягивающее руки и ноги сено.

Вот только сбежать мне не удалось.

— Вась? Василек? Ты чего?! — позади вдруг раздался голос Ника. Его сильные руки подняли меня с колен и прижали к себе. — Ты вся трясешься! Чуть не свела меня с ума своими воплями! Вроде вчера вместе с нами самогонку не пила...

— Ни... Ник? — Я развернулась и с жадностью взглянула в его лицо, с облегчением разглядывая любимые черты, серые глаза и милые ямочки на щеках... — Ты еще смеешь мне улыбаться?! Я чуть с ума не сошла!

— Отчего? — Его улыбка стала шире. — Неужели я такой страшный, когда сплю? Извергаю огонь или храплю, как слон после длительного забега?

— Ник! — Руки сами обвили его шею. Я прижалась щекой к его груди. — Как хорошо, что это ты...

— Да о чем речь! — Он уже без тени улыбки заглянул в мои глаза и подхватил меня на руки. — Быстро говори, что случилось, потому что... А, была не была! Думай что хочешь, но я тебя люблю! И мне плевать, чья ты там дочка!

Не отводя взгляда, он сделал несколько шагов, неуверенно покачнулся, и я ощутила, что мы падаем. Сено, как мягкая перина, приняло нас в себя. Его глаза оказались так близко, что я реально почувствовала, как тону в этих серых омутках. Его горячие, требовательные губы нашли мои, и... я поняла, что пропала.

Мое тело стало предательски податливым, как глина в руках мастера, тая от страстных поцелуев Ника и отвечая на сумасшедшие ласки... Кажется, я сама стянула с него рубаху и, сгорая от смущения и какой-то бесшабашной вседозволенности, принялась целовать и гладить его сильное тело, наслаждаясь своей абсолютной властью над ним. Вскоре я была готова переступить черту и забыть навсегда о белоглазых демонах и магических кольцах. Мои пальцы принялись за ремень, а когда он поддался, я вдруг заметила на боку Ника странную, будто горящую огнем таинственную вязь, уходящую вниз на бедро. Какие-то знаки, словно... от клейма?

— Что это? — Я провела пальцами по загадочному рисунку.

Никита поморщился как от боли, отстранился и сел, старательно застегивая ремень.

— Неважно...

— Ник!

Но момент был упущен. Он поднялся, подхватил рубашку и быстро оделся. Накинув плащ, с кривой улыбкой протянул мне руку.

— Что-то мы задержались... Надо спешить.

Я молча приняла его помощь, стянула на груди шнуровку платья, надела туфли и, гордо вскинув голову, направилась к приоткрытой двери сарая. Душу разрывала невысказанная обида. Вроде все хорошо, но чего-то не хватает... Например доверия! Сказать «люблю» — это полдела! А вот научиться мне доверять он так и не смог!

— О! Вот вы где! — В двери сунулась морда Борьки. Он внимательно похлопал на меня длинными рыжими ресницами и, цапнув клоч сена, сосредоточенно принялся жевать,

совершенно не переживая, что останется непонятым. — А фя фыфоту фусфо фало. Вот я и пришел вас искать.

— Нашел? Возьми с полки пирожок! — бросила я и, не замечая рыжей головы, подsunутой мне за приветственной лаской, решительно прошагала мимо. Прекрасно понимаю, что злиться на ни в чем не повинную животину — преступление, но меня словно кто-то подталкивал, раздувая пламя невысказанного раздражения и даже злости. Нет, со мной явно что-то не то!

— Не, хозяйка, я пирожками не травлюсь, — послышалось в ответ. — Кстати, вопрос на засыпку: тебя случайно на этом сеновале никакой бешеный клещ не кусал? Нет? А? Ник, чего это она, а? Ни-ик... У... как все запущено, наверное, этот клещ и тобой поживился? Ап... все! Молчу-молчу!

Я решила не прислушиваться к бормотанию Борьки, вышла в приоткрытую дверь и остановилась, оглядываясь. Где это мы? Приютившие нас бабка-гадалка и ее сынок явно не жировали, и скорее всего сеновал — лучшее, что они могли предложить нам в качестве ночлега. Потому что покосившаяся, вросшая в землю по окна крошечная избушка была еще хуже. Возле избушки красовались две ровненькие грядки с луком, а над дверью висела, поскрипывая на ветру, очень колоритная табличка «Гадаю», под которой кривыми буквами было подписано: «за поллитру». В довершение картины рядом с домом проходил запыленный тракт. Появляясь из-за придорожных лысых холмиков, он терялся где-то вдаль, у горизонта.

— О, проснулась, красotka? Или коняга бешеная спать не дала? — поприветствовал меня знакомый бас.

Обернувшись, я торопливо потупилась, стараясь не смотреть в единственный, добродушно щурившийся глаз Лиха. Заботливый хозяин, радуя цветущим видом, вывернул из-за сарая с бугристым мешком на плече, подошел и пожал руку идущему вслед за мной Нику.

— Болтливая она у вас... даже маменьку мою переспорила! Адская скотина!

— О! Лих, приветики! — Последним из сарая показался Борька. — О чем речь?

И тут произошло невероятное. Жуткого вида одноглазый громила-бородач вдруг стусевался и заюлил:

— Да ни о чем таком! Рассказываю, как к тетке моей, которая на Кудыкиной горе жила, как-то раз на вызов пришла адская скотина. Ну... тварь из преисподней, другими словами.

— А... — Борька процокал мимо нас и с умным видом бросил: — Завязывали бы вы с маменькой оплату самогоном брать. Вроде взрослые, уважаемые люди, а так себя не цените! Переходите на травки релаксирующие. Звуки природы. Горловое пение попрактикуйте...

Лих со скорбным стоном закатил глаз и, не дослушав, чуть ли не бегом бросился к дому.

— Что это с ним? — Ник даже сделал несколько шагов вперед, удивленно разглядывая захлопнувшуюся за Лихом дверь.

— В том-то и дело, что НИ-Ч Е-ГО! Абсолютно не поддающийся и не стремящийся к совершенству тип. — Борька печально вздохнул и подошел к грядке с луком. — С рассвета им с маменькой нотации о вреде алкоголизма читаю, а в глазах ни капли сознательности.

— А... — с улыбкой покачал головой Никита. — Теперь понятно, почему он так быстро от тебя сбежал.

— Конечно, понятно! Совершенно несознательные граждане! — заявил жеребец тоном воплощенной совести и, сорвав губами луковое перышко, сосредоточенно принялся жевать.

— Если бы меня от похмелья принялась лечить нотациями говорящая лошадь, я бы решил что ты не лошадь, а белочка.

— Это ты сейчас намекаешь на мой цвет? — Борька угрожающе оскалил зубы.

— Нет, мой говорящий друг. Сейчас я намекаю на твой ум и твою оригинальность! — широко улыбнулся Ник. — Давай будем за деньги отучать желающих от пьянки? Давать в полной мере прочувствовать, каково это, когда тебе утром с похмелья читает

душеспасительные нотации жеребец, и собирать с этого неплохие дивиденды. Потому как, ежели не заплатят, говорящий конь станет читать им еще и мораль о жутком грехе надувательства до тех пор, пока клиент не осознает и не заплатит в двойном размере.

Я украдкой наблюдала за Никитой. Смеется. Шутит. Кажется, произошедшее на сеновале осталось в прошлом! Знать бы еще, что именно там произошло? И что за рисунок украшает его тело? Странная багровая вязь, точно клеймо, которое искусный палач выжиг на нем буквально вчера!

Ладно. Не хочет говорить — не надо. Я умею ждать.

И вдруг меня осенило. Борька! А если действительно подослать моего жеребца к Нику на разговор? Он к нему относится хорошо. Доверяет...

К сожалению, как следует продумать план по внедрению шпиона мне не дали. Дверь дома распахнулась, и оттуда вышел Лих. В руках он нес серого цвета узелок.

— Вы еще тут? А я вам гостинцев в дорогу припер. Матушка дала. — Он подошел к нам ближе и, нервно косясь на жеребца, беспардонно пасущегося на луковой грядке, протянул узелок Нику. — Вот. И всего вам хорошего в пути!

— И тебе здесь не скучать. — С благодарностью кивнув, Никита взял узелок и, помедлив, спросил: — Одно мне не ясно. Мы ищем предсказательницу — сестру твоей матери, к которой та нас и отправила. А ты говоришь, что ее нет. Как это понимать?

— Э-э-э... — замялся Лих. Обвел нас взглядом, словно решая, можно ли нам доверить тайну, и пояснил: — Тетка Кудыка всегда была на «ты» с миром духов. А как говорят, к какому миру больше тяготеешь, тот тебя и заберет. Вот однажды духи и забрали ее к себе.

— Она умерла? — не выдержала я. Какая-то чертовщина!

— Э-э-э... даже не знаю, можно ли так сказать... — Лих пожал плечами. — Придете на Кудыкину гору и все сами поймете. Но знайте, ежели кто и сможет ответить на самые потаенные вопросы — так это она. Главное, потом в цене сойтись.

— Не могу с тобой не согласиться, мой друг! — Вырезав ровный квадрат на луковой грядке, Борька решил присоединиться к беседе и торопливо направился к нам, но Лих, уже наученный горьким опытом, не прощаясь поспешно рванул куда-то за сарай.

— Эх, Борька... — Никита словил жеребца под уздцы и принялся прилаживать узелок с припасами на луку седла. — Разве можно так издеваться над людьми?

— Ничего я не издевался! — фыркнул тот и угрожающе щелкнул зубами в миллиметре от уха Ника, но тот, словно ничего не заметив, всунул ногу в стремя и одним движением взлетел в седло.

— Запомни, мой друг. Слово — самое сильное оружие воздействия на слабые мозги среднестатистических обывателей. И сумасшествие, а также психоз и нервное истощение — еще не самые ужасные его последствия. — Ник свесился и протянул мне руку.

Я подошла и, приняв его помощь, в то же мгновение оказалась в седле. Правда, сидеть боком на лошади я не любила, но что делать, если благодаря советнику-психопату удобные кожаные вещи остались где-то в аглицком трактире.

— Понял, понял! Отстал! С тобой в острословии не соревнуюсь! Себе дороже. — Борька, не дожидаясь понукания, неспешно потрусил к тракту и, выйдя на дорогу, прибавил скорости, унося нас в серое утро.

ГЛАВА 11

К полудню тучи плотно обложили небо. Поднялся пронизывающий ветер, а в довершение всех несчастий начал накрапывать мелкий нудный дождик. Я вспомнила все страшные ругательства, коими пользовались батюшка и конюх Парамон, и принялась костерить ими Олену и рыжего советника, из-за которых я оказалась под дождем в потерявшем всякий вид легком ромашковом платье, сейчас больше похожем на продукт жизнедеятельности нашего разговорчивого средства передвижения. Правда, Ник, как мог, укрывал меня от непогоды плащом и согревал своим горячим телом, но... было одно «но». Я

почему-то чувствовала себя неуверенно и неудобно, а еще я ощущала себя зависимой от него, что было даже хуже падающих с серых небес капель и промозглого ветра.

Какие он скрывает тайны? Кто он такой на самом деле? Почему он со мной? Зачем он мне помогает? И еще миллион вопросов, которые не давали расслабиться и получить удовольствие от его помощи и близости.

— Ты совсем продрогла? — Ник словно почувствовал мое настроение. — Хочешь, дам тебе плащ?

— Не надо. — Я мотнула головой, вглядываясь в зеркало озера, раскинувшееся впереди. Никакого намека на деревушку или село, не говоря уже о городе. Эх, как бы сейчас пригодилась крыша над головой! Если честно, я уже была бы рада и сеновалу. — Мне не холодно.

— А чего тогда дрожишь так, что я сам начинаю дрожать? — усмехнулся Ник.

— Это я сама себя так развлекаю. Ты против? — Я попыталась оглянуться, чтобы увидеть его глаза, но он только крепче прижал меня к себе.

— Не против. Только не хочу, чтобы после этого развлечения ты начала развлекать себя, а заодно и меня жаром и простудой.

— Но ты же целитель! Заваришь какую-нибудь травку, и все будет в порядке!

— Это хорошо, что ты мне так доверяешь! — Моей шеи коснулось его теплое дыхание. — Но все же предлагаю свернуть в Кипеж-град и купить тебе теплую, а главное, практичную одежду.

— Я, конечно, не откажусь... — У меня вырвался вздох. Серая равнина, раскинувшаяся впереди, даже не намекала, что рядом находится город, и только, вселяя надежду, едва слышно где-то бил колокол. — Но сколько еще до него ехать?

— Так приехали уже! — Ник тронул поводья, заставляя Борьку свернуть с тракта и напрямик направиться к озеру. У меня даже промелькнула предательская мысль, что Ник сегодня немного не в себе, но он тут же развеял мои подозрения: — Или ты не знаешь историю этого города? Ай-ай-ай, принцесса, доведется свидеться с твоим отцом, выскажу ему все, что думаю о таком халатном отношении к образованию собственной дочери!

Я хотела было возмутиться, что отец тут ни при чем и всему виной моя лень и желание вместо скучных уроков проскакать наперегонки с сыном конюха на прытких жеребцах, но передумала. Не хотелось выглядеть в его глазах еще хуже.

К тому же еще неизвестно, свидится он с батей или нет.

Тем временем мы подъехали к берегу озера. Ник спрыгнул на землю, помог спешиться мне и, не выпуская из рук уздечки, вошел в воду.

— Смотри.

Я подхватила подол платья, зашла в холодную воду и встала рядом с ним, с опаской вглядываясь в зеленую муть озера. Верткая рыбешка, водоросли. Куда смотреть-то? И тут мой взгляд выхватил отразившихся в водной глади пролетающих мимо птиц, затем высоченные каменные башни, и... разгуливающих по набережной людей?

Я перевела растерянный взгляд на Ника.

— Но как?!

— Вот так! Благодаря мудрецам, своей магией защитившим город от многочисленных набегов шамахан, Кипеж-град перенесся в параллельное измерение, оставив в нашем мире только свое отражение.

— Но... как нам туда попасть? — Я вдруг заметила, как в отражении водной глади из ниоткуда появились вооруженные мечами стражники, подошли и остановились рядом с нашими отражениями. А затем я отчетливо услышала вопросы: «Кто такие? Зачем пожаловали?»

— Вот так. Наше отражение попадает в город, и, если стражи пожелают нас пропустить, мы окажемся в Кипеж-граде, — тихо пояснил мне Ник и приветственно помахал стражникам, затем непонятно кому сказал: — Мы с невестой путешествовали и попали под дождь. Хотим остановиться в вашем славном городе, утолить голод и сделать кое-какие

покупки. Говорят, ваши оружейники делают не доспехи, а артефакты? А ваши клинки не сравнятся с клинками даже самых лучших мастеров?

— Ясно. Туристы, значит? — Стражники переглянулись, пошептались и, бросив: — Проходите! — тут же потеряли к нам всякий интерес.

— Проходите? — Я взглянула на Ника. — Что значит «проходите»? Как?

— Народ, я, конечно, ваши причуды уважаю, — насторожился Борька, когда Ник сделал шаг в глубину, — но водорослями не питаюсь, и топиться тоже не тянет. Так что давайте вы сами, а я вас на бережку подожду?

— Просто идите! — Я почувствовала, как пальцы Ника сомкнулись на моем запястье. — Если дверь открыта, вы даже не почувствуете перехода.

— А если нет? — Борька изо всех сил замотал головой, пытаясь отбрыкаться от сомнительного путешествия, но Ник только обмотал уздечку вокруг кулака.

— А если нет, станешь водоплавающим жеребцом.

Представив Борьку с отросшими жабрами и перепонками на подковах, я тоже принялась упираться, да так рьяно, что даже не заметила, как таинственный (противоречивший всем законам природы) переход между мирами произошел. Мы больше не погружались в воду, а, наоборот, выходили из воды. Признать и поверить в сей удивительный факт мне помогли зычные голоса стражников, советующих «парнишке жажнуть для лучшего понимания по нижней задней части спины упрямой скотины». Причем о том, на кого подействует такой метод убеждения — на Борьку или на меня, — скромно умалчивалось.

Я замерла, оглядывая белоснежные, искрящиеся в солнечных лучах башни городской стены. Ворота, гладко сбитые из широких, цвета собранного меда бревен, были широко распахнуты, точно приглашая всех путников найти приют в этом сказочном и таком реальном Кипеж-граде.

— Мать моя... и-го-го ж, твою ж... го-го ж, да в качель! — вырвалось вместе с ржанием из луженой глотки Борьки. Он повертел головой и с шумом вдохнул. — А мы что, уже? Типа утопленники?

— Мы гости этого славного города, — отрезал Ник, явно сожалея, что притащил сюда неадекватно настроенных нас, — а там уж твои проблемы. Кем ты себя чувствуешь, тем ты и будешь! Хочешь быть утопленником?..

— Не-не-не! — отчаянно завертел башкой конь. — Даже не напрягайся! Мы живее всех живых, и аминь! То есть привет... славному Кипеж-граду!

— Эй, господин хороший, а ты, часом, не чревовещатель? Больно складно за кобылу говорить научился. — Вопли Борьки не остались незамеченными. К нам направлялся, опираясь на древко копья, один из бездельничающих у ворот стражников.

Возможно, Ник в ответ что-нибудь бы соврал, если бы у него была хоть минутка, но, увы, этой минутки не было.

— Кобыла?! Ты кого назвал кобылой?! Ты — хомяк-переросток! — Борька оскалился и попер на ошарашенно вытаращившегося стражника. — Кобыла! Я — кобыла?! Да я чистопородный еремеевский жеребец! Или, может быть, доказательства предъявить?!

Уздечка натянулась, заставив Борьку клацнуть зубами в опасной близости от носа замершего в изумлении стражника.

— К сожалению, я не чревовещатель. — Ник лучезарно улыбнулся стражнику и заодно еще трем, уже спешившим на шум доблестным стражам, сделал бровки домиком и печально пояснил: — Я — бродячий знахарь. Это — моя сестра, а это мой брат Борис. Черной магией обращенный в тупую, болтливую, истеричную скотину. Вот и ходим с сестрой по миру, ищем корешок один, дабы вернуть светлый ум и благостный облик нашему брату.

— Бедолаги... — Стражи вмиг оказались милыми, понимающими и сочувствующими. — Милости просим. Может, в нашем городе найдете избавление от ваших бед. А то надо же... братишка — и кобыла! Горе-э-э!

— Я — не кобыла! — снова было взвился Борька.

Заметив потемневшие глаза Ника, я изо всех сил шлепнула жеребца по спине, заставив его на какое-то время замолчать — надеюсь, от неожиданности, а не для разработки плана ужасной мести.

Вскоре ворота оказались позади. Мы ступили на мощенную белыми камнями широкую дорогу. словно маня за собой, она убегала вперед, теряясь между милыми, аккуратными домиками, окруженными плодоносными садами.

— Предлагаю найти где-нибудь трактир и пообедать. — Ник наконец решил разбавить разговором мерный цокот и наши шаги, а заодно помириться с по-прежнему злопамятно помалкивающим Борькой. — Надеюсь, никто не против? А то под ложечкой сосет так, что я даже соврать всамделишно не могу. Даже Борьку заколдованным братом называл...

— Но ведь поверили же! — утешила я.

— Наверное, потому, что в жизни и не такое бывает! — усмехнулся Ник. — Даже конь может стать братом!

— Бывает-то бывает, но все больше наоборот! — Борьку, видимо, такое завуалированное извинение не тронуло, он прибавил шагу и обиженно бросил: — Меня на твоих глазах обозвали кобылой, и ты даже не вступился! Какой ты мне брат после этого? Ты мне даже не друг!

Резко дернув, он вырвал уздечку из рук ошарашенного Никиты и, насыпав «яблок», припустил вдоль по улице, пока не скрылся за поворотом. Ник проводил его взглядом и обернулся ко мне.

— Не бойся! — начал он, видимо оценив мое выражение лица. Еще бы! Единственное транспортное средство, более того — почти родня! Да чего там — земляк! Наделав в отместку кучу, ускакал в неизвестном направлении! Со всеми припасами! — Ну куда он из этого города денется? Побегает по улицам и вернется! Не вернется — сами вернем. Обещаю!

— И? — Я посмотрела на него. — Чего ты медлишь? Если обещаешь — иди ищи!

— Найду. — Ник помялся. — Только давай прикупим тебе одежду и найдем трактир, потому что, как только мы поймаем Борьку, нам нужно будет быстро делать ноги из города.

— Почему? — недоуменно нахмурившись, я еще и прищурилась, пытаюсь сыграть роль обиженной принцессы.

— Потому, что Борька и так на язык невожат, а представь, что он может наговорить в запале?

Я не сдержала ухмылки:

— Боишься, что перед всем честным народом назовет тебя дураком?

— О! Это еще полбеда. Если назовет, я буду знать, что заслужил его прощение и в глубине своей лошадиной души он меня все же любит! — Никита тоже заулыбался в ответ и указал взглядом на громадную вывеску: кружку с чем-то пенным, тоскливо поскрипывавшую на ржавых цепях над распахнутой дверью небольшого аккуратенького дома. Не иначе, трактира. — У нас есть немного времени, чтобы обсудить это за жбаном медовухи.

Тревогу о сбежавшем Борьке сменили мысли о еде и отдыхе. Рот наполнился слюной, а желудок издал недовольное «уау», заставляя меня согласиться. Действительно, как любит говорить мой папаня: куда Борька денется из нашей заколоченной, плывущей в океане бочки?

— Хорошо. — Только по-быстрому, и... платишь ты!

— Боже, как бы я хотел, чтобы все было по-другому! — тихо вздохнул Ник и быстрым шагом направился к вожаемой, призывно распахнутой двери.

— О! Мы всегда рады видеть в нашей корчме гостей Кипеж-града! — К нам, распахнув объятия, подскочила кутающаяся в серую теплую шаль, дородная, невероятно рыжая тетка.

Подметая подолом цветастой холщовой юбки, подхватила нас с Ником под руки и потащила к свободному столу. К слову сказать, свободных столов было предостаточно. В корчме едва ли набралось бы с десятков посетителей. Окинув нас скучающими взглядами,

одни решили не отрываться от трапезы, другие — от неспешной беседы, предоставив нас на растерзание рыжухе. А та заливалась соловьем:

— Надолго ль к нам? Как там, в вашем измерении? Война аль мир? Урожай или засуха? Какая засуха? Народ вон кур научился из воздуха делать.

Но я промолчала, скрыв ухмылку, предоставив Ник у вести с ней диалог. Точнее, монолог:

— Все хорошо, госпожа. Войны нет, мора тоже, слава богу, не предвидится. Нет. К вам ненадолго. Только отобедаем, пополним запасы и уйдем. Торопимся до заката попасть на Кудыкину гору. — Он побренчал золотом и демонстративно выложил на лавку кругляш. — Так что... накормите нас чем-нибудь вкусным, и мы уйдем.

Но толстуха на денежку не смотрела и, вообще, казалась, пропустила мимо ушей все, кроме одного:

— На Кудыкину гору? Это где чертовки шабаши справляют? До заката? Да вы самоубийцы!

— Нам об этом говорили, — не выдержала я, уселась и сменила тему: — Можно побыстрее принести нам что-нибудь съедобного? И попить.

— Можно. А чего ж нельзя? — Рыжая смерила меня таким взглядом, словно я попросила ее влезть на стол и сплясать камаринскую. — Только вопросы не ко мне, а к хозяину трактира. Я тут тоже того... обедаю...

Она кивнула на неприметного, едва видимого из-за стойки старикана.

Я смутилась и поднялась.

— Извините.

— Ничего-ничего. Всегда приходится расплачиваться за хорошее отношение к людям! — фыркнула мне вслед толстуха, но я ее уже не слышала. Подошла к стойке и улыбнулась старику.

— Здравствуйте, дедушка. Мы с братом хотели бы поесть.

— Здравствуй, дочечка. — Старик беззубо мне улыбнулся и шмякнул перед носом толстенный журнал. — Выбери. Все свежее. Сам готовил!

Я недоуменно нахмурилась, оглянулась через плечо на Ника, втайне надеясь на его поддержку, но он что-то самозабвенно врал рыжей и думать забыл обо мне. Ладно. Сами справимся. Я открыла журнал и вгляделась в незнакомые письма. Хм... странно... Вроде Кипеж-град находится на территории руссов и язык сильно отличаться не должен, но вот поди ж ты! Ничего не разберу!

— Э-э-э... — Я подняла взгляд на хозяина харчевни, собираясь поделиться горем, но тот так трогательно улыбался, всем видом показывая, что выполнит любой каприз за деньги Никиты, что я не посмела его огорчить, а себя унижить тем, что не могу прочесть даже названия приготовленных им блюд. Поэтому я решилась и наугад ткнула пальцем в названия. — Это и это.

Седые брови повара удивленно взметнулись. Он одобрительно хмыкнул, отвел взгляд от выбранных мной блюд и тут же заулыбался.

— Будет исполнено. Иди, доча, за стол. Я сам все принесу!

Надеюсь, я выбрала что-нибудь съедобное и не очень дорогое...

— Ну как? Ты заказала обед? — посмотрел на меня Ник. Толстуха уже оставила его в покое, и ее звонкий голос раздавался где-то на крыльце, заманивая в трактир новых гостей.

— Ага, — бросила я и уселась за столик напротив, надеясь, что Ник не станет уточнять, что именно я заказала, но мои надежды не оправдались.

— И что же ты заказала? — За стойкой, где мгновение назад восседал старик, что-то загремело, и Ник с любопытством взглянул туда. — Надеюсь, хотя бы что-нибудь съедобное?

— Угу... пальчики оближешь! — Самой бы знать, на что пал мой выбор, а точнее палец.

Но тут Ник отчего-то перестал меня мучить и заговорщицки склонился ко мне:

— Я тут кое-что вызнал.

Я вскинула бровь и тоже придвинулась ближе. Ник приглушенно заговорил:

— Оказывается, из-за того, что на Кудыкиной горе творится какая-то чертовщина и пропадают люди, жители окрестных деревень закидали буреломом все тропинки, ведущие на гору, чтобы было неповадно особо любопытным, типа нас, рисковать жизнью.

— Ой, мамочки! — «восхитилась» я предстоящей прогулкой, почувствовав, как холодеет в животе. — А как же на той горе живет бабка Кудыка?

— Жила! — мрачно ухмыльнулся Ник. — Лет пять назад в ее доме случился пожар. С тех пор ее больше никто не видел, но начали твориться странности.

— Ты думаешь, это она всех пугает? — Я даже забыла, как моргать. — Покойница?!

— А вот это пока не доказано. Но! — Ник заинтересованно покосился на барную стойку. — Сейчас поедим, оденем тебя и пойдем доказывать.

Я с любопытством развернулась. К нам шел хозяин харчевни. Точнее, хозяина было не видно из-за кастрюлек, тарелок и даже бочонка. Я вытаращила глаза. Это что же я такого заказала? Никиту больше волновал другой вопрос:

— Ты что, решила заткнуть пир на весь мир? А деньги где?

— А у тебя нет? — искренне удивилась я.

— Чтобы оплатить то, что ты заказала, не хватит даже награды, которой меня порадует твой папочка! — выпалил он и тоскливо выдохнул: — Скорей бы.

— Запиши все это на мой счет, и твоя награда не пострадает! — зло выпалила я. Есть мгновенно расхотелось. Но старикан приближался с неумолимостью судьбы. Сгрузил на стол свою поклажу и начал разбирать.

— Вот, господа хорошие, все как заказывали: утка в молоке, тушенная с черносливом. Огурчики, капуста, квашенная с брусникой, арбузы малосольные, бочонок медовухи и манная каша.

— И... это я все заказала? — Я оглядела ломящийся от разносолов стол.

— Э-э-э... не совсем! — расплылся в улыбке дед. — Но кто же кушает утку без солений и медовухи?

— А малосольные арбузы зачем?!

— Так к каше! — не растерялся ушлый дед и, улыбаясь, понес опустевшие подносы назад, к стойке.

— Ладно. — Ник оглядел все и притянул к себе утку. — Это мне, а тебе кашу с арбузами!

Я для убедительности подулась, глядя, как он разламывает утку, и принялась за кашу. С маслом и медом... мм... Давно я не ела манную кашу... и как же она напоминала мне о доме... Кухарка Фрося делала ее точно так же! Но вот с арбузами — перебор... Маленькие, размером с кулачок, полосатые арбузы лежали в деревянной чашке и совершенно не вызывали аппетита. Соленые — арбузы? Фу-у-у!

— Будешь? — Ник вскоре наелся и даже сделал широкий жест, предложив мне половинку утки. А может, сжалился, глядя, как я, давась, глотаю кашу.

— Не, спасибо. — Я сосредоточенно выскребла дно тарелки и облизала ложку. — Я уже наелась. Тока арбузы не полезли. Так что их есть тебе!

— Спасибо. Но что-то не хочется. — Ник тоже с подозрением покосился на полосатое угощение. И крикнул старику: — Сколько мы должны?

— Все с кошельком и корову! — расплылся в улыбке дед. Оглядел почти не тронутые разносолы и вздохнул. — Так вы ж не ели почти ничего.

— Но уже наелись, — успокоила я его. — А каша так просто превосходная!

— Тогда пять серебряных рублей, — успокоился старик. Но занервничал Ник.

— Пять?! Да за что тут пять? За кашу и пол-утки? Ну ладно утка, остатки мы с собой заберем. Ну и медовуху, если посчитать... и эти огурчики... Да и арбузы, пожалуй, возьмем, и буханку хлеба... — Никита принялся собирать остатки трапезы и утрамбовывать в дорожную сумку. — Ладно. Пять так пять!

— Десять!

— Че-го?! — Ник обернулся к старичку. — За что?!

— За все! — еще шире заулыбался тот. — Я-то посчитал то, что вы съели. А ежели вы все забираете, то десять!

— Не! Так мы не договаривались! — Ник принялся снова все доставать. — Утку заберем, хлеб и... медовуху. А разносолы нам не нужны.

— Нужны-нужны! — Трактирщик одним махом снова смел всю еду в сумку и смилостивился: — Восемь, и по рукам.

— Семь! — Ник понял, что торг уместен, и успокоенно сложил руки на груди.

— Девять.

— Шесть.

— Если я скажу десять, то наш торг снова вернется к пяти рублям? — Дед прищурился и махнул рукой: — Лады. Семь — и договорились!

Ник молча выложил на стол серебряные монеты, закинул сумку на плечо и поинтересовался:

— А где здесь можно прикупить одежду?

Старик деловито собрал денежки, надкусил для убедительности и охотно затарахтел:

— Дык все лавки на этой улице. Идите и найдете. Где платя на вывеске, там одежда для дам, где портки...

— Ясно, — перебил его Ник. — Спасибо за все!

Он отвесил старику поклон, развернулся и направился к выходу. Я тоже благодарственно кивнула старичку и бросилась за Никитой.

Серо-свинцовые тучи нашли нас и в отраженном мире. Сиявшее совсем недавно солнышко исчезло, и нам на головы захныкал мелкий дождь. Прохожие мигом исчезли, словно призраки после молитвы, и мы остались в незнакомом городе совсем одни. Хотя нет. Редкие прохожие все же встречались, но спешили скрыться в какой-нибудь лавке, совершенно не желая мокнуть под дождем.

— Смотри! — Я первая заметила дом, над дверью которого красовалось нарядное платье. — Кажется, нам туда!

— Нет, нам туда! — Ник указал совершенно в противоположную сторону, где на скромной вывеске красовались штаны. — Или ты снова хочешь купить платье, которое через день будет рваным и грязным? Стоит ли так бездарно тратить мои деньги?

— Или мои? — Я нахмурилась. После происшествия на сеновале Ника словно подменили. Его ответы стали едкими, обидными, а уж о романтике и вовсе было забыто... Ну и ладно!

— Я пока не видел ни копейки, заработанной тобой. А вот моим потраченным рублям и счет потерял!

— Значит, не считай! — отрезала я, развернулась и направилась к лавке со штанами.

Вскоре я стала обладательницей удобных кожаных штанов, темной рубашки и жилета. Еще Ник разорился мне на мягкие полусапожки, оставив подобрешему лавочнику мои порядком истрепанные туфли и пожеванное платье.

Наконец мы вышли на улицу. Дождь уже перестал, но небо по-прежнему хмурилось, отбивая любое желание пуститься в путь под вечер. К тому же наше средство передвижения сейчас где-то бродило по улицам города, демонстрируя вселенскую обиду.

Я остановилась и настороженно прислушалась. Мне кажется или где-то слышатся голоса? И не двух-трех горожан, нет... Казалось, говорили вразнобой человек двадцать. Шум рос, как снежный ком, катящийся с горы. Вскоре из-за угла вывернула толпа и, не прекращая что-то азартно обсуждать, волной хлынула к нам.

Ник приглушенно ругнулся, задвинул меня за спину и, когда горожане уже готовы были втянуть нас в свой марш-бросок, шагнул вперед и вполне учтиво поинтересовался:

— Почтеннейшие, что случилось? Мы с сестрой — гости вашего города и не хотели бы вмешиваться в ваши проблемы, но если они коснутся нас, то...

— Ну ты наплел! — От толпы разом замолчавших горожан отделился широкоплечий невысокий бородач и приблизился. Словно получив негласный приказ, нас тут же окружили, да так плотно, что сбегать мы бы уже при всем желании не смогли. — Так бы и спросил: чего вы такие радостные, господа кипечжане?

— Ну я примерно так и спросил. — Ник улыбался, не сводя взгляда с заводицы, но глаза его оставались настороженными, а пальцы правой руки скрылись под полкой плаща, наверняка уже сжимая рукоять меча.

Но бородач этого, казалось, не замечал и благодушно пробурчал:

— Да ладно, чужеземец. Поведаю тебе о нашей радости. В такой радостный день хочется, чтобы вместе с нами радовались все! — Он оглядел улыбающихся демонстрантов и хлопнул Ника по плечу. — Сегодня день великого избавления! Долгих пять лет нас изводил непомерной данью Змей Подгорный. Откуда взялся, не знаю, скорее всего, гнездо у него неподалеку. Так вот. Поначалу он охотился на наши стада, а после и вовсе оборзел! Выставил требования — давать ему по одной животине раз в месяц, или он будет потрошить обозы с продуктами из внешнего мира. К сожалению, всем известно, что двери сквозь миры находятся аккурат у ворот городской стены.

— И сегодня вы его убили? — догадливо покивал Ник. Больше не стискивая рукоять меча, он заинтересованно скрестил руки на груди и озадаченно оглядел разом загалдевших горожан.

— Ага, как же!

— Последнюю достопримечательность...

— Убить!

— Вы в своем уме?!

Пытаясь утихомирить народ, Ник вскинул руки:

— Тихо-тихо! Виноват, сделал неправильные выводы... — И кивнул ведущему рассказ мужчине: — Продолжай, уважаемый.

— Завтра день нашей дани, и сегодня боже ниспослал нам подарочек. Животину для жертвоприношения. Свою-то жалко! А тут чья-то приبلуда. К тому же забавная такая. Говорящая. Так что на месяц мы в покое! А то глядишь, змеюка и жрать конягу не будет, пока не наговорится, а это месяца два-три в запас упадет!

— Говорящая и смешная? — Ник бросил на меня быстрый взгляд.

Я в ужасе зажала себе рот ладонью. Неужели наш Борька влип?!

— Ага. Как давай нам проповеди читать... О вреде равнодушия... — подтвердил мои опасения рассказчик.

— Жеребец? Рыжий? — уточнил Ник и едва не застонал, когда все вокруг закивали.

— А откуда вы знаете? — запоздало насторожилась протиснувшая к нам поближе девушка лет пятнадцати.

Все нахмурились и в ожидании ответа снова подозрительно уставились на нас.

— Сон мне приснился про рыжего жеребца, — не моргнув глазом соврал Ник. — Да будто никакая это не лошадь, а пророк господень.

— Ну... сон и явь вещи разные... — заворчали горожане, не желая расставаться с добычей.

— Где доказательства?

— Видели мы таких предсказателей...

— Не верим!

— Ну не верите, и бесы с вами! — нагло заявил Ник, будто невзначай снова берясь за рукоять меча. — Вам же тогда принимать божественную кару за ваше неверие!

Толпа испуганно шарахнулась от него и стала истошно креститься. Никита, чтобы закрепить результат, перехватил меч за лезвие, вознес над нами крестовину и с видом мученика заявил:

— Покаявшийся — да не убоится греха. Ладно уж, не впервой мне вашего брата выручать от беды неминуемой. Отдайте мне жеребца, и я отведу от вас гнев божий.

Но вместо того, чтобы обрадоваться, горожане растерянно заоглядывались.

— Э-э-э... — развел руками словоохотливый мужичок. — Мы бы с радостью, коль так, но жеребца-то нету.

— Как «нету»? — не выдержала я и, вынырнув из-за спины Ника, вцепилась в вышитый ворот его малинового кафтана. — Как это «нету»? Куда вы дели моего Борьку?!

Мужик от такого и вовсе замер столбом, только издавая нечленораздельные звуки:

— А-а-а... Э-э-э... Ну-у...

Его выручил сухонький старичок. Активно работая локтями, он выпал к нам из расступившейся толпы и прошамкал:

— Дык отвели вашего длинногривого пророка к норе Змеевой. Привязали на цепку, чтобы не сразу Змей его схарчил. Вот оттуда и возвращаемся!

— А Змей? Вы его видели? — подобрался Ник.

— Не. Или спит, или где летает. Одним словом — зверюга. Он все больше ночью хозяйничает.

— Отведите нас к норе и можете уходить. Мы со Змеем сами договоримся, — решил Никита и оглядел горожан.

Но те не спешили соглашаться. Переглядываясь, они словно выискивали того, кто смог бы отвести странных чудиков на верную смерть, выразительно поглядывая на темнеющее вечернее небо.

Наконец общим голосованием было решено сделать козлом отпущения мужика, первым поведавшего нам о «чудной животине».

— Ты эту конягу бешеную, Матвей, нашел, ты его придумал к Змею отвести, ты и выкручивайся!

— А чего это я? Я же не знал, что эта сумасшедшая скотина — не сбрендивший продукт неизвестной магии, а пророк! Вы же сами кричали, как я хорошо придумал Змея заболтать!

— Кричали. Хорошо! — покладисто закивали горожане, поспешно пятась от провинившегося, как от прокаженного. — Но кто ж знал, что так выйдет?

— А раз так, Моть, идея твоя — и ты ведешь их к норе! — виновато, но решительно выпалил напоследок дедок. — Не обессудь!

— Дык ночь скоро! — отчаянно возопил бородач и заоглядывался, ища сочувствия в лицах горожан, но те только прятали глаза, явно показывая, что в этом вопросе их хата с краю. — А если тот Змей уже с конягой развлекается? И я под острый зубок попаду!

— А ты не попадай, — резонно заметил дед и посоветовал: — Доведи их, укажи нору и дуй оттудова. А нам по домам пора. Ночь наступает, да и дождь снова начинается.

Все будто только ждали этих слов и, как тараканы, шустро рванули от нас в разные стороны.

Вскоре на улице, кроме нас троих, никого не осталось. Жертва обстоятельств покосился на небо, смачно почесал вихрастые патлы и обреченно махнул рукой:

— Воронье! Ладно уж! Айда. Отведу. — И не оглядываясь, только бурча под нос что-то нелестное, зашагал по улице.

ГЛАВА 12

— Тсс... — Наш проводник высунулся из-за выдранного с корнем куста, прищурился, пытаясь разглядеть что-то в сгущающихся сумерках. — Голоса слышите?

Мы с Ником переглянулись, вообразили себя двумя огромными ушами, но даже это не помогло нам услышать что-то еще, кроме царившей в округе тишины. Нет, конечно, вечер за городом, в степи, у высоченной горы, вздымающейся в темные небеса как обломанный клык какого-то сказочного животного, был наполнен звуками. Затаив дыхание, я услышала, как от порыва ветра где-то звенит песок, где-то скребется коготками, в нагретых солнцем валунах, серая верткая мышь или ящерица, где-то далеко кричит сова...

— Не, не слышим, — тихо выдохнул Ник.

— Ладно. Значит, тогда у меня пока есть время, — приободрился наш проводник, сунул в руку Никите маскировочный куст и указал на гору. — Смотрите. Дойдете дотуда, нора Змея будет аккурат у тропинки за уступом. Мимо не пройдете. Если пророка вызволите, выпивка за мой счет, ну а нет — земля вам пухом!

Бородач уже хотел дать деру, но Ник, отбросив куст, ухватил его за руку:

— Эй, а ты куда намылился? Ты же обещал довести до норы!

— А я и довел! — шепотом возмутился мужчина и дернулся, пытаясь вырваться, а когда понял, что это невозможно, зло принялся объяснять: — Вот — Кудыкина гора. За тем уступом — нора. А умирать с вами я не соглашался! Так что прощай, братец, а я в город. Кстати, девчонку отпусти. Негоже, чтобы такая краля подыхала в виде закуски какого-то Змея.

— Да я и не держу! — Ник выпустил руку бородача и обернулся ко мне: — Иди с ним в город. А я, как только выручу Борьку, сразу вернусь!

Я растерянно взглянула на горожанина, недоверчиво ухмылявшегося в усы, посмотрела на Ника, так нагло пытающегося сплавить меня вместе с этим не вызывающим доверия мужиком, и искренне помотала головой:

— Чего я в том городе не видела? А Змеем меня не испугаешь. Помнится, в наукограде на змее начальник стражи летал? Значит, со змеюкой можно договориться. Или приручить...

— Самоубийцы! — махнул рукой проводник, развернулся и бросился бежать к городу, еще видневшемуся в сгущавшемся мраке наступающей ночи.

Мы с Ником смотрели ему вслед, пока он не исчез, затем, не сговариваясь, развернулись и направились к горе.

— Слушай, а если это Кудыкина гора, значит, можно к гадалке и в этом мире наведаться? — Я тронула Никиту за руку.

В ответ его пальцы дернулись и поймали мои.

— Можно и наведаться. — Он остановился и развернул меня к себе. — Только... может, мы наведемся к ней потом? Ну... чуть позже? А я тебя пока спрячу. — Ник огляделся и, тая усмешку, ткнул пальцем в растущий неподалеку жидкий куст. — Ну вот хотя бы в том кустарнике? Конечно, с этим мужланом я бы тебя не отпустил, но тащить в нору Змея тоже не горю желанием...

— Ты за меня боишься? — Я потупилась, пытаясь сдержать довольную улыбку. Как бы он ни старался, он не сможет скрыть от меня ту единственную важную правду — я ему все-таки нравлюсь!

Но то, что я услышала в ответ, заставило меня скрипнуть зубами и выкинуть свои романтические мысли:

— Я боюсь... за свое вознаграждение! Согласись, ни твой муж, ни твой отец мне достойно не заплатят, если у тебя не будет хоть одной из твоих аппетитных конечностей. Ну а если будет недоставать головы, не заплатят вообще ничего. Если, конечно, заметят разницу...

Ах так?!

Я со всей силы пнула его в голень, а когда он выпустил мою руку и скрючился, со всех ног бросилась бежать. К горе.

— Зар-р-раза! — Сзади послышался приглушенный рев и топот.

Слыша за спиной его хриплое дыхание, я только прибавила скорости, выкрикнув в ответ:

— От заразы слышу!

— Стой! Дура!

— Сам «дура»! — Еще и обзывается! — Наемник! Деревенщина! Ха-ха! Получил?! А не нужно было надо мной издеваться!

Гора приблизилась и угрожающе нависла надо мной черной безмолвной машиной, но я, ничего не замечая, петляла зайцем, перепрыгивала через валуны, обегала колючие

кустарники и не обращала внимания на странный хруст, мечтая только о том, чтобы Ник меня не догнал, более того, потерял и больше никогда не нашел.

Перемахнув через внезапно разверзшуюся под ногами глубокую яму, я вдруг заметила впереди, довольно высоко, слабый, пробивающийся будто из самой горы свет. Хм... странно... Пещера Змея? Но зачем Змею свет? Он же не человек, чтобы греться у костра или подавно — жарить на вертеле добычу... Что-то тут не так...

Не дожидаясь Ника (потому как еще неизвестно, какой зверь страшнее), я принялась карабкаться наверх. Благо к пещере вела явно рукотворная лестница, собранная из больших белых валунов, коими были завалены все подступы к горе. У пещеры я помедлила.

Хотя... чего бояться? Мы и так выдали себя с головой!

Миновав несколько последних ступенек, я хотела просто войти в пещеру и будь что будет, но ноги отказались мне служить. Самым нелепым образом я запнулась за какую-то каменюку и растянулась на захламленном костями каменном полу довольно большой пещеры.

— Уважаемая, мы с моим другом услышали ваши крики. Так вот не считите за оскорбление, но слово «дура» применимо только к недалёковидным, лишенным понимания реальности и адекватного восприятия мира особам женского пола. В отношении особей мужского пола предпочтительно употреблять слово «дурак». Или придурок, или идиот, или балбес, или балабол.

— Стоп, Афанасий Емельянович. Это уже не синоним слова «дурак», а скорее синоним слова «болтун», — решительно вмешался в нравоучения, читаемые мне хриплым басом, ломающийся тенорок, который я не спутаю ни с каким другим голосом. — Василиса Батьковна, если ты приперлась даже сюда клянчить мое прощение, я, так и быть, поверю, пойму и прощу, но чтобы больше ни-ни...

Я рывком поднялась, оглядела всю честную компанию, а точнее гревшихся у костра Борьку и улыбчивую жабу, метра под два ростом, с крылышками, сидевшую по-шамахански на валуне, вольготно скрестив на груди когтистые лапы, и попятилась. Борька удивленно выпучил глаза и даже попытался подняться с «належанного» места у костра.

— Вась, да я же пошутил, ты куда?!

— Наверное, эта милая девушка испугалась моего облика... — протянуло печальным басом чудище.

— Тю! Афанасий Емельянович! Я тебя умоляю! Ну как тебя можно испугаться? — фыркнул Борька, но все же принялся меня успокаивать: — Вась, ты его не бойся! Афанасий Емельянович — душа-человек, мм... точнее, змей... Короче, не обидит!

— Не обижу. В кои-то веки в мою берлогу забрели интеллектуальные гости, а я их обижать буду? Чтобы потом себе еще лет сто пятьдесят плешь проедать? — Змей расплел чешуйчатые лапы, хрустнул, разминая, толстыми пальцами с длиннющими когтями и поднялся. — Не бойся меня, девонька. Я добрый, мирный. Поговорить люблю. Когда был человеком, так первый парень на деревне... был.

— Человеком? — Я оглядела двухметровое чудище, покрытое не то жабыми пупырышками, не то рыбьей чешуей. Причем ни трех голов, ни хвоста, полагающегося Змею Подгорному, я не увидела. А вот крылья у него были роскошные — лоснящиеся, черные и двойные, как у бабочки. Верхние торчали из-за спины, как накрахмаленные оборки на бретелях фартука папенькиной горничной, а нижние стелились по полу. Под моим пристальным взглядом Змей смутился и поспешил запахнуться в крылья, как в халат.

— Не извольте сомневаться, барышня. Я... я... — Но что-либо внятное поведать он не смог, вытаращился поверх моей головы и, указывая когтистым пальцем на вход, из которого в пещеру вливалась ночь, попятился, повторяя как заговоренный: — Я... я... я... я...

Резво обернувшись, я и сама попятилась, разглядывая высокий силуэт с нелепо торчащим из бока колом и огромным, растущим прямо на голове кустом. Потом до меня дошло...

— Ник, выходи из засады. Борька и я живы и здоровы. А Змей оказался очень милым

заколдованным человеком. Если не врет, конечно.

Силуэт приблизился. И я посторонилась, пропуская в пещеру Никиту. В одном не угадала. Подумала, что он, как наш бородач-проводник, для маскировки прихватил с собой вырванный с корнем неизвестный науке пожухлый куст, но оказалось, что Ник проявил изрядную смекалку и вместо куста притащил целый сноп свежего, чуть подсушенного сена. Ссыпав добычу у входа в пещеру, он поправил съехавший набок меч и шагнул вперед.

— То, что вы живы и здоровы, я уже и сам знаю. Постоял. Послушал. Решил сходить тут неподалеку сена набрать. А то Борька-то, поди, голодный?

Коняга и Змей переглянулись и одновременно заговорили:

— Да вы что?! Чтобы я дорогого гостя голодным оставил?!

— Да ты что, Ник! Мне Афанасий Емельянович, когда узнал о том, что я говорящий, слетал и целую торбу овса отборного принес. Правда, с бутылкой вина и пирожками...

— Ну уж извините — что было! Прямо из повозки спер. Мужик с бабой на козлах сидели и даже не оглянулись.

— Ну да, дареному коню, и все такое...

— Так! Заткнулись, оба!

Рык Никиты подействовал — Борька снова устроился на нагретом месте, а Змей удивленно вытаращил два ярко-зеленых глаза и сел на валун, с которого поднялся.

— Ты меня не боишься, незнакомец?

— А надо? — Никита подошел к костру и опустился на корточки почти у самого огня, с жадностью протягивая руки в самый жар, словно стремясь зачерпнуть раскаленных углей.

— Друзья моих друзей — мои друзья, — философски хмыкнул Змей и поинтересовался: — Так, может, бутылочку открыть да пирожки согреть? Так сказать, за встречу? А вы мне поведаете, какая беда занесла вас в это отражение.

— Договорились. — Ник поднялся, шагнул к Борьке и, усевшись с ним рядом, удобно привалился к его теплому боку. — Только и ты, мил... мм... человек?.. расскажешь о своем житье-бытье да о том, какая нелегкая сотворила с тобой такое.

— Эх... Лучше и не вспоминать. — Чудище, не вставая, сунуло когтистую лапу за спину, и вскоре перед нами предстал небольшой туесок из бересты. Открыв крышку, он пододвинул к нам «плоды» воздушного грабежа, надо сказать, очень аппетитно пахнущие потрошками. Точнее, пирожками. — Налегайте. Соловья ведь баснями не кормят.

Ника не надо было упрашивать. Не знаю, то ли от недолгого, но волнительного путешествия, то ли от страха, но о сытном обеде в Кипеж-граде мой желудок уже позабыл и теперь при виде таких деликатесов принялся издавать угрожающе-просящие звуки. Стараясь не сгореть со стыда, я утрамбовала из небольшой охапки сена подстилку, уселась поудобнее и, сцапав пирожок, поскорее впилась в него зубами.

— Эх... — снова вздохнул Змей, умиленно разглядывая нас с Ником. — Неужели это происходит со мной? Впервые за столько лет в моей пещере собралось так много умных, говорящих людей! А может, подольше погостите?

— Умных — это смело сказано! — не выдержав такой пасторали, подгадил нашей репутации Борька. — Были бы умные — добровольно сюда бы не пришли! Какой же дурак добровольно пойдет на верную смерть? Даже я до последнего защищался!

— И как же? — заинтересованно пробубнил Никита с полным ртом. Что уж тут сказать: любопытство сильнее этикета.

— Громко кричал «хайя», «не подходи» и «я грозный воин племени мань-яньк», — охотно принялся рассказывать Змей вместо погрузневшего Борьки. — И именно это его и спасло. Во-первых, никогда не видел вопящего такие дурости *жеребца* и, во-вторых, никогда не видел *вопящего* жеребца. А знаете, как одиноко изо дня в день жить в четырех стенах одному? Да еще в таком виде... Ни семью тебе создать, ни девушку привести. Нет, я, конечно, пробовал девушек приводить, но местные красавицы вопили еще хуже жеребца, и, уж поверьте, не такие перлы. Хорошо, что всех жертв моего вынужденного ухаживания забрали женихи. А один, подлец, до того ушлый оказался, что мне за его истеричную дуру

еще и заплатить пришлось, чтобы только он ее забрал, пока я не оглох. Так-то бывает...

— А вот с этого момента поподробнее... — Ник прожевал, точнее, проглотил уже третий пирожок, запустил руку в туесок и с довольным видом выудил обещанную Змеем берестяную бутылку.

— Подробнее рассказать, чего она орала? — уточнил Змей, но получил в ответ решительное «буль».

— Нет! Рассказать о том, как ты здесь оказался, да еще в таком виде! — Ник выбулькал около четверти далеко не маленькой бутылки и расплылся в довольной улыбке. — Хороша настойка! До самой печенки продирает!

Я погрустнела. Пирожки жирные, пить хотелось все сильнее, а тут настойка! Ночевка в пещере змея-мутанта с пьяным и явно злым на меня Никитой будет, прямо скажу, не ах! Может, спросить у чешуйчато-бородавчатого хозяина, вдруг у него есть запас питьевой воды? Но только не сейчас.

Я снова прислушалась к разговору.

— Уж лучше вы мне вашу историю расскажите, — вежливо, но решительно отказался Змей, однако, заметив в глазах Ника зажегшийся мрачный огонек, подсластил пилюлю: — А там, глядишь, и я вам все как на духу поведаю.

— Хорошо. — Никита снова надолго приложился к фляге, затем протянул мне, но, услышав мое решительное «нет», передернул плечами, поставил ее возле себя и начал: — Наш рассказ прост. Я — телохранитель вот этой девушки. Она искала особый подарок для мужа, но след того «подарочка» мы потеряли и теперь идем на Кудыкину гору к вещунье, чтобы та указала нам верный путь.

— К вещунье?! — Змей в искреннем изумлении распахнул глаза. — Да ладно! Сколько лет тут живу, а о вещунье слыхом не слыхивал, иначе сам бы слетал, чтобы узнать, как мне скинуть мое заклятие-проклятие и снова в доброго молодца обратиться... А... — Он задумался и предположил: — Может, все дело в мире? Точнее, в его отражении? Ведь здесь все совсем по-другому. И если в вашем мире на этой горе живет вещунья, то здесь может жить кто-то другой... Например...

Мы все, даже Борька, не сговариваясь, уставились на него. Никита первым озвучил наше подозрение:

— Ты, что ли?

Змей нутужно кашлянул.

— Вы меня что, в вещуньи записали? Совсем уже, что ли? Нет, конечно! Я не вещун и уж точно не вещунья, но... возможно, тут есть кто-то или что-то, что может предсказывать будущее. Например, колодец желаний или какая-нибудь говорящая гусеница...

— Говорящих гусениц не бывает! — лениво вякнул Борька. Закрыв глаза, он положил голову на вытянутые ноги и теперь всем своим видом показывал, что нашел наконец рай на земле.

— Но ты же существуешь! — все так же вежливо парировал Змей, только рычащих ноток в его голосе прибавилось. — Так о чем это я... ах да! Может, к вещунье вам нужно идти именно в вашем мире? А то зайдете куда-нибудь не туда...

— Мы и в нашем мире сходим... — успокоил его Никита. — Но сначала все выясняем здесь. Ведь зачем-то же мы сюда пришли? Я верю, что случайности — не случайны!

— Ну... тогда... — Змей завел лапу себе за голову, сосредоточенно, с хрустом почесал зеленоватое ухо и решительно махнул лапой: — Тогда и я с вами. Вдруг и вправду повезет...

— При одном условии! — прищурился Ник, но рассказать об условии не успел. Змей догадался сам.

— Любопытно узнать, как я докатился до жизни такой? Ладно уж. Если так хотите послушать кошмары на ночь — расскажу. — Он сделал эффектную паузу, не иначе затем, чтобы все прониклись торжественностью момента, и начал рассказывать: — Мой дар открылся не сразу. Сперва я был шарлатаном-зазывалой на ярмарке. Немного целителем, немного звездочетом... Для меня вся эта магия была только дармовым хлебом. Возможно,

так бы моя жизнь и прошла, не открыв мне свои тайны, но однажды в наш дом постучал высокий, худощавый мужчина. С головы до ног он был укутан в мышиного цвета плащ, а его лицо скрывал низко натянутый капюшон. Я разглядел только тонкие, будто обезображенные огнем губы...

— И-го-го! — вдруг взвился Борька. — Неужели он и здесь наследил? О-го-го! — Но тут же получил пирожком в морду и обиженно запыхтел: — Ну и не буду я вам помогать и подсказки подсказывать!

— Лучше не мешай! — рыкнул Ник и украдкой указал ему на меня глазами. Мол, если наша Вася твои намеки поймет...

Борька разом замолчал, понятливо вытаращился и очень выразительно приложил к морде копыта. Вроде как: молчу я, молчу!

Ага.

А то я сама не поняла, что в бедах этого Горыныча тоже виноват мой незабвенный муж! Но почему-то все решили, что, когда я это пойму, мне сделается очень худо и я начну биться головой об стену. Как минимум...

Я встретила выразительным взглядом с Ником, а после как ни в чем не бывало обратилась к заинтересованно наблюдавшему за нашими переглядываниями чудищу:

— Пожалуйста, продолжайте... Афанасий Емельянович? Кажется, я слышала, что мой жеребец называл вас именно так?

Змей чуть не прослезился и пару раз даже всхлипнул.

— Милое дитя! Ты права! Когда-то меня звали именно так. К слову! Давайте вернемся к тем печальным событиям, что забрали мой облик и мое имя. В тот роковой день, когда я впустил в свой дом незнакомца, мне было семнадцать. Переночевав в домике для гостей, гость утром спросил, не хочу ли я стать его учеником, уйти в чудесную страну и заработать своим даром огромные деньги. Я ответил, что очень хочу, но не могу оставить дома больную мать. Не могу уйти, не исполнив сыновний долг, и что должен ее содержать, а когда наступит роковой час, самому закрыть ей глаза и предать земле. В ответ на это постоялец спросил, искренне ли мое желание быть хорошим сыном. Я ответил «да», на что тот пробормотал странную фразу: «Желания должны иметь свойство исполняться, иначе они навсегда останутся мечтами».

Змей замолчал, сосредоточенно разглядывая покрытые бородавками лапы с чуть загнутыми острыми когтями, словно ему было больно снова вспоминать это, но сделал над собой усилие и как ни в чем не бывало продолжил:

— В тот день он не ушел. Щедро рассчитался за постой на несколько дней вперед, и у меня не поднялась рука выгнать его, о чем жалею до сих пор. На следующее утро маме стало хуже, и через день она умерла на моих руках. Я закрыл ей глаза. Как и желал... Тем же вечером, после похорон, ко мне пришел наш постоялец и заявил: «Я исполнил твоё желание, теперь ты должен рассчитаться со мной годами ученичества, ибо неоплаченные желания делают из тебя вечного должника». Честно говоря, я тогда порядком струхнул, особенно после того, как странный постоялец вдруг откинул темный капюшон и улыбнулся мне обгорелыми губами. Его лицо, будто оспой, оказалось изъедено огнем. Даже глаза выжжены! Мой постоялец оказался слепым магом-калекой.

После этих слов лицо Ника будто окаменело. Змей окинул нас взглядом, ожидая эмоций, чувств, от удивления до ужаса или недоверия, но не дождался и устался в огонь.

— Я выбежал во двор, а после и за калитку. Бежал так долго, как только мог. В тот день я решил не возвращаться домой. Долго бродил по миру, учился *быть* лекарем, а не просто мечтать. Я спас многие жизни. Но, как сказал тот страшный незнакомец, за все исполненные желания надо платить... Однажды я попал в шахство шамахан, в ученики к непревзойденному мастеру. В конце обучения он попросил, чтобы я принес ему из иного мира, входом в который служит моя память, все что мне приглянется, тем самым выбрав мощный талисман по себе и закончив обучение. — Чудовище развело руками. — Я долго пытался понять, что это значит. Если память — дверь... значит, я должен что-то вспомнить?

И что, а главное — как я должен принести из своей памяти то, что захочу?

Змей вздохнул и растянул тонкие зеленовато-серые губы, показав устрашающие иглы зубов. Видимо, это означало улыбку, но выглядело жутковато.

— И тебе вспомнилась твоя встреча с Белоглазым? — То ли голос Ника прозвучал как-то мрачно, то ли сам вопрос оказался не в бровь, а в глаз, но Змей перестал улыбаться, а между зубами метнулся раздвоенный язык.

— Откуда знаешь?

Пришел черед Ника за улыбкой скрывать что-то такое, от чего я даже поежилась. Будто ледяной ветерок прошелся по пещере. И тут впервые в голове начала зарождаться мысль, в сравнении с которой все предыдущие домыслы стали бесцветными и незначительными. А вдруг Ник?.. Но сформироваться мысли не дал ответ Никиты:

— Учителя звали Омар Рахат ибн Лук-ум?

— Точно! — Зеленые глаза Змея подозрительно прищурились. — Ты тоже у него учился?!

— Да. — Ник снова прильнул к бутылке и, сделав хороший глоток, отставил. — Но последнее испытание не прошел.

— Или не стал проходить? — Змей не сводил с него взгляда. Прямо как батюшкин воевода, когда вора на предмет наживы пытал... — Если человеком остался...

— Да уж... Был бы умнее — бежал бы подальше от этих шамахан и незабвенного Лук-ума... — Ник нахмурился и, старательно разглядывая пляшущее пламя, с неохотой пояснил: — Открылась и мне та дверца... в памяти...

— И ты попал в...

— Попал! — торопливо перебил его Никита. — Но сбежал!

— Повезло... — Глаза Змея подернулись дымкой не то воспоминания, не то сожаления. — Я вроде тоже сбежал... гораздо раньше срока... Думал — обойдется. Да только видишь, каким стал... А как заклятие того Белоглазого снять, не ведаю... Все перепробовал...

— Так! — Мне надоело не слушать, а только догадываться о сути разговора. — А можно еще раз, и поподробнее? Кто куда попал, кто откуда сбежал, и почему ему повезло? И при чем тут Феникс?

— Ох, дивчина, не спрашивала бы ты и спала бы спокойно. А то будут страшные сожженные демоны в кошмарах сниться, — отмахнулся когтистой лапой Змей и недоуменно наморщил пупырчатую кожу лба. — Феникс? Кто такой Феникс?

— Мой муж, который и так мне во сне снится. И нечего меня им пугать!

На обескураженную морду Змея, пытавшегося найти логику в моих словах и хоть как-то прилепить эту самую логику к его желанию о спокойных снах, нельзя было смотреть без слез. Смеха. И возможно, я бы с удовольствием посмеялась, если бы мне не было так грустно! Сидят, говорят о моем муже, и — при чем тут Феникс?! Ладно Змей, но Ник... Ох как мне не нравится его сосредоточенное созерцание огня...

— Муж — это хорошо! — Змей наконец решил, что лучше со мной не спорить. — Муж и должен сниться. Пусть лучше он снится, чем белоглазый, обгорелый демон...

— Мой муж и есть белоглазый, обгорелый демон! — От моего вопля по стенам пещеры заметалось эхо и, найдя выход, вылетело в шуршащую дождем ночь.

— Слепой? — на всякий случай тихо уточнил Змей и беспомощно окинул взглядом Ника, затем Борьку, словно призывая их уличить меня во лжи.

Однако Никита по-прежнему продолжал разглядывать огонь, а Борька снова закрыл глаза и сделал вид, что спит. Только в подтверждение прятнул ушами.

— Если бельма считаются подтверждением слепоты, то да! — кивнула я и попросила Никиту: — Дай мне настойку. Уж очень хочется нервы успокоить...

Он нехотя взглянул на меня:

— Уверена?

— Более чем! — Я протянула к нему руку.

Ник равнодушно передернул плечами — мол, на, не жалко — и ткнул горлышком бутылки мне в ладонь. Я сжала горлышко, притянула его к губам и, задержав дыхание, сделала большой глоток.

Мм...

Мм?!

Я цокнула языком и уже надолго припала к бутылки, утоляя жажду. Вкуснятина! Пряный сок малины, перемешанный с какой-то кислой ягодой и соком яблок... а где обещанный сбивающий с ног настой?!

Глаза Никиты насмешливо прищурились.

И тут до меня дошло...

Мерзавец! Накормить жирными пирожками и не давать пить — очень изощренная месть за синяк на лодыжке! Ну ладно! Потом отыграюсь. Сейчас самое главное понять, что скрывает мой доблестный, точнее, мстительный телохранитель, и узнать, что благодаря ему утаил от нас Змей. А именно: что Ник не хотел, чтобы мы узнали? Куда он попал? Откуда сбежал?

Чтобы все это узнать, надо попробовать разговорить Змея. Да так, чтобы Никита не узнал о нашем разговоре.

Отставив бутылку, я вытерла губы тыльной стороной ладони и задумчиво взглянула на Змея, придумывая вопрос с подковыркой, но то, что я увидела, заставило меня забыть обо всех вопросах. Змея словно подменили. Он сидел, уставившись на меня блюдцами абсолютно безумных глаз, и что-то тихонько мычал. Разве что слюни не пускал.

Я тактично кашлянула, привлекая внимание.

— Ты хочешь меня о чем-то спросить, Афанасий Емельянович?

— А... Э... Ну... — Змей будто очнулся, помотал головой и снова уставился на меня. — Ты действительно ЕГО жена... Но как?! Он... он же ненавидит смертных! Он...

— Хватит тебе мою спутницу пугать... и нас с Борькой заодно! — снова перебил его Ник, взглянул на меня, как мне показалось, с сочувствием и душевно попросил Змея: — Пусть она и дальше не знает, за кого ей довелось выйти замуж!

Оригинально! Вот, значит, как? Телохранитель, взявшийся привезти меня в целости и сохранности домой, знает о моем муже больше, чем я?! Или блефует? Но зачем? А может... Тревожащая мысль, вертевшаяся весь вечер лейтмотивом, наконец окрепла и заиграла всем многообразием красок. А если Никита уже с ним встречался? А если я ему нужна, чтобы добраться до Феникса? Или откупиться мной? Или... Ну конечно же! Ему тоже нужно это кольцо! Вот и объяснение того, зачем он со мной! Кольцо!!!

Стараясь не застонать от накатившего на меня отчаяния, я прикусила губу и, взяв прутик, принялась усиленно скормливать его огню, вслушиваясь в продолжавшийся уже без моего вмешательства разговор.

— Поэтому мы хотим ее спасти...

— И как собираетесь это проверить? — Змей уже успокоился и деловито сыпал вопросами. — Что хотите сделать? Чем откупиться? Для чего она ему?

— Для чего — не знаю, — медленно проговорил Ник, — а откупиться... Слышал историю о кольце — «Султане желаний»?

— Ага... — разом подобрался Змей. — Слышал. Кажется, его спер какой-то проходимец, и Белоглазый с горя едва не разметал в пух и прах всех своих рабов. А что? — В голосе Змея прозвучал неподдельный трепет восторга. — Вы нашли кольцо?!

Но Ник его осадил:

— Пока не нашли, но ищем. Для этого и идем к вещунье!

— Понятно-понятно! — Змей нервно поскоблил длинными когтями по валуну, на котором сидел. Словно затачивая. — А если и я с вами за компанию? Так сказать, тоже потяну удачу за хвост? Я так понимаю, вы хотите сыграть на том, чтобы, вернув кольцо Белоглазому, избавиться от своих проблем? Уж не знаю каких... Наверное, девка от замужества отбрыкается, Борис превратится в...

— Стоп-стоп! — Борька даже очнулся от сытой дремоты и возмущенно привстал. — В кого это вы меня превращать удумали? Мало того что ядовитая травка меня говорить научила, так теперь еще и превращать в кого-то собрались?

— Ага! — мрачно поддакнул Ник. — Попросим у Васькиного мужа для тебя три пары крылышек, чтобы еще и летать научился, а то плетешься как черепаха. С такой скоростью мы и за год ничего не найдем.

— Чего?! — Борька все же попытался подняться, правда, не знаю для чего — то ли чтобы снова дать деру от хозяев-экспериментаторов, то ли чтобы этим самым хозяевам настучать копытом в бубен, дабы навсегда позабыли о своих коварных планах. Но подняться у него не получилось. Ноги затекли, предательски подогнулись, и он снова плюхнулся на нагретое место, в итоге пригрозив: — Только попробуйте! Обижусь!

— А вдруг тебе понравится? — коварно подмигнул ему Змей. — Видишь же — летаю и не жужжу! А чтобы кипегградское дурачье охоту на человека-мутанта не начало, еще и под местный антиквариат кошу... точнее, косю... а может, косею?.. Короче, Змеем Подгорным притворяюсь.

— Кстати, я как раз хотела спросить, — не удержалась я и мысленно добавила: «Для разминки. Чтобы потренироваться перед важными вопросами». — Мы тут намерены в городе слышали твоё описание: три головы, хвост, крылья. А тут гляжу, картина маслом — двух голов не хватает, хвоста нет... Травмы? Или все же вышеперечисленное у тебя где-то имеется? Только с крыльями вопросов нет. Да только у реальных змеев они как у мыша полуночного. А у тебя... Первый раз такое чудо вижу...

Заметив хмурый взгляд Змея, я поспешно растянула губы в улыбке. Мало ли... еще воспримет мой вопрос как оскорбление. Надо подумать, как его задобрить, чтобы потом узнать, откуда он знает моего мужа и что за тайны хранит в себе колечко. Как там его Никита назвал? «Султан желаний»? И еще бы узнать, что такое — мой муженек?

Честно? Даже начинаю потихоньку им гордиться. Везде побывал, всех запугал, и никто его найти не может! Впрочем, как показала практика, сам найдется, когда приспичит.

— А вот погляди! — все же обиделся Змей и буркнул: — Маскировка у меня такая! Ежели такая жаба с крылышками, как я, порхать начнет, меня быстро маги Кипежа уронят. А так... Змеи занесены в Книгу Уникальных Монстров... трогать нас нельзя...

— Ты что, для полетов две головы отращиваешь? — Даже Никиту заинтересовал этот разговор.

— И хвост, — с тайной гордостью поддакнул Змей, поднялся, и за его спиной мы увидели небольшой проем, за которым плескалась темнота еще одной пещеры.

Чуть пригнувшись, он боком протиснулся в щель и исчез в темноте. Только изредка доносился какой-то шорох. Наконец Змей снова появился в узком проходе, развернулся к нам спиной и начал выбираться. Сначала в пещеру, едва не угодив в костер, выпал странный, безвольный хвост с деревянной стрелкой на конце, затем показались ноги, потом туловище, когтистые лапы и... три головы! Я чуть в обморок не рухнула, пересчитав пять раз краю три жабы морды нашего нового знакомого.

— Но как?! — взвыли мы с Борькой в один голос.

Не знаю, мучил ли тот же вопрос Никиту, но он предпочел промолчать. И правильно. От произнесения три раза одного и того же вопроса ответ не ускорится. Пришлось ждать, пока Змей наглядно не продемонстрирует нам свое чудо перевоплощения.

Сначала отвалился хвост. Точнее, он его с треском оторвал, уселся на любимый валун и принялся через локоть скатывать в мягкую каральку. Скатав, он положил получившееся колесо на пол, раздвоенным концом хвоста как-то его скрепил и взялся за головы.

Я уже поняла, что сейчас произойдет, но Борька, видимо, оценил весь масштаб трагедии и вдруг взвился:

— Друг! Не надо! Ты только подумай! Три головы! Еще два собеседника! Дай им шанс! Когда я уеду, а я уеду, тебе снова станет очень одиноко! Поверь!

Треск все-таки раздался, и две бутафорские головы двумя мячиками шлепнулись на

пол.

— Это же маскировка, Борис! Я хвост и головы у лучшего мастера-кукольника заказывал. — Оставшаяся на плечах голова искренне улыбнулась нам в сто сорок восемь (или сколько их у змеев) зубов-игл. — В округе везде растет прилипальник. Соком смазал, и никаких проблем с грин-карточкой этого отражения...

— Кстати, а почему ты перебрался сюда, в отраженный мир? — Никита всегда умел задавать вопросы, на которые так сразу не ответишь. — Боишься, что он тебя найдет? Так ему разницы нет. Захочет — и здесь отыщет. Для него же, наоборот, отражение мира — что дом родной!

— Я тоже так подумал. Да только зачем я ему сдался? Хотел бы — давно бы нашел. А сюда я переехал временно. Так сказать, нервишки подлечить да снова за практику взяться.

— Угу. Хороша практика — скот с пирожками воровать, — усмехнулся Ник.

— А чем не практика! — стоял на своем Змей. — Открою вам, друзья, страшную тайну! Здесь мясо вкуснее. И вообще, экология лучше...

— Значит, ты с нами не идешь? — уточнил Никита.

Змей аж вскочил:

— Иду, конечно! Если речь идет о собственной шкуре, уже неважно, кто тебя освежает!

— Отлично! Выходим на рассвете, а сейчас — спать! — Ник сладко зевнул и закрыл глаза.

Спать? Нет, оно, конечно, можно! Но не на горстке же сена!

Змей, видимо, прочитал это в моих глазах и вежливо кашлянул в кулак, привлекая внимание.

— Может, я предложу вам в качестве постели мою лежанку? На ней все поместятся, и даже Борис! — Змей поднялся, снова открывая нашим взорам расщелину между пещерами.

Возможно, мне показалось, но из темноты вдруг дохнуло таким холодом, что я даже поежилась.

— Нет, спасибо! У огня так уютно...

— Но на камнях же спать некомфортно! — возразил он и смущенно потоптался на месте, словно не зная, что делать. — Мне, право, так неудобно...

— Неудобно головы приклеивать. Все равно отвалятся! — усмехнулся Ник, даже не пытаясь открыть глаза. — Лично мне и тут неплохо.

Еще бы! Захапал себе самое лучшее место возле костра и Борькиного бока! Зачем ему идти в холодную пещеру?

И тут меня осенило:

— А можно я возьму хвост? В качестве подушки?

— Да, конечно! — Змей так обрадовался, что даже сам притащил мне свернутый в рульку хвост, да еще прихватил головы.

Расстелив весь этот маскарад по другую сторону костра, я довольно хмыкнула. У меня получилась шикарная постель! Хвост сыграл роль шикарной круглой перины, а подушками мне стали бутафорские головы. Они тоже были сделаны из чего-то воздушно-легкого и мягкого.

Я наконец-то улеглась на импровизированную кровать и с удовольствием свернулась калачиком. Вообще я сегодня запланировала себе довольно скромный вечер — остаться в живых! А тут и еда, и питье, и такая шикарная перина... Странная! Но шикарна-а-а-ая...

ГЛАВА 13

Очнулась я внезапно. Будто только закрыла глаза, и вот-вот уже начинают мелькать мутные, тревожные образы подкрадывающегося сновидения — как вдруг что-то выбрасывает тебя, словно чурбачок из воды, оставляя только еще большую усталость.

Я с трудом разлепила глаза. Взгляд упал на светяющееся небо. Уже утро?

Прислушиваясь к раздававшемуся рядом однотонному похрапыванию, я едва снова не задремала, но тут до меня донеслись приглушенные голоса.

И кому не спится в ночь глухую?

Прогнав остатки сна, я села на теплой «перине» и все поняла. Рядом, свернувшись калачиком, тихо похрапывал, причмокивая во сне, Борька, а вот возле него никого не оказалось. Змей и Никита сбежали!

Правда, недалеко. Откуда-то из туманного утра до меня доносились их голоса. Это что же такого секретного нужно обсуждать, чтобы даже уйти из теплой пещеры?

Желание узнать о Никите побольше заставило меня забыть все приличия, подняться и на цыпочках направиться к выходу, искать заговорщиков. Да только, как выяснилось, заговорщики не особо-то и скрывались. Видимо, чтобы не будить нас с Борькой, они вышли подышать свежим утренним воздухом и устроились на валунах, лесенкой подступавших к пещере.

— ...И так получилось, что и правду сказать — не скажешь, и на попятную уже не пойдешь. — Заслышав приглушенный голос Ника, я тут же оставила праведные мысли о том, чтобы вернуться на лежанку, и затаила дыхание, боясь пропустить хоть слово.

— Представляю... — сочувствующе пробубнил Змей. — Даже и посоветовать-то нечего. Может, поймет?

— И простит? — До меня донесся смешок Никиты. — Ты ее не знаешь! Нет, так рисковать я не буду. По крайней мере, не сейчас. Вот найдем колечко... Избавлю ее от власти Белоглазого, тогда и поговорим!

Стоп! Значит, речь обо мне? Ну-ка, ну-ка...

— Как бы поздно не стало... — Послышался тихий хруст, будто Змей почесал за ухом. — А ежели он ни тебя, ни ее не отпустит?

— А куда денется? Ему же колечко больше жизни нужно. Может, даже еще и наградит?

— Ага! Жди! — Хруст усилился. — Так же как меня. Наградил такой мордой за усердную службу...

— Так выходит, что ты сам, добровольно попросил у него вторую ипостась — змея?

— Выходит... — Послышался вздох. — А что получил?!

— А вдруг он просто не знал, как выглядят змеи? Их же раз-два и обчелся. К тому же в его Пекельном мире никаких змеев и в помине нет. Вот до чего додумался, то и дал тебе в качестве второй ипостаси!

— Ну спасибо — хорошо! — раздался возмущенный рев, тут же послышался короткий удар, и Змей убавил децибелы, возмущенно прошипев: — Лучше бы он так и сказал — нема, проси что-нибудь другое! А то... безобразие какое-то! Нет, брат. Хочешь — гони, хочешь — прибай, но я с вами. Хочу в глаза бельмастые этому уроду посмотреть!

— Гнать не буду. Иди, коль не боишься. Только прошу, Ваське о нашем разговоре — ни гугу! Девка с гонором. Сама к черту в пасть залезет, только чтобы кому-то что-то доказать!

— Могила! — стукнул себя кулаком в грудь Змей.

Собеседники замолчали и не сговариваясь усталились на крепнувший с каждым мгновением рассвет.

Сообразив, что больше «кина не будет», я развернулась и направилась к лежанке. Вот и что бы мне было не проснуться на полчаса пораньше? Уже бы все знала и жила себе спокойно. Так нет же! Вопросов появилось еще больше, а страшная тайна, нежно скрываемая от меня Ником, и вовсе стала моим воплощенным кошмаром. Еще немного, и она меня задавит, как большая болотная жаба!

Зато из всего услышанного мне стало ясно одно. Ник и Змей очень хорошо знают моего мужа. Знают и боятся! Но уповают, что колечко сделает его сговорчивым и добрым.

Ничего не понимаю!

Эх, кто бы объяснил...

— Ай! Кто это тут по моим ушам как по бульвару ходит? — Под ногами что-то дернулось, забрыкалось.

Почти сразу же вслед за Борькиным воплем послышались торопливые шаги, и в пещеру одновременно ввалились «заговорщики». Я к тому моменту была уже на полу, пытаюсь выбраться из-под бурелома Борькиных копыт, а их у него то ли от страха, то ли из-за паники как будто выросло раза в три больше, чем должно быть.

— Что здесь происходит? — Никита наконец ухватил меня под мышки и, дернув, поставил на ноги.

— Ничего! — буркнула я и, перешагнув через враз успокоившегося жеребца, упала на мягкие бутафорские головы. Врать у меня никогда не получалось, а сейчас, после пережитого, да еще когда я ловлю на себе пристальные взгляды Ника, и вовсе не получится. Лучше промолчу. Пусть думает что хочет.

Но тут мне на выручку, как ни странно, пришел Борька:

— Это я виноват! Взбрыкнул во сне, а Василиса напугалась, вскочила, ничего не разберет. После запнулась о мои ноги и упала. Ну я, понятное дело, тоже испугался и принялся громко изъясняться...

Я настороженно нахмурилась.

Нет, оправдание, конечно, не ахти, но всяко лучше моего молчания. Так сказать — свидетель... Вот только с чего ему так врать? Он-то не знал, что я подслушиваю... Ну сказал бы все как есть: спал, пришла, наступила на ухо, да еще и на морду попой села. Короче, разбудила и морально унизила... Зачем сочинять такой изощренный триллер с элементами детектива?

Впрочем, Борькино вранье удовлетворило всех. Змей понятиливо мне кивнул:

— По нужде собралась?

Я вздохнула, поблагодарив его в душе за подсказку.

— Собралась. Только еще немного, и эта нужда будет уже неактуальной.

Подумав еще пару мгновений, я поднялась с лежанки и направилась к выходу. Лучше немного побыть в одиночестве, чем отвечать на вопросы Ника и смотреть ему в глаза.

— Вась, а может?.. — Он шагнул за мной, но ему преградил дорогу Змей:

— Ты ее до кустика провожать собрался? Пойми, эта гора охраняется людской глупостью и страхами лучше, чем городская стена. Пусть идет. Видишь, девчонка сама не своя от смущения, да и след от копыта на лбу так легко не забывается...

След от... копыта?!

Закрыв ладонью саднящий лоб, я со всех ног бросилась вон из пещеры. Ну Борька, ну мечта мясника!!!

Утро вступало в свои права, готовя мир к новому дню. Сколько бы миров ни задумали боги, казалось, во всех и всегда ночь должна сменяться утром.

Миновав несколько валунов, служивших ступенями, я замерла, не в силах отвести взгляда от колышущегося у моих ног серебристо-белого тумана. Такого же цвета небо, будто огромное зеркало, отразило туманный мир, где-то на горизонте сливаясь с ним в серую бесконечность.

Я сделала еще несколько шагов и полюбовалась на скрывшиеся в тумане ноги. Впрочем, для прогулок по нужде — самое то!

Миновав еще несколько «ступенек», я полностью скрылась в тумане. Ступив на поросшую скудной травой землю, сообразила, что достигла подножия горы. Как ни странно, здесь туман не ощущался плотной массой. Я даже разглядела впереди довольно густые кусты, идеально подходившие для моей цели, и заторопилась к ним.

Раздвинув кусты, оказавшиеся колючим малинником, я тоскливо поморщилась. Боже, до чего нервное выдалось путешествие! Ни тебе золоченых отхожих горшков, ни тебе бани три раза в неделю. Про пятиразовое питание и вовсе пришлось забыть.

Тихо ворча сквозь зубы, я уединилась в импровизированном сортире, где вскоре решила, что жизнь не такая уж и плохая! Просто надо знать, с какого боку к ней подойти!

Высунувшись из кустов, я огляделась. Надеюсь, мой телохранитель внял голосу разума, точнее Борьки, и не поплелся за мной? Не заметив ничего и никого подозрительного, я осторожно выбралась из норовившего ухватить меня за штаны малинника и прислушалась. Где-то слышалось журчание ручейка, и изредка откуда-то сверху доносились голоса и раскаты смеха. Я даже попыталась вычислить весельчака, но туман глушил все, до неузнаваемости меняя звуки.

Нет, обратно в пещеру я не пойду. Пусть подождут, поволнуются...

Не сдержав довольной улыбки, я развернулась и направилась на звук льющейся воды.

Родник я нашла очень быстро. Точнее, не родник, а крошечный водопад. Он брал начало откуда-то с вершины, терявшейся в тумане каменной гряды. Капли чистой горной воды стекали по проторенному годами пути и звонко шлепались в каменную чашу, а уж после, переливаясь через зубчатый край, ручейком убегали куда-то под гору.

Вода была чистая и холодная настолько, что после первого же глотка ужасно занули зубы, но я набралась смелости и умылась. Итог: глаза открылись так широко, что я на мгновение даже испугалась, что они больше никогда уже не закроются. От сонного состояния не осталось даже лохмотьев, а в голову полезли инициативные идеи и идиотские инициативы.

Так! Первым делом надо узнать побольше о моем муже. Тема дня: Феникс — кто он? Должны быть хоть какие-то зацепки, намеки, мысли о том, что связывает его и Ника! Тогда сразу станет понятна мотивация Никиты.

А вторым делом? Откуда я смогу это узнать? Не у первого же встречного-поперечного? Впрочем, по крайней мере два кандидата на допрос у меня уже есть. Во-первых: нужно хорошенько, не вызывая подозрений, вызнать все у Змея. Пусть он расскажет о себе, а там, глядишь, что-то прояснится и о Нике. А во-вторых...

Я сунула руку за пазуху и бережно достала завернутое в тряпочку зеркало.

Почему «во-вторых»? В самых что ни на есть «во-первых»!

Скрипнув пальцем по холодному стеклу, я принялась ждать, но, не успев как следует настроиться на ожидание, услышала из зеркала бодрый тетушкин голос:

— Васёк, ты, что ль, скребешься? Соскучилась?

— Очень! — ни капельки не соврала я. Как бы то ни было, тетя — единственный родной человек, который при случае поймет и простит... ну конечно, после того как вломит по первое число за все хорошее! — Очень соскучилась! Домой хочу-у-у!

— А колечко? — В зеркале проявился, обрел четкость и прищурился тетин глаз. — Нашла?

— Не-э-эт! — Я решила напустить в голос страдания. — Даже в Кипеж-град за ним пришли, а толку — ноль!

— Ух куда вас занесло! — Глаз уменьшился, являя мне заспанное лицо родственницы. — А чего там? След нашли?

— Да не совсем! Нам посоветовали обратиться к бабке Кудыке, что на Кудыкиной горе живет. Вроде как знатная вещунья... тетя? — Но перебить самозабвенно матерящуюся Мафаню не стоило даже пытаться.

— Твою ж... да за... и через... Да шоб вас подкинуло и разорвало... Да шоб вас драконом переползло туда и обратно восемь раз! Племяшка, так твою разэтак! Где твоя голова?!

Я осторожно коснулась виска, потрогала лоб, заправила выбившуюся кудряшку.

— Ту... тут... А что?

— Где тут? Я тебе что говорила, когда в путь отправляла? Как только появятся вопросы или неясности, сразу же выходишь со мной на связь! Говорила?

— Угу...

— Ну а если «угу», тогда скажи, какого... ни ты, ни твой ухажер разлюбезный ни разу не поинтересовались у меня, а нужно ли было вам туда тащиться?

От дурного предчувствия у меня похолодело в груди.

— А что? Не нужно? В этом Кипеже что-то опасное?

— Без понятия! — озадачила тетя и пояснила, принимаясь колупать в зубах тонкой спицей: — Жить в принципе вообще опасно. Нет, я не к тому! Я бы тебе и так расклад на колечко сделала. Авось бы и нашла, а не нашла бы, так есть к кому обратиться. Проверенный народ. Просто, притащившись в Кипеж, да еще шагая к вещунье, вы потеряли уйму времени.

— А при чем тут время? — Тетя умеет удивить. Я даже села возле ручейка на валун, уже позабыв, что меня где-то ждут. — Я вроде с Фениксом на определенные сроки не договаривалась. Принесу, и на том спасибо!

— Ты-то нет! Да только вчера батяня твой заходил. Говорит, соскучился по Васильку. Поеду погляжу, как дитятко устроилось. И меня с собой берет! Представляешь, что будет, если тебя в доме Феникса не окажется? Еремей же на него войной пойдет! С твоего папки станется... Даром что все войско жиром заросло...

— Тетя! Нет! — Я, уже не замечая ничего вокруг, вцепилась в зеркальце двумя руками. Представляю, что отцу наговорит Люстра Филаретовна! Да и сам Феникс... А может, он не станет меня сдавать? Но все равно радости мало... Не дай боже батя узнает, что все это время я таскаюсь по окрестным царствам-государствам в компании незнакомого наемника! Вот тогда точно война будет! — Задержи его! А я постараюсь поскорее найти кольцо!

— Да уж и без сопливых скользко! — Тетка перестала заниматься чисткой зубов, придиричиво оглядела спицу и воткнула наугад в ком спутанных на макушке волос, тотчас став похожей на потрепанную жизнью японо-маму. Кажется, так звали всех женщин в каком-то весьма отдаленном царстве, если вспоминать географию, граничившем с Гидайским шахством. — Задержу. Будь спок. Теперь рассказывай, чего узнать хотела?

— Ну... — Я задумалась. Феникс подождет. Теперь меня почему-то глодала мысль о бабке Кудыке... — Для начала: что ты знаешь о вещунье с Кудыкиной горы и стоит ли нам туда идти?

— Ша...

Тетя на миг пропала, затем появилась, держа одной рукой волшебный шар. Было видно, как она уселась за стол и, что-то бормоча, положила на белесую сферу руки. Даже прикрыла глаза. И тут...

— Ва-а-ась!

— Василиса Батьковна?!

Тетя! Ну же! Скорее!

И тетя, будто услышав мои мысли, распахнула глазищи, и последнее, что я услышала, прежде чем мне надели на голову мешок, было:

— Тикали бы вы оттуда, племяшка...

Быстро спрятав зеркальце за пазуху, я попыталась брыкаться, но тогда шутники натянули пахнувший травой узкий мешок мне почти до самых коленок, разом обездвижив, вскинули на плечо и пустились куда-то едва ли не бегом.

— Ник? Да я... да я тебя уволю! Выпусти меня немедленно! Поставь меня на землю!

Попытавшись представить себя червячком, я принялась изъяслять протест, очень выразительно извиваясь у похитителя на плече, но не дождалась никакого результата. Не сбавляя шаг, он попросту крепко шлепнул меня по спине, отбив всяческую охоту дергаться. Второй причиной, заставившей меня повиснуть на широком плече похитителя, были раздавшиеся совсем близко встревоженные голоса друзей:

— Вась?! Ты где?! Василиса! — Ник?

— Не молчи, радость моя златогривая! Хошь, одуванчик сорву? В косу заплетешь и будешь дура дурой! Ой! То есть красивая-раскрасивая! — И Борька!

Тогда кто же меня спер?

Заслышав погоню, похититель перешел на бег, явно куда-то поднимаясь.

Я завопила:

— Ни-и-ик! Спасите-помогите, я ту-у-у-ут! Меня... — Сильный тычок под ребра сбил мне дыхание, заставив захлебнуться криком.

Пока я пыталась отдышаться, чей-то хриплый и довольно знакомый голос вежливо попросил над ухом:

— Вась, заткнись, пожалуйста. И тогда я обещаю, что ни один из твоих попутчиков не сорвется в пропасть и ни на одного из них не упадет валун. Ну и вообще все уйдут отсюда в целости и сохраннысти.

— А ежели нет? — дерзко, но тихо выпалила я.

— На нет и суда нет, — был мне ответ, и тут же где-то в стороне и как будто внизу послышалось:

— А, твою ж, ты... через... да в качель!

— Ник?

— Кажется, я ногу подвернул!

На этих словах меня снова грубо ткнули в ребро:

— Поняла, красавица? Подвернул! А не сломал. Цени мою доброту!

На глаза навернулись слезы. От собственного бессилия, от страха за Никиту, от злости на этого негодяя.

— Поняла... — почти шепотом выдохнула я. — Что ты хочешь? Выкуп?

— Немного потерпи и все узнаешь! — Мешок тряхнули, перекладывая на другое плечо.

Похититель перешел на бег.

Сначала я пыталась запоминать повороты, потом махнула на это бесполезное занятие рукой. Солнце ярко протыкало мешковину теплыми лучами, не давая мне совсем заскучать. Видимо, туман рассеялся, а может, на вершине и не было никакого тумана? В том, что меня тащат на самую вершину, я уже не сомневалась. Подъем делался все круче, но похититель упрямо шагал, ни разу не сделав остановки и не выпустив мешка из рук.

Наконец марафон закончился. Разбойник, хрипло и часто дыша, остановился. Послышался скрип открываемой двери, и солнце, всю дорогу пытающееся сшить лучиками ветхую мешковину, поняло бесплодность попыток и исчезло, оставив меня в темноте и в тишине. Только надсадное дыхание похитителя и его неспешные шаги заставляли меня замирать от страха, гадая о своей участи. Откуда я его знаю? Слышала, видела, встречалась... ЗНАЮ!

Ответ на этот вопрос я получила довольно быстро.

Меня довольно невежливо стряхнули с молодецкого плеча, больно стукнув коленями о неструганные половицы пола, сдернули с головы мешок и, подняв за шкурку, толкнули на жалобно хрустнувший табурет. Не мигая, я уставилась на заросшую бородой улыбчивую одноглазую рожу.

— Лих?!

— Ну вот и снова свиделись, девонька. Принцесска ты моя расчудесная!

— Но как? Зачем? — Я привстала, но он был начеку и легонько толкнул меня, заставляя снова упасть на табурет. — Тебе деньги нужны? Так у Никиты есть. Ты только его позови! Он заплатит!

— О-хо-хо! Пять золотых? Или даже десять? — Лих добродушно поохал, будто не веря в мою непролазную тупость. — Э-хе-хе... Ну вот только зачем они мне, а, Василек?

— Тогда что тебе нужно? — Мои щеки вспыхнули огнем раньше, чем я сама ответила на свой вопрос: — Я?

Лих недоуменно нахмурился и тут же снова заохал:

— Ты? О-хо-хо... Ну до чего ж девки с сомнением пошли... Да на кой мне такая, как ты, неумеха сдалась? Ты хоть знаешь, как портки у мужиков сймаются?

Я честно помотала головой. Может, отстанет?

Лих смерил меня задумчивым взглядом и сделал круг по пустой комнате, усиленно что-то выискивая на полу в лежалом хламе.

— Говоришь, ты у короля Еремея единственная дочка?

— Да! — гордо выпалила я и спохватилась: — А что?

— Да просто... интересуюсь... — Он вдруг присел, раскапывая руками ветошь.

Как он одним глазом все видит? Тут и с двумя-то сложно... Сумерки, царящие в доме, разбавляли только редкие лучики солнца, едва пробивающиеся из-за заколоченных широкими досками окон. Наконец Лих довольно хмыкнул, вытянул из ветоши измочаленную веревку и направился ко мне. У меня от страха задрожали колени, но я все же нашла в себе силы подняться и на ватных ногах броситься... нет, не броситься — заковылять к двери.

Я даже успела взяться за ручку и толкнуться в разохшуюся дверь.

Я даже зажмурилась, на миг ослепнув от щедрого солнечного света.

Я даже захлебнулась воздухом, невероятно свежим, напоенным запахом свежескошенного сена и привкусом далекого моря. А потом на меня навалилась туша моего преследователя, и дом, словно беззубый монстр, снова всосал меня в полумрак.

Мгновение спустя я опять сидела на стареньком табурете, а Лих за спиной старательно спутывал мне веревками руки, заботливо приговаривая:

— Ты не бойсь, деваха. Ничего я с тобой не сделаю. Ты мне нужна в целости и сохранности.

— Зачем? — охнула я, чувствуя, как веревка впилась в кожу с безжалостностью пилы.

— Меньше знаешь — крепче спишь, хотя... — Сопение прекратилось. Лих вышел из-за моей спины и уселся передо мной на корточки, с какой-то странной жалостью разглядывая меня единственным глазом. Вроде бы и сочувствует, но все равно убьет, потому что так надо! — В твоём случае, Василек, это пожелание неактуально. Меньше ты будешь знать или больше — а крепко уснуть у тебя уже не получится.

— Ты меня убьешь? — Я украдкой пошевелила пальцами, но только лишний раз убедилась, что Лих связал меня намертво. Более того, большинство пальцев я попросту не почувствовала.

— Нет. — Лих добродушно улыбнулся и с нежностью завел мне за ухо выбившийся на глаза завиток. — Твое тело не умрет, это я тебе обещаю. А пока... не будем терять время даром. К тому моменту, как нас найдут твои друзья, все уже должно быть сделано.

Он поднялся и принялся расчищать пол от ветоши вокруг табурета.

— Что сделано? — От его угрозы меня прошиб холодный пот. — Имей в виду, Ник меня все равно найдет и тебе за такое безобразие последний глаз одним пальцем выдавит!

Я хотела все это угрожающе прорычать, но у меня не получилось. Голос подвел в самый ответственный момент, выдав вместо сердитого рыка жалкий фальцет. Знать бы еще, что этот пакостник задумал!

— Найдет... и выдавит, — беззаботно согласился Лих. Оглядел относительно чистый круг и вдруг каверзно ухмыльнулся: — Если по дороге с ним не произойдет какой-нибудь несчастный случай.

Он стянул пиратскую засаленную повязку, и я оцепенела, разглядывая его совершенно здоровый, горевший ультрафиолетом глаз. Неожиданно будто тысячи иголок впились в тело, припиливая меня к табурету, но табурет, видимо, решил, что на его век и так достаточно приключений, и с тихим хрустом развалился. Я хрястнулась об пол сначала попой, потом головой и тихо взвыла:

— Так нечестно! Проводить опыты над связанной беззащитной жертвой — по меньшей мере свинство!

Не сводя с меня взгляда, Лих зловеще улыбнулся и снова спрятал под повязкой свой жуткий глаз.

— Это не опыты. Это предупреждение и доказательство слухов. Если попробуешь раньше времени хоть как-то позвать на помощь Ника, обещаю, что он упадет не с табурета... и не на мягкий зад. Меня же недаром матушка с тетей Лихом называли... — Негодяй порывлся в карманах широченных, мышастого цвета штанов, выискал там кусочек мела и, не обращая больше на меня никакого внимания, принялся выводить жирную линию, пока не замкнул ее в большой неровный круг. — Ну вот... Теперь недолго ждать осталось.

С этими словами он выудил из другого бездонного кармана огарки свечей и принялся

расставлять по меловой границе. Затем долго щелкал огнивом, усердно их поджигая. Наконец странные приготовления оказались закончены. Лих поднял меня, перенес в круг и посадил, только теперь на пол. Сам встал за пределами круга лицом к двери и старательно, время от времени запинаясь, проговорил:

— Приходи, п-покажись, на свой праздник явись, вокруг себя п-поворотись, в красну девицу обернись. Ждем тебя — п-припрись!

— Вернись, олух! Сколько можно учить тебя этому заклятию?! — вдруг раздался в избушке сварливый женский голос.

Я сидела ни жива ни мертва, глядя, как пылающие ярким огнем свечи одна за другой принялись гаснуть, покрываясь изморозью. Мне в лицо будто дохнуло могильным холодом, и все тот же голос уже более ласково произнес:

— Что подумает наша гостья? Как ты посмел ее связать? Да еще и уронить?! Запомни, крысеныш, если на ней будет хоть синяк...

— Простите! Это были вынужденные меры! — Лих, похоже, действительно струхнул и, не придумав более действенного оправдания, все свалил на меня: — Она хотела сбежать! И вообще, эта принцесска очень строптива, если не сказать, опасна!

— Принцесса? — Из пыли и ветоши, покрывавшей пол, вдруг начала вырастать фигура.

Я сжалась в комок, разглядывая странную гостью. Что это за магия такая? Между тем фигура обрела довольно угадываемые женские формы. Длинный подол платья соткался из крепкой, облепленной пылью паутины, волосы — из проросшей внутрь избушки травы, а лицо собралось из капелек и потеков застывшего воска. — И зачем ты меня искала, принцесса?

— Я? Искала? Кучу мусора?! — В другом случае я бы даже рассмеялась, если бы не была так сильно напугана. Но лучшее средство защиты — это нападение. — Не льсти себе!

Фигура возмущенно фыркнула.

— А я предупреждал о ее характере, тетя! — тут же влез Лих, за что и поплатился.

— Заткнись, убогий! Какое мне дело до ее характера? А тебе урок на будущее! — На Лиха уставился палец, слепленный из обветшалых клочков ткани. — Хочешь жить в роскоши, выбирай роскошь! Надеюсь, ты меня понял!

— Все тех крестьянок мне вспоминаете? — Лих нахмурился, поправил повязку и на всякий случай сделал пару шагов назад. — Так надо было сразу все точки над «ё» расставлять!

Тетя? А не та ли это пророчица, которую мы так усиленно ищем? И ее вид... Наверное, об этом говорила мать Лиха? И не жива и не мертва? Потому как живой ее точно не назовешь, разве что ожившим мусором. А что касается мертвой... Была бы мертвой, так резво не маскировалась бы под «мусорную» бабу.

Я даже хихикнула. А чего? Снежная есть, так отчего мусорной не быть?

— Что, уже не страшно? — тут же отреагировала хозяйка.

— Страшно. — Я стерла улыбку и внимательно посмотрела туда, где у нормальных людей находятся глаза. — Зачем я вам нужна? Зачем этот одноглазый бандит меня спер?

— Спер?! — возмущенно рявкнул Лих. — Да если бы ты сама так усиленно не желала попасть к тетушке, наши пути даже бы и не пересеклись!

— Тихо! — прикрикнула ожившая ветошь на возмущенно сопевшего похитителя. — Молчать! Ты свое дело сделал, дай теперь мне с девушкой пообщаться. Без свидетелей! А сам вон иди лучше дверь посторожи. Не ровен час, освободители нагрянут!

Обиженно бурча под нос, Лих направился к двери. Ведьма дождалась, когда она за ним захлопнется, и снова уставилась на меня невидимым, но весьма ощутимым взглядом.

Я молчала, старательно придумывая план спасения. Ведь, судя по ситуации, не на пряники же меня сюда звали. Надо бы ее разговорить, тем самым потянуть время, а там, глядишь, меня найдут Борька с Ником, и мусорная тетка не успеет...

Я сосредоточенно нахмурилась. А что она должна успеть? Зачем я ей?

Наконец призраку надоело меня разглядывать, она шагнула ближе и остановилась, едва не наступив на меловую границу.

— Ты действительно хочешь у меня что-то узнать?

Я пожала плечами. Коню понятно — хочу, если я искала провидицу!

— Так спрашивай! У нас мало времени.

Ага. Нашла дуру. Спрошу — она ответит и... посадит меня в печь? Ну... или для чего я еще ей нужна?

— Что, с перепугу язык отсох? Или не доверяешь? — Не дождавшись расспросов, пророчица начала злиться. Совсем незаметно, но по коже промаршировали мурашки, заставив меня еще сильнее затереть пути. Вдруг получится и я их развяжу? Лих не мешает, так, может, мне удастся справиться с этой кучей мусора?

Кому рассказать...

Ладно, рискну...

— А чего спрашивать? Ты же пророчица, вот и Расскажи как на духу, зачем я к тебе пришла. Ответ на мой самый главный вопрос.

Ведьма какое-то время стояла, разглядывая меня. Я чувствовала этот пробирающий до костей взгляд и едва ли не вслух упрасивала себя оставаться спокойной. Только богам известно, что мне стоило не закатить истерику перед этим кошмаром всех дворников, с мольбой о пощаде и просьбой отпустить.

Хмыкнув — не то разочарованно, не то с уважительной ноткой, бабка Кудыка отступила на шаг от меловой границы круга и заговорила:

— Хорошо, свет-Василисушка, короля Еремея дочь. Расскажу твою жизнь как на духу. Жила не тужила, пока твой батя ни с того ни с сего не выдал тебя замуж за чудо-юдо, что горит, да сгореть не может из-за грехов своих. И задумала ты от него откупиться заветной данью. Сбежала ты из мужниных чертогов на поиски колечка странного да повстречала на пути-дорожке молодца-удальца. А теперь отвечаю на твои вопросы: да, любит. Да, найдете. И не где-нибудь, а у одной из шамаханских принцесс твое колечко завалилось. А вот потом... мне неведомо...

— Как неведомо?! — Я даже думать забыла о веревках, сдавливающих руки. Ник меня любит! А что еще нужно? Кольцо найдем, Феникс отпустит меня на все четыре стороны... — Ты же предсказательница! Ты же в мире духов живешь! Тебе все ведомо!

— О чужих бедах и тревогах — да. — Мусорный силуэт вдруг сделал шаг вперед, и нога, состоявшая из ветоши и каких-то прогнивших кусков ткани, наступила на меловую границу. — А вот собственное желание и будущее мне неведомо. Понимаешь? — Еще один шаг, и вторая нога, стирая, наступила на черту. — Не знаю я, приглянется ли мне твой ухажер! Мож, и приглянется, а мож, пошлю ко всем чертям. Еще чего, мне — королевской дочке — да голытьбу всякую в дом тащить?!

— Что? — На мгновение мне показалось, что призрак сошел с ума и стал заговариваться, а потом я вдруг все поняла. — Нет... Ты... ты хочешь забрать мою жизнь?

— В точку! — Бабка Кудыка сделала еще один шаг и уставилась на меня пушистыми клочками пыли, заменявшими ей глаза. — Только я хочу не забрать твою жизнь, а обменяться с тобой жизнями. Ты останешься тут безымянным призраком, которого даже мутант-дракон не боится, а я пойду с твоими товарищами дальше. Найду колечко и договорюсь с Фениксом о твоей свободе. Папенька будет ра-ад. А Ник... ну что Ник? Понравится — осчастливлю, а нет, так на нет и суда нет! Так что... я о твоих родных позабочусь как надо. И любить они меня станут — пуще прежнего. А то, что я вдруг привечу сиротинушку Лиха и его старуху-мать, так это же хорошо! Это же... как ее... а! Благотворительность! А благотворительность нынче у принцесс в чести!

— Ник поймет, что ты — это не я! — Надо сопротивляться из последних сил. Не дать ей меня запугать! Потянуть время, а там, глядишь, и Ник подрастет... На нервной почве мне даже показалось, что я услышала на улице чьи-то крики, но въедливый голос «мусоровоза» заглушил все:

— Не поймет. Твоя плоть знает о твоих привычках очень много, твои губы и горло помнят, как ты говоришь, твое лицо не забудет, когда и как наморщить лобик, улыбнуться или скорчить обиженную мину. В твоей голове хранятся ответы на все, что ты знаешь. Он не поймет. Ни отец, ни твоя тетка-знахарка. Никто! Скоро тебя придут спасать друзья, и... как ты думаешь, что они увидят, открыв дверь?

Она снова сделала ко мне шаг. Я поползла назад. Страх болотной мути сковал разум и тело, а вот мой язык в который раз доказал, что обладает отдельным от моего разума интеллектом:

— Наверное, они увидят новое представление, в главной роли которого выступает мусорная баба. Ты сама-то себя со стороны видела? Да у тебя вместо носа обгрызенный крысами початок кукурузы, а лицо из свечных потеков. Кстати, какой тушью пользуешься? Ресницы будто в густой пыли! А платье! Скажи, вон тот круглый ремешок, что свисает у тебя на грудь из-за плеча, это не крысиный хвост? А волосы-то, волосы! Впервые в жизни назову их соломой без злого умысла обидеть. Просто констатация факта!

— Ах ты дрянь! — Ведьма остановилась в шаге от меня и что-то прошептала. Я вдруг почувствовала, как неведомая сила, будто дернув за подмышки, тащит меня вверх, поднимая на ноги. — Скоро ты поймешь, что такое не иметь никакого тела.

Она снова что-то забормотала, но я ее уже не слушала. Сердце забилося радостно и громко, заглушая все. И все-таки голоса мне не почудились! И даже лязг меча! Только бы Лих не напал внезапно! Только бы он не применил свой глаз как боеголовку дальнего радиуса действия! (О как я завернула! Не знаю, что это значит, но батя любит так называть тетю Мафу.)

Я открыла рот, чтобы закричать, но поняла, что больше не могу контролировать свое тело. А ведьма бормотала и бормотала заклинание, с каждым словом подчиняя меня себе. Мои руки и ноги принялись двигаться сами по себе, словно нанизанные на ниточки в руках кукловода, из горла вырвались звуки — от рычания до невнятного стога.

Наконец ведьма замолчала. Ее пыльные губы растянулись в жуткой улыбке.

— Ну вот и все, принцесса. Сейчас я произнесу последнее слово, и твое идеальное тело станет моим. И вот что я хотела сказать тебе напоследок: не пытайся вернуть его себе. Я не говорю, что это невозможно. Возможно. Но — обещаю. Я не отдам его тебе так просто. Пострадают те, кого ты любишь. Подумай, захочешь ли ты обрести плоть и потерять отца, тетю и... Ника? Смирись. Это теперь твоя судьба. Самое лучшее, что ты можешь сделать, найти заклинание смерти и перейти в загробный мир. А теперь прощай! Аббарраааааа!

Под ее вой я почувствовала, как неведомая сила вытаскивает меня из привычной жизни, из родного тела. Унося все выше. Под самый потолок. И то, что я увидела мгновением позже, уже паря над собой и жуткой хозяйкой этого дома, мне показалось бредом. Игрой воображения. Иначе откуда между нами вдруг возникла стена пламени? Более того, пламя превратилось в высокую и вполне узнаваемую фигуру, закутанную в темный плащ. Капюшон упал на плечи, обнажая лысую голову с мерцавшими проплешинами пламени. Феникс!

— Ведьма! — Муженек вскинул руку, словно отгораживаясь от Кудыки.

— Пепельный! — Кажется, эти двое знакомы, и довольно тесно! — Что тебе нужно?

— Забрать девчонку! — Пронзительно тихий голос мужа любого заставил бы свернуть все планы и ретироваться, но ведьма попыталась с ним поспорить:

— Ну уж нет! Она моя! Я так долго ждала именно ее! Принцесса! Мне наконец-то повезло, а ты хочешь, чтобы я отдала ее тебе? Зачем? Возьми себе любую другую!

— Мне нужна она.

Коротко и ясно. Паря где-то под потолком (судя по ощущениям), я отстраненно наблюдала за их спором. За возмущенными выкриками ведьмы и равнодушно-безликими ответами Феникса.

— Я отдала тебе столько душ, неужели ты не сделаешь мне подарок? Оставь ее мне! — Видя бесплодность гневных убеждений, Кудыка перешла к заискивающим уговорам. —

Прошу тебя!

— Мне она нужна, — также бесцветно повторил Феникс и забормотал какую-то ахинею: — Абаараа самм ситаар аккарам...

Я почувствовала, будто чьи-то руки мягко, но решительно потащили меня обратно, в стоявшее столбом тело. Раздался возмущенный визг. Видя, что добыча ускользает, ведьма будто обезумела. Созданная из мусора фигура бросилась на Феникса, но тот лишь шевельнул пальцами, и вся ветошь и пыль осела у его ног, только запорошив край длинного плаща.

Он неспешно договорил заклинание, и мне показалось, будто я попала на городскую карусель. Вокруг все завертелось, а в следующее мгновение я уже поняла, что смотрю в белесые глаза мужа. Наверное, надо что-то сказать?

— Не надо. — Он словно прочел мои мысли и накинул капюшон, скрывая покрытый огненными язвами лысый череп. — Мне нужно мое кольцо. Это и будет твоей благодарностью.

Я пожала плечами, с опаской покосилась на лежавшую на полу кучу безжизненного (как это ни безумно звучит) мусора и снова посмотрела в изуродованное лицо мужа.

— А ведьма действительно умерла?

Феникс позволил себе едва заметный перекося губ, надо полагать, заменявший улыбку.

— Она и так была мертва. Как думаешь, для чего в таком нелюбимом облике она искала молоденьких дурочек?

— Да, но... — На языке вертелся какой-то важный вопрос, но мысли устроили чехарду. Надо сосредоточиться... — А где...

Вот только Феникс не считал нужным меня выслушать и нетерпеливо перебил:

— Ее кости не в этом мире, и если...

Договорить ему не дали. Дверь распахнулась. В дом ввалились мои спасители и замерли, во все глаза разглядывая нас. С улицы донесся возмущенный визг Борьки, не иначе как подыскивавшего себе очередного кандидата на роль беговой дорожки:

— Куда?! От меня? Уползай? Вот тебе! Вот тебе! Вот тебе!

Феникс медленно обернулся, встретился взглядом с Ником, и его лицо, обезображенное обгоревшими рубцами, озарила самая настоящая, искренняя улыбка. В следующее мгновение его охватило яркое пламя, опалившее меня невероятным жаром. Спасаясь, я отшатнулась, закрывая лицо руками, а когда рискнула отвести ладони, Феникса нигде не было. Только теплый ветерок, ворвавшись в распахнутую дверь избушки, старательно собрал в крохотный смерч перемешанный с пылью и ветошью странный черный пепел, запорошивший все у моих ног, и одним порывом выдул его в щелястые стены избушки.

ГЛАВА 14

— Как?! Откуда?! Что?! — Змей, похоже, обрел дар речи первым, но с глазами совладать по-прежнему не мог, и они одинаково смотрели на меня в три пары круглых блюдец. Правда, две пары были намалеваны на бутафорских головах, но настоящие глаза немногим отличались, выдавая его неподдельное удивление. — Это реально был ОН?! И он вот так легко ушел? Он увидел меня и ушел?!

— Смешно не это... — Ник сглотнул, не отрывая полный какой-то непонятной тоски взгляд от того места, где только что стоял Феникс. — Он увидел МЕНЯ! И ушел. А значит, дело вообще дрянь...

Видя такое вопиющее безобразие и равнодушие касательно моей нелегкой участи, я начала потихоньку заводиться:

— Спасибо, что вовремя выломали дверь. Еще бы несколько минут, и меня бы уже не было... Хотя... наверное, вы бы этого даже не заметили. Подумаешь, какой-то сумасшедший призрак ворует у гостей тела... Ах да, запаматовала. Благодарить за свое чудесное избавление мне нужно не вас, а как ни странно — моего мужа! Если бы не он...

В ответ на мои слова Никита словно очнулся, но вместо того, чтобы хоть как-то

проявить заинтересованность моей участью, вдруг спросил:

— Что ОН говорил?

— Ты о Фениксе? — Не очень-то вежливо поддерживать разговор, интересуясь только тем, что нужно для себя любимого. Вон стоит, взглядом по углам шарит, словно боится, что Феникс, как бабка Кудыка, из грязи да в князи... Даже шагу не сделал мне навстречу! Ладно... — Говорил, что скучает, любит! Но... о колечке мечтает больше, чем обо мне. Впрочем, так же, как и ты!

Я, печатая шаг, направились к двери и даже не остановилась подождать, когда застывший истуканом (видимо, от пережитого) Змей посторонится, откупорив для меня дверной проем. Я попросту не задумалась о том, как этот верзила будет освобождать мне дорогу, а заодно и три свои головы из узкого прохода, и поперла на него с таким мрачным видом, что Змей решил не искушать судьбу. Он поспешно сделал шаг назад, пару раз крепко дернулся и с громким треском сухостоя вынес под солнышко на своих широченных, чуть зеленоватых плечах разошедшийся и покривившийся от времени дверной косяк. Дверь, не выдержав такого издевательства, тут же отвалилась вместе с проржавевшими петлями.

— Спасибо за то, что уступил мне дорогу, позволив выйти из этого жуткого дома! — кивнула я, стремясь как можно быстрее миновать сыпавшуюся с обломанных трухлявых бревен пыль. После случившегося я теперь на грязь и пыль смотреть не смогу! — Непривычно, что змеи, в отличие от людей, обучены хорошим манерам!

— Хорошим манерам? — Афанасий потрогал висевший на шее косяк и с опаской отступил от меня еще на пару шагов. — Вот уж не думал, что ломать чужое жилище — это верх благовоспитанности.

— Верх благовоспитанности — уступить даме дорогу, не ища легких путей! — Следом за нами в выломанном проеме показался Ник, с опаской оглядел истлевшие зубцы бревен дверного прохода и поспешил их миновать. Я украдкой бросила на него взгляд. Кажется, та паника (если не страх), что я видела совсем недавно на его лице, уступила место привычному ехидству. Что ж, в таком случае, пациент скорее жив... — Афанасий, а где наш многоуважаемый конь по имени Борис? Сегодня он нам здорово помог!

Демонстративно не замечая меня, Ник взглянул на Змея в ожидании ответа. Тот деловито огляделся и, не выпуская из рук дверной косяк, висевший на шее квадратной подковой, пожал плечами:

— Наверное, пошел добывать того одноглазого. Последнее, что я увидел, прежде чем ринуться на спасение уважаемой Василисы Еремеевны, было то, как Борис вцепился зубами в его потертую куртку и передними копытами принялся делать из него отбивную. Кстати, а что за магию использовал этот бродяга? Кажется, она из области пространства и живых ресурсов? Он создал столько себе подобных... Целое полчище... Надо взять на вооружение. И если бы они не растворились в воздухе, нам было бы несдобровать...

— Полчище?! — Я непонимающе нахмурилась. Насколько я помню, Лих был один...

— Именно! — Змей с радостью нашел в моем лице заинтересованную слушательницу. — Когда мы поднялись к дому, то увидели прохаживающегося в нетерпении бородача.

— Это был Лих, — поправила я.

— Один хрен... — пришел к бесспорно верному выводу Афанасий. — Так вот, заметив нас, он сначала пытался уговорить нас обождать, чтобы не мешать твоей встрече с его тетей, но Ник не поддался на фальшивые уговоры, стукнул его для убедительности в оба глаза и направился к двери. И тут этого типа как будто туман закрыл, а когда развеялся, перед нами уже целое войско таких красавцев нарисовалось! Вот и думаю — что за магия их призвала и почему они так внезапно растворились?

— Сотня из ларца, одинаковых с лица? — Я не сдержала усмешки, до того потешно (не спеша и с расстановкой) вел рассказ Змей.

— Мудрее и не скажешь! — тут же поддакнул он и заторопил меня: — Пойдемте за Никитой, принцесса. Я видел, как он только что свернул за дом. Там может быть опасно, и

мы должны быть вместе, если это «опасно» все же произойдет!

— Лучше честно признайся, что тебе очень страшно здесь оставаться! — Я поджала губы и, перед тем как отправиться на «спасение» Ника, фыркнула: — Кстати, а я смотрю, тебе этот трухлявый косяк понравился? Решил вместо ожерелья оставить? Или как амулет использовать?

— Ко... косяк? Какой косяк? — В голосе Змея слышалось столько неприкрытого изумления, что я поняла одно: он позабыл о висевшем на его плечах «украшении».

Голова есть — склероз найдется, как любит говаривать моя тетюшка. Кстати, надо бы с ней переговорить. Вдруг она что посоветует? Ведь бабка Кудыка никуда не делась. Просто на время отстала от меня благодаря магии Феникса. Но она не умерла! Сколько еще наивных дурочек приведет к ней Лих?

Я свернула за угол дома и замерла от неожиданности. Борьку я узнала сразу, а вот откуда взялся жавшийся к краю обрыва лохматый серый жеребец с повязкой на глазу, до меня дошло чуть позже. Ник, стоявший рядом с Борькой, вдруг пронзительно гикнул, и лохматая коняга так резво сиганула вниз по единственной тропке, что уже мгновение спустя ее звонкий цокот стих.

— Лих?! — даже не спросила — удивилась я. Кажется, я поспешила с выводами: этот одноглазый подлец уже никого и ни к кому не приведет.

— Не то слово! — невпопад хмыкнул у меня за спиной Змей. Он уже избавился от дверного косяка, и теперь две его бутафорские головы помято свисали ему на спину не пригодились в жаркий день капюшонами.

— Отличная кличка для такого побитого молью жеребца! — Борька завистливо вздохнул вслед ускользавшему Лиху, обернулся и... со всех ног бросился ко мне, взбрыкивая на бегу. — Хозяйка! Живая! А мы тут без тебя... грустили... Ох как грустили!

— Так, что две гармошки порвали? — ухмыльнулась я. Видели мы их грусть...

— Порвали. Только не гармошки, а всего-то сотню клонов Лиха. — Борька подлез мне под руку хитрой рыжей мордой и умиротворенно вздохнул, когда мои пальцы зарылись ему в холку. — Хотя вру. Лих не долго-то и сопротивлялся. Ну попинали мы втроем этих одноглазых, а потом Лих, видимо, устал. Его клоны исчезли, словно и не было, а сам он неожиданно сделал какой-то жутко смешной кульбит и превратился в патлатого жеребца! Кому сказать...

— Наверное, магия исчезла вместе с ведьмой. — Я прижалась лбом к теплой шее Борьки, и вдруг такая тоска меня взяла. Зачем мне это колечко? Ничего мне не надо! Только бы оставили меня все эти Лихи, Кудыки, Фениксы и Ники в покое! Приехать бы домой, к батяне! В бане вымыться и до отвала наесться щей и вкусной сдобы, что сейчас уже, наверное, напекла кухарка Фрося.

Эх! За сегодняшнее утро мне отчего-то почудилось, что Фениксу я нужна больше, чем Нику! А ведь так оно и есть. Фениксу нужно, чтобы я нашла кольцо, а что нужно Нику? Тоже кольцо? Или награду? Или... что?! Что нужно от меня Нику?

Я не услышала, как герой моих сомнений и вопросов приблизился и тронул меня за плечо.

— Вась...

В ответ на его прикосновение я дернулась так, что едва не полетела в траву, запнувшись за копыто Борьки. Но благо именно жеребец и спас меня от падения, точнее, его грива, которую в тот самый момент старательно расчесывали мои пальцы.

— Что тебе от меня нужно?! — зло выдохнула я, не ожидая от себя такой реакции. Нашупав ногами твердую почву, я обрела равновесие и постепенно разжала пальцы.

— И-го-го... то есть о-го-го себе! — Почувствовав свободу, Борька для верности отпрянул от меня и встряхнул гривой, видимо проверяя ее наличие. — Чуть скальп не сняли, а все из-за тебя, сын Штир-лица! Кто тебя научил так девок пугать?

Змей среагировал быстрее озадаченно хмурившегося Ника и как всегда поспешил заполнить пробелы в своем образовании:

— А не соблаговолите ли объяснить, кто такой этот Штир-лиц? Великий маг-невидимка?

— Да не! — обрадовался коняга возможности почесать язык. — Это на моем конезаводе такой конюх был. Из кочевого племени цы-ган. Ходил совершенно бесшумно, незаметно появлялся и исчезал. А его сынок и того талантливее был. Ну и однажды незаметно исчез вместе с сотней племенных жеребцов. Эх! Вот взял бы он меня, и не видать тебе, хозяйка, такого золотисто-рыжего красавца.

— Золотисто-рыжего? — Не, ну какое самомнение?! — А я-то думала, что у тебя неизменный кирпично-грязный цвет!

— Что ты, Вась! — Борька скосил глаза, пытаясь оглядеть себя, и печально вздохнул. — Просто такое сокровище, как я, время от времени — а лучше каждую неделю! — нужно мыть и хотя бы раз в день расчесывать. Но... судьба, наверное, моя такая — работать перевозочным средством у принцесс!

Он развернулся и потрусил к тропинке с видом такого оскорбленного достоинства, что мне даже стало немного стыдно. В его транскрипции слово «принцесса» прозвучало как «грязнуля».

Никита, видимо, уже расхотел спрашивать меня о чем-либо и тоже поспешил удрать от меня вслед за конягой.

— Обещаю вскоре задать тебе хор-рошую баню! — посулил он, поравнявшись с Борькой.

— Мне кажется или я слышу в твоем обещании угрозу? — Жеребец настороженно покосился на Ника.

— Кажется, — успокоил тот и даже примирительно похлопал Бориса по все еще топорщившейся, местами с явными проплешинами, холке. — После сегодняшнего сумасшедшего утра нам всем кажется всего понемножку...

— А вот это сейчас был явный намек на меня? — Я бросилась следом. Не люблю, когда из меня делают козла отпущения. — Значит, во всех бедах и несчастьях виновата я?

— Как пожелаете, принцесса. Мой долг исполнять ваши прихоти. — Ник даже не обернулся.

Ах так?!

— А если я пожелаю больше никогда тебя не видеть? — Я догнала его и дернула за руку, заставляя остановиться. — Сможешь исполнить мое желание?

— Увы! — Он обернулся и уставился мне в глаза тяжелым взглядом. — Это желание из разряда невыполнимых. Если я что-то обещаю — я делаю, чего бы мне это ни стоило!

Боже, как же трудно смотреть ему в глаза, когда там начинают водить хоровод странные серебристые искорки!

— А если я освобождаю тебя от твоего обещания? Мне больше не нужен проводник! — И какой бес в меня вселился? Зачем я все это ему говорю?

— Жаль только, я не смогу освободить себя от слова, данного тебе! Придется потерпеть, принцесса.

— Типа мое слово тверже гороха? — коротко хохотнул за спиной Змей, вежливо обогнул нас и, взяв под уздцы Борьку, не спеша повел его вниз, бросив: — Как обсудите дальнейшие планы, догоняйте. Да не затягивайте. Место здесь нехорошее... хвостом чую.

Я стиснула зубы. Тоже мне предсказатель! Обидно, когда твои страдания и обиды представляются другому лишь тратой времени и недоразумением. Нет! Раз уж я завела этот разговор, надо все выяснить здесь и сейчас! И без лишних советчиков...

— Ник. Послушай. Я знаю, что тебе нужно это кольцо. Не знаю, зачем оно тебе, но ты ищешь его не для Феникса! Я знаю! В твоей жизни произошла какая-то беда, которую ты хочешь забыть и, возможно, что-то исправить. И для этого тебе нужна я. Возможно, ты и помогать мне взялся именно потому, что узнал о колечке и о том, что мой муж — Феникс. — Заметив на его губах тень улыбки, я не выдержала: — Да! Пусть я говорю несвязно и, может быть, ошибаюсь, представляя себе все совсем не так, как оно есть на самом деле, но в чем-то

я права. Вот только ты никогда не доверишь мне свои секреты. И меня это убивает! Сегодня, когда я висела бесплотным духом над своим телом и не знала, что будет дальше, я жалела только об одном. Я жалела, что больше никогда не смогу с тобой поговорить, никогда не смогу почувствовать тепло твоих рук, а ты... — Не в силах больше произнести ни слова, я позорно шмыгнула носом и отвернулась, но, затылком чувствуя взгляд Ника, заставила себя закончить: — А ты боишься доверить мне какой-то секрет. Пусть самый важный, страшный, великий, но... подумай, когда меня не будет рядом, останется ли твой секрет таким уж важным?

Я крепко зажмурилась, мечтая только о том, чтобы эта соленая мерзость, что сейчас ползет по моим щекам и мешает четко видеть открывавшийся с горы вид, поскорее высохла, или упала, или была унесена ветром!

— Вась... — Горячие ладони Никиты легли мне на плечи. — Поверь, я очень хочу все тебе рассказать, но... это не моя тайна. И... я уверен, что тебе она не понравится. Пожалуйста, давай закончим то, что начали, и... тогда уже будет видно!

— Значит... я тебе не нужна? — Как же удержаться и окончательно не разреветься? Как же совладать со своим прерывающимся голосом? Как не показать ему то, что сейчас рвется из глубин моей души? А вдруг это что-то не удержится во мне и попросту разорвет меня на части? — А когда мы найдем кольцо, ты вернешь меня отцу, возьмешь деньги и уйдешь?

Его пальцы больно сжали мои плечи, и я почувствовала, как неодолимая сила поворачивает меня к нему помимо моей воли. Его глаза, самые любимые, всепрощающие и всепонимающие, оказались так близко, что я не выдержала и горько, навзрыд разревелась. Как сопливая девчонка!

— Василек! — Он приподнял мой подбородок и заглянул в глаза. — Я клянусь всем, что мне дорого, — ты мне нужна! Очень нужна! Но сегодня, когда я увидел рядом с тобой Пе... мм... Феникса, я понял, что нам пока не быть вместе. Мое прошлое явилось за мной.

— Прошлое? — Я еще раз шмыгнула носом. Вот и как его понять? — Мой муж — твоё прошлое?

— Нет, он... — Ник отвел глаза и медленно, словно подбирая каждое слово, произнес: — Он не мое прошлое, но он помешает мне быть с тобой.

— Даже если мы отдадим кольцо? — Я отстранилась от него, а он даже не сделал попытки меня задержать.

Завел руки за спину и, разглядывая что-то внизу, кивнул:

— Тем более если мы его отдадим. Меня утешает одно — мы даже не знаем, где искать то колечко...

Я покусала губы и выпалила:

— Знаем.

Он уставился на меня разом потемневшими глазами:

— Тебе рассказал о нем призрак вещуньи? Что он тебе сказал?

Я горько усмехнулась и отвела взгляд. Боже, сколько заинтересованности появилось в его глазах. Сколько азарта! Слезы на ветру давно высохли. Хорошо. Пусть будет как он хочет: сначала найдем кольцо, а там посмотрим. Но я больше не позволю себе быть слабой! По крайней мере, не с ним!

— Он сказал, что кольцо Феникса находится в шамаханской столице. Где-то во дворце султана. Точнее, у одной из принцесс.

Ник протянул мне руку и заговорщицки подмигнул:

— Так чего же мы ждем?

Как будто и не было выворачивающего душу наизнанку разговора.

— Уже ничего! — Я холодно ему улыбнулась и, словно не заметив протянутой руки, первой ступила на ведущую вниз тропинку.

— А мы уж решили, что вы собрались арендовать у ведьмы домик на ночь! —

приплясывая в нетерпении, выдал Борька, едва мы ступили на поросшие травой зеленые валуны, будто щедрой рукой великана в избытке рассыпанные у подножия горы.

— Зачем? — очнулся прикорнувший в лучах полуденного солнца Змей.

— Ну... может, решили дух бабки под корень известить? — Борька глубокомысленно пожевал травинку, при этом поглядывая на нас такими шkodными глазами, что я поняла: да, именно об этом он и думал!

— Что мы, живодеры какие? — Ник, обогнув меня, первым подошел к жертве магических экспериментов. — Тем более дух. Что с него взять? Совсем другое дело известить под корень желание говорить у некоего «болтливое средство передвижения». Кстати, надо попробовать... Есть у меня одно заклинание...

— Не надо! Я понял! — Коняга показал, будто застегивает копытом на пуговицы свою ухмыляющуюся пасть. Выглядело это так уморительно, что я не выдержала и улыбнулась. Вот что за зараза такая? Так все может извратить, что нет никакого желания на него обижаться. — К тому же как вы поймете по банальному «и-го-го», сказал я что-нибудь умное или пошутил? А может, я ругаться изволю?

— А ты умеешь говорить «умное»? — Ник привычно проверил подпруги и взглянул на блаженствующего Змея. — Ну что? Афанасий, ты с нами?

— Ну ясно-понятно! Здесь мне оставаться теперь никакого резону нету! Последнее спокойное место спалили... — Змей поднялся с валуна. Вдруг откуда-то сбоку что-то свистнуло, и мы увидели самую настоящую стрелу, насквозь пробившую бутфорский хвост Змея. Он удивленно принялся наматывать хвост на руку, пока не поднес стрелу к глазам. — Мне кажется или какая-то паскуда мой костюмчик изнахратила?

— Не такое уж оно и спокойное, твое «последнее место»... — Ник быстро оглядел изломы горы, пытаясь понять, где мог прятаться стрелок. — Быстро все скройтесь за валунами, а я подумаю, что делать с этой напастью.

— Которая стрелять не умеет? — Я только покачала головой и, подойдя к Борьке, взгромодилась в седло. — Потому как если бы умела, то попала бы в этого двухметрового дылду, а не в его хвост...

— Спорное утверждение... — Змей отбросил хвост за спину, тоже задумчиво изучая гору.

— Вася! Немедленно слезь и уйди за камни! — Ко мне подскочил Ник, и, не переставая оглядываться, попытался стянуть меня на землю, но тут свистнула вторая стрела, точнехонько у Борьки над ухом.

Жеребец испуганно встал на дыбы и, срываясь с места в карьер, завопил:

— А-а-а-а! Спасите-помогите! Не дайте помереть в расцвете сил и лет! А ведь я еще ни с одной кобылкой ни разу ромашки не нюхал! Люди! Да где же справедливость в этом мире?! Да чтоб вас подкинуло и разорвало! Изверги, браконьеры, конегубы!

Я едва успела вцепиться в поводья, как мы на всем скаку завернули за гору и Борька понесся к городу по заросшей травой тропинке, попутно расшугав в разные стороны лучников, устроивших охоту на Змея. Человек пятнадцать! Не меньше!

— Гляди, Микола! Девку спасли и коня заколдованного! У злыдня вроде еще мужик какой-то на закуску оставался. Я сам видел.

— Надоть тоже спасти! Будет нам награда и от мужичка и от градоначальника!

— А за девушку кто отдаст?

— Дык она сама и отдаст. Девушки уж больно совестливые да благодарные! — донеслись нам вслед крики.

Ха! Благодарить за такой нервный перегруз? Не дождетесь!

— Борька, тормози! — Я изо всех сил натянула уздечку, пытаясь остановить обезумевшего жеребца, но он в ответ дернул головой так, что я едва не сверзилась на землю и только покрепче вцепилась в поводья. — Тормози! Там же Ник и Змей! Нужно сказать горожанам, что Афанасий не опасен! И что он вовсе не Змей!

— Фигушки, хозяйка! — Упрямая скотина, вместо того чтобы тормозить, и вовсе

перешла на галоп. — Нику ничего не будет — сама слышала! А Змей... выберется. И вообще, что значит — не опасен? Не бывает дыма без огня!

Я только оглянулась на стремительно уменьшавшуюся гору. Ну Борька, ну холодец с ножками!

К счастью, мои волнения оказались напрасными. Не знаю как, но к городской стене мы с Борькой и Змей с Ником прибыли одновременно. Афанасий летел низко. Зигзагом. Его бутафорские головы разноцветными мячами безжизненно болтались по бокам, а напигованный стрелами хвост только мешался. А вот для Никиты его хвост оказал неоценимую услугу. Он зацепился за него и теперь летел, повиснув на хвосте, как на веревочной лестнице.

Горожане, увидев такую перелетную процессию, торопливо попрятались за воротами, а стена мгновенно ошестинилась стрелами, но стрелять никто не торопился. Может, понимали, что Змей-то пусть странный, но крылатый и за укол стрелой в попу не погнушается перелететь через стену. А может, предпочли понаблюдать, как Змей сожрет девку и коня, а на десерт закусит приставучим до Змеевой за... точнее, хвоста парнишкой.

Не знаю, каковы были мотивы медлящих с расправой жителей, но надежды их не оправдались. Я это поняла по разочарованным крикам, раздавшимся сразу после того, как мы вчетвером, точно спасаясь от пожара, не сговариваясь ринулись в воду, торопясь поскорее сбежать из этого негостеприимного мира.

Пара смельчаков даже выпустила нам вдогонку стрелы, метко прошившие водную гладь. В ответ на эту диверсию Змей выпрямился во весь свой немаленький рост, с треском оторвал бутафорские головы, все равно мешавшие погружению, размахнулся и, метнув их в сторону берега, бомбочкой ушел под воду.

Стрелять перестали. Наверное, местные жители успокоились увиденным и решили, что Змей, замученный собственной совестью за безвинно сожранных баранов, покончил жизнь зверским самоубийством. А как же жить без голов?

Переход между мирами снова оказался неприятным, но произошел незаметно. Иначе и не скажешь. Вот ты из последних сил давишься глоточками воздуха, который стремительно заканчивается, а когда терпеть больше неможется, делаешь глубокий вдох... чистейшего озерного воздуха и осознаешь, что нет городской стены, да и города никакого нет. Нет людей. Нет ничего, кроме раскинувшегося в степи озера и клыка горы, уходящего в небо где-то на горизонте.

Единственным, что омрачало наше счастливое бегство, оказалась непогода, разыгравшаяся по эту сторону мира. Пронзительный ветер пробирал до костей, холодом проникая в мокрую одежду, а в довершение из свинцовых туч принялся накрапывать холодный дождик. Пытаясь сдержать колотящую дрожь, мы торопливо выбрались на берег.

— Как ты теперь? Без маскировки? — первым нарушил молчание Никита.

— Ты про головы? А толку от них. Ни полетать, ни утонуть... — отмахнулся Афанасий. — Между прочим, одноголовые змеи тоже существуют. У шамахан сам видел. А вот хвост жалко. Из-за этих сумасшедших лучников получилась какая-то расческа, а не хвост! Интересно, что это на них нашло? Пять лет к горе ни ногой, а тут... Разве что в самой пещере засаду не устроили.

Борька вдруг подозрительно потупился и, уткнувшись носом в траву, принялся выгрызать на травяном ковре узоры, незаметно удаляясь от нас все дальше и дальше.

— Борис! — Я всегда обладала талантом командирского голоса. Наверное, этот дар достался мне по наследству от папеньки, усиленный породой тети Мафани. — К ноге!

Борька дернулся, прижал уши и, как собачка, поплелся ко мне на полусогнутых.

— А чего сразу Борис? Они сами! Я только посоветовал нападать не поодиночке, а скопом. И хороший запас стрел взять с собой. А то, что неожиданность и внезапность это пятьдесят процентов успеха, знает любой стратег и тактик.

Мы с Ником переглянулись, а Змей, сосредоточенно хмурясь, повертел в лапе утыканный стрелами хвост и едва слышно спросил:

— За что ты так со мной, а? Я же тебя накормил, напоил! У костра спать положил!

— Не-не-не! Это не я! — Борька замотал головой так быстро, что защелкали уши. И вдруг указал на нас копытом. — Это они виноваты. Если бы они меня не обидели, я бы не сбежал. Если бы я не сбежал, я бы не встретил драконоборцев. Если бы я не встретил драконоборцев — кому бы я, по-вашему, стал советовать, как ловить всякую летучую живность?! Никому! А значит, в случившемся сегодня полностью виноваты Ник и Васька! Я, вообще, давно заметил, что, когда они ссорятся, в мире начинается самый настоящий пи... пиреворот!

— Вообще-то переворот! — не удержался Ник.

— Это у нормальных людей «пе», а у вас «пи»! И не надо тыкать мне в нос в качестве ошибок мои лингвистические изыскания. К тому же я на человеческом не так долго говорю! — Борька встряхнул гривой и, обиженно махнув хвостом, потрусил к горе.

— Эй, ты куда? — Змей по доброте душевной уже простил Борьке наводку. Не забывая выжимать «хвост» и попутно вытаскивая из него занозы стрел, направился за ним. — Ну не тужи! Нашел из-за чего обижаться. Да хоть «пю».

— Думаешь? Надо будет попробовать. — Борька тут же остановился и, уже как ни в чем не бывало помахивая хвостом, мотнул головой в сторону клыка горы. — У тебя же, кажется, в том мире там пещера была? Значит, и в этом найдется. А то... дождь. Подковами клянусь, до ночи не стихнет. А то и до утра. А ночевать-то где-то надо?

Не признать правоту Борьки оказалось сложно. Я только вздохнула, покосилась на Ника и, встретившись с его изучающим взглядом, торопливо зашагала вперед.

Гора так гора.

Чего я там не видела?

ГЛАВА 15

Ничего не изменилось. Мне даже показалось, что мы по-прежнему находимся в отражении мира. Все та же заросшая одуванчиками и репейником тропинка. Все те же валуны и изломы горы. Даже пришла на ум шальная мысль: а вдруг в пещере мы встретим двойника Змея?

Видимо, та же самая мысль пришла и Змею. Он ни с того ни с сего занервничал, принялся оглядываться по сторонам, а когда пришло время завернуть за уступ и по зеленым от оплетающей их повилики валунам подняться в пещеру, решительно остановился.

— Э-э-э... друзья, а может, я пойду первым? А вы пока хворост насобирайте. Костерок соорудим...

— Из мокрой травы? — Ник покачал головой и шагнул к нему. — Боюсь, тепла не даст. Только комаров потравим...

— И то дело! — непонятно чему обрадовался Змей, снова покосился на нависавшую над нами гору и предложил: — А может, и для ночлега сгодится. Трава-то! А я схожу косу принесу...

— Афанасий, мы пойдем с тобой. — Борька вдруг решительно наступил на тряпичный хвост нашего липового Змея Подгорного и, сердито скаля зубы, отрезал: — Уж не знаю, чего ты боишься, но коль уж мы вместе, так вместе.

— Вообще-то я не против... — Змей пожал чешуйчатыми плечами, задумчиво поковырялся острым когтем в зубах и наконец родил: — Да только я и в этой пещерке пожил, до того как в отражение заплыть, а когда уходил, такой срач там оставил, что... Короче, надо мне все внимательно оглядеть и, ежели чего, прибрать. А то неудобно как-то. Что обо мне подумает наша очаровательная спутница?

— А... Так бы сразу и сказал, а то мнешься... — Борька потоптался для верности у того на хвосте и сошел на травку. — А что подумает? Только то, о чем думает все время: что все мужики свиньи, козлы и животные... а ты со своим зеленовато-чешуйчатым анфасом очень сильно под это описание подходишь!

Змей украдкой бросил на меня взгляд, вдруг развернулся и, не говоря ни слова, скрылся за уступом. Я проводила глазами шуршащий в траве хвост, пока он тоже не исчез вслед за своим хозяином, и покачала головой.

— А ты, Борька, как я погляжу, дипломат!

— Сама ты — чумадан! — фыркнул коняга и, гордо вскинув голову, парадным шагом направился вслед за Змеем, обиженно бурча: — Вот и делай добро людям! Хорошо хоть авоськой не обозвала!

— Вась... — Ник, посмеиваясь, подошел ко мне. — Ты бы хоть образованием своего перевозочного средства занялась. А то слышит звон, да не знает, где он.

— Как только вернусь домой, сразу же устрою его к моей гувернантке! — фыркнула я. — Она дама ученая. Быстро втолкует, что «дипломат» — это не средство для переноса вещей класса «чемодан», а очень умный, разбирающийся в политике государственный чиновник. — Я смерила его насмешливым взглядом и тут же пригорюнилась: — Только боюсь, что тогда мне придется объяснять моему жеребцу, что «чиновник» это не ругательство, а... Боже, как же трудно с болтливými, вечно жаждущими самообразование «холодцами»!

— Да... трудно с ним... — Улыбка Ника сползла, оставив мрачный перекося губ. — Скоро все закончится...

— Да. Закончится. — Я перевела взгляд на серое небо. Даже не скажешь точно, сколько сейчас времени. Полдень или уже ближе к закату. — Скажи, а когда ты получишь кольцо, ты тоже что-то попросишь у Феникса? — И поспешно добавила: — Нет, если не хочешь, не отвечай!

— Я хотел бы, но не могу. И не потому, что не доверяю тебе, а просто не знаю, что мне у него просить. — Ник обогнул меня и, прежде чем скрыться за уступом, бросил: — И это правда!

Черт! Вот зарекалась же не спрашивать его ни о чем!

На нос снова упала капля. Утихнувший было дождь грозил вот-вот зарядить с не меньшим энтузиазмом!

Значит, судьба нам сегодня спать мокрыми и голодными.

С этими невеселыми мыслями я завернула за уступ вслед за Ником и растерялась. В этой реальности не было валунов, сложенных лесенкой, не было пещеры, к которой бы эти валуны вели, а что самое странное — мои спутники словно провалились сквозь землю!

Не успела я по-настоящему испугаться, как где-то совсем близко, у меня над головой, послышалось фыркание, и голос Змея отчетливо произнес:

— В той моей норе поуютнее было, не находите?

Я завертела головой. Не находим! Не видим! Только слышим... Да где же они?

— Смотря что подразумевать под словом «поуютнее»... — Я даже услышала, как что-то хрустнуло и Ник удивленно присвистнул: — Здесь даже хворост есть?! И сено!

— Знаешь, друг, я и обидеться могу! — возмутился Борька. Его голос прозвучал так близко, что я даже вздрогнула. Мелькнула паникерская мысль, будто все они находятся совсем рядом, вот только я их почему-то не видела, так же как и они меня. — Что ты подразумеваешь под словом «сено»? Да это же солома, причем тухлая!

— Ну знаешь ли! — в шутку возмутился Змей. — С такими претензиями, мне кажется, принцесса в нашей теплой компании ты, а не Василиса!

— Кстати, что-то долго она идет! — В голосе Ника, к моему громадному облегчению, я услышала волнение. — Пойду приведу ее.

— Только... осторожнее! Она ведь принцесса! Еще обидишь неосторожным словом. — Змей? Я наострила уши. Откуда столько внимания у этого чуда-юда к моей скромной персоне?

— Ага! Как, например, меня! — не преминул влезть в разговор Борька и возмущенно зафыркал: — Сено! Ха! Надо же придумать! Сено. Это? Сено!!! Кому сказать...

Мне показалось, что в меня толкнулся порыв ветра. Отчего-то закружилась голова.

Послышались удаляющиеся шаги. Я завертела головой. И по-прежнему никого!

— Эй? — стараясь сдержать дрожь, едва слышно выдохнула я и во всю глотку заорала:
— Ник?! Афанасий?! Борька! Эй! Где вы?!

Мой голос почти сразу же потух, будто я оказалась в густом тумане. При этом я продолжала слышать недовольное бурчание Борьки и какую-то возню.

Ааааааааааа! Мамочки! Точнее, тетечкиии!!!

Выхватив дрожащими руками из-за пазухи зеркальце, я принялась отчаянно тереть холодное стекло, не замечая, что приговариваю:

— Мафа! Ну ответь! Ну, Мафочка!

— Принцесса... — Голос, ответивший мне, принадлежал явно не Мафе. Более того, услышав его истеричные нотки, я заранее попрощалась со всеми мирами. На всякий случай. Сунув зеркало снова за пазуху, я огляделась. — Какая же ты глупая! Я призрак, и, пока не пожелаю, ты меня не увидишь. Зачем ты опять сюда пришла? Эта гора моя во всех мирах и отражениях! И тебе нужно было обойти ее так далеко, как только это возможно! Или, может, ты — мазохистка?

Из воздуха, надо сказать, вполне обычного, не туманного, передо мной появилась женщина. Невысокая, опрятная и даже довольно молодая. Старухой ее точно было не назвать. Вот только была она какая-то ненастоящая. Будто выцветшая картинка.

— Мазохистка... — повторила она, словно пробуя странное слово на вкус. — Ругательное какое слово! Прости, если что, девонька. Сама только на днях его у суккуба позаимствовала. Общались тут на шабаше...

— Да ничего... Ругайтесь на здоровье, — проблеяла я, не зная, что сказать. Потом на ум пришла заманчивая мысль: может, мне все это снится? А что? Вдруг в результате творившихся вокруг чудес я упала в обморок на подходе к пещере, и сейчас мне все это снится?

Но женщина поспешила развеять мои мечты:

— Нет. Тебе это не снится. Ну и раз уж мы снова свиделись, давай начнем все сначала. Я — Кудыка. Вообще-то когда-то меня звали Марьяна, Кудыкова дочка. Но... здесь ключевое слово «когда-то». Я так давно живу... жила... В общем, за столетия жизнь изрядно сократила мое имя, оставив только часть от имени отца, ну и попутно обозначая род моей деятельности. А эта гора — мой дом и то место, где я могу быть во всех отражениях сразу. Даже в образе духа. Но это мы сейчас исправим. На этот раз я подстраховалась, и Белоглазый нам не помешает!

Начинается!

— Кстати, а чего это он так о тебе печется? Вроде смертных на дух не переносит, и тут на тебе... — Кудыка заговорщицки прищурилась. — Аль понравилась ему? Чего греха таить — находит на этого Пепельного раз в несколько веков... Да только лучше с головой в омут нырнуть, чем принять его сердечность... По себе знаю... — Призрак несколько раз дернулся, словно всколыхнутая ветром паутина, и расплылся в жуткой улыбке. — Он ведь не так просто баб человеческих ищет. Нужна ему меченая, чтобы родить демоненка. А ежели, не дай бог, такая все же сыщется — закончатся все царства-государства. Будет править миром сынок Белоглазого...

От такой новости я даже бояться забыла:

— Хочешь сказать, что он женился на мне из-за ребенка?!

Кудыка нахмурилась, замигала как огонек свечи на ветру, а когда ей надоело мигать, вдруг налетела на меня с глупым вопросом:

— Ты — жена Белоглазого?!

Я даже на миг возгордилась: столько недоверия и ужаса было в глазах призрака.

— А что, не знаешь, как переводится слово «женился» с вашего, потустороннего?

— Но этого не может быть!

— Это еще почему?! — Я даже обиделась и заняла оборонительную позицию. Надо же потенциального мужа защищать! Вдруг еще раз заявится меня спасать? — То, что он рожей

не вышел, ты не смотри. Сейчас на рожу мало кто ведется. А вот то, что он заранее о судьбе нашего пока не родившегося ребенка печется, делает из него завидного кавалера и спутника по жизни — честь ему и хвала! Жаль только, что мой муженек не в моем вкусе...

— А вот не может он сейчас на тебе жениться! Потому что забрать тебя к себе сквозь Ночные ворота у него пока не выйдет из-за того, что произошло с ним двадцать лет назад! — Кудыка смерила меня взглядом, словно раздумывая, говорить мне что-то важное или не говорить, но, видимо, решила повременить и закончила: — А жить с тобой здесь — ему смерти подобно! Ибо без своего перстня не может он жить нигде, кроме своего отражения.

— Да мы, если честно, и не женаты с ним в самом полном понимании этого слова. Мы только повенчаны! Но как только найду ему тот перстень, я разорву этот брак.

— Даже не мечтай! Найдешь перстень и попадешь в вечную кабалу. И про парнишку своего сердечного забудешь. Белоглазый не потерпит конкурента...

Забыв, что она призрак, я бросилась к ней с целью ухватить за грудки и потрясти так, чтобы все тайны высыпались из нее, как медяки из-за пазухи попрошайки. Но Кудыка пойти на более тесное знакомство отчего-то не пожелала и пропала за мгновение до того, как я должна была в нее вцепиться. Мне пришлось спешно тормозить перед здоровенным валуном, дабы не впечататься носом в скалу.

Ведьма наверняка именно этого и ждала. Сообразив, что пакость не удалась, она сразу же появилась у меня за спиной, о чем мне сообщил ее резковатый, но звонкий голос:

— Не бесись, меченая... И... прости за столь странное знакомство... Жаль, не знала всех обстоятельств сразу. На кой бы ты мне тогда сдалась? Жить с мыслью, что у тебя в мужьях ТАКОЕ, — ну уж нет! Я лучше призраком побуду...

— Стоп! — Я стремительно к ней развернулась. — А как же мой титул и все, что ты так хотела? Подумай... как можно отказаться от такой жизни из-за какого-то... белоглазого? Или он для тебя не просто белоглазый?

— Ты мне голову-то не морочь! — Призрак стал едва заметным, да и голос прозвучал как будто издали. — Думаешь, я теперь поверю, что ты не знаешь, как я оказалась в таком плачевном состоянии и как твой муженек меня подставил? Пусть я не стану принцессой и у меня не будет твоего прекрасного тела, но вот отомстить ему, отняв то, что он так желает, я смогу...

Я вдруг почувствовала ее ледяное дыхание, вмиг застудившее кровь. Призрак не приблизился, но я ощутила, как невидимые ледяные ладони ласково, почти нежно сжали мою шею, замораживая дыхание, приближая сон... Вечный сон...

И тут...

— Василек? Прием! Я — Чертополох! Ответь! Ау?!

От нахального, не терпящего возражений голоса Мафы я очнулась и вздрогнула, увидев прямо перед собой глаза Кудыки. Она сморгнула, отстранилась и удивленно оглянулась.

— Это что за магия? Кто говорит?

— Ты чего, племяшка?! — услышав голос ведьмы, тут же возмутилась тетя. Зеркало начало нагреваться, и по груди разлилось приятное тепло. — Не иначе, белены обнюхалась? Какая магия? Это я! Тетя твоя! Сама же вызывала совсем недавно. А я козу доила. Домой возвращаюсь — один пропущенный вызов. Ты в зеркальце-то глянь, и поговорим, раз уж надобно!

Кудыка наклонила голову и чуть нахмурилась, словно не могла поверить своим ушам (конечно, если таковые имеются у призраков). Не дожидаясь ее реакции, я вскинула руку к груди, выхватила зеркальце и выставила его перед собой словно щит. Кудыка взглядела в отражение. Тетя, судя по молчанию из зеркала, сделала то же самое.

Раздавшиеся одновременно вопли призрака и Мафани отменили последние сомнения — эти двое знали друг друга.

— Мафашка-замарашка!

— Ягушка-потаскушка! — Затяжное молчание тети перешло в такое красноречие, что я пожалела, что вовремя не закрыла уши. — Какого икса ты тут забыла, да еще в таком

затрапезном виде? Маковую вошку тебе в качель! И где моя Васька?! Предупреждаю! Если ты с ней что-то сделала — последние волосья на твоей заднице повыдергаю и в нос пересажу! Усекла?!

— Васька? Ка... ка... какая Васька? — Она перевела глаза на меня, и ее взгляд стал затравленным. — Васька?! Мафушка, а ты что, в Еремеевом государстве королевой заделалась?

— А хотя бы и так! Твое какое мохназодое дело?

Пока Кудыка безмолвно открывала и закрывала рот, явно придумывая достойный ответ, я воспользовалась брешью в перепалке и что было силы завопила:

— Тетя, я жива! Я держу зеркало! Эта ведьма меня чуть не убила! Спаси меня, тетя!!!

— Что?! — Мои вопли не остались неслышанными. Ручка зеркальца нагрелась так, что стало больно держать. — Ах ты, вешалка старая! Только попробуй тронь моего ребенка — я тебя по полю травкой раскатаю!

— И еще она хотела забрать мое тело! — злопамятно наябедничала я, приободрившись от незримого присутствия тети и вида поскучившего призрака. — А потом заморозить!

— А ты думаешь, легко призраком жить? — вдруг окрысилась Кудыка. Ее качнуло назад, будто из зеркала ей в грудь ударил порыв ветра, отталкивая от меня, и ведьма торопливо заговорила, словно выдавливая гной воспоминаний из незаживающей раны души: — Да, я искала девчонку со способностями и возможностями... Так кто же знал, что мне, будто нарочно, именно твоя попадется, да еще окажется замужем за моим убийцей?

— Значит, это Пепельный тебя убил... — Тетя совершенно равнодушно отметила сей факт и, помолчав, спросила: — А помнишь, я говорила, что твои запросы стали велики? Значит, такова была его цена, подруга?

— Гидайский песец тебе подруга! — взвилась Кудыка. — Да ты хоть представляешь, какие муки я вынесла, пока ты прохлаждалась в собственном королевстве?

— Прохлаждалась?! Ах ты, Ягушка-потаскушка... Как силу за счет белоглазых ухажеров получать, так на все согласна? А как призраком потом людям жизнь портить — обманули тебя?! А я предупреждала — не твоего поля он ягодка! И отлипни от моей кровиночки! А то мне у вас материализоваться да по полю тебя развеять — раз плюнуть!

— Ладно. Отлипну с радостью! — Кудыка вдруг улыбнулась выпцветшими губами. — Да только не зря я была лучшей выпускницей факультета предсказателей. Вот тебе моя правда. Потеряет твоя кровиночка душу, как я потеряла тело, а вместо одного Пепельного появится два, и королевство твое погибнет в огне войны! Понимай как хочешь, и... покедова!

Я не успела моргнуть, как рядом со мной больше никого не было. Тогда я развернула зеркало, не отводя взгляда от тети, медленно поднесла волшебное стекло к губам и прошептала:

— Спасибо!

— Не за что. Я люблю тебя, детка. — Мафания вздохнула. — Будто иголку в сердце засунули, когда почуяла, что с тобой что-то не так!

— Теть, у меня к тебе парочка вопросов... — Так, с благодарностью закончили, теперь надо ковать железо, пока горячо. Уж сейчас-то она мне точно не откажет!

— Вопросы не проблема. Главное, чтобы ты смогла принять ответы...

— Мне кажется, что подойдет любое объяснение, только бы оно было... — вздохнула я. — Давай начнем с того, как уговорить этого вездесущего духа!

— Кудыку-то? — Тетя передернула плечами. — Тут как раз все просто! Если ее косточки не похоронены, надо с особым словом их похоронить, а если похоронены, то положить на могилку баюн-траву и тоже кое-что сказать...

— Предлагаешь мне поискать ее кости? — Я поежилась, вновь переживая путешествие в дом Кудыки... Хотя... может быть, в этом измерении все будет проще и легче?

— А чего их искать? Где спалил ее Бело... гм... Феникс, там она и лежит. А так как она много лет провела на своей горе, стало быть, и искать ее надо где-то в доме.

— Кстати, а что ты говорила ей о Фениксе? У нее что, был роман с моим мужем?! — Я даже улыбнулась. Забавная из них мне представилась парочка...

— В подробности не вникала. Знаю только, что еще в студенчестве она была дюже заморочена на получении силы. Я тогда еще не была знакома с... — тетя замялась, — с Фениксом, поэтому, когда она сказала, что узнала, как вызвать Пепельного демона и что ему отдать, чтобы получить взамен магическую силу, я сразу заподозрила, что девица плохо кончит...

Дело ясное, что дело темное...

— Ладно, опустим эту сомнительную тему о благочестии моего благоверного... — Я покусала губы, не зная, как перейти к самому важному, и решилась. — А ты, случаем, не знаешь, что там за проблема у Феникса с получением потомства?

— В смысле? — Тетины брови удивленно вскинулись, и она перешла на интимный шепот: — А что — проблема?

— Тетя! — Вот дал же бог талант все опошлить! — Откуда я-то знаю? Мне Кудыка сказала, что он ищет себе «меченую» жену, чтобы та родила ему наследника! А когда я сказала, что ищу ему кольцо, чтобы получить свободу, она и вовсе напроорочила мне, что вместо свободы попаду в кабалу!

— Тю! — Тетя разочарованно махнула рукой. — Да сказки она тебе тут рассказывала, в собственном изложении! Понимаешь, это страшилка такая была давным-давно, что будто есть горящий демон — вселенское зло, и он ищет особую смертную, способную родить ему ребенка-мессию, чтобы захватить все наши царства-королевства и самому править и миром теней, и миром смертных. Так-то! А ты уши развесила! Думаешь, тебе эта миссия выпала? Тоже мне избранная!

— Да ничего я не думала! — Я почувствовала, как щеки заливают румянец. — И вообще! Какое мне дело до ваших страшилок и всяких там Пепельных? Я вообще вон Ника люблю и хочу, чтобы он стал моим мужем!

— Да я-то вообще-то не против! — Голос, знакомый до дрожи в коленях, заставил меня оцепенеть. Тетя — предательница — покосилась на что-то (кого-то) за моим плечом и, многозначительно улыбаясь, отключилась. Горячие руки тяжело легли мне на плечи. — Только надо сперва колечко найти...

Спрятав за пазуху ставшее бесполезным зеркало, я стремительно развернулась и накинулась на улыбавшегося Никиту:

— И давно ты тут подслушиваешь?!

— И в мыслях не было! — Его улыбка стала шире. — Я едва не налетел на тебя. Где ты была? Я все обыскал, возвращался в пещеру за помощью, а тут ты словно из воздуха появилась! Да еще говоришь такие невероятные, но приятные вещи...

— И не мечтай! — фыркнула я, чувствуя, как полыхают пламенем щеки (не хуже чем у Феникса горят!). — Чего только не скажешь, чтобы успокоить любопытную тетю!

Развернувшись, я, не думая, куда иду, уже собралась свернуть за уступ, но Ник в два шага догнал и, схватив за плечо, указал куда-то вверх:

— Пещера-то вон она! Хватит вокруг горы круги наворачивать.

Я невольно вскинула голову и в который раз подивилась похожести и непохожести миров. Если в том отражении были широкие крепкие валуны, то в этом мире их заменил широченный высокий ствол высохшего дерева, чьи обломанные толстые сучья очень напоминали ступеньки и выполняли роль лестницы, с легкостью выдержав даже Борьку. Они вместе с Афанасием теперь сидели на краю пещеры и, свесив ноги, внимательно наблюдали за нами.

Змей первым сообразил, что их засада раскрыта, и растянул в жуткой улыбке пасть.

— Прошу всех! К нашему шалашу... Что-то вы, Василиса Еремеевна, задержались! Поднимайтесь! Мы и костер развели...

— Тока под ноги смотри и держись крепче... — Ну конечно! Как же мое перевозочное средство да промолчит? — А то я, когда лез, веточку надломил... Не помню какую...

кажись, третью снизу...

Третья снизу — это которая метрах в двух над моей головой? Тут бы еще до первой дотянуться... Змею-то хорошо! Он в эту пещеру и залететь сможет, а вот гостям хуже...

Но не успев как следует оценить масштаб подвига, который мне требуется совершить, я вдруг почувствовала, как руки Ника бесцеремонно сжали меня за бока и, повертев, закинули на плечо. С первым же рывком земля стремительно ушла из-под ног, а желудок подкатился к горлу.

Вот только страшно было первое мгновение. Страх ушел, едва я осознала, ГДЕ лежит, поддерживая меня, жаркая ладонь Никиты.

— Руку убери!

Еще чего! Не давала я повода трогать мой зад! И пусть даже по необходимости!

— А упасть не боишься? — Мне показалось, что он улыбается.

Словно в подтверждение слов, Ник снова ухватился за сук повыше и рывком подтянулся, преодолевая оставшееся расстояние до пещеры. Его мышцы буграми перекатились где-то у меня под животом, заставив желудок снова подпрыгнуть к горлу.

— А надо? — Я справилась с волнением и зажмурилась, теперь земля мне казалась такой далекой, будто мы лезли по бобовому стволу на седьмое небо! Но ведь его не бывает? Седьмого неба? Или бывает?

— Надо. — Его пальцы на миг стиснули мои ягодицы (не иначе как в отместку) и перебрались на талию.

Вдруг он резко отстранил меня от плеча. Почувствовав, что куда-то падаю, я испуганно взвизгнула, но в следующее мгновение поняла, что упасть мне не дали, всего лишь переложили с плеча на холодный каменный пол пещеры. Острая хворостина в доказательство благих намерений впилась мне в плечо сквозь промокшую одежду.

— С прибытием, хозяйка! — Нос Борьки, шумно сопя, тут же склонился над моим лицом, обдувая теплым, пахнущим сеном дыханием. — А мы тебя ждем, ждем...

— Может, кипяточку? — Над носом Борьки появился участливый глаз Змея.

— Только внутрь, а не снаружи! — на всякий случай испугалась я. Хотя после таких приключений пугаться скоро будет неактуально!

— Дайте ей сесть! — Ник оказался рядом. Отодвинув сочувствующих, он одним движением поднял меня и придвинул к весело потрескивающему костру. — Пить хочешь?

Я с наслаждением протянула руки к пламени, только сейчас сообразив, как продрогла и устала.

— Если честно, я есть хочу! Очень!

— Вот незадача... — Змей пошуршал лежалым сеном, будто под ним могли материализоваться из отражения остатки вчерашнего ужина. — С едой беда... Воды валом, со стен капает, а вот с едой...

— А я всегда говорил, что надо переходить на экологически чистую еду, — аппетитно прочавкал Борька, нарочно подцепив губами несколько травинок. — Сено! Даже лежалое сгодится заглушить голод! Конечно, ячмень лучше всего, но за неимением...

— Не... — Я покосилась на усыпанный лошадиным «ужином» пол пещеры. — Боюсь, что у меня зубы под сено не заточены...

— Хочешь, могу ненадолго превратить тебя в кобылу. — Ник с самым невозмутимым видом поворошил носком сапога сено. — А как наешься, сразу обратно...

Я вытаращилась на него, не понимая, шутит он или говорит серьезно, пока ответом мне не стал дружный смех.

— Издеваешься? — Мои глаза недобро прищурились.

— Нет. — Ник искренне мотнул головой. — Только пытаюсь решить проблему. Мы с Афанасием и без ужина переживем, Борька наелся...

— Не вопрос! — Змей с готовностью поднялся. — Я слетаю поохочусь... — И посмотрел на меня. — Что любит кушать в это время дня принцесса?

— Все что прыгает, бегают или летает! — упростила я его задачу, но Никита

решительным жестом заставил Змея сесть.

— Я сам. Хотя местность безлюдная, но надо поостеречься. Вдруг погоня за нами? От кипежных все что угодно можно ожидать! — Не слушая возражений, он решительно подошел к краю пещеры.

Один шаг в неизвестность, и Ник исчез. Я испуганно охнула и подползла к пропасти, с ужасом ожидая увидеть все что угодно, но... Никиты внизу уже не было.

— Не бойсь, принцесса, — успокаивающе отмахнулся Змей. — После шамаханской школы спрыгнуть со скалы и остаться целым еще не самое выдающееся умение.

— Да если бы я знала, что он пойдет тратить время на поиски еды, вообще бы даже не заикнулась, что голодна! — Я еще раз оглядела серую бесцветную равнину и такие же небеса, сливающиеся двумя серыми морями где-то на горизонте, и отползла подальше от края.

— Вообще-то мы до завтра совершенно свободны... — Змей озадаченно нахмурился. — Или... у вас были какие-то планы?

— У меня были планы! — Я покусала губы. Сказать, не сказать? — А Никита как всегда все решил первым!

— И каковы были твои планы, хозяйка? — наострил уши Борька. — Если снова по горам, по долам решила на ночь глядя отправиться, то извиняй! Без меня!

— Да нет... — Я отмахнулась. Хотя еще неизвестно, где опаснее ночью — в чистом поле или на Кудыкиной горе... — Всего-то и хотела одного буйного призрака упокоить...

— Призрака?! — Борька подобрался и нервно заозирался, точно пытаюсь найти этого самого призрака в бликах костра или в пляске теней на стенах.

— Какого призрака? — тут же заинтересовался Змей. — Того самого? О котором уже упоминалось?

— Именно! — вздохнула я. — Но... видимо, придется эту процедуру отложить до утра.

— Отчего же до утра? — Змей даже поднялся и, подпирая головой потолок пещеры, с хрустом потянулся. — С призраками все дела надо решать быстро и не сильно волнуясь. А то еще решат, что мы их боимся!

— А мы их не боимся? — Почему-то от решимости Змея мне стало спокойно, и на душе воцарилась железобетонная уверенность: подумаешь, призрака утихомирить! Плевое дело!

— А чего их бояться? Показывай, куда идти. — Змей подошел и помог мне подняться, точнее, взял за шиворот и просто поставил на ноги.

— Куда идти?! — Я с опаской снова заглянула в серый мир и затягивающий все паутиной туман. — Вообще-то на вершину горы, да только так просто туда не подняться. Не помнишь, есть на вершине дом или нет?

Змей сосредоточенно почесал острым загнутым когтем висок.

— Был. Но... сгорел. Сразу после той ночи я и перебрался в Кипеж-град.

— А почему... — Не закончив вопрос, я замолчала. Как бы самой определиться, что я хочу узнать: почему сгорел дом или почему Змей так спешно перебрался, да еще в другое отражение мира.

Змей ответил одним словом:

— Захотелось. — И поторопил: — Ты со мной или как? Нет, если не хочешь, я могу и один слетать...

Слетать?

Мне снова сделалось дурно. Почему сегодня высота так на меня действует? Но оставаться в пещере без защиты Ника и Змея — не хотелось. Еще неизвестно, что опаснее. Пусть Кудыка со мной попрощалась, но мне почему-то не верилось, что она так легко сможет от меня отступить...

— Нет, я с тобой!

Да и слова заветные нужны... Вот мы их на вершине у Мафы и узнаем.

Змей без лишних слов обхватил меня и, прижав к себе здоровенными лапищами, по

примеру Ника просто спрыгнул вниз. Вот только падение очень быстро превратилось в стремительный полет. Крылья Змея с тихим шорохом развернулись. Несколько сильных взмахов, и прохладный, налитый дождем воздух точно чулком обтянул мое лицо, мешая дышать и не позволяя смотреть широко открытыми глазами на уплывающую вниз махину горы.

Вершина предстала передо мной внезапно. Мы приземлились на небольшой, будто срезанной ножом площадке, на которой обугленным скелетом стоял дом. Точнее, то, что от него осталось.

— Вон оно — жилище ведьмы... Только, даже если она сгорела заживо, нам не попасть внутрь, чтобы похоронить ее кости. Стены трухлявые. Обрушатся.

Я ощутила под ногами твердую скальную породу и тут же почувствовала, как лапы Змея разжались, давая мне свободу. Что ж... стены трухлявые? Чувствуя волнение пополам со страхом, я, не сводя глаз с почерневших стен, обошла дом, внимательно разглядывая строение. А ведь, похоже, и в самом деле работа Феникса. Значит, ведьма действительно мертва, и Змей прав — ее кости не достать? Но тут мне в голову пришла гениальная в своем безумии мысль:

— А если ее похоронить, не доставая кости? Вместе с пепелищем?

— Это как? — насторожился Змей.

— У подножия горы достаточно валунов. Надо как-то перенести их сюда и выложить могильник, — пояснила я и, видя, как загораются пониманием глазницы Змея, многозначительно добавила: — И баюн-траву будет куда положить...

— Идея неплохая... — Змей с хрустом почесал за ушами и задумчиво мигнул сначала правым глазом, потом левым. — Тогда вот тебе задание. Ищи и собирай свою баюн-траву, а я, пока Никиты нет, спущусь к подножию горы и посмотрю, что мы имеем.

— Но я не знаю, как выглядит баюн-травы, и... — Я беспомощно взглянула на мрачные, покосившиеся остовы ведьминского жилища. От мысли, что сейчас я останусь совсем одна, рядом с костями покушавшегося на меня (и не раз) призрака, мне стало жутко. — Может, потом? Как ты один камни натаскаешь? Давай спустимся и подождем Ника, а потом...

— Когда совсем стемнеет... — заботливо подсказал Змей.

— Ага! Когда совсем стемнеет...

— Для острых ощущений...

— Ну да! Мы и... — Я запнулась, разглядывая ощерившуюся ехидной улыбкой морду Змея. — Издеваешься, да?

— Нет! — Он примирительно поднял когтистые лапы. — Просто пытаюсь предсказать, что нас ждет, если мы отложим постройку могильника. Не факт, что мы вообще сюда вернемся... Мало ли...

— А...

— А баюн-травы выглядит как болиголов чешуевидный, только с резким мятым запахом. — Отсалютовав мне лапой, Змей в два шага достиг края обрыва и, распахнув крылья, шагнул вниз.

ГЛАВА 16

Черт!

Черт, черт, черт!

Я даже топнула ногой, глядя вслед Змею. Нет, я, конечно, польщена, что мои спутники считают меня если не эрудированной, то хотя бы смекалистой, вот только, кроме досады, ничего мне это не приносит!

К примеру, когда я жила во дворце, меня считали взыскательной, легкомысленной принцессой с бурей в голове — и мне это нравилось! Если не сделала что-то: не захотела, не смогла, и вообще, о чем речь! И все сходило с рук! А тут?! Болиголов, да еще и

чешуевидный!

Очешуеть можно только от самого названия!

Я снова покосилась на обгоревшие руины, разглядывающие меня слепыми бойницами двух покосившихся окон, и полезла за зеркалом. Кто еще мне сможет помочь, как не тетушка? В конце концов, ну не нюхать же мне все былинки, коих здесь, на вершине горы, и так в избытке!

Стекло отозвалось привычной рябью, и вскоре я увидела привычную комнату. Точнее, балку потолка, завешанную пучками каких-то трав и сушеными мухоморами. Тетушка всегда отличалась запасливостью.

— Мафаня? — Я прислушалась к невнятному бормотанию. — Теть?

Бормотание оборвалось, послышались шаркающие шаги, и вскоре в зеркало заглянул тетин глаз.

— Василек?

— Я это, я! — Я еще раз оглянулась и поднесла зеркало к губам. — Теть, очень нужна твоя помощь! Расскажи, как выглядит баюн-трава?

— Тю! Двоечница! А где ты была, когда я пыталась преподать тебе курс лекарственных растений?

Я озадаченно нахмурилась:

— Теть, ты мне ничего не преподавала!

— Да? — Тетя на мгновение задумалась и отмахнулась. — Значит, хотела! Видишь, племяшка, только о тебе с утра до ночи и думаю! — Из глубины тетиной комнаты послышался какой-то шорох и сонное бормотание. Тетя обернулась и заторопилась: — Значит, так, Василек. Баюн-трава выглядит как «вороний глаз», только с жестким стеблем, и пахнет, как кошачья мята!

Класс!

— А мне казалось, что баюн-трава немного напоминает болиголов чешуевидный и пахнет обычной мятой? — решила выпендриться я, хвастанув наводкой, полученной от Змея, но тетя не купилась.

— Когда кажется — креститься надо! Тоже сравнила редьку с хреном! У болиголова желтые цветки, а баюн-трава вообще не цветет. Значит, так! — Тетя на миг исчезла, а когда появилась снова, у нее в руках был странного вида куст. — Вот она! Видишь? Запоминаешь?

— И чем эта баюн-трава отличается от лебеды? — Я честно пыталась найти десять отличий, но сходство было идеальное.

— От лебеды? — Тетя даже удивилась и не преминула удивить меня: — А ничем! Это лебеда и есть. У нее в народе даже название — лебеда лимонная. Вот и ищи ее. А как найдешь, положи в могилу рядом с Кудыкой и скажи: «Спи не просыпайся, лебедой укрывайся. Чай лимонный пей, нам голову не грей. Аминь, аминь, аминь!»

— Думаешь, поможет? — Что-то вся эта затея начинала пованивать самиздатом. Опять тетушкины эксперименты, только теперь в качестве подопытного кролика — я!

Но тетя заверила:

— Будь спок, племяшка! — И тут же вновь заставила занервничать: — Нет, осечки, конечно, были... но что касается Кудыки, сработает на все сто!

— Точно? — Я пытливо прищурилась.

Тетя снова бросила быстрый взгляд себе через плечо и заторопилась:

— Не дрейфь! Все получится! Ну а если не получится, ты знаешь, к кому обратиться. Пока-пока!

Я поморщилась, разглядывая отразившееся в зеркальной глубине темнеющее небо, и едва не выронила зеркало, увидев в нем нечто невероятное. Аккуратно сложенные пирамидой камни, невероятным образом обретя способность левитировать, плавно воспарили и зависли над вершиной горы, затем, словно заметив конечную цель, медленно поплыли к руинам дома. Вслед за ними в зеркале отразилась крылатая фигура Змея.

Сообразив, что именно он — автор чуда, я очнулась, сунула зеркало за пазуху и

поспешно обернулась. Змей, будто дирижер, плавно покачивая руками в такт слышимой только ему одному музыке, вел летающий груз прямоком на руины.

С опаской пропустив проплывшую над головой грудю камней, я бросилась к Змею, пытаюсь убедить его не трогать ведьмин домик, пока я не закончу все приготовления. Мало ли! Что для призрака горка камней? А вот травка и слова, пусть даже и тетина отсебятина — реально могли Кудыку упокоить.

— Нет, Афанасий! Я же еще не нашла баюн-траву!

Но Змей то ли не услышал, то ли не захотел медлить. Грота камней достигла руин, Змей распротер лапы и что-то выкрикнул. Каменный дождь тотчас накрыл злосчастное строение, оставив о нем только память.

— Впрочем, думаю, что нам уже ничего искать не нужно. Твой могильный курган получился очень милым. Надеюсь, ведьме он тоже понравится. Особенно способ его возведения.

Ладно, не беда! Запихну травку в какую-нибудь расщелину и скажу тетины слова. Попытка не пытка. То, что извратили замысел — плохо, но вдруг сработает?

Афанасий грузно приземлился и устало выдохнул. Будто и не магией вовсе, а на горбу притащил гору здоровенных валунов. Попросить его разобрать этот могильник — язык не поворачивается.

— Не волнуйся, принцесса. — Змей будто прочитал мои мысли. — Разбирать — не строить. Сейчас сделаю небольшое окошечко в мир мертвых, и засунем туда твою травку.

Я с тоской взглянула на разразившееся мелким дождем потемневшее небо и вздохнула.

— Тогда приступай! Я сегодня хочу ночевать не на горе, а в теплой пещере!

— Нет проблем! — Змей поплевал на крепкие лапищи, подошел к валунам и легонько, будто камни ничего не весили, принялся доставать их один за другим и складировать рядом. — А ты травку ищи!

Легко сказать! Впрочем...

Через минуту поисков я наткнулась на весьма подозрительный в своем описании куст. Лебеда лебедой...

— Кажись, нашла! — Я отломила несколько веточек и почувствовала, как мои ладони довольно резко запахло свежим лимоном. Все как тетя описывала.

Теперь бы еще не помешало проверить, поможет нам эта трава или нет. Где бы для начала взять одного неупокоенного духа в количестве одна штука? А этот гербарий точно не нужно упаковать вместе с костями ведьмы?

— Нашла — неси! — обрадовался Змей и отбросил последний валун, демонстрируя хваленое окошечко. — Засовывай!

Легко сказать! Не знаю, был ли там призрак, но темнота, поджидавшая меня в этом «окошечке», явно была живая!

— А может, лучше ты? — Но отводя глаз от темноты, я с готовностью протянула ему лебеду.

Змей покосился на куст, взглянул на «окно в мир мертвых» и решительно помотал головой:

— Не. Я так подумал... рано еще. Маленькая дыра. Или давай вообще по периметру наделаю? Что бы уж наверняка тебя эта ведьма больше не нервировала.

Боясь выказать облегчение, я небрежно передернула плечами:

— Давай.

Шутка ли, такая охрана будет! Да если верить тете, призрак свои вредительские свойства и от одного куста растеряет, а уж от той клумбы, которую предложил «посадить» Змей, и подавно!

Отойдя подальше, я какое-то время смотрела, как он работает. Даже за этим непропорциональным, неказистым, да чего там греха таить — безобразным, чешуйчатым с зеленцой телом я видела ловкость и грацию молодого человека. И голос его выдавал юность возраста в своих взволнованных, страстных нотках и звучании. Вот интересно, что за тайна

объединяла их с Ником?

Мне вдруг до мельчайших подробностей вспомнился разговор, подслушанный мной в норе у Змея. Он, будто занозами, зацепился за память непонятыми словами и болел нарывами недосказанных тайн.

Хм...

Я взглянула на коренастую фигуру Змея с еще большим любопытством. А ну как получится у него хоть что-нибудь узнать?

— Афанасий... — Как бы еще начать издали? — Мм... вот смотрю я на тебя и думаю... Каким ты был, пока Белоглазый не превратил тебя в Змея? И зачем он это сделал? — И словно осознав, какую бестактность я сказала, тут же поспешила его успокоить: — Конечно, если тебе неприятно об этом вспоминать, прости. Я больше ничем не напому тебе о твоём прошлом. Просто пойми... я совершенно не знаю своего мужа и очень хочу о нём хоть что-нибудь узнать. Хотя бы для того, чтобы, когда придет пора, быть сильной. Ведь недаром говорят — кто предупрежден, тот вооружен!

Какое-то время Змей упорно молчал, только камни, послушные его когтистым лапам, глухо падали в траву, словно выполняя какой-то тайный ритуал. Наконец, когда я уже отчаялась получить ответ, он лениво, будто делая мне одолжение, заговорил:

— Принцесса, а зачем ты сначала спросила обо мне? Только для завязки разговора? Ну и говорила бы напрямую... Спрашивай, что конкретно ты хочешь узнать о Белоглазом?

От такой пронизательности я почувствовала смущение и досаду. А еще — как наливаются жаром мои щеки. Но крыть было нечем. Мне действительно наплевать на то, что когда-то произошло с Афанасием, плевать на Белоглазого, но нежно скрываемые тайны Ника хотелось узнать так, что сводило скулы. Вот только, если уж я хочу вызнать их у Змея, нужно подкупить того неподдельным вниманием и интересом, и в первую очередь к его персоне.

— Белоглазый меня интересуется только как пособие по самообороне. На тот случай, если фишка с поиском кольца не увенчается успехом.

— Значит ли это, что ты не веришь, будто мы найдем «Султан желаний»? — Змей даже перестал прокладывать окошечко в «загробный мир» и, сложив лапы на мощной груди, уставился на меня выпуклыми жабыми глазами.

— Найти колечко как раз не проблема. Оно в сокровищнице шамаханского шаха, ждет своего часа. — Я отмахнулась так небрежно, будто колечко ждало своего часа уже у меня в кармане. — Не-эт! Меня больше волнует то, что будет потом.

— Ты это о чем? — Выпуклые глаза Змея превратились в щелки.

Пришлось пояснять:

— О том, что мой муж может и передумать раздаривать подарки направо и налево, и вместо желаемого вас будет ждать какая-нибудь пакость.

— Например? — Змей уверенно изображал тугодума, предоставив мне живописать ему всевозможные кошмары.

— Например, не станет Феникс тебя превращать в человека, и что тогда?

— Фе... Белоглазый? — Змей почему-то упорно не желал называть главного злодея по имени. — Это еще почему?

— А вот, например, потому, что не захочет муженек облагодетельствовать такую ораву. Отпустит меня с богом, а вас...

— Что «а нас»?.. — Мне на миг показалось, что Змей сейчас перекрестится, так убедительно выглядела его вскинутая лапа.

— А вас предпочтет не заметить! — Что-то его неуверенные переспросы начинали меня откровенно злить. — Но все может быть куда более печально, а я вам даже помочь не смогу. Потому что я не знаю, ни кто мой муж, ни что он такое, ни как с ним бороться! Хорошенькая перспектива?

— Знаешь, хорошо бы тебе и дальше ничего не знать, — вдруг осадил меня Змей, скинул еще один булыжник в траву и посоветовал: — Лучше ведьму нашу упокаивай, чтобы

сегодня крепче спать.

Я стиснула зубы так, что они скрипнули, и звук этот в сгущающемся вечернем сумраке показался мне весьма устрашающим. Не зная, что хочу больше — бояться или злиться, я прошла к бойнице, возле которой стоял Змей, и не глядя сунула порядком измочаленную травину в полумрак получившегося могильника. Так... что же там сказать-то надо было?

— Спи не просыпайся, лебедой укрывайся, — чуть слышно забормотала я, едва мне на ум пришло тегушкино четверостишие (явно собственного сочинения). Не дай бог кто-нибудь услышит... — Чай лимонный пей, нам голову не... а-а-а-а-а! — Визг, вырвавшийся из моей глотки, напугал даже меня. Еще бы! Я вдруг почувствовала, как на моей руке аккуратно сцепились холодные зубы, и вслед за дернувшейся рукой из могильника показалась ведьма, болтавшаяся у меня на запястье как заправский буль-буль — дорожный пес сторожевой породы, считавшийся гордостью папочкиного королевства. — Сгинь! Фу! Пошла!

— Ща! Еще брошу и пойджу! Ага! — прошамкала Кудыка, попутно жуя мою руку. — Пока ты меня тут дурадскими жаговорами ижгоняешь!

— Сама виновата! Нечего на людей кидаться! — Я несколько раз честно попыталась ее скинуть, но пальцы проходили через призрачную плоть как сквозь плотный туман. — Лучше плюнь! По-хорошему!

— Ежели я плюну, не утрешься! — Ведьма даже подбоченилась, но руку жевать не перестала. И пусть боли я от ее призрачной вставной челюсти не испытывала, но ощущение холода, все сильнее опутывавшего руку, пугало. Чего там... я честно пыталась шевелить пальцами, но не чувствовала их. — Эх, не сым, так понадкусаю! Ишь чего удумала — меня со свету сживать! Некромантка, тоже мне! А может... ты меня провела? С муженьком своим? Может, тебе этот Пепельный, как и мне когда-то, только прислуживает, а ты уж про брак наговорила, чтобы жизнью своей не делиться? А? Признавайся, куделька породистая!

— От кудельки слышу! — не стерпела я. Нет, ну какова наглость! Мало того что все руку обмусолила, так еще и обзывается! Ну все! Я злая! — Пошла прочь, лахудра пристающая! Не знаю, за что тебя Пепельный грохнул, но жаль, что не добил!

— А ты не думала, что он специально меня в призраках оставил? Сторожем сделал между мирами. Чтобы и за живыми следила, и мертвым спуску не давала? А чичаза скажи — где он? Почему бросил тебя одну-одинешеньку? — Ведьма перестала жевать мое запястье, протянула ко мне костлявую руку, и я почувствовала, как холод мертвых пальцев сжался на моей шее. — А может, мы с ним по старой памяти договоримся? Какая ему разница, кто его утешит да предсказанного родит?

Ведьма что-то едва слышно забормотала, и я с ужасом почувствовала, как неведомая сила снова потянула меня прочь из тела, из жизни...

То, что произошло потом, мне показалось чем-то нереальным. Бредом, кошмаром... Иначе чем можно объяснить появление не одного, а целых двух Фениксов?

Впрочем, расскажу по порядку. Первым начал действовать Змей. Не знаю, каким чутьем он понял, что мои мгновения сочтены. Мигом оказался рядом и, выдернув из заледеневших пальцев куст лебеды, поспешно швырнул его в оконце могильника. Затем бросился вокруг пепелища, срывая попадавшиеся на пути травины лебеды и шпигуя ими склеп.

И вот когда я уже поняла, что не в силах сопротивляться заклинанию ведьмы, случилось нечто такое, что заставило меня смириться с тем, что я бы назвала посмертными видениями. У самого обрыва я увидела Феникса. В памяти осталось его обожженное лицо и серебристые глаза, смотревшие прямо на меня.

А еще губы... Губы шевелились так сосредоточенно, что мне даже показалось, будто я слышу: «Спи не просыпайся, лебедой укрывайся. Чай лимонный пей, нам голову не грей!»

Еще одного Феникса я увидела возле себя. Он появился из ниоткуда, рядом с самозабвенно колдующей Кудыкой. Его черный балахон будто соткался из вечернего тумана. Руки покрылись огненными язвами и впились в призрачное лицо ведьмы. Та выпучила глаза, будто только сейчас его заметив. Ее вспыхнувшее золотым огнем лицо

искажилось от крика, но ни звука не просочилось из разверстого рта...

— Чистый деликатес! А косточки-то! Мм... — Веселый голос Змея ворвался в мое сознание и мою жизнь как глашатай чего-то нового. Может быть, даже моей новой жизни...

— Там косточек вообще нет! — Голос Ника прозвучал не в пример более спокойно и так близко, что я тревожно застонала, пытаюсь найти дверь в реальность в своем все еще затуманенном сознании. — Видел бы ты, что с бедным ужином сделал этот зверюга!

— А чего сделал? Ужин, между прочим, сбежать хотел, когда ты ушел на поиски Василисы! Вот и пришлось мне на нем для верности потоптаться! — возмущенно возопил Борька и громким шепотом закончил: — Лучше бы спасибо сказал за отбивную!

— Спасибо! — Ник, видимо, подкинул веток в костер. Мне стало светлее даже сквозь мои сомкнутые веки, а щеку опалил жар огня. — Только кролик бы не сбежал. Уверю тебя, сбежать со стрелой в глазу невозможно, поэтому делать из него отбивную было необязательно!

— Тогда не получился бы столь чудесный ужин! — возразил Змей в поддержку Борьки. Видимо, спор зашел в тупик.

Я осторожно приоткрыла глаза и тут же со стоном зажмурилась. Свет от огня ослепил меня, заставляя спрятаться в мягкий полумрак век, но моя попытка вернуться в реальный мир не осталась незамеченной.

— Вась? Василек! — Руки Ника подхватили меня и, будто ребенка, прижали к пропахшей потом и дождем рубаше. — Просыпайся!

Я замерла, с наслаждением прильнув к уверенно вздымавшейся и опускавшейся груди, прислушиваясь к размеренно стучавшему сердцу. Просыпаться? Зачем? Мне так хорошо и уютно в полумраке век. Я не хочу смотреть на мир, в котором обитают монстры, способные одним прикосновением сжечь даже бессмертную душу. Пусть Феникс меня в очередной раз спас, но... то, что я увидела, останется со мной навечно! Эта бесстрастная ненависть в глазах, это пожирающее пламя, в котором сгорела часть моей души...

Я помотала головой, пытаюсь отогнать вновь настигшее меня видение, но горящий монстр был так реален, что, не выдержав, я распахнула глаза.

— Ник, там... я...

— Я все знаю! Все закончилось! Змей рассказал мне о ведьме и о том, как... Ее больше нет! — Его голос дрогнул, серые глаза приблизились, а отраженное в них пламя поглотило всю радужку, напомнив мне глаза Феникса.

Я зажмурилась:

— Ник, мне страшно! Мне кажется, я сошла с ума. Я вижу его выжженные глаза в твоих!

— Ну еще бы! — тут же раздался бас Змея. — Когда тебя туда-сюда столько раз тягают, еще не то покажется! Напугал тебя Пепельный, да?

Я кивнула, не заботясь, увидит ли он мой ответ, и снова взглянула на Ника. В серых глазах плескалась тревога, забота и еще что-то такое, от чего у меня в животе стало так щекотно, словно запорхали бабочки. Как я могла сравнить его с тем ожившим кошмаром?

— Все закончилось. Ведьмы больше нет, — снова произнес Никита и едва слышно закончил: — И я — не он. Поверь!

— Ну что? Куда теперь? — Послышался цокот, и над плечом Ника появилась наглая рыжая морда моего жеребца. — Знаете, где колечко искать? Или... ну его? Возвращаемся домой?

Домой... Я едва сдержала судорожный всхлип. Все бы отдала, чтобы снова оказаться дома. Пробежаться по старой дворцовой лестнице. Вдохнуть запах скошенного сена и увидеть отца... И тетю Мафаню...

— Возвращаемся... — вдруг буркнул Никита.

Я растерянно вытаращилась на него:

— Домой?! А как же...

— Кольцо? — Он пожал плечами, осторожно усадил меня на солому и сел рядом. — А в чем проблемы? Отсюда до Еремеева королевства напрямую идет дорога через Шамаханское шахство. Уже, даст бог, через седмицу к Васильку в гости нагреем. А может, и раньше.

— Уже? Так близко?! — Я смущенно улыбнулась, наслаждаясь теплом, идущим от костра, и жаром, опалявшим меня от близости его тела. Неужели через каких-то несколько дней уже никто и ничто не будет стоять между нами? — Так близко...

— Кстати... — Змею, видимо, надоело сидеть у края пещеры и, глядя в светлеющее небо, увлеченно болтать ногами. Он с кряхтением поднялся, подошел к костру и опустил его, удобно облокотившись на круп Борьки. Коняга в свою очередь лениво хлестнул того хвостом, будто отгоняя муху, но большего сопротивления не оказал. — А что ты попросила у Пепельного в обмен на кольцо?

Я несколько мгновений смотрела ему в глаза, пытаюсь вернуться из мира грез в зыбкое «сейчас». Наконец идеальный, построенный в мыслях мир моего будущего исчез, оставив меня на растерзание неумному любопытству Змея.

— Нет, конечно, если не хочешь, не говори... но я бы на твоём месте сто раз подумал, прежде чем что-то попросить у этого демона! Так сказать, чтобы не продешевить в случае чего! Так что ты попросила? Или еще не попросила?

— Быть свободной! — выпалила я, чтобы избавиться от навязчивого бормотания. — Если ты не понял, я и на поиски-то этого кольца отправилась только затем, чтобы получить свободу! Я хочу быть свободной от его блям-глаз, от его обезображенного огнем лица! Понимаешь? И эта свобода для меня — слаще всех богатств мира!

— Ну... тоже надо... — Змей вдруг стушевался, чем-то побренчал и протянул мне на тоненькой каменной тарелке нечто бесформенное и довольно странное. — Будешь?

Я хотела отмахнуться, но от этого странного нечто так аппетитно пахло прожаренным мясом с душистыми корешками, что мой желудок болезненно сжался. Сцапав больше похожее на подошву жаркое, я жадно впилась в мясо зубами, только сейчас сообразив, как же я голодна.

— Что и требовалось доказать! — неизвестно чему обрадовался Борька и, поднявшись на ноги, даже пересел так, чтобы было удобно меня видеть. — Отбивная вышла на славу. А если бы ты тех крыс на углях запек, как хотел, еще неизвестно, стала бы моя хозяйюшка их есть!

— Каких крыс? — насторожилась было я, но решив, что уже без разницы, как при жизни звался столь великолепный ужин, принялась обгладывать с косточек остатки мяса.

— Это он так мою добычу обзывает! — вдруг обидчиво буркнул Ник и, украдкой показав Борьке кулак, поспешил меня успокоить: — На деле это были небольшие степные зайцы.

Ага. Рассказывайте! Только меня этим уже теперь не смутить. Пока не наемся до отвала!

ГЛАВА 17

— Народ? Подъем! Кто рано встает — тому бог поддает! — Борькино переливчатое ржание, будто судные трубы, вырвало меня из сладкой неги и расшугало все романтические сновидения, какие уже выстраивались в очередь ко мне на просмотр. Видимо, всему виной руки Ника, которыми он страстно прижимал меня к груди... или его дыхание, щекочущее висок...

От осознания действительности у меня широко распахнулись глаза. Вот отлично помню, что после ужина я почти сразу завалилась спать под бок к коняге, а Ник со Змеем уселись у входа в пещеру, вспоминать дела минувших дней. Под их монотонный бубнеж я незаметно и уснула. Интересно, как я оказалась в объятиях Ника совсем в другой части пещеры?

— О! Хозяюшка! Доброго тебе утречка! — Борька приветливо фыркнул в мою сторону и с тоской посмотрел на волны тумана, плещущиеся у самого входа в пещеру. — Не подскажешь, как бы мне на утренний променад сбегать? Честно, сил моих больше нет терпеть... а хозяин наш крылатый, харю давит! Потому что они с Ником очень мило почти до утра общались!

— И ничего не до утра! — Ник тоже не остался безучастным к насущной проблеме животного и, усевшись рядом со мной, так сладко потянулся, что не хрустнули только ленивые косточки. — Всего-то до появления звезды Путешественников.

— А потом еще с час укладывались, и еще довольно долго я слушал, как ты что-то шепчешь хозяйке на ухо и томно вздыхаешь! — тут же сдал его с потрохами Борис.

— Так. Ладно! Нечего рассиживаться. — Ник поспешно вскочил и, не глядя на меня, подхватил помятый дорожный плащ с тонкого, служившего нам постелью слоя сена. — Нам надо за сегодняшний день до шамаханской границы добраться.

Змей явно не желал возвращаться из мира грез, но все-таки эти двое умудрились достать и его.

— И чего вам не спится?

Ник с Борькой переглянулись и, перебивая друг друга, заговорили:

— Двигать надо...

— А то яблок насыплю...

— До ночи к шамаханам б успеть...

— Будете наслаждаться ароматами Востока!

— Афанасий! — вклинилась я, едва эти двое замолчали, чтоб перевести дыхание. — Пожалуйста, спусти моего жеребца на травку, а то ты рискуешь наполнить свое жилище свежайшим, благоухающим навозом.

— Во-первых, при любом исходе нашего дела я сюда больше не вернусь, так что не страшно, во-вторых, я бы и сам спустился попасться... Ну и в-третьих, зайцекрыс не осталось, значит, и повода задержаться на завтрак у нас нет! — Змей, разглагольствуя, неспешно поднялся, подошел к краю пещеры и, почесав одновременно затылок и поясницу, выдал: — А ничего вроде денек намечается. Без дождя...

— Прогнозы будем делать позже, — осадил его Ник, тоже подошел, встал рядом и, оглядев густой туман, скрывающий в рассветном сумраке окружающий нас мир, подозвал меня: — Ну что, Василек, забирайся ко мне на спину? Так и быть, довезу тебя вниз.

Вспомнив экстремальный подъем по обломанным веткам толстеного дерева, заменяющего Змею лестницу, я торопливо помотала головой.

— Нет. Я сама. — И, смущаясь под его внимательным взглядом, пояснила: — А то туман... ветки мокрые... еще поскользнешься...

— Не доверяешь, значит? — Ник пожал плечами, еще раз взгляделся в туман под ногами и повторил свой вчерашний трюк — попросту спрыгнул.

— Я понял. — Змей вздохнул и подхватил жеребца. — Только давайте по очереди?

Вскоре благодаря Змею мы с Борькой почувствовали под ногами желанную травку и не отказали себе в удовольствии «попасться». Причем я обнаружила источник, в точности такой же, как и в отражении мира, с удовольствием умылась и напилась. Что ж, хоть что-то взамен утреннего чая.

Покинув ручеек, я завернула за гору и почти сразу же увидела друзей. Ник уже сидел на Борьке, а Змей тренировал крылья, а может, частыми взмахами разгонял клочки тумана — кто ж их, змеев, поймет.

— Забирайся. — Ник протянул ко мне руку. Я сжала его ладонь, и он одним рывком втянул меня в седло, усадив впереди себя.

— Встречаемся в Санда-Караме? У башни? — Змей смешно подпрыгнул и, хлопая крыльями, на миг завис перед нами. — Если замечу что-нибудь подозрительное — предупрежу.

— Договорились. — Ник прощально помахал ему вслед и, крепко намотав на руки

поводья, тронул пяткой Борьку. — Ну что, двинули?

Его дыхание коснулась моего уха, заставив толпу мурашек промаршировать по спине.

— Двинули... — Я вздохнула. Неужели скоро все закончится?

— Держи. Это чтобы в дороге не скучно было. — Ник насыпал мне в ладонь маленьких краснобоких ранеток. — Вчера, когда на охоту ходил, яблоньку нашел.

Мм...

Я с хрустом надкусила яблочко и, глядя вперед, безразлично поинтересовалась:

— А когда вернулся, ты случайно не поднимался на гору, к могильнику?

— Поднимался! — тут же ответил он. — Но повоевать с ведьмой не получилось. Все интересное закончилось, а Афанасий уже спускался с тобой в пещеру.

Не знаю, что я хотела услышать, но его ответ меня немного успокоил. Колотящееся в предвкушении чего-то невероятного сердце забилось чуть медленнее. А может, еще получится что-нибудь вызнать?

— Кстати... хотела спросить тебя об Афанасии. Помнишь, в нашу первую встречу вы разговорились, и он сказал, что ты тоже куда-то попадал? А еще назвал имя вашего общего учителя. Помнишь? Ты можешь мне объяснить этот диалог? Если, конечно, это не тайна.

Ник позади шевельнулся. Мне показалось, что он пожал плечами.

— Да нет здесь никакой тайны. Дело в том, что мы с ним попали в ученики к одному магу. А его учение было построено на порабощении демонов и духов. На использовании их силы и их самих в служении магу. Финальным испытанием было приручение такой вот inferнальной сущности. Ну и... сама понимаешь, в нашем мире их так легко не то чтобы не приручишь, а даже не увидишь. Вот и пришлось мне и Афанасию помыкаться по отражениям, чтобы выполнить наказ учителя...

— И? — Я даже затаила дыхание.

Но иллюзия доверия растворилась в его ответе, так и не воплотившись в жизнь:

— И... все. Нашли. Задание выполнено.

— А что произошло с Афоней? Уж больно нестандартный у него для человека вид. И кольцо... Оно, как я поняла, было украдено моим мужем у... кого? Или... это тайна?

— Вась, зачем тебе все это? Подожди совсем немного, и тайна перестанет быть тайной, а кошмар рассеется с первыми лучами солнца.

Мне показалось или в его голосе я услышала раздражение и досаду?

— А как мне реагировать на признание Кудыки, будто Феникс меня избрал, чтобы я родила ему сына? Или тоже подождать до первых лучей?

Ну уж нет! Так просто я не сдамся!

Ответ Никиты поразил меня в самое сердце:

— Возможно. Ведь для чего-то же он на тебе женился.

— А колечко? — Я даже обернулась, чтобы посмотреть ему в глаза. — Он же даст мне свободу в обмен на кольцо?

— Будем надеяться, что... — Его лицо перекосила недобрая улыбка. — Это не такой свадебный подарок тебе. Колечко, а в придачу такое экстремальное свадебное путешествие. Скажи, а ты сама эту свободу хочешь?

Вот подлец! Вместо того чтобы успокоить, еще и подначивает! Ну и ладно! При случае все выпрошу у Феникса! Или попытаюсь что-нибудь вызнать у Змея.

Отвечать Нику я не стала. С гордым видом отвернулась и замерла, уставившись в небо, уже раскрасившееся яркими нитями рассвета.

Да и что ему отвечать? Скорее всего, Ник сам боится того, что будет.

Память услужливо подсунула сцену, когда в доме ведьмы после встречи с Фениксом Никита заявил: «Он увидел МЕНЯ! И ушел. А значит, дело вообще дрянь...» Что за дело? Что связывает его и Феникса? И что связывает Феникса и Змея? Вот бы узнать...

День тянулся как перепревшая квашня, прилипшая к рукам. Разговор не клеился. На перекус мы остановились ближе к полудню, и то «остановились» — громко сказано. Завидев

впереди несколько дворов, Ник молча направил Борьку к ближайшему дому и, когда тот непонятливо остановился неподалеку от калитки, спешился и, ни слова не говоря, исчез за покосившимся забором. Вскоре он снова появился, но уже со свертком под мышкой и бутылью чего-то белого в руке.

— А овса подрезать у хозяев не додумался? — Борька скосил на него глаза и обиженно фыркнул: — Ну конечно, зачем обо мне думать... Кто я такой?

— Говорящая лошадь, давящая на совесть. — Ник забрался в седло и протянул мне сверток. — Принцесса желает быть голодной или все же отведаст пирожков с луком и молоко? Больше у этих бедолаг, увы, ничего не было. И то за пяток пирожков пришлось им целый золотой подарить, иначе наотрез отказывались едой делиться.

— Ну... раз золотой... — Я развернула серую, но чистую тряпицу и с наслаждением впилась зубами в горячий, сочный пирожок. — Мм... Боюсь, что «бедолаги» продешевили! За такие пирожки надо было просить у тебя пять золотых, по одному за пирожок!

— Ну конечно! Мотивация — в нашей жизни все! — ехидно фыркнул Борька, подслушав нашу пикировку, уткнулся в серебристую от вчерашнего дождя траву и захрустел, не забывая жаловаться, или, как верно подметил Ник, «давить на совесть»: — А еще один золотой отдать ради спасения друга, верного и неподкупного, и купить ему немножко овса — это ненужные расходы. Понимаю. Прощаю. Буду давиться подножным кормом...

— Да не было у этой бедноты овса! — тихо прорычал Ник. Видать, совесть ему Борька отдал на славу, вон как нервничает.

Кстати!

Я даже жевать перестала от пришедшей на ум идеи. А если и мне ему вот так же чем-нибудь на что-нибудь надавить? Может, на жалость? Или на чувства... если они у него, конечно, есть... Хотя, если честно, в последнее время стараюсь вообще не думать о чувствах и о том, что эти чувства за собой влекут. Зачем? Если впоследствии все будет совсем иначе?

— Ну конечно... не было... А спросить-то мы не догадались... Зачем? Кто такой Борька? А если бы говорить не умел, так и не Борька вовсе, а так... ломовая, тягловая сила... Я все понял...

У меня над ухом раздалось возмущенное сопение. Так... сейчас случится «извержение»! Как бы меня звуковой волной не снесло!

Чтобы избежать катастрофы, я ухватила пирожок и торопливо развернулась.

— Ник, поешь, а то... ааааааааааааааааа! — Из глотки невольно вырвался вопль, когда вместо Никиты я увидела сидевшего позади меня Феникса. — Нет-нет-нет-нет! Этого не может быть! Это не ты! Тебя нет!

Крепко зажмурившись, я замотала головой, надеясь прогнать видение. Да что же это со мной такое-то?!

— Вась? Василек! — Руки сжали меня в тиски. И хорошо. Иначе я бы упала с седла. Я и хотела упасть, только бы не быть рядом с НИМ!

Но... это не ОН?!

У него руки Ника, голос Ника, и от него не пахнет обгорелой плотью и пеплом... Значит, это просто видение?

— Василиса! Любимая! Что с тобой? Это я. Я! Посмотри на меня...

— Ник? — Я осторожно открыла глаза, с опаской оглянулась и едва не расплакалась, увидев перед собой не обожженное бельмастое лицо, а родную улыбку Ника и его не то серые, не то зеленые глаза.

— Ага! Довел-таки своей щедростью хозяйку до припадков! — не упустил случая укоризненно пробубнить Борька, аппетитно похрустывая травкой. — И имей в виду, если меня на неделю без овса оставить, я тоже так визжать выучусь! Хрен заткнешь!

И тут у меня сдали нервы. Уткнувшись Нику в плечо, я расхохоталась. Долго, с наслаждением, с надрывом, не сдерживая слез и страха. Ник молчал, только гладил меня по волосам и иногда, когда думал, что я этого не чувствую, касался губами макушки.

Наконец я сделала над собой усилие, отстранилась и посмотрела ему в лицо. На губах успокаивающая улыбка, а в глазах тревога. Рассказать ему о моих видениях или пусть у меня тоже будет тайна? Но слова рвались из меня, как бес из грешника во время причастия. И я рассказала ему все. И то, что вчера на вершине горы у могильника я видела сразу двух Фениксов, и то, что привиделось мне сейчас.

— Понимаешь? Мне кажется, я меняюсь! Я сейчас часто вижу то, чего нет! Я вижу ЕГО! Мне кажется, он за мной следит, и я... Я ничего не могу с этим поделать. Ник, мне страшно...

— Скоро все закончится! Обещаю. — Он одной рукой привлек меня к себе, но тут нашу идиллию оборвал голос Борьки:

— Народ, вы как хотите, а я пошел. — Он переступил копытами, подтверждая серьезность своих намерений. — Во-первых, я наелся, а во-вторых, там из-за забора на нас с десяток пар глаз любитесь. Как говорится, что надо простым смертным — хлеба и зрелищ? Видимо, вы своими припадками всех аборигенов так заинтересовали, что теперь они решают — оставить нас в качестве «зрелища» или опосля на «хлеб» пустить, чтоб не мучились.

Вспомнив, что мы все еще отдыхаем у безымянной деревушки, я бросила взгляд из-за плеча Ника и даже вздрогнула, разглядывая сквозь щелястый забор угрюмого вида, заросших густыми бородами, узкоглазых, загорелых до черноты скуластых мужчин в коротких небеленых штанах и таких же мрачных, худосочных женщин, замотанных вместо платья в серую ткань. Почувствовав, что чужаки насторожились и сейчас сделают ноги, эти странные сельчане вдруг поднесли к губам короткие трубки. У меня над ухом что-то просвистело. В ответ Ник свирепо дернул поводья, и Борька сорвался с места в галоп.

Вскоре негостеприимные и явно психически нездоровые аборигены остались далеко позади. Я боялась, что будет погоня, и долго вглядывалась в уменьшающиеся и вскоре совсем исчезнувшие дома, пока не поняла, что никто из этих психов и не собирался играть с нами в догонялки.

— Что этим людям от нас было нужно? — Я наконец отлипла от Ника и развернулась так, чтобы смотреть вперед. — Ой! Что это?

— Шамахане, — не утруждаясь объяснениями, односложно буркнул Никита.

— О! Кажись, добрались! Ник, как думаешь, хоть там-то мне овса перепадет?

Я вгляделась в преграждающее нам путь странное сооружение. Скорее даже не сооружение, а стена. Высокая, сделанная из темного камня, она, казалось, делит мир пополам, начинаясь от горизонта и растворяясь где-то в едва видимых изломах гор.

— Что это? — повторила я, не отрывая взгляда от преграды, приближавшейся с каждым Борькиным шагом. И ни дверей, ни ворот, ни арки...

— Это граница шамаханских земель. — Я почувствовала, как Ник напрягся.

Действительно добрались!

— А как через нее пройти? Где двери? — озвучил мои мысли Борька. — Куда ехать-то? Вправо, влево?

— Прямо. Куда дорога идет. — Голос Никиты стал безразличным, если не сказать — ледяным. Ни нотки волнения, ни единой эмоции. А это значит, насколько я за все это время смогла узнать Никиту, — он готов к схватке, и он... боится! Знать бы еще чего...

— Но дорога идет к стене, а в стене ни ворот, ни калитки... — Борька даже на миг остановился, настороженно покрутил головой и снова протрусил вперед.

— Шамахане — колдуны и маги. У них самые лучшие в мире магические и целительские школы, так неужели ты думал, что на их земли можно так легко попасть? — Ник едва слышно усмехнулся и зловеще добавил: — А ворота будут. Не сомневайся!

После его слов сомневаться как-то сразу расхотелось. Оставшуюся часть пути до границы мы проделали молча, думая каждый о своем. Не знаю, о чем думали мои спутники, но я, если честно, голову сломала, пытаясь представить, как мы сможем миновать эту стену.

Меж тем стена неумолимо приближалась. Бесстрастной машиной вырастая у нас над головами и буквально заслоняя солнце.

— Все! Я больше туда ни ногой! — Борька вдруг встал и, задрав голову, принялся разглядывать закрывшую полнеба махину. — Мне кажется или я чувствую, как она с каждым моим шагом трясется? А еще голоса! Они гонят меня! Предупреждают не ходить сюда! А вдруг этот заборчик на нас сейчас упадет?!

— Борис, ты должен идти вперед, пока не подойдешь к стене! — Ник повозился и прыгнул наземь, и моей спине стало холодно и неудобно. Взяв испуганного жеребца под уздцы, он уверенно повел его к преграде, не забывая убеждать: — Пойми, это охранные заклинания тебя заставляют бояться. Но на самом деле бояться не нужно. Не все реальность из того, что ты видишь! Понимаешь меня?

Что-то неуловимо знакомое заставило меня куда более внимательно взглянуть на стену. Где-то я уже это видела... или слышала?

И тут до меня дошло.

— Борька, вспомни дом Феникса! Там же было то же самое! Огромная каменная стена, которую я видела, для тебя оказалась небольшим дощатым забором! — От эмоций, переполнявших меня, я даже не смогла усидеть в седле и тоже скатилась по круглому боку жеребца. — Помнишь?

— Помнить-то я помню! — Борька шел, прижав уши и не сводя глаз, в которых застыл ужас, с черной громадины. — Только там я видел крошечный забор, а здесь вон какая махина. Да еще голоса чьи-то страшные не по-нашему матюкаются!

— А ты хотел, чтобы граница колдовского государства охранялась так же, как логово этого вашего Феникса? — недовольно проворчал Никита и подсластил пилюлю: — Но в целом ты, Василек, права. Основа охранных колдовств та же, только сила магии здесь совсем другая. Даже те, кто знает секрет, не всегда могут пройти путь до стены, а ведь именно этот путь и есть дверь.

— То есть как? — Странно, отчего эта стена так действует на Борьку. У меня она страха не вызывает. И голоса не слышатся. Может, потому, что со мной Ник? С ним мне вообще ничего не страшно!

— Просто иди. — Никита не стал объяснять, предпочитая показать. И повел Борьку за собой, посоветовав напоследок: — Будет страшно — закрой глаза и доверься мне!

Я пристроилась с другого бока Борьки и принялась уговаривать его не бояться какой-то там стены. Наконец я так увлеклась, что даже не заметила, когда махина стены вдруг превратилась в тень и осталась где-то позади, открыв нашему взору таинственно мерцающие в лучах заходящего солнца городские стены, сторожевые башенки и золотые купола дворцов невиданного мной доселе прекрасного города. Совсем другого, нежели те, в которых мне довелось побывать.

Вдоль стен росли чудные деревья с высоченными, толстыми стволами. Вот только листьев на них почти не было. Лишь на самой макушке, будто связанные в пучок, лениво колыхались несколько зеленых листочков. Как куцый хвост у отцовой портнихи на макушке.

— Санда-Карам. Город путешественников и купцов, мудрецов и звездочетов, фонтанов и дворцов. — Губ Ника вдруг коснулась печальная улыбка. Словно он до последнего во что-то верил и только сейчас понял, что этого не произойдет. — Самый красивый город, какой я когда-либо видел...

— А... — Я внимательно вгляделась в городскую стену. Уж больно подозрительный город. Ни тебе ворот, ни стражи... — В него тоже можно попасть сквозь стену? Или все же ворота имеются?

Улыбка Ника стала загадочной.

— Ворота имеются, только... дойдем мы до них, дай боже, если после заката.

Мы с Борькой удивленно переглянулись.

— Да вроде рядышком.

— Ага. Галопом за пару минут доскачем...

— Ну... тогда поскакали. — Ник не стал спорить, одним движением запрыгнул в седло и привычно подал мне руку. — Чего время-то тратить...

Ох, что-то он недоговаривает...

То, что он действительно что-то недоговаривал, я поняла уже через некоторое время довольно быстрой скачки. Наконец Борька не выдержал и перешел на шаг, а вскоре и вовсе остановился, шумно дыша.

— Это что за х... хренобубен с этим городом творится? Это что за пе...

— Не забывай, что с нами принцесса, — Ник поспешно перебил поток словесных разочарований, готовый вот-вот вылиться из недовольно скалящейся морды коняги.

— Какого... — Борька покосился на меня и смягчил недовольство: — Какого ляда мы столько времени скакали, а этот проклятый город как был от нас в двух минутах галопа, так и остался?!

— Если честно, не в курсе лошадиных мер длины, — усмехнулся Ник, — но все дело не в расстоянии, а во времени. Путник, желающий попасть в столицу, должен проехать, пролететь или пройти определенное количество времени.

— И что это значит? — мрачно буркнул Борька. — Сколько нам еще до него скакать?

— Не знаю. Я был здесь только раз, но шел пешком. Два дня.

— Два дня?! — Я обреченно уставилась на манивший башенками и куполами город.

При свете заката его стены окрасились розовым золотом, но больше, казалось, ничего не изменилось. Вот разве что окружающие его барханы стали несколько другими, да еще этот так некстати появившийся у нас на дороге курган... невысокий, но объезжать его будем еще часик. Что за царство такое? Все магия какая-то, колдовство!

Короче, вывод напрашивался довольно неутешительный. Скоро стемнеет, город пропадет из виду, мы потеряемся, проголодаемся, и вообще... Мало ли что тут в этой пустыне по ночам водится!

Словно в подтверждение моих недобрых предчувствий до нас донеслись какие-то голоса. Я взглянула в непроницаемое лицо Ника. Борька, будто прочитав мои мысли, потрусил вперед, бесшумно ступая по мягкому песку.

Голоса приблизились. Мужчины. Двое. Не таясь, они что-то пытались поделить, но, судя по злым голосам, у них не больно-то выходило.

— Хапуга-джан! Моя, однако, башка с глазами! Я первый нашел этого автаген-бабая!

— А вот саксаул тебе на лысину, умный ты наш! Я на эту башку упал, значит, моя добыча! А тебе, так и быть, — навесы из его шкуры на окошки, Мамуда-бей.

— Навесы на окошки нынче не в чести! Да и окошек-то у меня нет! Какие в юрте окошки? Так что тебе навесы, а мне мосол с глазами!

— Мосол с глазами стоит раз в пять дороже! Ишь чего захотел!

— Ага, значит, тебе хотеть можно, а мне нет?!

— Ша, уважаемый! Давай уж мы сначала мосол оттяпаем. А то, если ты не заметил, у мосла еще и ноги есть. Ща очухается, встанет и пойдет! Тогда будут нам и шторы и навесы...

Мама дорогая! Да там кого-то убивают! Или уже... Какая варварская страна!

— Сиди тут и жди меня! — едва слышно приказал Ник, опалив мне ухо дыханием. Или это мне так с перепугу показалось? Не дожидаясь моего ответа, он бесшумно скатился по крутому боку Борьки, многозначительно поднес к губам палец, глядя на встрепенувшегося жеребца, и тенью юркнул за курган.

Ага. Это, значит, он там жизнью будет рисковать, а я здесь? А вдруг эти бандиты опасны? А вдруг, пока он их там искать будет, они с другой стороны выйдут и... ага! Не думая о том, что делаю, я перекинула ногу и съехала с Борьки в песок.

— Ку... — встрепенулся он, но я не дала ему договорить.

— Ни «ку»! Стой тут и не кукуй! А я пойду своего будущего мужа вызволять! — прошипела я. — Ферштейн?

— Сама ты Ферштейн, хозяйка! А стоять тут я не собираюсь! — Жеребец обиженно фыркнул и гордой рысью направился за курган, из-за которого, между прочим, уже

несколько мгновений не доносилось ни звука.

— Стой! Куда?! — громко прошипела я и бросилась следом, норовя ухватить наглухо скотину за хвост, но было поздно.

Борька прибавил ходу. Завернув за курган, он на всех парах врезался в Ника, затаившегося в засаде, выпихнув того на всеобщее обозрение занятых каких-то делом и оттого помалкивавших шамахан. В последнее мгновение я все же успела вцепиться в хвост, но не удержалась на ногах и въехала в нашу милую разборку то ли как приложение к Борькиному хвосту, то ли как дополнение к филейной части его тела.

Картина, открывшаяся мне, не сразу поддалась пониманию. В лучах догоравшего заката у кургана лежало что-то большое, укрытое какой-то серой тряпкой, а у этого чего-то суеилось двое невысоких, узкоглазых шамахан, одетых в одинаковые черные колготки и такую же странную обтягивающую кофту с рукавами. На голове у них были тюбетейки, но как только изумление от нашего эффектного появления плавно перетекло в обычное удивление и глаза из круглых пуговок снова приняли свою первоначальную форму, тюбетейки вдруг раскатались, как батины портянки, полностью скрывая их озадаченные мордочки. Только глаза азартно заблестели сквозь узкую прорезь неожиданной маски.

В руках шамахан появились кривые ятаганы. Не сводя с нас настороженного взгляда, они наперебой заверещали:

— Кто такие?

— Чего в нашем шахстве забыли?

И тут же сами себе ответили:

— Путешественники?

— Наверное, тоже приехали на день рождения принцессы Яллар?

Ник мрачно смерил нас взглядом, отряхнул плащ и шагнул к ним.

— Вы — стражи границы? — уточнил Ник и, дождавшись утвердительных кивков, указал на нечто, по-прежнему не подававшее признаков жизни. — А это что, если не секрет? Я к чему интересуюсь — вдруг помощь нужна?

— А это — автаген-бабай, нарушитель границы, — с неохотой буркнул один и покосился на товарища, будто за поддержкой.

— Ага. А помощь не нужна. Мы его магией сбили, теперь вот нинь-дзя — патруль по утилизации нарушителей — ждем. Есть такая работа — великий Санда-Карам во время праздника охранять... Как говорят славичи: от абсцессов.

— А может, от эксцессов? — Ник едва заметно отвел плащ и оплел пальцами рукоять клинка.

— И от них тоже, — милостиво согласился один и кивнул на город: — А вы бы поспешили. Чтобы не ночевать у стены.

— Ага, у нас ночью небезопасно... — поддакнул его товарищ и пнул безжизненную тушу. — Если не хотите, чтобы кто-то вроде такого бабайки из вас бешбармак настрогал.

Лежавшая неподвижно туша вдруг шевельнулась и, тоскливо помычав, весьма знакомо заявила:

— Твою ж маму за руку да в хоровод! Это что ж меня так припечатало? Аж искры из глаз!

Первой от изумления очнулась я, отлепилась от хвоста Борьки, за который все это время продолжала держаться, и шагнула к туше, уже догадываясь, кому она принадлежит.

— А... Аф... Афанасий?

Услышав мой голос, Змей сдернул с себя тряпку и сел.

— Принцесса?

В руке Ника молнией взметнулся клинок.

— Если вы сейчас же не отойдете от этого автаген-бабайки, будете иметь дело со мной!

Ха! Размечтался! Чтобы Борька да позволил кому-нибудь из нас умереть смертью храбрых?

— Назад! Для начала им придется побороться со мной! — угрожающе рыкнул жеребец,

мрачно скаля зубы.

Но стражники отчего-то не испугались, более того, переглянулись, и их глаза в прорезях масок загорелись огоньком азарта.

— Кони́на!

— Говоря́щая!

— Доставим во дворец и озолотимся!

— Ага, подадут как главное блюдо для принцессы. Вдруг она наконец-то заговорит?

От грядущих перспектив уши Борьки опасно прижались к голове, он угрожающе наклонился, словно у него были рога, и, по-бычьему копытом вспенив песок, взял разбег.

— Дикая конина! — Не ожидая такого торнадо, стражи заполошно переглянулись, после чего, наверное, вспомнили, кто они есть.

Один угрожающе замахнулся кривой саблей, а второй подпрыгнул и завернул такой кульбит, что я забыла обо всем, не веря своим глазам. Был бы это обычный кувырок — другое дело, но шамаханин словно превратился в волчок, а после и вовсе началось светопреставление. Из его рук стали вылетать яркие сгустки света, рисуя в темнеющем небе пылающую огнем сетку.

Меж тем Борька, словно слепой, летел на второго охранника, не замечая занесенную над его головой саблю.

— Не-э-эт! — На миг мне показалось, что это кричу я, но из моего перекошенного рта не вылетело ни звука, а вот Афанасий оказался мастером звуковой волны.

Его вопль будто парализовал вооруженного стражника. Тот застыл с саблей над головой, и столкновение с Борькой отправило бедолагу в глубокий сон. Тут же перестав орать, Змей кое-как поднялся на лапы и, подхватив здоровенный валун, зашатался с ним по направлению к крутящемуся в воздухе акробату, но его опередил Ник. Выкрикнул несколько непонятных слов, и создаваемая шамаханином светящаяся сеть оплела своего создателя, приземляя того в шаг от Змея. Тот уже замахнулся каменюкой, но его остановил голос Ника.

— Афон, стой! — Никита уже вернул клинок на место и, отпихнув прыгающего от радости Борьку, подошел к тихо подвывающему, запеленатому в светящуюся сеть пленнику. — Я задам несколько вопросов. Если ответишь...

— Отвечу, отвечу! — торопливо затряс головой шамаханин, даже не дослушав все условия Ника, как оказалось в дальнейшем — зря!

— Отлично. — Тот уселся на корточки в шаг от него. — Что за праздник в городе?

— Так завтра исполняется пятнадцать лет старшей принцессе. Повелитель Аль-Бабуи мужа ей искать будет, — запинаясь не то от страха, не то от волнения, поведал страж.

Хотел сказать что-то еще, но Ник его перебил, задав следующий вопрос:

— Что вы хотели сделать с автаген-бабаем и зачем вам говорящий конь?

— За крылья и голову змеев колдуны столько денег дают — озолотишься! — фыркнул пленник с ноткой презрения в голосе. — И грош тебе цена, колдун, если ты этого не знаешь! А коняга... Беда приключилась у нашего светлого шаха. Доченька его уже десять лет, с той поры как умерла ее мать, не говорит. Но недавно Шиза-ханум — дворцовая предсказательница наворожила, что луноликую Ялечку расколдует заколдованный человек.

— И при чем тут я? — не утерпел Борька. Ходить кругами ему надоело, и он решил поучаствовать в допросе.

— Так ты же и есть заколдованный человек, если в теле коня, а говорить умеешь! — Стражник скосил глаза на жеребца. — Или, может, от заклинания превращения память отбило?

— Мне? Я? — Борька почесал копытом нос и вдруг приосанился. — А чего — может быть! Просто оказался в нужном месте в нужное время и... вспомнил родную речь!

— Если не перестанешь нести чушь, я тебе снова устрою амнезию! — пригрозила я. Ишь размечтался! А то, что я три года, с тех самых пор как папа подарил мне его еще жеребенком, вожусь с этим недоразумением, дрессирую... Это мы тоже позабыли?! — И не

магией, безболезненно, а с помощью булыжника, который сейчас держит Афанасий.

— Не! — Змей торопливо выкинул булыжник куда-то за спину.

Тут же раздался хрип и падение чего-то тяжелого. Мы оглянулись, недоуменно разглядывая второго охранника. Пока Ник вел допрос, шамаханин, видимо, очнулся и попытался с саблей наголо подойти к врагам с тыла, но вовремя выкинутый булыжник не дал свершиться коварным планам.

— Все ясно. — Ник поднялся и, не глядя ни на кого, приказал: — Надо идти. Скоро совсем стемнеет, и в чем я соглашусь с уважаемыми стражами, так это в том, что в этих землях ночи лучше встречать за городской стеной.

— А как же... — В глазах пленника мелькнула запоздалая тревога. — А я? Ты обещал меня отпустить!

— Я? — Ник так искусно удивился, что даже я поняла всю тяжесть заблуждения спеленатого светящейся сетью стражника. — Никогда. Если бы ты дослушал, то услышал бы следующее: если ответишь — спасибо. Нет — переоденусь в твою странную одежду, дойду до города и сам все узнаю.

— Ты меня обманул! — Шамаханин от злости даже побурел и принялся выдираться из пут, но не тут-то было. Сеть была создана на славу!

— Ты сам себя обманул! — пожал плечами Ник и назидательно бросил: — Надежда — ложное чувство!

Протянув руку в сторону булькавшего от злости стражника, он что-то едва слышно пробормотал, в результате чего стражник закатил глаза и тоненько захрапел, а его модный обтягивающий костюмчик, наоборот, ожил. Свитер возмущенно вздыбился на животе и, не смущаясь удерживавшей хозяина магической сети, будто осьминог перелез через голову, дождался черных не то колготок, не то штанов и в компании с ними уверенно зашагал к Нику. Пока я, вытаращив глаза, наблюдала за эти шествием, моей ноги вдруг что-то требовательно коснулось. От неожиданности я вздрогнула, отпрыгнула к Нику и только после этого обернувшись, едва сдержав позыв как следует повизжать. Ко мне уверенно прижался близнец басурманского костюма.

— И что с этим делать? — Я не отводила взгляда от одежды. Перестав обнимать мои лодыжки, штаны улеглись у ног, а странная, будто сшитая без единого шва рубашка с капюшоном взлетела и повисла на руке.

— Надевать. Чтобы горожане меньше с расспросами приставали. — Ник прямо на одежду неспешно натянул штаны и рубашку, на голову капюшон, и я вдруг поняла, что в сгущающейся тьме вижу только его глаза. — Стражу в любом царстве не особо любят, но особо в ней нуждаются.

Я подняла штаны, сдернула с руки рубашку и, подозрительно принюхиваясь, повертела костюмчик.

— Фу! Да от него пахнет так, как будто в нем баранов пасли!

— Может, и пасли! — Борька тоже потянул носом. — А может, и не только пасли и не только баранов...

Не знаю, сколько бы Борька продолжал эту неаппетитную тему, если бы не Афанасий. Протопав ко мне, он растянул пасть в клыкастой улыбке и попросил:

— А не желает ли принцесса отдать эту одежду мне?

Не раздумывая, я протянула ему дурно пахнущие тряпки и только потом запоздало удивилась:

— А зачем тебе? Костер разжигать?

Но Змей не ответил. Продолжая загадочно улыбаться, он принялся натягивать на свои лапы черные облегающие колготки.

— Вау! Парни, а это что, новая шамаханская мода? — Борька тоже не остался равнодушным к происходящему.

Ник, помалкивавший все это время, вдруг заявил:

— А правильно! С девчонки толку мало. В первую очередь будут искать тебя!

— Я так и подумал! — буркнул Змей, сосредоточенно впихивая в штаны свое необъемное тело.

И вот что самое удивительное! Впихиваемые в волшебные штаны тела куда-то загадочным образом исчезали, оставляя на всеобщее обозрение вполне человеческие ноги. Вслед за штанами настала очередь рубашки. И снова неведомое чудо превратило необъятные тела Змея в вполне человеческий торс. Последнее чудо сотворил капюшон. Натянувшись без проблем на голову Змея, он легко скрыл неровности его черепа, оставив только глаза гореть в сгущающемся сумраке желтоватым огнем.

— И как такое возможно? — Я постаралась захлопнуть рот.

— Шамахане — мастера в магии! Этот костюм городского подразделения охраны типа нинь-дзя демонстрирует иллюзию того, что у тебя тут! — Змей коснулся моего лба непривычно нормальной рукой. — Я представил облик одного из гидайцев, и теперь никто не догадается, что скрывается под одеждой стражника.

— А глаза? — Борька прищурился, разглядывая желтые зенки Змея.

— Хм... А если так? — Змей закрыл глаза и... пропал!

Я вытаращилась на место, где он только что стоял, и даже пощипала себя. Никого! Только на мгновение показалось, что вижу силуэт, чуть темнее окружавших нас сумерек.

— Если я опускаю взгляд или закрываю глаза, меня не замечают! — И снова в темноте загорелись желтые глазюки, да таким кошачьим огнем, что даже стало немного жутковато.

— Мастер маскировки! — оскалил зубы Борис. — А если я буду так глазками стрелять? Может, меня за местных двугорбых жеребцов примут? А что? Вдруг у них кобылы посговорчивее наших будут?

Кому что!

Я с трудом отвела взгляд от горящих потусторонним огнем глаз Змея.

Не дай боже без предупреждения повстречаться ночью с такими глазками! Хорошо, что у Ника с глазами попроще будет! Они у него...

Я ощутила невероятную потребность посмотреть в глаза Никиты. Огляделась, отыскивая его, и мне сделалось совсем худо.

Никого!

Вдруг чуть позади желтых глаз Змея засеребрились бельма глаз того... Другого...

ГЛАВА 18

— Да что же это такое! Совсем мою хозяйку в какую-то припадочную превратили! Слова не скажи! После каждой второй шутки визжит и в обморок падает! Вот что я такого сказал? Всего-то пошутил о местных дамочках, а она чуть глотку не сорвала и бац носом в песок! Жуть! Эй? Господа? Я к кому обращаюсь? Кто, спрашиваю, ее будет в чувство приводить и мозги вправлять? А?

— Очнется, не переживай! Ты же в курсе ее замужества? Ну и вот! Так долго общаться с Пепельным еще ни у кого без последствий не получалось. — Ник как всегда в своем амплуа! Напустит тумана и ждет, когда «те, кто в тумане» сами создадут нужную ему версию происходящего.

— Скоро, Борис, мы прибудем в город, отдохнем и дадим принцессе отдохнуть. Квартирку или номер в караван-сараях снимем... На праздники. — А вот Змей — сама забота и доброта. Я даже едва заметно улыбнулась.

Вот бы интересно было посмотреть, каков он в человеческом облике. Если судить по мудрости, занудливости и спокойному нраву — старик лет сорока, а может, и всех пятидесяти! Вряд ли больше. Будь он старше, не был бы он таким резвым даже в шкуре дракона.

— И чем ты за квартиру заплатишь? Она же на праздники будет стоить столько, за сколько после праздников ты сможешь ее купить! — И снова Ник. С одной стороны, прагматик, каких поискать, с другой — жадина, с третьей — мот, с четвертой... Гм... Вот и

пойми его, разбери!

Интересно, отчего же мой муженек мне так часто видеться стал? Чтобы не расслаблялась? Значит, колечко-то близко...

Устав притворяться спящей, я украдкой почесала нос и только после этого рискнула открыть глаза. Надо мной раскинулось бесконечное темно-фиолетовое ночное небо с такими яркими, крупными, казалось, руку протяни — достанешь, бусинами звезд, что подниматься с покачивающегося подо мной ложа расхотелось. Так бы ехала и ехала, глядя в завораживающее, бездонное небо!

Вот только мое возвращение в мир живых не осталось незамеченным.

— Василек? Проснулась? — Надо мной возникла счастливая улыбающаяся физиономия Никиты. — А чего тогда молчишь, ерунду всякую про нас думаешь?

— Отстань от принцессы! — С другого боку звезды загородил второй силуэт, и только по желтым глазам и голосу я узнала Змея. Хм... костюмчик стражей — просто находка для шпиона! — Как самочувствие? Зеленые... мм... белоглазые человечки не видятся?

Я поморщилась и попыталась подняться. Мои спутники кинулись мне помогать. Тут моя покачивающаяся кровать остановилась и голосом Борьки заявила:

— Хозяюшка, я так счастлив, что ты снова с нами! Живая! Адекватная! Не визжишь, в обморок не падаешь! Не тошнит?

— Тошнит. — Я разлепила запекшиеся губы и кое-как облизала их сухим языком.

Покачнулась и вцепилась в поводья, стремясь придать равновесие покачнувшемуся вместе со мной миру. В конце концов, не могут же эти двое поддерживать меня до самого города. Я поискала глазами и почти сразу же нашла даже в ночи светящиеся магическим перламутровым светом стену и башенки города. Кстати, мне кажется, или он приблизился? Пусть самую малость. Пусть ненамного, но все же что-то изменилось в окружавшем меня бархате ночи. А еще этот звук...

— Звуки...

— Тошнит звуками? — А вот Борьке, кажется, было совершенно наплевать, сколько еще шагать и в какую сторону. — А! Я понял! Ты покричать, что ли, хочешь? Так давай! Все равно тут никого, а до города еще пять верст лесом! То есть пустыней.

— Я слышу звуки! — Теперь мне стало понятно, что тревожило мой сон, заунывным мычанием и далеким гулом вплетаясь в голоса спутников. — Я слышу город! И много-много людей!

Все настороженно прислушались. Даже Борька замер на месте, превратившись в гончую, напавшую на след зверя.

— Неужели? — Змей вперился взглядом в отражающие свет полной луны далекие стены. Его голос едва заметно дрогнул: — Муэдзины! Видать, и вправду великое событие, если они так рано начали...

— Ну так что? Мы идем или будем ждать, когда городу надоест от нас бегать и он сам возникнет перед нами? — Борьку увиденное и услышанное не особо впечатлило, и он неспешно потрусил вперед, не переставая разглагольствовать: — Точно! На ум всплыли какие-то странные слова... Встань передо мной, как лист перед травой! Так, кажется?

— Нет! Только не это!.. — вдруг обреченно простонал Змей.

— А что такого он сказал? — насторожилась я.

— Это вызов призрака горбатого пони-помощника! — едва сдерживая смех, пояснил Ник, переглянувшись с Афанасием и обрадовал моего говорливого жеребца: — Ты попал, братишка!

— Целых три раза! — Змей не выдержал первым и заухал-захохотал.

— Кого? Чего? — насторожился Борька и, нервно озираясь, прибавил шаг.

— Вот его! — простонал Ник, пофыркивая от беззвучного смеха, и указал вперед.

Борька перестал вертеть головой и резко остановился, разглядывая появившееся в двух шагах от него серебристое пятно. Призрачный гость не стал затягивать с эффектным появлением, и мгновением позже мы все уставились на помесь крошечной лошадки и...

верблюда.

— Вызывали? — с надеждой пискнуло это нечто.

— Нет! — процокал зубами Борис. — Случайно вырвалось. Простите, пожалуйста, за ложный вызов!

— Значится, вызывали! — счастливо уточнил призрак, улыбнулся в сорок два блеснувших не хуже кинжалов острых зуба и тут же деловито залопотал: — Значит, так! Я призрак-помощник, зовут меня Кобылка-горбылка. Я прапраправнучка героического Конька-горбунка. Так сказать, одна из продолжателей дела нашего героического предка. По тарифу я должна три раза принудительно помочь тому, кто меня вызывал, причем по его душевной просьбе. Короче, объясняю: если будете падать с минарета, но на помощь меня не позовете, окажетесь на том свете очень быстро и познакомитесь со мной уже лично! Так кому помогать?

— О! Пардон, мадам, что нарушил ваш покой! — Услышав, что таинственный призрак принадлежал некогда к женскому полу, Борька немного воспрянул духом и даже сделал грудь колесом. На кобылку его манипуляции никакого впечатления не произвели, а вот мне сидеть стало гораздо легче. — Не хотел, дико извиняюсь, но... в ваших услугах пока не нуждаюсь.

— А придется! — Кобылка вдруг ощерилась. Ее милая мордашка тут же превратилась в жуткую клыкастую страшилищу. К счастью, это продолжалось несколько мгновений. Затем эта фурия снова стала милейшим созданием (пусть и призрачным) и сменила гнев на милость: — Ладно. Я понимаю. Такое счастье редко кому на голову падает, к тому же мне торопиться некуда. Подумай, красавчик, чего тебе от меня надо, и тогда зови. Только не затягивай, мое время — твои нервы. До встречи. Жду!

Кобылка взбрыкнула и превратилась в клочок тумана. Мы молча проследили взглядом, как ее подхватил теплый ветерок и облачком умчал на небеса, а уже после набросились на офонаревшего от привалившего счастья Борьку. Точнее, набросилась я:

— И откуда ты такой умный взялся? Всего пару недель как говорить выучился, а уже какого-то зубастого духа призвал!

— Не знаю... Вырвалось... — Жеребец покаянно повесил голову, и я, не ожидая такого подвоха, чуть не съехала по его шее, как с горки, в песок. Хорошо, что Ник по-прежнему держал меня за руку и успел предотвратить вынужденный аттракцион. — Кажется, так Парамон говорил. Конюх. Вот я и запомнил... Веселая поговорка.

— Лучше бы ты матерные частушки моего бати запоминал! Вот где повеселились бы! — не успокаивалась я. — Вот и кто теперь мне объяснит, что сейчас всем нам дружно привиделось, а главное — как от этого избавиться?

— Да малютка вроде объяснила... — Ник дернул поводья, заставляя Борьку перестать изображать раскаяние, и потянул за собой в сторону города.

С ним поравнялся и пошел рядом Афанасий. Жеребец волей-неволей потрусил за ними и, мудро решив, что в данной ситуации проще расслабиться и получать удовольствие, намертво пристал с расспросами:

— А что она про нервы говорила? А зубы-то, зубы! Это у всех кобыл такие или только у призрачных? А три желания любые? А если у нее сразу попросить свое королевство и горы овса? Ну и то, что вы ищите тоже... Мм?

— Ты ее внимательно слушал? — Ник даже не повернул голову. Казалось, он не отводит взгляда от приближавшегося с каждым шагом города. Неужели дошли? И ночь уже кажется не такой темной... и звезды выцветают, становясь какими-то ненастоящими. Точно вырезанные из фольги и приклеенные на темный бархат неба. — Она выполнит твои просьбы о помощи, а не желания как таковые!

— Понимаешь, друг, эта горбылка — та еще скотина! — сжалился над ним Змей и, чуть отстав от Ника, пошел рядом с Борькой. — Я даже подозреваю, чтобы им всем быть при работе, эти призраки сделали заклинание вызова общедоступным и всю этим пользуются. Сечешь?

— Кого? — Борька, кажется, до сих пор пребывал в неадеквате! — Где?

— Еще спроси, почему и откуда! — Змей потешно фыркнул, но, встретив мой укоризненный взгляд, тут же стал серьезен как никогда и принялся дотошно пояснять: — Эти маленькие бестии, может, и помогают страждущим, но сдаётся мне, подстраивают все случаи, где может понадобиться их экстренная помощь. А где опасность, там и нервы. Их награда — твой страх, твоя неуверенность. К тому же были известны случаи, когда за три добровольных акта спасения тот, кому они помогали, зарабатывал себе хроническую неуверенность в собственных силах и заключал договор с этими бестиями на пожизненную опеку. Сами понимаете, что заканчивал бедолага свою недолгую жизнь в лечебнице или бродячим юродивым. Так что... Постарайся не попадать в сложные ситуации, а если попадешь, попробуй все решить сам и звать эту стерву только тогда, когда ее помощь тебе фактически будет не нужна!

— А... зачем тогда ее звать? — Уже откровенно клацая зубами, Борька с надеждой покосился на Змея. — А может, если ее не звать, она отвалит?

— Не отвалит! — окончательно «утешил» его Афанасий. — А звать ее нужно для списания помощи. В количестве три штуки. И главное, не бояться.

— Все! Когда вернемся домой, я сам попрошу какого-нибудь колдуна помочь мне забыть человеческую речь! — Борька тревожно зафыркал и прибавил шагу. — Кто ж знал, что у вас на каждом шагу такие ловушки понаставлены?

— Что-то я ни разу ни в одну не попала! — возмутилась я, но Ник, все это время помалкивающий, меня осадил:

— Отчего же не попала? Попалась! Когда у алтаря сказала «да»!

— Ничего! — Я мрачно покосилась на него и пообещала неизвестно кому: — Я все исправлю!

Разговор как-то сам собой сошел на нет. Не знаю, о чем думали мои спутники, шагавшие всю ночь к миражу, который всего за несколько минут рассвета превратился в сияющий розовым золотом город, чьи стены с каждым шагом становились все выше.

Не знаю, о чем думала я. Мысли, словно белки в колесе, с невероятной скоростью сменяли друг друга, не успевая даже оформиться в моей головешке, не то чтобы задержаться. Вскоре все мысли и вовсе выветрились перед сказочной громадиной города, закрывшей уже полнеба, и перед скорбным, улетающим к самым небесам голосом муэдзина.

По мере того как мы приближались, изменялось все вокруг, словно картинка, которую в течение долгой ночи нам показывали духи пустыни, исчезла, являя нам реальный мир.

Я сморгнула и удивленно уставилась на медленно проявляющуюся в городской стене здоровенную арку ворот, закрытую толстыми прутьями решетки, а возле арки, извиваясь словно змея, на все лады загудела пестрая река прибывших на праздник гостей. Несколько здоровенных стражей (одетых в такие же, как у Ника и Змея, черные костюмы), бряца саблями, гордо прохаживались за решеткой, не торопясь впускать недовольных, но терпеливо ожидавших сего момента людей.

— Интересно, почему никого не впускают? — Я неуверенно оглядела очередь, в которой нам предстояло ждать этого судьбоносного события. Даже когда ворота откроются, нам очень нескоро предстоит попасть в город.

— И не запустят, пока принцесса не проснется, — утешил Змей и подмигнул мне. — А вы, девушки, весьма любите поспать, даже накануне собственной свадьбы.

— Ты хочешь сказать, что я — засоня? — Я вдруг почувствовала, как внутри меня ярко вспыхнула огненная искорка ярости. Она заставила меня скатиться в песок по крутому боку жеребца, догнать и развернуть за плечо Змея. — После того как я всю ночь сегодня не спала? После того как уже сбилась со счета, сколько дней я не спала в мягкой кровати? Я — засоня?!

Последнее я уже орала, не отводя глаз от черной маски, скрывающей его уродливую морду. Батюшки, да что со мной?

— Нет, конечно! В отношении тебя у меня претензий нет. — Желтые глаза подозрительно прищурились так, словно Змей улыбнулся, и он невинно поинтересовался: — А обморок можно считать сном?

— Обморок? — Я подержалась за виски. Черт! Я совершенно забыла, что очнулась лежа на Борьке. Вот интересно, сколько времени он меня вез? — Я упала в обморок?

— Ну... уточнять не буду, как называют сие состояние лекари, но, судя по тому, что тебя часа четыре тащил на себе Ник, а после переложил сие бремя на Бориса, могу с точностью до девяноста девяти процентов утверждать, что все это время тебя в мире живых не наблюдалось, — завернул Змей и даже восторженно вздохнул. — Я понятно изъясняюсь?

— Нет! — в один голос заявили мы с Ником, и тут Борька не выдержал, развернулся к нам и, удивленно хлопая ресницами, спросил:

— Ну и что, скажите, пожалуйста, вам непонятно из того, что нам соизволил сейчас сформулировать господин Афанасий? — Укоризненный взгляд глубоких черных глаз сначала на меня, потом на Ника. — Может, вы не знаете, что обморок — кратковременная потеря сознания, связанная с психотравматическим синдромом, или попросту шоком, вызванным галлюцинациями, реальными видениями, или чем-то, с чем несогласно наше сознание. Теперь понятно?

— Сдается мне, что надо срочно искать колечко... — вдруг задумчиво протянул Ник. — Теперь я точно знаю, что попросить у Пепельного.

— И?... — заинтересовались Афанасий с Борькой, а я только вопросительно посмотрела на него. Впрочем, я, кажется, догадываюсь и без объяснений...

Ник, выдержав паузу, полностью подтвердил мою догадку.

— Я попрошу, чтобы он навсегда забрал у тебя, друг, дар речи! — Он потрепал по холке возмущенно зафыркавшего жеребца, одним движением взлетел в седло и протянул мне руку. — Думаю, нам стоит поторопиться. Нутром чую, ждать осталось недолго.

Спустя несколько мгновений мы подъехали и встали в хвост пестрой очереди. В ту же секунду решетка городских ворот лязгнула и медленно поплыла вверх, открывая нам путь к невероятной красоты дворцам, домам, мечетям, площадям и фонтанам. Все искрилось и переливалось в лучах поднимавшегося в небеса светила. Теперь мне казалось, что стены и здания сияли не розовыми бликами, а золотыми.

— Стены меняли цвет? — негромко спросила я, обернувшись к Нику.

Он кивнул:

— Да. Это одна из тайн Санда-Карама. Его стены меняют цвет в зависимости от времени суток.

— А еще тайны есть? — любопытствовала я. Что может быть лучше, чем узнать парочку тайн, пока теряешь время в многометровой очереди?

— И очень много! — Ник не стал отрицать, но и посвящать меня в них тоже не собирался, а вот Змей оказался вовсе не прочь со мной поболтать.

— Говорят, в стенах города сокрыты бесчисленные богатства! — Его рука легла Борьке на холку. Он жестом заставил меня склониться к нему и громким шепотом поведал: — А еще говорят, где-то под Санда-Карамом есть алмазная гробница. В ней много веков назад похоронили принцессу-девственницу. Она погибла от неразделенной любви...

— А еще говорят, в Санда-Караме змеев доят! — буркнул у меня над ухом Ник, поспешив прервать словоизлияния Афанасия.

Тот не обиделся и, заговорщицки мне подмигнув, пообещал:

— Ничего, принцесса. Мне известно множество тайн, и я обязательно их тебе расскажу... как только поблизости не будет твоего занудливого телохранителя.

— А еще говорят, что любопытной Варваре нос в Санда-Караме оторвали! — мстительно добавил Ник.

— Вообще-то я не Варвара! — парировала я.

— Скоро будешь! — щекотно фыркнул он мне на ухо. — Если не перестанешь слушать желтоглазых сплетников!

— Кто бы говорил! — возмутился Змей. — Запомни, принцесса, мой облик — это происки врагов! А вообще, я высокий и очень симпатичный!

— Кажись, я понял! — Борька как всегда не гнушался резать правду-матку, чем и открыл мне глаза на происходящее. — Вы что, оба к Васильку клинья подбиваете?!

Подтверждением этой догадки мне стал их дружный возмущенный рев:

— Еще чего! Я просто ее телохранитель! А вот по кому-то живодерня плачет!

— И в мыслях не было! Просто посвящал принцессу в тайны Санда-Карама! А живодерни тут хорошие, да!

Я с любопытством взглянула на подозрительно залюбовавшегося небом Змея и попыталась обернуться, чтобы посмотреть в глаза спрятавшемуся у меня за спиной Никите.

— Хватит на меня орать! — Борька явно почувствовал свое превосходство. — Все с вами ясно. Может, не надо живодерней пугать? Пуганые мы! К тому же хозяйка моя неглупая, сама видит, что к чему! Да, Василиса Батьковна? Нас на мякине не проведешь!

Я сделала лицо кирпичом и задумчивым взглядом уставилась на приближающуюся арку ворот. Еще чего! Ввязаться в лошадиные интриги и порушить со всеми отношения? Да еще в самом конце всей этой катавасии? Ну уж нет! Я, конечно, видела знаки внимания, которые пытался оказывать мне Змей, и видела, как это корежит Ника, но... Не настолько же я дикая, чтобы на змеев кидаться! Хотя... замужество вроде бы и обязывает...

Нет! Меня эта скользкая тема точно не касается.

Спустя мгновение внимательной тишины я будто очнулась от раздумий и недоуменно обвела взглядом всех троих, терпеливо ожидающих моего ответа.

— А? Вы что-то говорили? Извините, задумалась.

— Бэ! — обиженно проблеял Борька, а спутники, с едва заметным облегчением вздохнув, повеселели. Неужели поверили? — Повторить?

Но, к счастью, повторить компромат Борьке никто не дал, потому что длиннющая очередь как-то сама собой закончилась и, немного помяв, выплюнула нас прямо к уходящим в небеса стенам таинственного Санда-Карама.

— Служители нинь-дзя? Чего ж вы в очереди стоите? Надо было сразу к нам подходить! Уже давно бы в городе были. — Над нами нависла махина стражника, причем я даже затрудняюсь сказать, был он больше ввысь или вширь. Его огромные габариты не скрывал даже магический костюм. — Назовитесь!

— Я — Мамуда-бей, — выступил вперед Ник и кивнул сначала на Змея, а затем на меня. — А это мой напарник-ученик и девушка, спасенная нами сегодня от разбойников.

— Вах, какая красавица! — К нам шагнул второй стражник, до сего момента прислушивающийся в сторонке к нашему разговору. — А вы знаете, что по приказу шаха всех девушек, прибывших на праздник без сопровождения, следует приводить в дворцовый гарем? Шах решил выдавать таким неопознанным пери личный доступ на праздник.

— Знаем. — Змей перебил ответ Ника и решительно помотал головой: — Но с этой пери так поступить нельзя. Никак нельзя. Эта девушка благородных кровей. Принцесса! Поэтому, если не хотите международного скандала, мы на свой страх и риск на время праздника поселим ее на постоялом дворе, а уж после отведем к шаху, чтобы он отправил гонца в ее королевство.

Стражи переглянулись и призывно махнули рукой еще двум товарищам, маявшимися в ожидании въездной пошлины уже за аркой. А когда те подошли, озадачили их вопросами:

— А с принцессами что делать?

— Ее в гарем или на постоянный двор?

— Она — принцесса? — Теперь на меня пялились уже четыре пары глаз.

Стражи, словно это помогало мыслительному процессу, синхронно почесали скрытые черной тканью затылки. Наконец в результате переглядываний и чесаний один все-таки родил умную мысль:

— А давайте мы у принцессы спросим, с какой целью она здесь? Если потерялась, то в гарем, а если...

— С целью праздника, — поспешно выпалила я. Только гарема мне и не хватало! — И вообще, я приехала в гости к своей подруге, этой... как ее... луноликой Яллар! — Я оглядела стражей, будто удивляясь их тупости, и, решив, что мне уже нечего терять, кроме перспективы пожить в настоящем гареме, закатила настоящую истерику: — Что за безобразие, шайтан вас раздери?! Я в кои-то веки собралась в гости к подруге, а на меня в вашей степи какие-то чурбаны напали! Забрали все подарки! Я буду жаловаться папеньке! Пусть он на вас войной пойдет! А еще лучше — я пожалуюсь на вас принцессе Яллар! Пусть лучше она пожалуется своему папеньке, и, может быть, он посадит вас всех на кол!

— Она уже лет пять как не говорит... — посмел вякнуть в ответ один из стражей, не то самый смелый, не то самый глупый.

И тут меня проняло:

— Тогда пусть она ему про вас промычит! И вообще! Не надо мирных отношений? Тогда ведите меня к вашему шаху, или как там его! Я сама скажу ему все, что думаю о вас и о вашем бахча-сараяе!

Стражи еще раз переглянулись и уже без смелых комментариев расступились, давая нам дорогу. Змей крепко взял Борьку под уздцы и торопливо повел к арке. Ну да... понимаю его тревогу. Если наш «борец за справедливость» выскажет что-нибудь этакое, не видать нам города как своих ушей. И уже когда мы миновали арку, до меня донеслось:

— Молодец Мамуда-бей, спас фурию, вот пусть сам и расхлебывает!

— Мамуда? Это который маленький и тощий? Так он до сих пор из дозора не вернулся. Говорят, на них кто-то напал, он с другом успел вызвать отряд быстрого реагирования и пропал!

— Так разве... сейчас это был не он?

— Кто? Этот верзила с зелеными глазами? Или тот полукровка с серыми? Не-э-э... Да и мало ли в нашем шахстве Мамудов... Одно знаю — эти парни из армии Санда-Карамы.

— И то верно! Разве сможет кто-то надеть наш костюм, если не знает секретного кода?

— Не, не сможет. Следующий!

Под цокот Борькиных копыт я не заметила, как голоса слились с городским гулом, сплелись в клубок мыслей, а после и вовсе исчезли. Да и все глобальные размышления о смысле жизни и иже с ним выдуло из головы теплым ветром, напоенным запахом цветов, едва я увидела красоту города! Камни улочек излучали золотистое сияние, отражая солнечный свет. Точно таким же сиянием были окутаны и стены домов, дворцов, вышек минаретов. Фонтаны, лестницы. Казалось, что я попала в легендарный Золотой город. Правда, еще никто не смог на все сто процентов доказать его существование, зато легенда с каждым веком обрастала новыми подробностями. Якобы из-за мести черного колдуна люди, дома, деревья и все, что так или иначе находилось в городе на момент проклятия, превратилось в золото. Говорили, что те, кто случайно в него забредал, становились слепыми от яркого свечения, источаемого стенами, статуями людей и деревьев.

Очнуться меня заставил голос Ника, обращавшегося не то к Афанасию, не то к Борьке:

— Двигай на постоянный двор. Надо снять комнату и переодеться.

Змей нахмурился:

— Я останусь в одежде стражника. Еще не хватало, чтобы у меня оттяпали крылья и башку! И ведь не докажешь, что я не настоящий Змей Подгорный.

— О тебе никто и не говорит, — отмахнулся Ник, спешился и подошел к старику, сидевшему прямо у двери постоянного двора и с философским видом попивавшему чай. — Мое почтение, уважаемый. Нам надо снять комнату.

— Зачем снимать, дорогой? — Дедок, шумно отфыркиваясь, допил чай, стянул с себя тубетейку, обнажив плешивую голову, и удивленно залопотал, обмахиваясь тубетейкой как веером: — В моем караван-сараяе всегда есть комната для стражников шаха. Я законы знаю. Я их соблюдаю! Какой такой снять? Так забрать! Даром! Я еще помню, как господа стражники помогли мне забрать этот караван-сарай у брата. Абдула умеет быть благодарным!

Ник внимательно выслушал его тарактение и невозмутимо потребовал:

— Тогда дай ключ от нашей комнаты.

— Так на! — Старик покопался в бездонных карманах цветастого, расписанного огурчиками халата, выудил тронутый ржавчиной ключ, привстал и с поклоном положил его на ладонь Ника. — Весь чердак в вашем распоряжении.

— Чердак?! — Змей даже решился нарушить свое глубокомысленное молчание.

— Как было уговорено! — испуганно залопотал хозяин таверны. — Я не забываю вашей доброты, а вы не мешаете мне работать! Тем более идет праздничная неделя! Неужели вы думаете, что я отдам вам жилую комнату в такой аншлаг? А на чердаке уютно! И еда бесплатно. Подойдет?

— Ладно! — махнул рукой Ник, делая вид, что с трудом идет на это предложение, но деваться некуда. Как только что заметил старик — праздничная неделя как-никак! — Подойдет. Но до конца праздничной недели никому больше чердак не сдавать и к нам никого не подселять. Даже если будет проситься кто-то из городской стражи.

— Конечно, мой господин! — Старик торопливо закивал. — Я сразу понял, что вы не из местного отряда нинь-дзя.

— А вот это тебя вообще не касается! И жеребца в стойла определи, почисти да овса задай! — Ник бросил старику поводья. Не замечая благодарного взгляда Борьки, отворил скрипучую дверь и скрылся в полумраке гостиницы.

Змей проводил его взглядом и страшным шепотом пояснил:

— Это наш начальник. С самого верха! С проверкой в наш город прибыл. Только никому! Ясно, уважаемый?

— А как же не ясно? Яснее ясного! — закудахтал старик и даже соизволил встать и взять Борьку под уздцы. — Все будет в лучшем виде! Никому не скажу! Никому!

Змей украдкой подмигнул мне желто-зеленым глазом и посторонился, пропуская меня в караван-сарай.

Попав в густой полумрак, разбавленный только слабым светом, льющим из узеньких окон, я на миг ослепла и оглохла. Ну ослепла — ясно почему, а оглохла от громкого гула. Когда глаза попривыкли, я вытаращилась от удивления, разглядывая огромную толпу наивных бедолаг-гостей, прибывших на день рождения принцессы и теперь громко пытающихся получить ответ на вопрос, где им сегодня спать, есть и вообще остановиться.

А ведь не промахнулись шамахане с названием. Сарай, он и в тундре сарай!

Этот конфликт пытался урегулировать толстый парень в цветастом халате и с какой-то странной конструкцией на голове. Он орал так, быстро объясняя дотошным гостям, кому из них куда отправляться, что перекрикивал даже царивший в зале гул. Видимо, конфликт понемногу разрешался, так как дожидавшиеся места в «сараях» гости небольшими группками уходили вверх по лестнице. Толпа редела, и мне даже показалось, что настойчивый шум стал каким-то блеклым, не угрожающим и даже немного просящим.

Ясно, почему хозяин гостиницы отсиживается на улице. Поставил на передовую какого-то слугу и не особо волнуется, прикидываясь нищим.

— Пойдемте, чего встали? — Из пестрой толпы вынырнул Ник.

Вот ведь, а я даже не заметила, что он куда-то уходил, пока я... Я бросила взгляд на замершего рядом Змея. Нет, пока мы ошалело разглядывали этот гудящий рой.

— Тебя ждем! — Змей вдруг сцапал меня за руку и в ответ на мой удивленный взгляд, пояснил: — Чтобы не потерялась.

Ник не оставил этот жест без внимания и подхватил меня под другую руку.

— Тогда уж я позабочусь о вас двоих! — И потащил нас в толпу.

Как уж мы выбрались из этой давилки, не знаю, но мне с моим богатым воображением показалось, что нас сожрало какое-то чудовище, переварило и выпихнуло из... В общем, не знаю, из чего чудовища любят выпихивать свой случайно переваренный завтрак, но чувствовала я себя примерно так же.

Наивная! И я еще смела полагать, что проблема с расселением решена? Даже сейчас

удивляюсь, как я осталась жива после того, как в меня трижды чуть не вцепились дородные тетки, норовя намотать мои локоны, точнее, то, что от них осталось, на кулак, и все потому, что у меня на голове нет странного темного мешка и я иду вместе с двумя стражниками (то бишь мужчинами!) в сторону заветной лестницы; после того как бесчисленное множество раз меня попытались ущипнуть за филейные части тела местные казановы! Причем один раз ущипнули Змея. К счастью, он не растерялся, а так обложил сластолюбца на тарабарском, что нам тут же расчистили дорогу, и остаток пути до лестницы мы проделали даже в относительном спокойствии. Жаль, что он не поговорил по душам с шамаханами в самом начале нашего пути через эти тернии к чердачным звездам!

Действительно, когда мы добрались до второго этажа, мне показалось, что я попала в райские кущи. Широкий, светлый коридор, ряд белоснежных дверей, цветастый ковер, диковинные плодоносящие и цветущие карликовые деревья, улыбчивые люди и даже крошечный фонтан в центре. А из дверей в двери порхают (по-другому и не скажешь) с яствами и кувшинами луноликие полуобнаженные пери. Я даже через защитную ткань костюма почувствовала, как у Змея вспотели ладони.

— Надеюсь, нам сюда?

— Выше! — коротко бросил Ник и повел нас на третий этаж, где и располагался обещанный хозяином чердак.

Змей только печально вздохнул, выпустил мою руку и поплелся следом.

— Ладно. Тогда, может, хоть накормят. Согласен жить и на чердаке, если мне будут прислуживать такие нимфы.

Вскоре мы остановились у одинокой двери и, дождавшись когда Ник откроет дверь, шагнули в наши хоромы. А по-другому и не скажешь! Что такое рафинированное убранство второго этажа по сравнению с этим?

Деревянные стены давно не знали уборки, и вместо ковров на них висели узоры застарелой, лохматой от пыли паутины. Мебели не было и в помине. Кровати, стол и стулья здесь заменяли несколько настланных друг на друга зашарканных ковров, но! Здесь было огромное окно, сквозь распахнутые рамы которого в комнату врывался напоенный солнцем и каким-то сладким ароматом ветер, а настланные друг на друга ковры оказались чистыми и удивительно мягкими. Более того! На них было накидано с десятков мягких подушек. Но самое главное я нашла за ширмой в самом углу нашего огромного жилища. В деревянной лохани меня дожидалась чистая, теплая вода, рядом лежал кусочек мыла и огромное, раскрашенное дивными узорами пестрое полотенце.

Конечно, я возжелала вымыться, и немедленно. Мужчины наотрез отказались уходить, но клятвенно пообещали не подсматривать.

Ладно. Поверю на слово!

Забравшись в лохань, я, не переставая коситься на ширму, наскоро вымылась. Конечно, это вам не батюшкина баня, но после стольких дней скитаний я была безмерно счастлива смыть дорожную пыль. А что еще нужно для счастья тому, у кого украли настоящее и будущее оставляет желать лучшего? Натягивать на себя пыльные, пропитанные потом вещи я так и не решилась. Замотавшись в длинное, скрывающее меня с головы до ног полотенце, я, как могла, постирала, а точнее, прополоскала одежду и, оставив ее в мыльной воде, вышла из-за ширмы.

— А где бы мне повесить вещи?

— Ты что, истратила всю нашу воду, чтобы постирать вещи? — Ник, возлежавший на подушках, даже сел. — А отдать служанке ты их не додумалась?

Не додумалась! Я вообще думала, что служанки к нам не приставлены и уж точно не будут стирать тряпки какой-то славички. Но об истинной причине моего трудолюбия он не узнает!

— Еще чего! — Путаясь в полотенце, я, семена мелкими шажками, прошествовала к ложу из ковров и уселась подальше от обосновавшихся там мужчин. — Вообще-то я не доверяю свою одежду какой-то сарайной прислуге!

— Тогда ходила бы в грязной! — Похоже, Ник оказался весьма недоволен моим подвигом. Жаль! Для кого я вообще его совершала? Хотела быть чистой, с волнистыми волосами, чтобы он увидел меня и понял... Не знаю, чего он там в моих мечтах должен был понять, но явно не то, что я истратила на свои нужды всю теплую воду! — Ты пойми! Мы практически в пустыне! В оазисе! Да! Но даже в оазисе воду надо тратить аккуратно, думая не только о себе, но и о других страждущих!

— А я и думала! — От обиды руки сжались в кулаки. — Только не знала, что страждущие будут такими скандалистами и дураками! Попроси прислугу заменить воду! Как-никак ты сам дал понять хозяину нашу значимость!

— Если я это сделаю — воду мне принесут, вот только кто-то из постояльцев не получит своего омовения! А я, в отличие от тебя, не такой эгоист! — Ник поднялся и прошел к окну, а Змей полез меня утешать:

— Да ладно, принцесса! Никита шутит. Он прекрасно может превратить грязную воду в чистую, а холодную в горячую.

— Только не буду этого делать! — Ник резко обернулся и посмотрел на Змея. — Потому что мы в Шамаханском шахстве.

Змей хотел ему что-то ответить, но тут в дверь робко постучались, и он мгновенно обо всем забыл, уставившись заблестевшими глазами на дверь.

— Неужто и к нам залетела гурия?

— Можно?! — вдруг рявкнул из-за двери хриплый женский голос.

Это было так неожиданно, что я, забыв недовольство Ника, едва не покатила от смеха, разглядывая озадаченную морду Змея.

— Наверное, это очень злая гурия. Или, может, это ее мама? Фурия?

Он вспомнил, что стянул с головы капюшон, и резво принялся натягивать его обратно. Даже Ник перестал разглядывать открывающийся из окна вид и вернулся на ковер.

— Можно!

Дверь распахнулась так, словно в нее толкнулся ураганный ветер, и к нам ввалилась необъятная толстуха с раскосыми глазами и страшной волосатой бородавкой на баклажаноподобном носу. Мы все невольно сжались, ожидая громогласного продолжения, но тетя вдруг расплылась в очаровательной улыбке и хрипло пропела:

— Ассалам алейкум, драгоценные мои! А меня к вам Хасан-ага послал. Говорит, расстайся, Зейнаб-джан! К нам гости именитые приехали! Уважь их как следует!

— И? — набрался смелости Ник.

— Вот я и пришла! — Тетка развернулась, являя нашему взору необъятный зад, а когда мы снова смогли лицезреть ее лучезарную улыбку, то заулыбались сами. В руках Зейнаб-джан держала огромное блюдо с неизвестными мне яствами, от аппетитного запаха которых мой желудок протяжно взвыл. — Угощайтесь, яхонтовые мои! А я чуть позже зайду, принесу воды и фруктов.

— Вот спасибо так спасибо! — Змей вскочил и в нетерпении бросился к толстухе. — Передайте уважаемому Хасану, что вы уважили нас на славу!

Честно! Я готова была поклясться, что на смуглом лице Зейнаб появилась краска смущения. Она с улыбкой передала поднос Змею и вдруг спросила:

— Не мое, конечно, дело, но что же вы в такую жару в своей форме? Хоть личико открой, рубиновый ты мой!

— А как же... — залихватски начал он, но тут же запнулся, видимо вспомнив, что именно увидит кокетливая толстуха, сними он маску, и поспешно исправился: — Как только — так сразу! А пока я на службе.

Поставив блюдо на ковер, он уселся рядом, украдкой глотая слюны и наверняка мечтая, чтобы служанка ушла.

— Да вы побудьте с нами! — вдруг улыбнулся ей Ник. — А то аки пчелка, все в трудах, все в заботах!

Увидев его улыбку, Зейнаб-джан не избежала участи многих женщин, встретивших на

своем пути этого прохвоста. Во все глаза таращась на него, она заулыбалась, покорно подошла к коврику и, ловко скрестив ноги, уселась, начисто позабыв о своих планах куда-то бежать. А Ник, будто не замечая убийственных взглядов, бросаемых на него Змеем, был сама любезность.

— Прощу, угощайтесь! — Он тоже подошел к коврику и уселся рядом с мрачным Афанасием, напротив жертвы своего очарования.

— Ну... разве что немного... — Не переставая улыбаться, Зейнаб сцапала с тарелки что-то похожее на огромные пельмени и, легко засунув в рот сразу два, снова уставилась на Ника. — Фофень фуфно!

— Вы так считаете? — промурлыкал тот, взял крошечный белый шарик и сосредоточенно пожевал. Я невольно почувствовала ненависть к этой уродливой шамаханке. Что за цирк Никита тут устроил? — Впрочем, я понимаю — праздник для принцессы. Шах не скучит на угощения...

— Еще бы наш сияющий повелитель скупился! — фыркнула толстуха и непринужденно приговорила еще четыре пельменя. Интересно, как они целиком влезают к ней в рот? Да в одном таком пельмене легко четыре обычных поместятся! — Для него этот праздник — шанс пристроить дочь и найти богатого зятя!

— А почему именно сейчас? В день рождения? — Ник жестом гостеприимного хозяина протянул ей лепешку с завернутыми в нее кусочками мяса, сочившегося янтарными каплями жира.

— Господин ничего не знает? — В глазах Зейнаб-джан загорелся огонек азарта. Ну как же! Зомби нашел хозяина и теперь готов за пельмени слить ему все государственные тайны! Понимаю... — А легенду?

— Слышал, — уклончиво бросил Ник, становясь предельно серьезным. — Но... так как мы с моим товарищем прибыли сюда для защиты правящей семьи, то, как бы то ни было, я желаю узнать об этой истории в подробностях.

— Конечно, мой господин! Расскажу все, что знаю. — В глазах Зейнаб мелькнула гордость от возложенной на нее миссии. — Это случилось давным-давно, когда принцесса была еще маленькой девочкой. Однажды утром она пришла в гарем навестить мать и нашла ее мертвой, с перекошенным от ужаса лицом. С того дня принцесса не проронила ни слова и ни разу не улыбнулась. Чего только шах не делал, каких лекарей не звал! Но никто не мог помочь принцессе. И вот ровно через год во дворец пришел странствующий лекарь. — Толстуха, взяв тайм-аут, заглотнула еще парочку пельмешек и продолжила: — В общем, лекарь предрек, что принцесса излечится в день своего пятнадцатилетия, и спасет ее не кто-нибудь, а человек в облике страшном. И в тот же день она должна выбрать себе суженого и подарить ему перстень, что шах презентовал ее матушке незадолго до смерти.

Ник на миг помрачнел и многозначительно переглянулся со Змеем. Тот плавно вклинился в разговор:

— И как шах, а точнее, принцесса предполагает встретить своего суженого? Ведь не по улицам же она пойдет его разыскивать!

— Ха! По улицам! — Зейнаб смерила его взглядом, в котором читалось неприкрытое высокомерие. — Да солнцеликий из дворца никуда своих кровиночек не отпускает! Нет! Он задание придумал. Все, кто желает побороться за руку принцессы, должны сначала сегодня записаться у придворного летописца, а вот завтра начнется!

Женщина с тоской посмотрела на опустевшую миску и переключилась на шарики жареного теста.

— И что завтра начнется? — Голос Ника по-прежнему оставался доброжелательным, но я заметила нотки зарождающегося раздражения. — Прощу, любезная, расскажи нам о всех известных тебе мероприятиях.

— А чего рассказывать! — Зейнаб облизала пальцы и сыто рыгнула. — В общем, план такой! Сегодня запись. Завтра с утра джигитов посадят на резвых тулпаров и отправят сначала участвовать в гонке, а затем трем самым лучшим позволят встретиться с принцессой.

Ну а уж там на все воля Аллаха! Не знаю, спасет принцессу страшный человек или нет, да только верю — когда Яллар встретит суженого и перстень тому обручальный вручит, в тот же миг освободится от немоты своей. Ладно... спасибо за ласку и угощение, но... пойду я. Гостей нынче немерено! Сами понимаете, многие хотят стать мужем наследницы великого шамаханского трона.

ГЛАВА 19

Мы проводили взглядом толстуху и, как только за ней захлопнулась дверь, жадно набросились на оставшееся угощение. По крайней мере, я и Змей. Стянув капюшон, он подхватил жаренную баранью ногу и с урчанием впился в нее.

Вот только Ник проигнорировал возможность набить живот. Он с отсутствующим видом сидел, разглядывая на стене что-то видимое только ему.

— Ну и что ты по поводу всего этого думаешь? — Змей наконец насытился и, запульнув начисто обглоданный мосол в окно, придвинулся к Нику. — Какие планы?

— Планы простые. — Ник очнулся от раздумий и взглянул на него. — Кому-то из нас надо попробовать себя в роли претендента на руку принцессы Яллар.

— Угу, например, мне! — Змей для пущей красоты растянул пасть в жутком оскале. — Только макияж подправлю, и вперед!

— Если ты будешь оставаться в этом костюме, никто и не увидит тебя настоящего. — Ник усмехнулся. — Насколько я понял, за руку принцессы может бороться любой, кто сможет попасть в число победителей завтрашних гонок.

— Вот и борись сам! Борьку оседлаешь, и вперед! — мрачно буркнул Змей и украдкой посмотрел на меня.

— Я совершенно не против! — Я по-своему истолковала его взгляд. — Борька быстрый, он не подведет!

— Борька, может, и не подведет... — Ник нахмурился. — Но один шанс — это не так уж и много! В гонке решится все, и любой бедняк, заявивший сегодня о себе, завтра вывернется наизнанку, чтобы стать одним из претендентов на звание мужа принцессы.

— И что ты предлагаешь? — пытливо прищурился Змей, а я пододвинулась поближе. — Мне тоже поучаствовать? А если потребуют снять маску?

— Не потребуют! — отмахнулся Никита. — К тому же служитель армии нинь-дзя неприкосновенное лицо и подчиняется только высшей власти. Вот если выиграешь забег, тогда и будем решать эту проблему.

— Интересно как? — не отставал Змей, хотя даже я уже знала, что ответит Ник.

— А так. К луноликой принцессе я пойду сам.

— Нет, ну что за несправедливость? Как выигрывать — так я, а как с красотками знакомиться — ты? — Змей, пыхтя, поднялся и принялся вышагивать от стены к стене. Наконец остановился и вдруг ткнул пальцем в меня. — Тогда уж пусть и Василиса участвует. К тому же с Борькой они уже давно спелись.

— Ага. А еще спились и сплясались! — поддакнула я. Нет, ну что за бред? Я — в женихи? Они, часом, ничего не попутали? Или уже настолько принимают меня за рубаху-парня, что позабыли о том, что я девушка? И к тому же весьма красивая! — У шамахан что, вместо специй «травку-муравку» подают? Или почечуйник чашекрылый? У меня тетя тоже любит такими приправами побаловаться, когда настойки на самогоне заканчиваются.

— Тише, Вась! Не кипятись! — Ник тоже встал и задумчиво потер подбородок. — Никто тебя ни к чему не обязывает. Пойми, для нас главное, чтобы кто-нибудь из нас выиграл завтрашнюю гонку. Если один из нас войдет в число победителей, то уж конечно свататься к принцессе пойдешь не ты!

— Да я уже догадалась! — Я поднялась, чтобы не смотреть на него снизу вверх (хотя все равно не получится, он меня на добрых две головы повыше будет), и подбоченилась, попутно поправив на груди норовившее сползти вниз полотенце.

— Не путай наши планы со своими страхами! — Никита явно заподозрил (а может, увидел в моем взгляде) что-то неладное и улыбнулся так, что я тут же простила ему все. Подошел и притянул меня к себе. — Никакая принцесса, кроме тебя, мне не нужна, глупая! Иначе зачем мне так долго искать для тебя это трижды проклятое кольцо?

— И зачем? — Господи, почему на меня так действует его улыбка? Впрочем, как показал недавний опыт, она так действует на всех более-менее разумных особей женского пола... Вот стояла бы так рядом и смотрела на него. Вечно...

— А действительно, зачем? — Змей натянул капюшон на чешуйчатую голову, скрыв морду по самые желто-зеленые глаза, в два шага миновал расстояние до двери и развернулся, пытливо разглядывая Ника. — Что ты потребуешь от Василисы в награду за свою помощь?

Интересный вопрос! Мне показалось или в голосе Змея послышался сарказм?

Глаза Никиты потемнели, он медленно перевел взгляд на топтавшегося у двери Афанасия и, не повышая голоса, произнес:

— Я хочу ее. — Одна рука Ника тут же зарылась в мои волосы, второй он поднял к себе мой подбородок и, прежде чем накрыть мои губы поцелуем, хрипло пробормотал: — Она — мое спасение и награда...

Я закрыла глаза.

Как хлопнула дверь, я не услышала. Впрочем, я бы сейчас не услышала, если бы мир рухнул и снова возник. Его губы — теплые, мягкие — лишали разума, памяти, слуха и сил. И хотелось только одного — чтобы этот поцелуй продолжался вечно! И эти руки, лепящие из меня что-то ведомое только Создателю, не прекращали бы свое знакомство с моим телом. Господи, что же он со мной делает? Откуда у него надо мной такая власть?!

Все прекратилось так же стремительно, как началось. Руки, губы, что сводили меня с ума, исчезли, оставив меня замерзать в ледяной Вселенной. Послышались шаги. Ушел! Вот так? После всего этого?! Нечестно! Несправедливо! Ведь он все прекрасно понимает! Он знает, как действуют на меня его объятия! Тогда зачем дразнить?!

Я зажмурилась еще сильнее, давая время злым слезам отступить, и с трудом открыла глаза. Ник стоял у окна, прислонившись лбом к распахнутой оконной раме.

— Зачем? — Я хотела произнести это слово равнодушно, даже зло, но с моих губ предательски сорвалось жалобное мяуканье. — Зачем все это?! Эти объятия, поцелуи? Почему мне кажется, будто ты меня обманываешь? Или что-то скрываешь... Может, то, что ты сказал Афанасию, неправда? Может, я тебе не нужна? Ты не хочешь... меня? Тогда зачем ты это сказал?

Слова, словно расплавленный металл, жгли меня, но я их произнесла. Выстрадала! Потому что я хотела, чтобы он их услышал. И чтобы ответил. Нет, мне не нужны его секреты, только услышать то, что хочется знать каждой женщине: нужна ли, любит ли. И останется ли рядом... хотя бы до утра?

Несколько ударов сердца Ник продолжал смотреть в окно, а после нехотя развернулся.

Я отшатнулась. Такого тяжелого, больного взгляда я не видела никогда. Словно он испытывал невыносимую боль или был не в силах справиться с лютой ненавистью.

Но вот он улыбнулся, и в глазах заблестела нежность; подошел ближе, и от сказанных им слов я поняла, как же сильно была неправда:

— Прости. Прости за то, что причиняю боль. Василек, я хочу, чтобы ты принадлежала мне! Я мог бы сотню раз сделать тебя своей перед людьми или перед богом, да только не стану! Пока не расскажу тебе все, что стоит между нами.

— Так рассказывай! — Я затаила дыхание. Вот оно!

Но он очень быстро развенчал мои надежды:

— Только после того, как мы найдем кольцо!

Черт! Опять это проклятое кольцо!!!

— Ты боишься моего мужа? Или думаешь, что нас с ним что-то связывает? — Я едва сдержалась, чтобы не завопить, кроя всех и каждого отборным матом, какой знал только конюх Парамон и мой батюшка. — Между нами ничего не было! Никогда! И не будет!

— Василек, прошу, подожди. Совсем немного! — На губах Ника снова появилась ненавистная мне улыбка. — И скоро ты все узнаешь.

Ну все! Хватит! Бежать отсюда и куда подальше!

Топнув от злости, я, скрывая за гневным сопением рвущуюся на свободу истерику, прошагала к двери, вышла и так грохнула ею, что она повисла на одной петле. Ну и ладно! Что такое отсутствие двери по сравнению с перспективами остаться старой девой?

По дороге вниз я, кажется, отдала кому-то ногу, опрокинула на местную перислужанку кувшин с чем-то белым, а на первом этаже распугала постояльцев, только взглянув на них. Ну еще бы, лохматая, как баба-яга, девушка, обмотанная полотенцем и босиком. Они такого никогда не видели и не увидят! Впрочем, я их понимаю — а вдруг эта девушка бешеная? Еще покусает!

— Быстро вы... — Змей подждал меня за дверью в караван-сарай. Увидев меня одну, да еще обмотанную полотенцем, удивленно распахнул глаза и попытался заглянуть в закрывающуюся дверь. — А где Никита? Что-то случилось?

— Ничего не случилось и не случится! — Я отпихнула его, вышла на улицу и прижалась спиной к стене. — Понимаешь, Афанасий, я же не железная! К лешему нашего Ника и его тайны! Найдем колечко — и домой! А потом в монастырь!

— Мужской? — Змей понимающе решил не лезть с расспросами в душу, а просто встал рядом, загородив своей тушей дверь в караван-сарай. — В женском тебе будет не интересно!

— А в мужском — интересно? — Я усмехнулась и покачала головой. — С вами, мужиками, каши не сварить, то в войну, то в поход вступите, а то с тайнами носитесь как курица с протухшим яйцом!

— Смотря с кем варить! — Змей многозначительно выпрямился, подмигнул и вдруг вздрогнул от удара в дверь. Видимо, кто-то очень хотел покинуть местный «сарай» и весьма удивился, найдя дверь запертой. Но Змей это естественное желание не оценил и долбанул в ответ по двери пяткой, проорав вдогонку: — Занято!

Что самое удивительное — стучать перестали. Дед, встретивший нас давеча и до последнего прикидывавшийся ветошью, не вмешиваясь в развлечения постояльцев, наконец понял, что дело тухлое. Испуганно косясь на нас, подхватил пыльный коврик и бочком сбежал за угол.

— Стоим, общаемся! Вот спрашивается: что кому надо? Мешают, понимаешь ли! — Змей прищурил глаза, отчего стало казаться, будто он улыбается, окинул меня долгим взглядом и вдруг задумчиво протянул: — Эх, надо бы на местный рынок зайти...

— Одежду мне купить? — обрадовалась я его сообразительности.

— Не, топор! — Змей проводил недобрый взглядом парочку шамахан, проходивших мимо и чуть не свернувших о меня глаза. — Зачем одежду покупать, если ее наколдовать можно? А вот топор — это уже относится к холодному оружию, а значит, так просто его не материализуешь.

— Тогда материализуй мне хорошие штаны, рубашку, сапоги... — Я украдкой вытерла со лба пот и покосилась на палящее светило, уверенно взбирающееся в зенит. — Точнее, рубаху, юбку и тапки...

В дверь изнутри тактично постучали, и голос Ника вежливо пригрозил:

— Если не хотите, чтобы я вышиб эту дверь и нанес приютившему нас дому непоправимый ущерб, убедительная просьба открыть дверь.

Змей сделал страшные глаза, развел руками и, отлипнув от двери, дернул за резную бронзовую ручку.

На пороге за дверью, скрестив руки на груди, стоял мрачный Ник, а у него за спиной столпились притихшие шамахане. Действительно, где это видано, чтобы дверь на постоялый двор была закрыта не изнутри, а снаружи?

— Что за номера? — Он стремительно вышел к нам. Постояльцы шагнули было за ним, но Ник захлопнул дверь перед самым их носом и напустился на меня: — Ты сошла с ума? Разгуливать голышом, и не где-нибудь, а в Санда-Караме! Тут славичей за людей не

считают, а уж женщин и подавно! Решила попасть в гарем?

— А почему бы и нет! — парировала я. Вернулась обида, а вместе с ней и раздражение. — Я — девушка молодая, красивая! И если тебе не нужна, попытаю счастья с другим! Вот Афанасий тоже с этим согласен! Топор покупать хочет! Значит, уже заботится, хотя мы с ним даже не целовались!

Во загнула! При мысли, что можно поцеловаться с этим жабокрокодилом, злость прошла, оставив желание расхохотаться во все горло. К сожалению, Ник и Афанасий почему-то восприняли это всерьез. Один стиснул зубы и метнул в предполагаемого соперника убийственный взгляд, второй вытаращил глаза и покрылся нездоровыми красными пятнами, частично проступившими даже сквозь черную защитную ткань костюма.

Ник вдруг сменил тон на доброжелательный и даже сочувственно покосился на Змея:

— А топор зачем?

— Так... это... — Тот, с опаской поглядывая на Ника, пожал плечами, видимо еще до конца не веря, что гроза пронеслась, едва его не задев, и снисходительно кивнул на меня: — Забочусь! Кто ж разгуливает голышом, да еще здесь...

— А я просила мне юбку наколдовать! — напустилась я на него. Сговорились!

— С юбкой номер не пройдет. — Ник покачал головой и повертел меня, разглядывая. Затем что-то коротко буркнул, дунул, плюнул, и я почувствовала, как всю меня, даже лицо, облепила тонкая, но прочная ткань. — А вот в одежде бравых воинов нинь-дзя ты будешь очень даже ничего. И волосы и лицо спрячешь. И из коллектива не станешь выделяться! — Он выразительно оглядел себя и Змея.

— Ага, будешь такой же черной и незаметной! — Из-за угла к нам вывернул Борька. — Ну че, народ, какие планы на день и вечер? Не говоря уже про ночь?

— Да вот! — обрадовался ему как родному Змей. — Решили тебя завтра в забеге опробовать. Выдюжишь?

— Че-э-эго-о-о-о? — Борька остановился как вкопанный и настороженно прижал уши. — Какой еще забег? Я на забеги не подписывался!

— А мы тут все птицы подневольные, — обреченно вздохнул Ник, подошел и привычно забрался в седло. Предательская коняга даже не шевельнулась! — Что хозяйка твоя прикажет, то и делаем. Вот решила она завтра в забеге поучаствовать да в женихи к местной принцессе постучаться, а мы — хочешь не хочешь, а выполняй.

Борька подозрительно взглянул на меня, почесал копытом пузо и проникновенно поинтересовался:

— Что, хозяйка, совсем от этой жары головка заболела?

— Слушай их больше! — фыркнула я, в два шага миновала расстояние до жеребца и, проигнорировав протянутую руку Ника, привычно запрыгнула в седло.

Словно не замечая такого пренебрежения, Ник легонько тронул поводья, направляя Борьку вниз по улице. Змей, как всегда, направился вслед за нами пешком.

— А может, меньше? — поправил меня Борис. — А то отлучился на часик яблочки поесть, возвращаюсь, а мне тут заявляют, что моя хозяйка сменила ориентацию! Не то чтобы я поверил, но... в этой жизни все может быть!

— Вот я и говорю! — Я хлопнула Борьку по шее. — Не слушай их вообще!

— Кстати, а чего это тебя так вырядили? — Зверюга скосила на меня глаза. — Нет чтобы на праздник платьице какое прикупить?

— Они здесь только топоры покупают, — вздохнула я и, демонстративно игнорируя Никиту, поинтересовалась у шлепающего рядом Змея: — Кстати, а куда ехать, чтобы записаться на участие в гонке века?

Афанасий с умным видом почесал затянутый в черную ткань череп и взглянул на Ника. Тот промолчал, зато на мой вопрос ответил Борька:

— Наверное, вам надо к той площади, на которой сейчас давка — яблоку негде упасть. Мужиков — прорва!

И, не дожидаясь благодарности, свернул в ближайший переулок.

Прорва — слово, употребленное Борькой в описании того, что творилось на этой площади, — не шло ни в какое сравнение с тем, что здесь на самом деле происходило. Как на довольно небольшом пятачке, окруженном домами, могло поместиться столько людей и лошадей, я так и не поняла. На ум пришло сравнение, что если бы я вдруг решила прыгнуть с какой-нибудь крыши, то смогла бы, совершенно не напрягаясь, прогуляться по головам находящихся тут людей.

При детальном рассмотрении я разглядела две очереди. В одной — хмурого вида шамахане (и не только) медленно продвигались к стоявшему на самодельном возвышении бойкому старичку, который время от времени что-то выкрикивал и записывал в длиннющий свиток. В другой — те же шамахане (и не только) шли к другому бойкому старичку и уходили уже в компании с конягами.

Ник повозился и, привстав в стременах, прокомментировал:

— Судя по всему, нам надо сначала попасть к тому, кто записывает, а потом к тому, кто выдает жеребцов.

— В смысле? — Борька резко затормозил, едва не налетев на последнего в очереди на запись бедолагу. Тот недовольно покосился на нас, но промолчал, зато Борька молчать не стал: — А вам что, стесняюсь спросить, меня уже мало стало? Решили обменять меня, МЕНЯ! на молчаливого и послушного? Хотите получить раба, а не друга и советчика?

Я уже было открыла рот, чтобы объяснить этому «голосу совести», для чего мы здесь, но тут стоявший перед нами мужичок развернулся и, распахнув глаза так широко, что они стали почти круглыми, тоненько завопил:

— Говорящий тулпар! Говорящий тулпар! Пророчество сбывается!

Не знаю, как произошло это чудо, но стоявшие перед нами люди вдруг расступились, образуя довольно широкую, а главное, прямую дорожку к заветному писцу, чем и не преминул воспользоваться наш «говорящий тулпар». Гордо вскинув голову, он лихо потрусил вперед и вскоре остановился перед старцем со свитком.

— Ну че, бабай! Привез я вам избранного в фонд помощи вашей луноликой. Кто из этих двоих, гм... троих — не скажу. Так что записывай всех — не ошибешься. И не благодари. Что мне от вашей благодарности? А вот мешок овса и торбочку яблок принять не откажусь!

Старик после такого заявления пожевал седые усы и, решив не опускаться до общения с жеребцом, пусть даже говорящим, посмотрел на меня.

— Имя.

— Васи... — начала было я и замолчала, вовремя вспомнив, что Василиса в качестве имени не годится для бравого джигита из клана воинов нинь-дзя. — Василь ибн Еремей.

Старик ничуть не удивился такому заковыристому имени и перевел тусклый взгляд на Ника.

— Никита Заречный, — отрапортовал тот и кивнул на замершего рядом Змея. — И Афанасий Подгорный.

Змей вытянулся в струнку, подтверждая гордое право так называться.

Старик с тихим скрипом вывел пером черную вязь наших имен и указал куда-то вбок.

— Если у вас есть лошадь, можете завтра использовать ее, или можете взять тех, что предоставил всем участникам байги наш великий, многомудрый, солнцеподобный шах. — И, намекая, что разговор с нами закончен, рявкнул: — Следующий! С говорящими конями подходить через одного!

Вскоре мы подъезжали к караван-сарая, удобно покачиваясь каждый на своем скакуне. В довесок к Борьке нам под расписку выдали еще двух лошадей, черных как смоль. К счастью, молчаливых, но Борька так успел их допечь болтовней о «прекрасном дне», что, я подозреваю, очень скоро и они обретут способность говорить, и первым их словом будет далеко не «мама».

Пристроив наших тулпаров в конюшню, мы проследили, чтобы им насыпали овса, дали воды, а затем с чистой совестью направились к себе на чердак.

В караван-сараяе по-прежнему было многолюдно, но суеты и недовольства больше не было. Хозяин, дабы не упускать выгоду, разместил всех, кому не досталось комнаты, прямо в холле. Теперь весь пол был устлан потертыми коврами, на которых, подсунув под бока подушки и пуская в воздух кольца сладковатого дыма, восседали довольные мужчины, рядом с которыми спали, ели, пили чай, переговаривались и ругались не менее довольные женщины.

Шагая вслед за спутниками мимо лежища довольных жизнью шамахан, я невольно подумала, что иногда очень даже неплохо притвориться мужчиной. Пусть тощим и невысоким, но... Ни у кого из сидевших в этом зале не возникло желания ущипнуть меня за филейные части тела или дернуть за волосы, как утром. Наоборот! Многие провожали нас уважительными взглядами и даже вяло старались отползти, дабы не мешаться на пути у таинственных воинов нинь-дзя.

Но еще более приятный сюрприз меня ждал, когда мы поднялись на чердак и остановились у нашей совершенно целой двери.

— Оперативно сработано!

— Что именно? — тут же уточнил Змей, как и я непонимающе таращась на дверь.

— Ах да! Ты же пропустил все самое интересное! — сочувственно вздохнул Ник. Растолкав нас, он подошел к двери и, распахнув ее, первым шагнул в наше пристанище. — Принцесса вспомнила о присущей ей капризности и решила выломать дверь. К счастью, ей это не удалось, и я, уходя, просто повесил дверь на место.

Ах так?! Значит, нашел крайнюю?!

Я мило улыбнулась таращившемуся на меня, как на какое-то чудо, Змею и, пожав плечами, шагнула в полумрак чердака.

— А я думаю, что ты что-то путаешь! Эта дверь была настолько старой, что попросту слетела с петель, когда я осторожно попыталась ее за собой закрыть!

— А косяк повело тоже от твоего бережного обращения с чужим имуществом? — хмыкнул в ответ Никита и уселся на ковер, по-шамахански скрестив ноги. — Мм... кажется, нам принесли ужин!

— Ужин? — удивилась я, во все глаза разглядывая пустой ковер. Даже остатков обеда на нем не наблюдалось.

— Ой, свет моих очей! — раздалось у меня за спиной.

Я едва успела отпрыгнуть, как к Нику, едва не сбив меня с ног, на крейсерской скорости промаршировала уже знакомая нам толстуха. Зейнаб! Давно не виделись! Не переставая строить Никите глазки, она поставила рядом с ним поднос, доверху наполненный всевозможными диковинными фруктами и яствами, и уселась напротив.

— Кушай, кушай, дорогой!

— Благодарю, уважаемая! — Ник расцвел в колдовской улыбке, и Зейнаб тут же заулыбалась ему в ответ.

Нет, я никогда не считала себя злой, ни уж тем более эгоистичной, но... что-то меня это уже начинает раздражать! Будут тут всякие ходить, улыбаться...

— Да, благодарим тебя, уважаемая, и до новых встреч! — Я тоже уселась на ковер и демонстративно притянула к себе блюдо. Вспомнив, что до сих пор на мне капюшон от костюма нинь-дзя, я стянула его и трянула головой, давая локонам рассыпаться по плечам. — Кстати, не забудьте принести тазик с чистой, теплой водой и заберите мои вещи. Их надо высушить!

Зейнаб полоснула по мне мрачным взглядом и, не переставая улыбаться, пропела:

— Ой, госпожа, а я тебя и не признала! Тебе так идет этот костюм, особенно капюшон, что я бы посоветовала его вообще никогда не снимать! А что касается тряпок, которые плавали в тазу, так я их выкинула! Извини, не думала, что это — вещи!

— Выкинула?! Как выкинула?! А зеркало?! — От волнения я едва не вцепилась в ее

баклажаноподобный нос. — Там было зеркало! Куда ты его дела?!

— Если госпожа об этой безделице, то вот оно! — Толстуха засунула руку в необъятный бюст и протянула мне заветное зеркальце.

Хвала богам!

Я сцапала тетин подарок и сжала в руке.

— Только такой красавице зеркало ни к чему. У нас есть поговорка: на красоту смотреть — только портить!

— Это не зеркало, а средство передачи информации! — пришел мне на помощь Змей, все это время бесшумно стоявший позади меня. Сделав шаг вперед, он протянул руку Зейнаб. — Могу я вам помочь, уважаемая? Мы бы с удовольствием с вами поболтали, но сегодня, увы, был тяжелый день. К тому же нам надо выспаться перед завтрашним забегом!

Толстуха, сообразив, что ее вежливо выставляют вон, обиженно поджала губы, но руку Змея приняла, поднялась и, не оглядываясь, вышла за дверь.

— Зря вы так! — вдруг вступился за нее Ник.

Вяло как-то вступился, без огонька, но мне все равно стало обидно до слез! За меня так не вступился, а за нее... Но причины оказались до невероятного примитивными. Никита взглянул на меня и перевел взгляд на Змея:

— Я попросил Зейнаб узнать все, что только может пригодиться нам завтра: именитые соперники, время, трудности на трассе и прочие подводные камни. А еще, если учесть то, что ее двоюродная сестра прислуживает самой принцессе Яллар... Скажем прямо — ты, друг, поспешил отправить ее восвояси!

— Я бы ее не выгнал, если бы она не посмела оскорбить Василису, и мне это не понравилось! — Змей бесхитростно развел руками и, бросив на меня короткий взгляд, вдруг принялся суетливо оправдываться: — Она же принцесса! А как служанка может такое говорить принцессе? Вон своей Яллар она бы так не нахамила! Обидно! За отчизну! Понимаешь?

— Понимаю, — вздохнул Ник и, утащив с блюда оранжевый волосатый фрукт, сосредоточенно принялся его чистить. — Вполне понимаю! Но и ты меня пойми! Я, может, тоже ради отчизны стараюсь! А ну как она сегодня мне что-нибудь важное сказала бы?

— Ну если важное... тогда, раз такое дело... — Змей сдернул с руки перчатку, насадил на когти пять фиолетовых сочных шариков, по очереди их обгрыз и закончил: — Тогда мы ее после ужина позовем. И пусть нам байки на ночь травит!

Ник не ответил, сунув в рот уже очищенный фрукт. Последовав их примеру, я сцапала ломтик хлеба, ломтик колбасы и сыра и, соорудив себе бутерброд, принялась за еду. В любом случае утро вечера мудренее. И как бы Ник ни просчитывал все ходы к отступлению или победе, все произойдет по-другому!

Ужин прошел в полном молчании. Не знаю, о чем думали спутники, уплетая заморские кушанья, а мне кусок в рот не лез. Остался день. Может, два! Найдем мы кольцо? Получим ли? А что будет потом? Почему-то все чаще и чаще на ум возвращался вопрос Змея, заданный им Нику совсем недавно: зачем я ему? Что ждет он от меня в обмен на свою помощь?

Так и не найдя ни потерянный сон, ни сбежавший аппетит, я съела бутерброд, не разбирая вкуса, запила холодной водой из кувшина и поднялась.

— Ты куда? — очнулся Змей, а Ник только вопросительно на меня взглянул.

Ну конечно! Какому-то Змею мои планы важнее, чем тому, кому я готова отдать сердце и душу!

— Да так... — Я передернула плечами. — Пойду прогуляюсь. С местными удобствами познакомлюсь. Если таковые найду.

— Сразу во дворе, за углом, — пояснил Никита и потерял ко мне всякий интерес, но тут же нашел его в красном яблоке.

— А может... я провожу? — Змей продолжал изображать из себя наседку, чем взбесил меня невероятно!

— Не может! Афанасий, я не заблужусь! И до отхожего места меня провожать точно не нужно! Понятно?!

Не получив в ответ ни новых предложений о помощи, ни советов, ни напутствий, я развернулась и быстрым шагом вышла за дверь.

— Далеко направилась, яхонтовая?

Я едва успела затормозить, чтобы не налететь на поднимавшуюся по лестнице баклажаноносую Зейнаб.

— Да недалеко! До угла и назад! Может, свечку поддержишь, чтобы я мимо сортира не промахнулась? — Честно, не хотела грубить! Вот нисколечко! Я же милая, воспитанная принцесса! Но...

Словно бес попутал!

— Отчего ж не подержать! Подержу! У нас в сортире темно, хоть глаз выколи. Мухи все окна засидели! — не осталась в долгу служанка и напоследок подлила масла в огонь: — А лучше дверцу открытой оставь. Кто на тебя позарится, да еще в форме воинов нинь-дзя? Их же все за три степи обходят!

Ах так?!

Я от злости прищурилась и досчитала до дюжины. Полегчало!

Эх... показала бы я тебе кузькину мать (батю, сестру, брата и прочую родню местного юродивого Кузьки), но... сейчас, носатая, нужно мне от тебя несколько совсем другое, нежели твоё поражение...

Ладно, была не была!

— Да... ты права, Зейнаб. — Я шмыгнула носом, скривилась, будто собираясь заплакать, и запричитала: — Даже ваши шамахане шарахаются! А-а-а! Хотела в гарем к какому-нибудь магу сдаться, да не берут! Никто не зарится! А замуж взял такой страшила — хоть вешайся! У-у-у! Вот с Ником познакомилась, да и то он со мной только ради денег! Говорит, вот только колечко проклятушее с принцессы Яллар снимем, так сразу расчет давай, и адью! И-и-и! А вот на твою красоту он сразу запал!

Я еще пару раз шмыгнула, огляделась и, заметив на окне белоснежную штору, для пущей убедительности старательно в нее высморкалась.

— Вах, красавица ты моя писаная! — Служанка всполошилась, протопала ко мне и, развернув, прижала меня к себе. — Да разве ж я знала! Да так бы ни разу! Ни в жизнь!

Я уткнулась носом в ее необъятную грудь и заголосила уже по-настоящему. Да так в раж вошла, что на самом деле стало себя жалко, хоть плачь!

— Во-о-о-от! Еще и издеваешься-а-а-а-а! Какая я тебе красавица-а-а-а, да еще и описанная-а-а-а-а! Все-о-о-о-о! Ухожу-у-у-у-у! Не буду вашей принцессе помогать! И из международного отряда воинов нинь-дзя уйду-у-у-у!

— Стоп-стоп, бриллиантовая ты моя! — Я почувствовала, как пальцы Зейнаб сжали мой капюшон в железный кулак. Оторвав от груди, она легко отодвинула меня на метр и пытливо заглянула в глаза. — Давай-ка про принцессу подробнее. Как ты ее спасти хотела и от кого?

— От колечка проклятого, что ей от матери досталось. — Я перешла на деловой тон и, вслушиваясь в то, что несу, тихо холодела от ужаса. Надеюсь, мои догадки впоследствии окажутся правдой хотя бы на четверть! — Это из-за него она молчит! А расколдовать ее может только тот маг, что убил ее мать. И кажется, я знаю, кто это совершил! А значит, он ничего не будет делать. Просто завтра заберет кольцо у победителя. И хорошо еще, если принцесса останется жива! — Глядя в раскрывавшиеся все шире и шире глаза Зейнаб, заговорщицким тоном поинтересовалась: — А знаешь, кто этот ужасный колдун?

Прислуга сглотнула и старательно помотала головой. Я напустила жути в голос и страшным шепотом закончила:

— Это мой муж! Его зовут Феникс. Слышала о таком? А еще его называют Пепельным. И он может сжечь дотла любого, к кому прикоснется!

— Вай до-о-од! — взвыла толстуха и заметалась, не зная, куда бежать. — Надо все

рассказать принцессе! Нет, шаху! Нет, сестре! Она во дворце знает всех! Ее послушают!

— «Вайдод» никакой тут не поможет, и сестра твоя тоже! — Я для весомости сурово сдвинула брови. Если враг верит в мой бред, значит, бред больше похож на правду. Видимо, я попала в точку, и теперь надо подводить этот фарс к логическому концу. — Только ты можешь мне помочь. Мне и моим помощникам из отряда нинь-дзя! Считай, что мы тебя завербовали!

— Как! Говори! Я готова на все! — страстно прошептала Зейнаб, вытягиваясь в струнку.

— Все дело в кольце! — Я притянула ее к себе и тихо пробормотала: — Надо узнать, где принцесса держит это злополучное кольцо! Если его забрать, то чары рассеются и принцесса снова заговорит! Плюс, как бонус, — мой муж придет не к принцессе, а к тому, у кого на тот момент будет это кольцо!

Толстуха сосредоточенно посопела и вдруг покачала головой:

— Нет. Кольцо не забрать. Его охраняет заклятие, и принцесса должна отдать его по собственной воле. Для этого завтрашняя байга и организована. Кто победит, кого принцесса выберет, тот колечко и получит! А вместе с колечком полный пакет проблем. Так что я бы назвала свадьбу принцессы Яллар не праздником, а жертвоприношением!

— А ты знаешь, где принцесса его хранит? — Замечательно! Значит, все обо всем знают, одни мы изображаем хранителей великой тайны!

— Наверное, в сокровищнице. Говорят, его лучше не касаться! Королева несколько лет носила его на среднем пальце левой руки и исполняла желания всех страждущих, пока однажды утром ее не нашли мертвой. Даже я один раз ходила просить ее о помощи. Она так пальчиками прищелкнула, колечко сверкнуло, и... — Толстуха смущенно замолчала, потерла нос и развела руками. — Мать принцессы Яллар была для нашего города великой волшебницей. Жаль только, что колечко из нее жизненные силы все выпило.

Вот оно, значит, как? Королева исполняла желания горожан! А может, она просто сошла с ума и покончила с жизнью?

— А демонов она не видела?

— Нет! — насторожила меня толстуха. А ну как это не наше кольцо? Но тут же развеяла все сомнения: — Ей только джинны бельмастые виделись и в кошмарах мучили! Бедная госпожа каждую ночь кричала. Моей сестре так рассказывала дневная ханум, а та слышала это от ночной ханум-сиделки.

Угу. В общем, я узнала все, что хотела! Теперь посмотрим, что узнает Ник!

— Что ж, приятно было поболтать. — Я сделала шаг в сторону лестницы. — Пойду я... Кстати, тебя мои коллеги заждались, забыла сказать. И еще... Тот, что с ямочками на щеках, Никита, — видимо, очень тебе симпатизирует. Так же как и ты ему. Так что — совет вам да любовь!

— Сказать честно? — Зейнаб вдруг мне подмигнула. — Не люблю славичей! Нахальные, смазливые, считающие, что мир должен лежать у их ног! Да мне твой Никита и даром не нужен, если бы не его динары!

— Чего? — Я непонимающе нахмурилась. — Какие динары?

— Круглые! — фыркнула служанка и направилась вверх по лестнице, бурча под нос: — Тоже мне шпиены! Это скажи, то сделай! О том Расскажи, то покажи, этой в уши надуй! И все это за два золотых динара! Пойду расчет заберу, пока не поздно!

Я озадаченно поморгала ей вслед.

И почему я чувствую себя душой?

Когда я вернулась на чердак, с желанием как следует потрясти Ника на предмет некоторых ответов, моему желанию не суждено было сбыться. Вечер только опускался, серебристой тенью скрывая стены домов, а мои спутники уже самозабвенно дрыхли, устроившись прямо в центре комнаты на коврах, подложив под голову по две подушки. Явно во избежание вибрации. Ведь если бы не подушки, весь второй этаж находился бы сейчас

под слоем штукатурки, осыпавшейся от богатырского храпа Змея. Ник лежал в двух шагах от него, на боку и, к счастью, спал тихо, с головой укутавшись в легкое одеяло. Еще одно такое же лежало рядом, поджидая меня.

И ведь спать не хочется, вот ни капельки!

Я постояла, умильно разглядывая это сонное царство, и прошла к распахнутому окну. Теплый ветер, пролетая мимо, заметил меня, чуть коснулся щеки и полетел дальше, рассыпая в остывающем от зноя воздухе запах сладостей, фруктов и ароматного дыма курильниц.

Несмотря на теплый вечер, мои плечи тронул внезапный озноб волнения.

Завтра все закончится! Я отдам кольцо Фениксу и навсегда распрощаюсь с ним. А Ник? Останется он со мной или... потребует расчета?

Я покосилась на его спину. Почему?

Почему я не могу поверить в его чувства? Почему не могу полюбить его всей душой, до головокружения, ничего не боясь? Почему жду от него предательства? Эх... кто бы подсказал?

— Василё-ок? Не спишь, доча?

Заслышав тихий голос тети, я едва не прослезилась и нащупала за пазухой зеркало. Как у нее получается меня чувствовать даже на расстоянии? Я ведь только подумала... Не потеряла, не позвала — подумала!!! И вот...

— Тут! Я тут, тетя! — Вытащив непослушное зеркало, я сжала его двумя руками и заулыбалась, разглядев по ту сторону разделяющего нас тумана родной тетин глаз. — Я тут! Привет! Как хорошо, что ты меня вызвала!

— Да тебя не вызови, ты и не почешешься родной тете «привет» сказать! — Теперь в зеркале появились накрашенные экстрактом свекольного сока губы. — Понеслась душа по кочкам, да? Василиса?

— Нет! — Я нахмурилась, глядя теперь уже в оба глаза тети. — Ни по каким кочкам я не понеслась! А ежели не веришь, то вон у Ника спроси!

— Плохо! — вдруг печально вздохнула тетя Мафа и отмахнулась: — Чего мне у твоего Ника спрашивать! Вон — спит аки младенец! Из-за спины у тебя этот куль вижу. Ладно. Рассказывай. Где? Что? Как с кольцом? Нашли?

— Завтра! — Я не удержалась и вздохнула, разглядывая быстро темнеющее небо. Вон и звезды, крупные, что бородавка на носу у Зейнаб, уже облепили все небо, с каждым мгновением загораясь все ярче. — Уже завтра шамаханская принцесса отдаст кольцо своему жениху.

— Угу. А при чем тогда тут вы?

— А мы прямые кандидаты в женихи! — У меня получилась невеселая усмешка. — Даже я. Кто завтра выиграет забег, тот станет претендентом на звание жениха моей коллеги, то бишь принцессы Яллар.

— А если выиграешь ты? — Тетя недоуменно нахмурилась. — Она же не далее как завтра ночью узнает, что ты не парень, и накостыляет тебе по шее из самых лучших побуждений!

Я покачала головой:

— Не узнает. Если выиграю я или Афанасий, в любом случае во дворец пойдет Ник. Чтобы ничем не рисковать.

— Ничем не рисковать? Очнись, Вась, это же твой разлюбезный Никита! И ты его сама отпустишь к чужой девке? И не побоишься?

Я передернула плечами и, пытаясь скрыть непрошеные слезы, уставилась на одну очень яркую и такую далекую звезду.

— А чего бояться, тетя? Ежели я ему нужна — вернется и в чистоте себя убережет, а на нет и суда нет! Я неправа?

— Неправа! — отчеканила тетя. Ее губы приблизились и забормотали, зашептали: — Хочешь мужика привязать, так привязывай! Да не словом, а делом! А потом уже и отпускать в стан врага не страшно! Будет чем обратно приманить! Понятно?

— Понятно! — Я снова вгляделась в черно подведенные глаза тети. — Да только никакое «дело» не поможет, если человек сам не ам и другим не дам! Я уже даже начинаю думать, что ему от меня только награда и нужна! Сегодня вон поцеловал и в угол забился! Спрашивается, неужели я такая страшная?!

— Говоришь, в угол забился? — Мафа сосредоточенно поскребла длинным ногтем висок и выдала: — А ежели он не тебя, а *за* тебя боится? Думает — дурное дело нехитрое, а вот потом...

— Что потом?! Если так думать, никакого потом никогда не будет! — Я едва не топнула. Боится! Отговорка! Чего боится?!

— А ты проверь его! — Тетя заговорщицки оглянулась и громко зашептала: — Знаешь, как я отца... — Она вдруг сбилась. — Э-э-э... Отца, говорю, когда моего дома не было. Давно. Еще по молодости... Проверила я так одного молодца... Что к моей сестре свататься удумал. Точнее, сначала на меня поглядывал, а вот потом... Ну дык вот! Пока он спал, улеглась я рядышком и ну его целовать!

— И что? — Забыв о страхах, я поднесла зеркало поближе, боясь пропустить хоть словечко. Но тетя решила не вдаваться в подробности.

— И то! Проверку-то он прошел, только, подлец, все равно на деньгах и власти женился! — Тетя растянула губы в кривой улыбке и, украдкой размазав сурьму по щекам, снова соизволила на меня взглянуть. — Но ты меня не слушай. Права ты! Верить надо! Любит — вернется! Вот! Самая верная проверка, деточка! — И поспешно сменила тему: — Значит, так! Завтра я тебе подсуроплю ровную дорогу и ветер в спину. Ну и хворь напущу на конкурентов. Не знаю, скольких достану, но с толчка поутрянке человек десять не встанут!

— Ха! Спасибо, конечно, тетя! — Вспомнив очередь, что сегодня толпилась на площади у конюшен, я только печально покачала головой. — Но десять человек — это что слону дробина! Видела бы ты, сколько было желающих!

— А если массового поражения? — Тетя подмигнула. — Не бойсь, деточка! Чтобы я да какую каверзу не удумала?! Ложись спать! Утро вечера мудренее!

ГЛАВА 20

Какое-то время я разглядывала покрывшееся рябью зеркало, пока в нем не отразились любопытные звезды, сунула бесполезное стекло за пазуху и направилась к мужчинам. Змей, повернувшись к нам спиной, завернулся в одеяло и, сменив гнев на милость, теперь похрапывал тихо-тихо.

Я осторожно, чтобы не разбудить, забралась на мягкие ковры и, вытащив из-под бока Змея одну подушку, с наслаждением опустила на нее голову. Надо спать! Завтра на рассвете начнутся гонки! Самые главные в моей жизни. Наверное, весь город уже спит в предвкушении завтрашнего дня!

Надо спать!

Я честно закрыла глаза и тут же их открыла. Интересно, что тетя хотела сказать? Когда советовала проверить Ника? Если просто поцеловать — то уже было, и я ничего не поняла! Или целовать нужно именно тогда, когда он спит?

Приподнявшись на локте, я с трепетом взглянула на него. Точнее, на его размытый в темноте силуэт. Мало того что на чердаке хоть глаз выколи, так еще и закрылся с головой легким одеялом! А если и вправду проверить? Ну то есть поцеловать? Только как я пойму, прошел он проверку или нет? Вот черт! Надо было тетю как следует расспросить!

Я в задумчивости села, коснулась зеркальца... и решила не тревожить ее по пустякам. Уж если тетя поняла, как эта проверка работает, так неужто я не пойму? Подобравшись поближе к Нику, я медленно потянула одеяло и склонилась над ним, ориентируясь только на легкое размеренное дыхание. Что же темно-то так? Даже далекие звезды не доносили до нашего чердака свой призрачный свет. Как бы не промахнуться с поцелуем! А ну как оставлю засос на носу или чмокну, как покойника, в лоб? Вряд ли он правильно реагирует

на такие знаки внимания!

Еслиотреагирует вообще! Вон как спит сладко. И плевать ему на все проверки! Эх, что ж боязно-то так?

Стараясь унять внезапно охватившую меня дрожь, я коснулась его лица, мазнула губами по щеке и наконец нашла то, что искала. Губы, такие мягкие, такие горячие, словно только и ждали меня. Впились в мой рот жарким поцелуем, заставляя замереть от волнения.

Не ожидала я от спящего Никиты такого напора! Ой, мамочки!

Сильные руки мужчины сжали меня в кольцо, а пальцы впились мне в филейную часть так, словно хотели из одной меня сделать две!

— Ник, подожди... — Я на миг успела прервать сумасшедший поцелуй и глотнуть воздуха. — Я только хотела...

Но договорить он мне не дал. Кувыркнул в воздухе, и я оказалась в западне его тяжелого тела, любопытных рук и ненасытных губ. Кажется, я слышала треск одежды и голос Змея, что-то бормотавшего о «силах небесных», но мне было уже все равно. Я крепко зажмурилась от страха. Затем страх перерос в панику, а паника во что-то неодолимое, наполненное ужасом и... сумасшедшей сладостью, которая подчиняла меня все сильнее, в каком-то первобытном, безумном действии делая наши тела одним целым.

А может, это какой-то магический ритуал?

Кажется, я кричала от невероятного, разрывающего восторга и плакала, когда тот невидимый, что дарил мне этот восторг, оставлял меня одну. Но он возвращался, чтобы снова подчинять меня себе и подчиняться.

— Ник... Ник? Ник! Ник!!! — Не в силах больше сдерживаться я распахнула глаза. — Я люблю тебя! Я очень тебя люблю!!! Больше всех на свете!

Темный силуэт мужчины устало опустился рядом со мной на подушки.

— И я люблю тебя, моя принцесса! — едва слышно шепнул он, приподнялся на локте, и я почувствовала его пальцы, скользнувшие по щеке, шее, ложбинке между грудями. — Очень люблю!

Вдруг луч любопытной луны заглянул в темноту чердака, высвечивая все тайны, прятavшиеся в сумраке летней ночи, и я замерла от ужаса, глядя вместо серых глаз любимого в выжженные бельма моего мужа. Обожженные губы Феникса растянулись в жуткой улыбке, и, прежде чем провалиться в забвение, освобождающее от кошмара, я услышала:

— Теперь ты — моя!

Утро ворвалось в мою жизнь стремительно и громко. Казалось, где-то разом заржали лошади, залаяли собаки, закричали, зашпорили на все лады голоса, спрашивая одно и то же.

— Где? Я спрашиваю, где ты их оставил?

— Как ты их там оставил?!

И уже другими голосами отвечая:

— Так в конюшне!

— В конюшню завел и привязал в стойло.

Боже, отчего же все тело болит так, словно меня пропустили через мясорубку? Особенно голова! На ней что, вчера еще и станцевали?

Я распахнула глаза. Воспоминания, спрятанные под покровом дремоты, мгновенно взорвали мою бедную черепушку и разлетелись солнечными лучами по чердаку. Боже, что я наделала?! Я... А что я наделала? Всего лишь исполнила свой супружеский долг... Чего хотела, так сказать, то и получила!

Я вскинула руку к голове и замерла, разглядывая черную ткань костюма нинь-дзя, скрывающую мое тело. Стоп! Если вчера я занималась любовью с Фениксом, то почему я одетая? А если я занималась любовью с Фениксом в присутствии моих спутников, то почему так увлеченно, совершенно не обращая на меня никакого внимания, спорят с двумя шамаханами Ник и Змей? А Борька им поддакивает.

— Халтура! Да как вы смеете меня — говорящего коня! — в такие экстремальные

условия копытами?!

Борька? На чердаке?!

Нет, похоже, или тетя чего-то не то наколдовала, или Зейнаб в чай порошок из мухоморов подсыпала! Ну не могу же я сама себе признаться, что на почве замужества и поисков кольца я окончательно свихнулась!

Не могу!

Или могу?

Я с трудом поднялась, еще раз недоверчиво оглядела абсолютно целый костюм и подошла к спорщикам.

— Что происходит?! Зачем меня будить, да еще такими воплями?! Борька, что ты тут делаешь?! — И едва не застонала. Черт! Рассвет! Бега! Дернула Никиту за рукав и поспешно сменила тему: — А как же забег? Нам еще не пора?

— Можешь забыть про забег! Наши лошади пропали! А вместе с ними еще несколько десятков жеребцов у прибывших участвовать в забеге шамахан! — Ник только мрачно скользнул по мне взглядом и снова напустился на жавшихся в проеме двери слуг: — Как они могли пропасть, если вы ни на миг не сомкнули глаз?! Что вообще происходило этой ночью? Было что-нибудь подозрительное?

Шамахане переглянулись и вразнобой замотали головами:

— Было!

— Не было! Ни шороха, ни звука!

— Как ни звука? А крики — слышал?

— Полночи! — поддакнул его товарищ и выразительно постучал костяшками пальцев по лбу. — И что? Тебя спрашивают, странное что-нибудь было? А крики — это нормально! Каждый уважаемый бай с собой по гарему привез!

— И что?

— И то! Либо баи развлекались, либо жены друг другу волосы выщипывали!

— Самое странное было, когда к нам в дверь постучался конь.

— Ага. И нецензурно отозвался о наших умственных способностях.

— И еще велел к хозяйке привести!

— Уважаемые, а я не сильно вас перебью, если скажу, что меня жутко достало здесь стоять и слушать этот бред? — Носом раздвинув спорщиков, на чердак протопал Борька и, заметив меня, радостно хрюкнул: — Доброго утра, хозяйка! А чего такой вид, будто тебя полночи вместо швабры использовали?

Я почувствовала, как мои щеки заливает огонь. А вдруг и вправду использовали? И то, что мне привиделось, причудилось — не сон и не бред? Вдруг все было по-настоящему? И ощущения говорят о том же! Только Ник и Змей ведут себя так, будто ничего не видели и ни о чем не знают! А может, и вправду не знают? Феникс же маг. Что ему напустить беспамятство на всех троих?

— Ты прав! Никаких условий для жизни! — Я окинула взглядом внимательно разглядывающих меня спутников и пошла ва-банк: — Кстати, господа! Мне сегодня кто-то всю ночь спать не давал — вы не в курсе?

— В курсе! — Змей уставил лапы в бока. — Ты! Сама себе! И всем!

— Это как?! — Я даже отступила на шаг. Тело отозвалось тянущей болью. Да что сегодня произошло-то?

— Это так! Ты, — Змей обличительно уставил в меня палец, — всю ночь брыкалась, как коза! Показать синяк?

— Не, боюсь, не разгляжу! — Я оглядела его сине-зеленую шкуру. — Ты весь как один большой синяк.

— Может, вы потом обсудите ваши синяки, а сейчас найдем хоть одного завалившего жеребца и двинем к старту? — Ник мрачно скользнул по нам взглядом и тоскливо посмотрел в окно. — Скоро начнется байга, а у нас только Борька!

— А что случилось с нашими кобылками? — Я не отводила глаз от Никиты. Не знаю,

что сегодня произошло и в каком измерении, но главное, чтобы о моих ночных приключениях не узнал Никита. А Феникс... Плевать мне скоро будет на Феникса!

— Растаяли в воздухе! — радостно ответил мне вместо Ника шамаханин, но, увидев мой не сулящий ничего хорошего взгляд, очень быстро скрылся за дверью, прихватив с собой товарища.

— И это не миф! — тут же уверил меня Борька, засунув голову мне под мышку. — Я сам видел, как две довольно приятного вида сговорчивые дамы растворились у меня на глазах как прошлогодний снег. Только я с одной решил тесно познакомиться, а она возьми и пропади! Обидно!

Н-да... кому-то сегодня повезло меньше!

— Хорошо, что ты у меня не пропал! — Я ласково похлопала жеребца по носу. — Что бы я без тебя делала?

— Надо кинуть жребий, кто, я или Афанасий, будет участвовать в бегах! — Ник отвел глаза от небосвода, раскрашенного яркими лучами солнца, и мрачно посмотрел на меня в упор.

Я забыла, как дышать, увидев этот взгляд. Точнее, то, что поднималось из серого тумана его глаз. Неужели он знает о моих ночных кошмарах? Да и кошмарах ли?

Меня в очередной раз спас Борька.

— А какой, пардон, жребий? — Он покосился черным глазом на Ника и презрительно фыркнул. — Я побегу только в том случае, если на мне будет сидеть Василиса. Если нет — бегите сами! Могу в таком случае поругать!

— Но Василиса — девушка, а выбирают жениха! — запальчиво возразил Змей, видимо недовольный выбором Борьки.

— Что-то этот факт вас вчера не остановил! — поддакнула я. Молодец, Борька! Не проданся врагам за килограмм изюма! — Тем более в одежде нинь-дзя никто моего лица не увидит. Если мы с Борькой победим, тогда все идет по плану. Никита пойдет к принцессе, а мы будем ждать его здесь.

— Ладно. Пусть так! — Ник задумчиво покусал губы. — Но нам нужен хотя бы еще один жеребец! А лучше два! Чем больше шансов победить, тем больше шансов попасть во дворец и получить кольцо.

— Значит, надо идти на базар или куда там еще, где продают коней! — В тот момент эта идея была для меня самой реалистичной.

Вместо ответа Ник развернулся и направился к двери, следом за ним, обиженно сопя, вышел Змей. Я вздохнула. Вот как узнать, что было сегодня ночью? Да и было ли вообще?

Мои тревожные мысли перебил Борис. Он ласково фыркнул на ухо и, едва не касаясь кожи губами, ободряюще пробубнил:

— Не тревожься, хозяйка. Все будет хорошо!

— Угу. — Я еще раз похлопала его по холке и замерла, услышав за окном странный пронзительный звук. Мгновением позже он повторился. — Что это?

— Это созывают на бега. — Борька нервно постучал копытом, словно размышляя, и наконец вынес приговор: — Времени мало. Вы не успеете купить лошадей, а кто не придет к началу переклички, того не допустят к участию в байге.

Я бросилась к двери и тут же остановилась. Обернулась:

— И что делать?

Вместо ответа Борька тяжело вздохнул и, набрав в грудь побольше воздуха, пробормотал:

— Встань передо мной, как лист перед травой!

Я даже не успела понять, не успела броситься к нему, запретить, как посреди нашего пристанища появился верткий сгусток тумана. Покружив по комнате, он, не затягивая с эффектным появлением, трансформировался в горбатую лошадку-мутанта и приветливо пропел:

— Здоровеньки булы! А я уж думала, не позовешь! Уже обидеться хотела на такое

невнимание! — Лошадка тряхнула призрачной гривой и по-деловому прищурила глаза. — Ну и? Чем тебе помочь? Только учти, я реальную помощь творю, и если тебе кучку яблок убрать понадобилось, чтобы хозяева не заругали, что ты на их любимый ковер нагадил, — то извиняй! Это уже не помощь, а желание! А такая ботва не ко мне!

— Да понял я! Понял! — торопливо перебил ее Борька, виновато покосился на меня (неужто была такая повинность?) и уверил: — Помощь нужна реальная. Если ты сейчас не поможешь, то все! Кранты мне! Зуб даю!

И для верности чиркнул копытом по горлу.

Кобылка процокала ближе и потребовала:

— Рассказывай!

— Да чего рассказывать? Мы в гонке сегодня участвуем, точнее — я, две кобылы и три наездника. Но какая-то тля моих товарок сперла в неизвестном направлении, а значит, остаюсь я и три наездника! Понимаешь мысль?

— Надо по-тихому убрать двух наездников, чтобы тебе на спине мозоли не терли? — Кобылка шкодно улыбнулась в... не знаю, сколько рядов острых зубов. Ведь явно издевается, стерва метафизическая!

Но Борька заглотнул наживку до самых гланд:

— Да ты что?! Куда убрать? Никуда их убирать не надо!

— Да ты мазохист, батенька? — Улыбка стала еще шире и острее. — Тогда пусть устроят тебе перелом спины в трех местах, а я на это посмотрю!

— Какой перелом? Какой маза... арза... архист? — окончательно переполошился Борька. Видимо, и вправду на него как-то действуют чары помощи это горбатой коняги. — Нет! Не надо ничего этого! Просто верни наших пропавших лошадок!

— Ну... это уже перебор! — Горбылка так возмущенно фыркнула, как будто Борька попросил у нее нечто крайне неприличное, и отрезала: — Нет! Материальные услуги это не ко мне! Это вам надо лампу искать, чтобы их местную службу магической помощи на три льготных раза раскрутить! Это я о джиннах! А я вам тут не помощник. Адью!

Эта разговорчивая скандалистка уже собралась под шумок исчезнуть, но Борька взмолился:

— Подожди! Неужели нет никаких вариантов?!

— С теми вороными вариантами женского пола меня даже не тревожь! Что я тебе — фея крестная? То кобыл ему, то карету! А личную конюшню не подарить?

Борька воодушевленно вскинул голову, но, напоровшись на ее насмешливый взгляд, только спросил:

— Так какие варианты?

— А вариант только один! — снова ощерилась острыми зубками хитрая бестия. — Я участвую в бегах! Сама! Давно хотела повеселиться, а тут такой случай!

— Но... — Мы с Борькой переглянулись и снова уставились на Кобылку-горбылку.

— Как я смогу кого-то из вас везти, если я — призрак? — угадала она наши сомнения и поспешила успокоить: — Да легко!

Я не поняла, что произошло, только в лицо плеснул холодный ветер, заставляя зажмуриться, а когда я открыла глаза, рядом с Борькой стояла белоснежная красавица-кобыла.

— Например, так! — произнесла она своим ехидным голосом, развеяв чары. — Только, чур, всадника я выберу сама!

— О, мадам, вы великолепны! — не удержался от комплимента Борис.

— Между прочим, мадемуазель, но это лишняя для тебя информация, рыжий! Не родился еще тот непарнокопытный, способный меня заинтересовать на физическом уровне! — отбрила бесовка тут же поникшего жеребца и заторопила: — Ну что, шевелим колготками, или думаете, я это дефиле за просто так устроила?

Кобылка, а следом Борька не спеша спустились по каменным лестницам караван-сарая, и даже как ни в чем не бывало отметили это дело. Стараясь не вляпаться в душистую

неожиданность и молясь не попасться на глаза возмущенной прислуге, я прокралась вниз и как ошпаренная выскочила вслед за лошадьми под пронзительно-синее утреннее небо.

Змей воодушевленно ругался с конюшим, в буквальном смысле стремясь вытрясти из бедолаги наших кобыл, и нас не заметил, а вот Ник срисовал нас довольно быстро. Тронул Змея за плечо, привлекая внимание, и направился ко мне.

— Откуда лошадка?

— Из караван-сарая, вестимо! — тут же ответила лошадка и подмигнула. — А что, не узнал, касатик?

Ник с секунду озадаченно хмурился и выпалил:

— Кобылка-горбылка?!

— Она самая! — Кобылка тряхнула белоснежной гривой и поинтересовалась: — Ну что? Поехали? Или ну их, эти бега? — Не дождавшись ответа, бестия направилась ко мне, сосредоточенно меня обнюхала, затем заявила: — Ты. А второго бугая пусть мой подопечный везет-надрывается!

— Но это моя хозяйка! — возмутился Борька.

— Да я и не настаиваю! — фыркнула кобылка. — Могу прямо сейчас исчезнуть. Надо?

— Не надо! — хором выпалили Ник и Борька, а я, дабы не тратить время, забралась к ней на спину.

— Эй, а где седло?!

— Так лучше? — сухо буркнула кобылка, и я почувствовала, как покатая, гладкая спина стала деревянной, жесткой и удобной! В руки сами легли появившиеся из ниоткуда поводья.

Не дожидаясь, когда я ее стегну, бестия сама сорвалась с места в галоп, оставив моих ошалевших спутников задыхаться в клубах пыли. Вскоре к нам присоединился Ник на Борьке.

— А где Змей? — прокричала я, оглядываясь.

— Сказал, если не найдет скакуна, будет ждать нас на финише! — услышала я от Ника.

Затем улица резко вильнула, выпуская нас на уже знакомую площадь.

Н-да... что-то желающих пободаться за руку принцессы поубавилось. Из сотен желающих ждали отмашки около двадцати шамахан на жеребцах, остальные записались в зрители и встретили наше появление недовольным гулом.

— Что случилось? — поравнявшись с линейкой ожидавших старта всадников, поинтересовался Ник. Я наострила уши.

— Не знаю, какой шайтан решил сегодня ночью развлечься, да только из двухсот тулпаров в стойлах осталось стоять около двадцати. — Сидевший на скакуне шамаханин (не сказать что сильно молодой и богатый) бросил на нас подозрительный взгляд. — Ну и вы еще.

— А если купить? — не унимался Ник.

— Стада тулпаров сейчас на пастбище. Ждать, когда их пригонят, — пройдет дня два, а день рождения принцессы сегодня! — с охотой пояснил его сосед — молодой, безусый парнишка с веселым прищуром и без того узких глаз.

— А шах вечером праздник назначил, чтобы еще и выбор принцессы отметить! — вздохнул третий — толстяк, напавший на себя такую же форму нинь-дзя, как и у нас с Ником. — А вы из какого подразделения?

— Из Славничего! — буркнул Ник.

Толстяк хотел спросить что-то еще, но тут на площадь вышли учредители байги и воздух прорезали знакомые протяжные звуки.

— Участники забега приглашаются на переключку! — довольно громко гаркнул седобородый старец. Стихли последние голоса, все замерли, стараясь не пропустить ни слова. — Затем провожатый проводит вас к началу трассы. Ввиду сложившихся обстоятельств избранных будет всего трое. Если принцесса не изберет себе мужа, байгу перенесут еще на год.

Мы с Ником переглянулись.

— Нет, ждать еще год я не смогу. — Я отвела от него взгляд и криво улыбнулась. — Ни дня!

— Что сегодня произошло? — наконец он задал самый неприятный для меня вопрос. — Расскажи мне...

Произошло — это не то слово! А как рассказать?! «Извини, дорогой, но я тебе изменила!» Хотя... чему изменять, если ничего не было?

— Все хорошо! — Я улыбнулась, стараясь не встречаться с ним взглядом. — Все просто прекрасно!

Он не ответил. Только отвернулся.

Я едва не пропустила мимо ушей названное мной вчера на переключке имя. Василь ибн Еремей. Это ж надо было придумать!

— Здесь! — стараясь подражать мужским голосам, гаркнула я и подняла руку.

Старец коротко взглянул на меня, что-то черкнул в длинном свитке и выкрикнул имя Ника:

— Никита Заречный?

— Туточки! — Ник только кивнул, а Борька переступил копытами, словно привлекая внимание.

Старик снова что-то черкнул.

Переключка продолжилась. Многих не было, а те, кто был, настороженно оглядывались, изучая соперников. Конечно, много взглядов привлек Борька, но призрительских симпатий определенно получила Кобылка-горбылка.

Я невольно коснулась ладонью ее гривы. Она скосила глаза. Снова раздался пронзительный звук, и кобылка вздрогнула. Не дожидаясь приглашения, она выгнулась как кошка и, заметив проводника на растерянном ослике, поскакала к нему первой. Вслед за нами зацокали копытами остальные тулпары.

Не заметив, мы миновали город. Казалось бы, только что плутали по узким улочкам Санда-Карама, распугивая зевак, жавшихся к блестящим стенам домов, — и вот уже впереди стелется уходящая к горизонту желтая степь.

Отметку мы нашли очень быстро. Просто дымившаяся линия из догоравших костров. Тулпары дыма и огня не испугались. Подошли и покорно встали в ряд между кострами, нетерпеливо дожидаясь сигнала.

И он не замедлил прозвучать.

Я несколько секунд смотрела, как стремительно исчезают в пелене из дыма и пыли мои соперники, и яростно затеребила поводья пританцовывающей на месте кобылки.

— Но! Эй? Просыпайся! Ау?! Это бега! Тут не стоять, тут бежать надо!

Горбылка вняла моей истерике и побежала. Задом наперед! Над собравшимися болельщиками повисла гробовая тишина. Затем чей-то голос визгливо спросил неведомого собеседника:

— Махмуд, ты из чего костры собирал?

— Из кизяка! — послышался недовольный бас. — Из-под моих коровок!

— Тогда другой вопрос — что кушают твои коровки? Ты глянь, как эту кобылу переключило!

Раздались робкие, а затем и куда более решительные смешки. Но мгновением позже смеяться расхотелось. У меня под руками кобылка съежилась, обзавелась самыми настоящими верблюжьими горбами и изрядно уменьшилась в росте. Отбежав метров на пятьдесят, она замерла как вкопанная. Нагнулась, заставив меня потуже намотать на кулаки поводья, и стартовала!

На первой секунде остались далеко позади озадаченные зеваки, на второй мы догнали и поравнялись с шедшими в первой тройке скакунами. Я успела заметить Ника и преследующего его вороного жеребца с толстяком, одетым в такую же, как у нас, одежду нинь-дзя. На третьей секунде этого сумасшедшего бега я поняла, что сначала лечу, а потом

лежу, уткнувшись носом в кочку, поросшую мягкой засохшей травой, а неподалеку, у вереницы дымившихся костров, неистовствует криками и воплями толпа.

— Ну и чего ты разлеглась? — раздался над ухом ехидный голос кобылки. — До финиша два шага шагнуть, а она лежит!

Я торопливо поднялась, отряхиваясь от земли, и огляделась. Позади, вздымая к небесам клубы пыли, стремительно приближались всадники, а перед глазами, уменьшившись в сотни раз, парила в воздухе подлая скотинка.

— А что, самой доскакать — слабо?

— Не слабо, но мое слово крепче самогона! — оскалилась горбылка зубками-иглами. — Сказала — поучаствую, значит, поучаствую! На победу я слова не давала! Еще скажи спасибо, что до финиша доскакала! Теперь сама пробегись немного и будешь в дамках!

Бросив меня одну, пакостница с хлопком исчезла, а я с ужасом поняла, что на меня несутся как минимум двадцать коней, причем самый первый, черный как смоль, уже был совсем близко! Не думая ни о чем, я развернулась и с воплями бросилась бежать к финишу, петляя как заяц. Позади раздался звук, как будто уронили телегу, злые крики и ржание лошади. Очень хотелось оглянуться, но приближающийся топот гнал меня прочь.

У дымившихся пепелищ бесновались люди, а мне было все равно! Только бы спастись! Если не затопчут жеребцы, придушат потенциальные женихи!

Я так погрузилась в свои страхи, что только успела ойкнуть и присесть, когда через меня перелетел подозрительно знакомый рыжий коняга и первым пересек дымную черту. Второй ее перешагнула, точнее, перебежала я, а третьим оказался все тот же резвый толстяк.

Перед нами, будто из воздуха, материализовался старик со свитком под мышкой и вскинул руку. Вопли неистовствующих зевак смолкли, будто отсеченные мечом.

— Байга закончена! Я бы хотел назвать трех батыров, что сейчас вместе со мной пойдут на поклон к принцессе Яллар! — Старик оглядел всех подоспевших участников байги, что теперь стояли позади нас, с надеждой ловя каждое его слово, и усмехнулся. — Но! Из трех заявленных победителей только двое пересекли эту черту в соответствии с правилами. Третий, — старик указал свитком на меня, — из победителей исключается. Так как в достижении цели он использовал магию. Его лошадь оказалась волшебной, а волшебство в данном вопросе не приветствуется!

— Боюсь, мудрейший, это происки врагов! — Распихивая зрителей, к нам вышел затянутый в костюм нинь-дзя Змей. — Я сам лично видел эту кобылу перед забегом. Она настоящая, из плоти и крови. Скорее всему виной то черное колдовство, что сегодня отрешило добрую половину славных мужей от участия в байге! Просто сработало с замедлением, и лошадь исчезла, когда этот джигит был в двух шагах от победы!

— Может быть! — Старик едва заметно кивнул моему неожиданному заступнику, но решение не изменил. — И все же сегодня я с печалью заявляю: выиграли байгу всего двое батыров. По правилам победителем является тот, кто пересечет финишную черту верхом на лошади! Значит, вы двое, идете за мной!

Старик указал на помалкивающего Ника и толстяка, которому повезло больше других. Затем нарисовал в воздухе размашистый знак и шагнул в появившийся вихрь. Ник спешился и, хлопнув Борьку по холке, указал на меня, а сам направился вслед за стариком. Толстяк попытался гордо въехать в магические ворота не спешиваясь, но как пробка из бутылки вылетел вместе с жеребцом. Быстро смирившись с бесплодностью своих попыток, он вскочил, не заботясь о судьбе жеребца, снова ринулся к вихрю и под улюлюканье толпы безвозвратно исчез. Вихрь тут же уменьшился и растворился в воздухе, будто не было.

Я, наверное, еще долго бы смотрела в точку, где только что крутился смерч, забравший с собой Ника, если бы не Борька. Подкравшись, он сунул мне голову под мышку, да так и замер, едва слышно посапывая. Змей тоже не заставил себя ждать:

— Нет, ну что за порядки у этих шамахан? Человек выиграл, а его — что?

Я перевела на него взгляд:

— Что?

— Отвергли! Вот что!

— Ну и ладно! — Я отмахнулась. — Даже хорошо!

— А как же принцесса? — Глаза Змея хитро прищурились.

— Ну ты подумай! Вдруг бы принцесса выбрала меня? То-то бы она удивилась! — Я улыбнулась, невольно вспоминая пророчество тети. — А потом бы еще и наваляла по первое число!

— Ну да... — Змей почесал затылок и хлопнул Борьку по крупу. — Чего замер, друг? Давай разворачивайся к дому.

— Это куда, например? — Борька недовольно фыркнул и соизволил вынуть нос из моей подмышки.

— Что, от бега память подпортилась? — Змей, не сильно смущаясь, запрыгнул в седло и протянул мне руку. Прямо как Ник... — Двигай к караван-сарая!

— Так какой же это дом? — Борька, стервец, вдруг сел и, будто бы не слыша проклятий Змея, съехавшего по нему, как с горки, в пыль, философски заметил: — Родной дом сараем не назовут! Даже если он сарай и есть!

— Ты тут поумничай еще! — Красноречие Змея наконец иссякло, он поднялся, отряхнул штанины и вполне миролюбиво поинтересовался: — Ты чего сидишь? Устал?

— Да нет, — тот вскочил на ноги и переступил копытами, — просто неохота грыжу наживать. Ты один весишь как Ник с Васькой, вместе взятые! Так что не обессудь, но топать тебе пешком до своего сарая. — И ткнулся мягким носом мне в щеку. — Садись, Василек!

А я вдруг разозлилась.

— Еще раз так назовешь — продам на первом же базаре! — Одним махом взлетев в седло, что есть силы прищипорила жеребца.

Борька обиженно заржал и сорвался с места в карьер. Шамахане, те, что не успели разойтись, бросились врассыпную, на непонятном наречии желая мне вслед явно всего хорошего.

Я летела по степи, по улицам Санда-Карама, не замечая красоты этого древнего города, не слыша приветственных криков горожан, славящих участников гонки, не замечая праздничных шатров, раскинувшихся на больших площадях. В груди словно зажгли костер, и он разгорался все сильнее, превращая кровь в лаву, а сердце в пепел.

Даже заплакать не могу. Страшно! А вдруг вместо слез по щекам потечет огонь, оставляя на коже обожженные полосы? Что со мной сегодня сделал Феникс? Почему мне все труднее сопротивляться ему? Почему боль, что проснулась сегодня утром вместе со мной, становится все сильнее? Все ярче? Все злее?

Ник... Он мог бы помочь. Советом или делом, но... как смотреть ему в глаза? Как мечтать о его любви? После того что было. Да и было ли? Нет! Хорошо, что он сейчас от меня далеко! Феникс навсегда оставил в моей душе пустыню. Там больше нет места для Ника...

Борька остановился так стремительно, что я едва не вылетела из седла, но усидела и будто бы очнулась, разглядывая переливающиеся, словно посыпанные золотой пылью, высоченные стены дворца.

Дворца?!

— Ты куда меня привез? — сердито прошипела я, оглядываясь. Чуть подальше серебрилась массивная, высокая полукруглая дверь, по обе стороны которой застыли статуями стражники.

— Как ты и хотела! Во дворец! — Борька снова отчебучил номер, что и со Змеем. Сел. Волей-неволей пришлось спрыгнуть. — Давай иди, требуй с них вернуть тебе Ника!

— А у кого требовать?! — Я еще раз оглядела массивные двери и преграждающих путь во дворец стражей. А ведь и вправду как статуи. Даже не шелохнутся!

— Да хотя бы у этих шамахан. — Борька поднялся и неспешно направился к ближайшему. — Здравсте, уважаемый! Ну че? Как работка? Не надоело бревно с глазами

изображать?

Шамаханин не шевельнулся. Только чуть заметно сдвинул брови. На лице второго появилась едва заметная улыбка. Борька довольно фыркнул, заметив результат общения, и потрусил к другому стражнику.

— Да ты посмейся! А хочешь, разомнись, сходи похарчи, а я тут вместо тебя покараулю.

Реакция оказалась обратная. Улыбка с лица стражника пропала, а вот брови удивленно полезли на лоб.

— Эй? Я, кажется, с вами разговариваю? Хоть бы вежливо на ху... хутор бабочек ловить послали! Чурбаны невоспитанные!

Ноль реакции. А вот Борька, кажется, всерьез разозлился. Решив больше не говорить, а действовать, он подошел и демонстративно наступил копытом на ногу одному из стражников. Тот пронзительно заверещал. Его товарищ попытался врезать бешеному тулпару по задку, но словил задним копытом в челюсть и рухнул в пыль, старательно выплевывая выбитые зубы.

— Что тебе нужно, ша... шайтан-ага? — Первый стражник кое-как перестал прыгать в обнимку с отдавленной ногой и решился пойти на переговоры.

— Хорошее имечко! Веское! — одобрил Борька и перешел к делу: — Нам известно, что во дворец был доставлен один из победителей байги. Имя — Никита Заречный. Хотим его увидеть и, так сказать, проводить в последний путь!

— Суженый принцессы Яллар умирает? — В глазах стражника отразился неподдельный ужас.

— Почти! — не стал разубеждать его конь. — Женится! Нам после сего ритуала, сам понимаешь, будет до него как до звезд! Соображаешь?

Стражник искренне покачал головой.

— Пожови ты им этого шлавича! — зло прошепелявила жертва зубодробильной техники марки «Борька». — А мне лекаря! Вдруг еще не поздно, и он прирастит мои жубы?

Наконец что-то в мозгу у доблестного стража щелкнуло. Кивнув, он толкнулся в ворота и, не говоря ни слова, испарился в открывшейся нашему взору узенькой дверце.

— И без глупостей! — рявкнул ему вдогонку откуда-то сверху голос Змея. — У нас в заложниках твой беззубый товарищ!

Мы с Борькой одновременно задрали головы, разглядывая Афанасия, пикирующего на нас верхом на крошечном белом облачке. Как оказалось мгновением позже, под белое облачко искусно маскировалась Кобылка-горбылка. Приземлившись, она стряхнула Змея нам под ноги, зависла перед мордой у Борьки и заявила:

— Имей в виду, красавчик! Эта помощь не в счет, но ты мне за нее тоже заплатишь!

И, не дожидаясь ответа, исчезла.

— Класс! — Борька попятился и уселся на подбирившего выбитые зубы стражника. Тот хрюкнул, попытался подергаться, но, поняв бесплодность попыток, уткнулся носом в пыль и затих. Борька, будто не заметив случайной жертвы, поерзал задом, устраиваясь поудобнее, и продолжил жаловаться: — Вот я попал! Она теперь что, за всю свою благотворительность будет мне счета выставять? А вот фиг вам! Сам справлюсь! И не нужна мне ваша помощь, дамочка!

— Ну эт ты зря! — Змей подошел, потыкал носком сапога в не подававшего признаки жизни «заложника» и одним рывком поднял Борьку. — Нам сейчас как никогда надо держаться вместе! Развязка близка, и неизвестно, какие желания исполнит нам кольцо Пепельного!

Борька открыл пасть, чтобы не оставить это утверждение без ответа, но тут маленькая дверца снова распахнулась и оттуда с опаской выглянул стражник.

— Где Ник? — в три голоса поинтересовались мы.

Стражник с тоской покосился на бедолагу-товарища, отдохавшего в дорожной пыли, и рискнул показаться весь.

— Все что мог — я для вас сделал! Ваш друг выйти не смог и передал вам записку. — Он рывком протянул к нам руку и разжал ладонь, на которой лежал крохотный, свернутый вчетверо листок. И вдруг взмолился: — Не убивайте, а?

Дожили!

— Ты нас за кого принимаешь, а?! — возмутился Змей, не забыв сдернуть с дрожавшей ладони стражника записку. — Мы всего лишь хотели друга увидеть!

— А Ибанесса затоптали! — Стражник осмелел и обличительно ткнул пальцем в не подававшего признаков жизни товарища.

— Да жив твой Ибанесс! — обиженно фыркнул Борька. — Просто поспать прилег!

— Что-то он совсем не похож на живого! — не унимался искатель справедливости.

— Ща оживим! — Змей устало сунул руку за пазуху и протянул к стражнику ладонь, на которой зазывно поблескивали золотом монеты. — Спасибо тебе, мил-человек, за помощь! А в награду даю тебе двадцать золотых. Правда, не вашей страны, да какая разница? Золото, оно и в Пекельном мире золото!

Не знаю, какую магию применил Змей, какие заклинания успел прошептать, да только действительно случилось чудо! Борькина жертва вдруг очнулась и резво кинулась к товарищу, уже сгребавшему золото с ладони.

— Половина моя!

— С хренов ли?

— Да хоть с хренов, хоть с маиса, хоть с конопли! Я — пострадавшая сторона! Меня дважды покалечили, пока ты прогуливался!

— Я не прогуливался, а выполнял важное поручение, пока ты тут отдыхал!

— А в глаз?

— А в нос?

Не дожидаясь логического завершения товарищеского спора, Змей взял под уздцы Борьку, под руку меня и уверенно повел нас подальше от дворцовых ворот.

ГЛАВА 21

— Ну? Что там?! Читай! — не выдержала я, когда дворец скрылся из виду за тремя поворотами и вставшими гурьбой домами.

— Так, может, до гостиницы дойдем? Там и почитаем? — Змей повертел в руках листок, словно не решаясь его развернуть.

Вот только я не собиралась тратить время, возвращаясь туда, куда возвращаться не хочется!

— Это же другой конец города! А вдруг Ник попросил у нас помощи, а мы, как идиоты, шагаем от него подальше? — Я остановилась и потребовала: — Читай немедленно!

Змей пожал плечами и сунул листок мне.

— Читай сама! А то я пока в этих перчатках листок разверну, если разверну...

— Да поняла я! Поняла! Ты у нас еще и неграмотный! — Что, меня читать зря, что ли, учили? Осторожно раскрыв послание, я впилась глазами в корявые буквы. — «Принцесса выбрала меня. Кольцо хранится в тронном зале. Сегодня ночью она передаст мне его, и дворцовый колдун свершит надо мной при... прю... тю... ж...» Да что же это за слово? Еще так подчеркнуто и с завитушками, что хрен прочитаешь!

Змей подошел ближе и заглянул в листок.

— Обряд Притяжения.

— И что это значит? — Сердце екнуло от нехорошего предчувствия.

— Ой, хозяйка, до чего ты бываешь тупая! — не выдержал Борька. — Даже мне понятно, что это какая-то магическая пакость! А если учитывать, что «сегодня ночью» и «выбрала»... Все! Ты его потеряла!

— То есть как?! — У меня от волнения аж заколотилось сердце. Я, конечно, тоже не ангел, но оставлять Ника в чужой стране на радость какой-то шамаханке?! А вот фигушки! Я

его, можно сказать, подобрала, приручила, хочется верить — влюбила... — Змей, что это за ритуал?

— Это, как правильно подметил Борька, ритуал-пакость. После него жених до конца своих дней видит, ценит и любит только одну женщину — свою жену. И разрушить последствия ритуала невозможно! Пробовали убивать женщину — зачарованный умирал, пробовали мужчину увести — результат тот же!

— Но что-то надо делать! Я не отдам ей Ника!

— Что в письме еще написано? — Вместо ответа Змей заглянул в листок и прочитал: — «Попробуйте прийти до полуночи, и я отдам вам кольцо!»

— И? — нахмурилась я, ожидая продолжения.

— И все! Больше ни слова! — Змей, стараясь не встречаться со мной взглядом, сосредоточенно принялся сворачивать записку.

— Значит, он решил остаться? — Огненная боль, превратив в пепел сердце, принялась за душу. Еще немного, и от меня ничего не останется!

Борька тоже решил внести свою лепту в обсуждение планов, и я была вынуждена признать, что его совет самый лучший:

— Давайте придумаем, как нам попасть во дворец, и спросим у него самого, что он на самом деле решил.

— Попасть — самое сложное! Предлагаю обойти весь дворец. Наверняка где-то есть дверь для хозяйских нужд! Вряд ли теперь нас пропустят через главные ворота! — Змей усмехнулся, явно вспоминая бедняг-стражников.

— Так чего мы стоим? — Я развернулась и зашагала в обратном направлении. Ведь чувствовала же, что далеко уходить от дворца не нужно!

— Хозяйка, подкинуть? — В меня тут же ткнулся мордой Борька.

— Кидать не надо, а подвезти — милости просим! — Я вцепилась в поводья и мгновением позже была в седле. — Покружим вокруг дворца?

— Не... я кружиться не буду, еще сблевану на какого-нибудь высокородного бея! А вот проехаться в поисках черного хода...

— Н-да... незнание сленга заставляет по два раза говорить одно и то же! — непонятно к чему произнес Змей, глубокомысленно вздохнул и предложил: — Сейчас на первом перекрестке мы разделимся. Я пойду в обход дворца справа, вы слева. К воротам не приближаемся. Где встретимся, там встретимся. Идет?

— Кто? — насторожился Борька.

— Куда? — очнулась я от невеселых раздумий.

— Боже, дай мне силы! — взмолился Змей и, не прощаясь, свернул, как и обещал, направо.

— А нам куда? — задал сакраментальный вопрос Борька, когда высокая, затянутая в черную ткань костюма фигура Змея свернула за тощий кустик и вскоре вовсе пропала из виду.

Я повертела головой.

— Или прямо, или налево. Тебе куда больше нравится?

— Давай прямо? — Борька тряхнул гривой. — Я налево ходить не привык! Вечно то черная кошка приключится, то какая-нибудь дамочка горбатая с обширным перечнем услуг!

— Ага, не в навоз, так граблями по башке! — с сознанием дела поддакнула я.

И такая тоска по дому меня взяла, что я чуть не всхлипнула. Но... душевный порыв был безжалостно испорчен знакомым вьедливым голоском:

— Соскучились?

— Помяни черта! — Борька испуганно шарахнулся от белоснежной горбатой мухи, летающей у него перед носом.

— Он и появится! — покивала я, не отводя взгляда от этого гибрида-мутанта, и наконец догадалась. — Кобылка-горбылка?!

— И вам не хворать! — Наглая зверюга приняла свою привычную форму, но

увеличиваться в размерах не спешила. Приземлилась Борьке на нос и заговорила: — Искать вторые ворота бесполезно. У шаха вся прислуга живет во дворце. На отдых уходят по выходным, а товары первой необходимости доставляют раз в месяц обозами. Так что во дворец можно пробраться только через главные ворота. Ну что? — Мне показалось или она стала чуть побольше? — Помочь попасть во дворец?

— Помоги! — вдруг проблеял жалобным голоском Борька и от волнения скосил глаза на горбатую бестию.

— А «пожалуйста»? И отпечаток твоего копыта на трех документах?

— Это каких еще трех?! — очнулась я. От понурого Борьки толку мало! Что с ним сделала эта зверюга? — Получается, вместе с этим — только два! А если ты имела в виду помощь Змею — так это твой выбор! Никто из нас тебя не просил его подвозить!

Кобылка ощерилась:

— Самая умная?

— Самая догадливая! — парировала я и заторопила, заметив вывернувших из-за поворота стражников: — Делай же что-нибудь! Перенеси нас к Змею, а лучше сразу во дворец!

— Не, во дворец я не могу! У них там «ловец снов» знаешь какого уровня стоит?!

Лошадка притопнула копытом в воздухе, и мир сошел с ума. Вокруг все с огромной скоростью завертелось, и нас выплонуло где-то у дворцовой стены, а в двух шагах от нас, с тоскою разглядывая каменную стену, стоял Змей.

— Второе желание исполнено! Ну что? Третье считать или сами во дворец пробираться будете?

Вот зараза!

— Василек?! — Змей ошарашенно похлопал выпученными глазами и бросился к нам. — Но как... Я же... а вы же...

— Слушай, тебе еще не надоело это ботаническое название? — Кобылка поморщилась. Видимо, нехорошие ассоциации, которые вызывало у нее это слово, были весьма сильными.

Я тоже поморщилась, но по другому поводу.

— Ненавижу, когда меня так называют! Вернее, очень люблю, но... но...

— Помоги нам, а? — спас нас от начинающегося скандала Борька.

— Ладно уж! — сжалилась кобылка. — Сейчас я сделаю вас такими, что вы в любом случае попадете во дворец. Только одно условие! Ваш жеребец останется со мной. Так сказать — скрасит ожидание! Чует мое сердце: ждет меня с вами еще один контракт!

Борька, казалось, даже не слушал ее, только кивал головой, не сводя с бестии благодарных глаз. Ох, а мое сердце чует, что мне моего жеребчика после таких приключений еще год валерьянкой отпаивать надо будет и в грязевые ванны макать для восстановления душевного равновесия!

— Нет уж! Борька пойдет с нами! — вырвалось у меня, и я замерла, прислушиваясь. Где я?

Передо мной выросли какие-то горы до небес и целый лес странных пилообразных деревьев! Рядом удивленно вертел головой Змей. Вот только он явно не пребывал в неведении относительно нашего местоположения.

— От заразы! А к стене перенести — не судьба? Это сколько же нам в обход пиликать? — Он перестал оглядываться и задрал голову вверх.

Вдруг с небес к нам спикировала белоснежная лошадка, на которой я сегодня уже имела честь опростоволоситься, и недовольно поинтересовалась:

— А самому колдануть? А еще лучше крылышки бы освободил и донес даму до ближайшего муравьиного хода!

— Без крылатых дуэт! — возмутился Змей, дождался, когда лошадка приземлится, и одним махом ее оседлал.

Посмотрел на меня выжидательно, но руки подавать не стал. Я уже хотела было обидеться, но вовремя вспомнила, что сама, не далее как совсем недавно, устроила ему

взбучку, и протянула руку.

— Помоги?

Его лапа, затянута в тонкую черную ткань, осторожно, но крепко сжала мое запястье и плавно потянула. Секундой позже я сидела в седле впереди него.

Совсем как с Ником! Я стиснула зубы. Сама его отпустила, изменила, да еще и ревную?!

— Ну?! Чего встала?! Пошла! — Я так прищипорила не ожидавшую подлости конягу, что она рванула с места в карьер, даже позабыв мне ответить.

Правда, потом мерзкий нрав к ней все-таки вернулся, и она применила свой излюбленный прием — исчезла в воздухе, раскидав нас, словно груши, у высочайшей каменной гряды.

— Твою ж... налево... через... да в... — Змей, кряхтя, поднялся, потирая одновременно голову и зад. — Предупреждать же надо, что тормоза нет! Чуть глаза не повылетали, когда лбом о камушек хряснулся!

Я промолчала, для виду потирая плечо. Мне повезло больше. Я упала на что-то мягкое и пружинистое и даже толком не успела испугаться, когда это что-то прыжками исчезло в неизвестном направлении.

Впрочем... не буду удивляться. Все в конце концов когда-нибудь объяснится!

И все объяснилось, но гораздо раньше, чем я ожидала.

— Зачем нас было в сотни раз уменьшать, когда переправить через стену гораздо проще?! — Змей в очередной раз пнул камень, «наколдовавший» у него на лбу шишку, которую было видно даже через черную маскировочную ткань, и указал на темневшие невдалеке пещеры. — Ну что? Пойдем? Если какая живность будет приставать — только скажи!

— Уменьшила в сотню раз? — Я еще раз огляделась, не веря своим глазам. Ну да! Как я сразу не догадалась, что эта гора — никакая не гора, а стена! А то мягкое, на что я приземлилась, это всего лишь... Я сглотнула. Ой, мамочка! Кто же это был? Хорошо хоть не схарчили!

— Ну да! Мы теперь ростом чуть выше муравья. Получается, они для нас как большие собаки, — утешил Змей, добавив мне паники.

Я поспешно огляделась. Это что же выходит? Муравьи — как собаки, но есть еще кто-то, кто больше и очень быстро прыгает? Или летает? Мамочки-и-и!

— Ты, главное, держись рядом со мной, — подбодрил Змей, правильно расценив мое молчание, и, как ребенка уговаривая, повел меня к огромным темным пещерам. — Стена не такая уж и большая — мигом пройдем по ходам и окажемся в шахском саду.

Угу! Его обещания да боженьке в уши!

Сколько мы блудили по страшным коридорам, в мерзкой клейкой субстанции и с хрустящими под ногами, рассыпавшимися от одного прикосновения хрупкими хитиновыми чешуйками — неизвестно! Но! Я с гордостью могу заявить о тех уроках и умениях, что я приобрела по воле некоторых горбатых дамочек.

Итак!

Я потеряла счет времени в этой жирной и вязкой темноте, переполненной шелестом, скрежетом и цоканьем. Но! Зато научилась не думать так часто о Никите.

А еще я научилась обуздывать рефлексy! А именно: не бить по морде муравьям, внезапно выбегающим из потаенных ходов и снова исчезающим в темноте.

Я даже сумела не испугаться, когда нам встретились два муравья ростом как минимум с корову и, что-то прошелестев, вальяжно пошагали дальше.

И наконец, я научилась доверять Змею... то есть Афанасию.

Когда мы случайно попали в логово пауков, он отважно закрыл меня грудью, и, пока я на ощупь искала булыжник побольше, Змей раскидывал лохматых тварей голыми руками, а потом для убедительности еще и оглушил их заклинанием. Я уж не говорю о том, что потом он, как истинный мужчина, закинул меня на плечо и бросился бежать.

Когда наконец впереди забрезжил свет, я посчитала его плодом расшатанной психики, но Змей убедил меня в обратном:

— Ну слава всем чудотворцам! Выбрались! — И, поставив меня на ноги, с шумом втянул в себя напоенный цветочным ароматом воздух.

— Выбрались?! Ты уверен, что это не видения от паучьих укусов? — Я еще раз с наслаждением почесалась. Не болят, но зудят невероятно!

— Не сомневайся! — отрезал Афанасий и широкими шагами направился к свету, не забыв прочесть мне краткий курс арахнологии. — Я этих гадов в свое время тучу извел! Знаю о восьмилапых почти все! У пауков-песочников яд хоть и есть, но слабый, и максимум, что тебе грозит, — пару часов почесаться!

— Кстати, а как мы вернем наш обычный рост? — сменила я неприятную для меня тему. — А то в таком виде мы до Ника доберемся через год, если какой-нибудь слуга не оставит от нас на полу мокрый след.

— Не бойся! — Змей шагнул из сумерек пещеры под оранжевые лучи заходящего солнца и остановился, поджидая меня. — Заклинание, что применила эта горбатая кобыла, очень легко отменяется. Уж поверь мне. Все-таки я столько лет магией занимался, пока в Змея Подгорного не превратился.

— А можно об этом поподробнее? — Я насторожилась.

Может, получится выпросить у него о прошлом Ника и о том, что скрывает Ник? Что он хочет попросить у Феникса? И о чем не должна знать я? Ну, по крайней мере, до тех пор пока кольцо не окажется в наших руках.

Так, начну издалека:

— Как? Почему ты стал Змеем?

Афанасий бросил на меня долгий взгляд и усмехнулся.

— Потому что был как ты! Уверенный в своих силах, молодой, то есть глупый. Но ты не обижайся. Это даже хорошо!

— Почему это я — глупая?! — нахмурилась я. То же мне, открыл тайну! Мне это и Мафа, и батя с рождения талдычили. Надо было так далеко забрести, чтобы услышать это из уст какого-то страшили!

— Ну... — Змей глубокомысленно пожал плечами. — Наверное, главная твоя глупость в том, что не побоялась уйти от привычного. А еще доверяешь всем и каждому.

— Ха! — Уйти от привычного?! — Да если бы я жила в доме батюшки, ты думаешь, я ушла бы по собственной воле на поиски какого-то кольца?! В том-то и дело, что меня прижали к стенке! Выдали за Белоглазого, и адью! Мой разлюбезный батя, между прочим! Хотя я его не виню. Каждый сам за себя в этой жизни.

Я угрюмо уставилась в одну точку, даже не замечая, как где-то далеко, над травяным лесом появилась великанша. Точнее, заметила, но, когда о ней мне тактично намекнул Змей, не преминув вставить заковыристую фразу:

— Что ж, каждый верит в свою правду. А теперь позволь вернуть нам прежний облик и не пугайся, неподалеку от нас я вижу женщину.

Женщину? Пока я разглядывала закутанную в цветастую ткань фигуру, мир изменился. В меня, как в воздушный шарик, будто накачали воздуха, заставляя стремительно, до головокружения, расти, увеличиваясь в размерах, пока я не поняла, что стою рядом с обычного роста Змеем и смотрю на крошечную, сгорбленную «великаншу».

— Матушка? — Змей, видимо имевший к таким превращениям иммунитет, сообразил быстрее и направился к замершей от удивления женщине. — Не бойтесь! Мы не причиним вам вреда!

— А я и не боюсь, — скрипуче буркнула старуха и нелюбезно поинтересовалась: — Чего надо?

— Помощи! — вступила я. Не знаю, какой бес решил подпевать мне в ухо, но я отчетливо слышала в мыслях то, что нужно сказать, чтобы получить расположение этой женщины и ее помощь. — Только вы сможете помочь! Не дайте случиться великой ошибке!

— Эт какой? — перевела на меня пронзительный взгляд старуха.

Я поежилась. И не соврешь. Как будто мысли читает. Да только врать я и не собиралась!

— Жених, что себе выбрала принцесса Яллар, никогда не станет ей любящим мужем. И навсегда сделает ее несчастной.

— Эт еще почему? — приподняла одну бровь ханум, а Змей только заинтересованно на меня покосился.

И я решила:

— Потому что он любит меня. Это мой жених!

— А за каким шайтаном он тогда в байге полез участвовать? — Вторая бровь старухи оказалась рядом с первой.

— Кольцо! Волшебное и проклятое, что долгие годы оставляло безмолвной вашу принцессу. Нам оно очень нужно! Чтобы быть счастливыми... — Я даже всхлипнула и потупилась, уверенная в стопроцентном успехе, но услышала совсем другое:

— Так я вам и поверила! Чтобы матушка Яллар да подсунула своей дочери проклятую драгоценность? Ха-ха — три раза. А теперь я отвернусь, а когда повернусь, вы исчезнете так же быстро, как и появились. И не думайте пробраться во дворец! Воины нинь-дзя там на каждом шагу! И совсем не такие, как вы!

Может быть, на этом все бы и закончилось. Скорее всего, мы бы не отступились и нашли какой-нибудь другой путь, но как обычно, по законам жанра, обязательно бы опоздали, если бы не моя привычка всегда и во всем быть сильной. Я держалась до последнего, но последнее меня и подрубил.

— А-а-а, да гори оно все синим пламенем! И кольцо это проклятущее, и вы, и Белоглазый! Никуда я отсюда без Никиты не уйду! Можете звать ваших дзя! Лучше на плаху, чем вернуться к Пепельному! И-и-и... У-у-у...

— Так, девка, не вой! — Теплые руки ханум заставили меня убрать от заревавшего лица ладони. Она заглянула мне в глаза и приказала: — Рассказывай! А если соврешь — я почувствую! Старую Аглай-бабай еще никто не мог обмануть!

Чувствуя, как меня просто распирает от желания поведать кому-нибудь о наболевшем, я заговорила. И рассказала старухе все, начиная с того самого дня, когда папенька поставил меня перед фактом моей скорой кончины, ой, то есть замужества! Как сбежала из дома Феникса, как встретила Ника, как искали кольцо, как... Про сомнения и страхи я тоже рассказала. Утаила только вчерашний полусон-полуявь. Ну а правда, зачем еще больше нагнетать обстановку?

Когда я замолчала, старуха только цокнула языком, развернулась и направилась к взмывающим в вечернее небо башням дворца.

Я беспомощно посмотрела ей вслед и взглянула на Змея. Тот лишь развел руками. Но вдруг старуха остановилась и обернулась.

— Вы что, так и будете там стоять? Предупреждаю, скоро пойдет с обходом стража. К тому же до обряда осталось совсем немного времени.

— Вы нам поможете? — Не веря своим глазам и ушам, я кинулась к ней. Змей не отставал.

— Я подумаю над этим... — хмыкнула Аглай-бабай, и мне показалось, что в уголках ее совсем не старых глаз спряталась улыбка.

Высоченные, искрящиеся золотом, будто в них спрятаны лучи полуденного солнца, дворцовые стены встретили нас на удивление радушно. Мне даже показалось, что я попала на какое-то празднество! Впрочем, так оно и было. Десятки, даже сотни богато одетых мужчин и женщин. Столы с яствами. Фонтаны. И даже диковинные птицы с настоящей, таившейся в их богатых хвостах радугой. А вокруг гостей такими же нарядными птицами кружились танцовщицы, тряся обнаженными животами.

Боже, да батюшку бы удар хватил, если бы он увидел такое изобилие! Что там наши

балы! Десятка три матрон да бояр, десять боярских да купеческих дочек и пять парней нарасхват. Бывало, что особо нервные девицы, в основном те, кто весь вечер просидел в ожидании танца на скамейке запасных, устраивали темную своим более везучим подругам и уходили с победным призом в виде косы или того, что от нее в результате драки досталось.

Эх... Я даже тоскливо вздохнула. Дом, милый дом! Как бы я хотела там поскорее оказаться!

— Аглай-ханум? — К нам спешили трое узкоглазых молодцов, затянутых в такую же, как у нас, маскировочную форму. На нас они даже не взглянули. Только коротко кивнули.

— Да, Ибрис-бей, уже почти все готово. — Старуха остановилась. — Еще что-то?

— Вас искала принцесса, — шагнул вперед один.

— Я и так к ней иду, — с достоинством кивнула та и направилась в центр зала, к уходившей наверх винтовой лестнице.

Не знаю, как Змей, а я почувствовала себя неуютно под пронизывающими взглядами стражей нинь-дзя и, не прощаясь, поспешила за старухой. Следом послышалась тяжелая поступь Змея.

Видимо, мы не представляли для стражей никакого интереса, а может, было совершенно нереально заподозрить заговор в тщательно охраняемом дворце, но нас больше никто не остановил. Даже когда мы проходили по лестнице мимо стражей. На этот раз они были одеты в привычные кожаные доспехи, такие же, что я видела на стражах в городе и на байге.

Хм, а неплохая у шаха охрана во дворце! Пока мы миновали лестницу и длинный коридор, я насчитала еще два поста по три человека, и еще двое стражников изображали статуи у расписанной чудными узорами широкой двери, но едва мы остановились перед дверью, как «статуи» с лязгом скрестили перед нами копья.

— Вы чего, батыры? — Аглай-бабай-ханум так зыркнула на каждого из них, что копья поспешно вернулись в вертикальное положение.

Только один из батыров все-таки изъявил свои претензии:

— Гарем!

— Тоже мне, открыл Багдад! Я здесь восемьдесят лет живу! — раздраженно дернула плечом завербованная нами старуха. — Еще открытия?

— Стражи нинь-дзя... — подал голос второй.

— Я знаю. Они со мной. Еще вопросы? — Ханум терпеливо смирала их взглядом, но вопросов не последовало.

Батыры пришли к выводу, что связываться с этой фурией — себе дороже, и снова решили изобразить статуи. Такое решение ханум понравилось. Она кивнула и, открыв дверь, первыми пропустила нас в гарем.

Эх... От увиденного завистью сжало сердце. Какой же это гарем?! Это целый город!

Проще сказать — мы попали в город-сад. Под ногами ковры, по бокам заросшие травой дорожки, вдоль которых росли цветущие и плодоносящие невысокие деревья. А над головой самый настоящий купол неба. И теплый, напоенный солнцем воздух. А в центре огромная чаша, заполненная прозрачной водой. Я даже заглянула внутрь и ни капельки не удивилась, увидев плавающих там золотистых карпов и дрейфующие по водной глади белоснежные цветы.

За водоемом, спрятанные в деревьях, стояли несколько цветастых шатров, освещенных изнутри слабым светом. К сожалению, шатры были непрозрачными, и узнать, находятся ли в них их обитательницы, я не смогла.

Несмотря на сгущающиеся сумерки, здесь было светло. К тому же в верхушках деревьев, как светлячки, загорались крошечные светильники, освещая нам путь. Впрочем, Аглай-бабай и так знала, куда идти, и наконец, недолго поблуждав по этому странному, живущему своей жизнью миру, мы вышли к обособленно стоявшему белому шатру.

— Значит, так. — Прежде чем шагнуть внутрь, она развернулась к нам. — Заходишь ты, девка, и говоришь все что бог на душу положит! Отдаст Яллар тебе суженого — забирай.

Нет — уходи и забудь о нем!

— Но... Он ее не любит! — попыталась возразить я. Ничего себе — выбор!

— Не любит — полюбит. К обряду уже все готово!

— Но... так нечестно! — Я бросила взгляд на Змея. На бабу. На белесый полог, за которым виднелись два силуэта. — А если она его не отдаст? Девка с рождения не видела ни одного мужика, а тут такой красавец на подносе!

— Значит, так тому и быть! — отрезала ханум. — Я даю тебе шанс. Разве этого мало? Не отпустит Яллар твоего любовника — извини! Но счастье принцессы для меня — главное всего, и уж конечно главное тебя!

Ясно.

Понятно.

Теперь все зависит от меня.

Отлично!

Я глубоко вздохнула, откинула полог и шагнула внутрь.

ГЛАВА 22

— Бэ два!

— Мимо! Зэ пять!

— Ранила!

— Зэ шесть?

— Ранила!

— Зэ семь?

— Убила! Опять!

— Ха! Я убила уже три твоих каравана, а ты всего лишь подбил в моем караване два верблюда! Разве это честно, Никита-джан? Признайся — ты мне подыгрываешь!

— Мамой клянусь, Яллар-солнышко, и в мыслях не было!

Никита с принцессой сидели на коврах у дальней стены огромного шатра и, держа на коленях по небольшой черной доске, что-то рисовали на них мелом. Моего появления они не заметили. Видимо, из-за того, что поглощенных игрой молодых людей окружали несколько десятков круглых подсвечников с весело трепыхавшимися в них яркими огоньками, а у входа слабо теплилась всего пара фонарей, даря больше теней, нежели света.

Я помолчала, разглядывая увлеченных друг другом и, бесспорно, интересной игрой молодых людей. Яллар оказалась невысокой, пухлой девушкой с двумя длинными, черными, блестящими косами, и на вид ей было едва ли не меньше лет, чем мне самой. К сожалению, лица ее я не увидела, так как по всем правилам местного приличия оно было закрыто пестрой тканью. А вот глаза... Глаза сияли счастьем и детской легкостью.

Не ведающее бед дитя...

Боже, глядя на нее, я действительно ощутила себя женщиной. Мудрой и... одинокой. И мне очень захотелось развернуться и уйти. А вдруг для Никиты счастье в покое и сытой жизни? Тогда он его обрел... Ведь я, даже как принцесса, немного стою. Что есть у батюшки, кроме дворца и крохотного королевства?

Выровняв дыхание, я заставила себя успокоиться и направилась к игрокам.

Прочь сомнения! Я должна хотя бы попытаться узнать, чего же на самом деле он хочет. И если Ник выберет ее, то я должна это услышать!

— Принцесса Яллар... Никита... Извините, если помешала... и за то, что без приглашения... тоже того... пардон! — Я заготовила длинную речь и уже начала ее вступительную часть, как меня перебил звонкий голосок принцессы:

— Ник, а ты совершенно точно ее описал! Ну, здравствуй, Василиса Еремеевна из рода Премудрых!

— Отлично! — Я даже растеряла все слова, остановилась в двух шагах и только криво улыбнулась. — Принцесса Яллар, как я понимаю? Вижу, нас заочно представили друг

другу... Что ж... тогда не станем тратить время на формальности. — Я для смелости подбоченилась, и тут меня понесло: — Короче, так! Ника я тебе не отдам, даже не мечтай! Если, конечно, он сам тебя не выберет. И... если это случится, я уйду с честью. А ты, Ник, хочу, чтобы знал — я умею проигрывать! Поэтому я уйду... Но прежде, чем я уйду, ты мне все расскажешь! Ты столько времени от меня что-то скрывал, что меня просто разорвет, если на сегодняшнем обряде эта тайна сотрется из твоей черепашки вместе со мной! И вообще... — От таких перспектив я окончательно взбеленилась. — О чем это я? Эй, ты — Яллар ибн ага угу... как там тебя по батюшке? Даже не облизывайся! Хрен я тебе его отдам!

Звонкий хохот прозвучал рассыпавшимися по камням хрустальными бусами. Принцесса поднялась с ковра и шагнула ко мне.

— Ник предупредил, что именно это ты и скажешь, когда придешь. Но... ибн ага угу... это даже он не смог предвидеть! Кстати, а что такое хрен?

Я вдруг смутилась и, глядя на нее сверху вниз, философски подытожила:

— Смотря к какому смыслу привязывать. Вообще-то я хотела просто подчеркнуть, что Ника ты не получишь. — Я посмотрела в ее широко раскрытые черные глаза и попыталась убедить саму себя: — В любом случае он останется со мной, потому что...

— А ты не будешь так переживать, — перебила меня принцесса, — если я скажу, что Ник очень хороший батыр, добрый друг, но...

— Но ты его не получишь! — заклинило меня.

— Да он мне и не нужен! — широко улыбнулась она.

— В качестве мужа? — очнулась я.

— И в качестве мужа тоже, — поддакнула принцесса и легкомысленно фыркнула. — Сама посуди! Зачем мне чужой муж? Он, к слову, рассказал про ваши отношения и прочее. К тому же я так рассудила... всю жизнь прожить во дворце, а после выйти замуж и уехать к мужу — это скучно! К тому же мне всего пятнадцать весен! Будет... Ты меня понимаешь?

— Понимаю... — Мои губы расплзлись в предательской улыбке. Не нужен! Он ей не нужен!!! Стоп-стоп! Я развернулась к Нику. Он по-прежнему восседал на коврах и с наглой усмешкой наблюдал за нашим спором. — А как насчет твоей записки? Передашь кольцо, и обряд... Что, не мог написать, что дело в шляпе? Предупредить, чтобы не волновалась...

— Я просто хотел вас познакомить. — Он одним движением легко поднялся и направился к нам.

Я попятилась, разглядывая надетый на нем золотистый атласный, отороченный богатым мехом халат, под которым, кроме белоснежных шаровар, ничего не было. Голый торс Никиты всегда приводил меня в смущение, но тут... На груди отчетливо виднелся след жадных губ...

— Просто познакомить?! — Я сложила руки на груди, словно защищаясь от навалившейся обиды и ревности. — А позволь спросить, что ты делаешь в гареме? У нее в шатре? Ведь обряд еще не состоялся!

— И не состоится. — Он недоуменно нахмурился. — Я все объяснил Яллар и понял, что она — такая мудрая, красивая и юная — вольна строить свою судьбу вне решений отца и закона. Она со мной согласилась.

— Ага. Значит, ты по-быстренькому все это ей объяснил, и вы решили расстаться, потому что не сошлись характерами?

— Не совсем! — подлила масла в огонь принцесса. — Мы решили не расставаться, но остаться друзьями.

— А за какие услуги ты отдашь ему колечко? — Я развернулась к ней.

— Я отдам ему это кольцо не за услуги. — Черные бровки сошлись на переносице. — И твои подозрения беспочвенны. Я воспитана по-другому, и ты не должна оскорблять подозрениями своего любимого! Если... ты, конечно, его любишь.

Ее слова меня отрезвили. Действительно... что это я...

Тогда... откуда поцелуй?

Или... может...

Перед глазами пронеслась полная страсти ночь.

И тут до меня дошло...

Неужели Феникс снова мне привиделся? И со мной прошлой ночью был Ник? Тогда все встает на свои места!

Я почувствовала, как с плеч рухнула глыба сомнений, боли, самоедства и вины.

— Ник... — Помедлив, я шагнула к нему и прижалась щекой к груди, с наслаждением вдыхая его чуть горьковатый, пряный запах. — Ник...

Его пальцы зарылись в мои волосы, а губы коснулись макушки.

— Мм... Ну хватит уже! — раздался насмешливый голосок принцессы. — А то передумаю...

Я украдкой коснулась губами отпечатанного у него на груди поцелуя, на миг встретилась с Ником глазами и, заметив на дне серых озер просыпающихся чертей, поспешно обернулась к Яллар:

— Так ты отдашь кольцо?

— С радостью! — Она протянула мне сделанную из хрусталя коробочку. — Только не бери его в руки. Мама перед смертью сказала, что отец подарил ей кольцо в честь моего рождения, но как только она его надела, ей всюду стали видеться демоны. А однажды они пришли за ней.

— А ты сама не видишь белоглазых горящих мужчин?

— Нет. — Яллар убежденно помотала косичками. — Я его не доставала. Оно хранилось все эти годы в шкатулке, что мне подарила моя няня. А она немного ведьма.

Я взяла шкатулку. Тяжелая. И посмотрела на Ника:

— Значит, он не чувствует его. И поэтому не может найти.

— Время приходит. ОН ищет перстень, потому что его сила — заканчивается! Его старые рабы сгорают, а новых не прибавляется... — раздался позади густой бас Змея. Интересно, как бабай-ханум ему позволила войти?

Принцесса удивленно взглянула на него и замерла.

— Как тебя зовут?

— Афанасий. Просто Афанасий. Но... вообще-то сейчас я — Змей. Подгорный. Только без хвоста и двух голов...

— Ты можешь нам помочь, Афанасий? — Принцесса подошла и протянула к нему руку. — Пойдем, Афанасий. Скоро начнется обряд... не бойся! Няня Аглай защитит тебя от внушения. Нельзя вызывать любовь. А потом ты улетишь. Ведь у тебя есть крылья?

Змей робко, словно боясь причинить боль, сжал протянутую руку и, не сводя с принцессы глаз, кивнул.

— Есть... А еще есть большое сердце, большой... душа, и еще много чего бесхозного... И все оно — твое! Если пожелаешь...

Хрустальный смех Яллар вновь зазвенел колокольчиком.

— Я подумаю над твоим предложением, Афанасий — Змей Подгорный. А теперь пойдем. И ничего не бойся!

Принцесса повела его за собой. Я смотрела им вслед, пока за ними не опустился полог шатра, и перевела взгляд на хрустальную шкатулку.

Неужели то, что мы искали, теперь у нас?

— Ник... — Я посмотрела на него. — Я не верю...

— Это его кольцо... — Тот подошел и заворуженно уставился на поблескивающее сквозь хрустальные грани золото «Султана желаний».

— А что Змей говорил об уходящем времени? И о том, что сила Феникса заканчивается? И что еще за рабы? — Я не сводила с него глаз.

Ник поморщился:

— Давай я расскажу тебе все немножко позже? Нам нужно как можно быстрее отсюда убраться. Сейчас все соберутся на обряд, и нам останется только миновать стражу.

— Где твой костюм нинь-дзя? — Я коснулась пальцами его гладкой груди и

улыбнулась. — Впрочем, этот твой костюм мне нравится куда больше...

— Жаль, что он не понравится стражникам. — Ник усмехнулся, на мгновение задумался и поднял вверх указательный палец. — Я придумал. Раздевайся!

— Ты думаешь, сейчас подходящее для этого время? — Я шаловливо подмигнула.

Он стиснул меня в объятиях, двумя пальцами приподнял мне подбородок и нежно коснулся губами губ.

— С тобой забываешь обо всем, и уж тем более о времени... — Его губы тронула улыбка. — Так ты разденешься сама или тебе помочь?

— Интересно как? — Я отдала ему тяжелую шкатулку и принялась стаскивать ткань с пальцев, как перчатку.

Спрятав кольцо, он принялся наблюдать за моими усилиями, но вскоре его терпение лопнуло. Сжав у меня на груди ткань, он с силой ее потянул. На миг мне показалось, что с меня пытаются стянуть кожу, но в следующее мгновение колдовской костюмчик уже болтался у него в руке.

— Например, так.

— Так, значит, вот как ты проделал это прошлой ночью... — Я задумчиво покивала, разглядывая абсолютно целую одежку и пытаюсь сообразить, как мне реагировать на то, что теперь я стою посреди шатра в довольно неприглядном виде. — А что дальше?

— Дальше... я надену костюм, а ты наденешь это! — Ник поднял с ковра какие-то разноцветные тряпки и протянул мне. — Это план принцессы — переодеть тебя в шамаханку.

Я повертела, разглядывая, цветастые шаровары и какой-то странный балахон.

— И как это надевать?

— Ну со штанами, я думаю, ты справишься, а паранджу наденешь сверху. Она закроет твоё лицо и волосы, оставив только глаза.

— Понятно. — Я вздохнула. Костюм воинов нинь-дзя, только женский вариант!

И принялась натягивать предложенные тряпки, стараясь не смотреть на то, как быстро и ловко Ник преобразается в наемника. Перед тем как надеть на голову паранджу, я старательно повертела ее в руках, пытаюсь понять, как же ЭТО надевается.

— Ты самая красивая наложница, какую я когда-либо видел! — Ник, заметив мою нерешительность, помог надеть мне на голову мешок и еще поправил, чтобы, не дай бог, стражники и все, кто нам сегодня встретится, не разглядели ничего, кроме цветастой ткани. Даже глаза.

— Ник, я в ней почти ничего не вижу! Нет, я так не согласна! Еще не хватало растянуться на полу на глазах у сотен приглашенных!

Но Ник был непреклонен. Он снова поправил паранджу, натянув мне ее почти на глаза, и убедил:

— Не упадешь! Просто смотри себе под ноги! Или, если хочешь, можешь остаться здесь. Надолго.

— Еще немного, и я решу, что ты меня шантажируешь! — Я обиженно развернулась и, чувствуя себя привидением с метрами простыни на голове, поплелась к выходу.

Пересечь территорию гарема по-прежнему было левой задачей. Ни тебе стражников, ни тебе других обитательниц гарема. Куда они делись, я не задавалась вопросом, впрочем, это и не понадобилось, едва я услышала в одном из шатров раскатистый храп. А может, у них тихий час? Перед тяжелой ночью? Или после?

— Куда теперь? — Когда до заветной двери, скрывающей за собой свободу, оставалось шагов пять, я нерешительно оглянулась и поискала глазами Ника. Пока мы находились в гареме, закатную зарю сменил вечерний сумрак. Ни лучика не пробивалось в это скучное царство, и Ник... исчез! Просто растворился в этом полумраке. — Ник?!

Я вдруг почувствовала, как ледяной ужас на миг сжал мое сердце, и тут же с облегчением выдохнула:

— Ник!

Сумрак шевельнулся, выпуская из своих лап высокую, ладную фигуру моего телохранителя.

— Попробуем выйти в двери. — Он прошел мимо меня, и на миг мне показалось, что его глаза блеснули нереальным серебристым светом. Только на миг...

Я даже не успела ухватиться за мелькнувшую в голове какую-то очень важную мысль, потому что Ник приоткрыл дверь, выглянул и сразу же захлопнул.

— Что там? — В следующее мгновение я оказалась рядом.

— Не что, а кто! — Он снова посмотрел на меня вполне обычными глазами. — Стражники. И не так далеко!

— Ну и что! — Я легкомысленно пожала плечами. — Ты тоже выглядишь как стражник. А я — как обычная шамаханская женщина. Мало ли...

— Это да! — Ник снова приоткрыл дверь и прищурился, что-то внимательно разглядывая в крошечную щель. — Но главное, чтобы никто не увидел, ОТКУДА стражник и «обычная шамаханская женщина» вышли.

— А что, из гарема никто не может выйти прогуляться? — Я попробовала тоже заглянуть в щель, но чуть не упала, запутавшись в тенетах моего наряда. — Тут же от скуки сдохнуть можно!

— Можно! — согласился Ник и крепко сжал мне руку. — Но ни одна уважающая себя наложница или жена шаха даже не подумает выбраться из своего скучного мирка под взгляды чужих мужчин! А теперь пошли!

Я и пискнуть не успела, как он вытащил меня в дворцовый коридор и быстро потянул за собой.

— А принцесса? — продолжила я расспросы, когда убедилась, что никто на нас не обращает внимания и не бежит с воплями: «Держите вора!». — Она же выходит из гарема?

— Принцесса и прочие дети вольны передвигаться по дворцу тогда и там, когда и где им будет удобно. — Никита свернул на лестницу, ведущую к выходу из дворца, и замер, едва не налетев на трех стражников. Двое из них были невысокими, одетыми в костюмы нинь-дзя, а третий блестел золотом начищенной брони. — Прошу прощения.

Двое стражей расступились, а один (тот, что из нинь-дзя) решил проявить бдительность и доброжелательно, чуть шепеляво поинтересовался:

— Ассалам алейкум, брат. Куда ты ведешь эту женщину?

— Это гостя. Она потерялась, и я помогаю ей найти ее отца! — не дрогнувшим голосом соврал Ник и попытался пройти, но шепелявый стражник отчего-то нахмурился и приказал:

— Сними маску!

— В чем проблема, брат? — насторожились стоявшие в сторонке стражи.

— Да! В чем проблема? — возмутился Ник и, не выпуская моей руки, едва заметно попятился.

— В чем? — Настырный стражник как-то подозрительно прищурился и стянул с себя маску. Я едва не ахнула и поспешила спрятаться за спину Ника. — Узнаешь? Отдавай мою форму, славич!

Узнаешь — не то слово! Лицо стражника, одного из тех, что мы оставили беспомощными в пустыне, радовало глаз свернутым набок носом и отсутствием передних зубов. Змей постарался на славу!

В несознанку Ник играть не стал, а недолго думая пустился со мной в бега. Стражи тоже не медлили и, как гончие, взяли след добычи. Вскоре к одиноким, но сердитым воплям наших преследователей присоединились десятки других. Топот ног и бряцание мечей тоже не вызывали оптимизма, и радужные мечты касательно нашего недалекого будущего стремительно таяли. К счастью, Ник знал, куда бежать. Коридоры сменялись лестницами, лестницы залами и проходными комнатами, пока очередной коридор не привел нас в башню, где единственным путем к спасению оказалась винтовая лестница, круто уходящая вверх, в густой сумрак. Ник бросился к лестнице. Я хотела последовать за ним, но в этот момент

жадные руки преследователей вцепились в паранджу. Рывок — и тонкая ткань порвалась на два лоскута, оставаясь трофеем в руках шамахан. Прохлада, идущая от каменных стен, заставила кожу покрыться резвыми мурашками. В другой раз, окажись я в такой ситуации, я бы умерла от стыда, но сейчас нам грозила куда более реальная кончина. Я пришла к выводу, что терять мне уже нечего, и решила оглушить назойливых шамахан шокотерапией. Попросту говоря, прежде чем скрыться на лестнице, я на мгновение обернулась.

Ха, еще неизвестно, для кого мой поступок оказался шокотерапией. Наша с преследователями реакция оказалась примерно одинаковой.

Я вытаращила глаза и открыла рот, в изумлении разглядывая черноволосое море шамахан, подступающих к нам по коридору. Первые ряды преследователей на бегу замерли с гримасой бесконечного удивления и любопытства, широко распахнутыми глазами разглядывая мое тайное оружие. Или точнее, два оружия.

— С ума сошла?! — яростно зашипел позади Ник. Видимо почуяв недоброе из-за наступившей тишины, он обернулся и, увидев мой стриптиз, вернулся за мной. Закинув меня на плечо, он бросился бежать вверх по лестнице, перепрыгивая разом через несколько ступенек, не переставая приговаривать: — Это же шамахане! Ты им как красная тряпка! Хочешь попасть к кому-нибудь из них в гарем?

Я промолчала, с тоской прислушиваясь к воодушевленным крикам и к топоту. Зато время выиграла. Пока они очухались, прошло целых... несколько минут! Мы впереди на целый пролет!

Боже, кого я обманываю? Мы бежим в ловушку!

И тут, будто в подтверждение моих опасений, ступени закончились. Ник выбежал на ровную площадку высоченной башни! Поставив меня на каменные плиты, он уронил на головы первых преследователей закрывающую выход дверцу, запрыгнул на нее сам и огляделся в поисках задвижки. Увы, таковой предусмотрено тут не было. А жаль! Хотя сама дверца и стоявший на ней Никита весили порядочно, но все же не могли сдержать натиск бабаев. Шамахане обрушились на преграду так, что Ник принялся подпрыгивать на крышке.

— Ладно уж, бедолаги! Помогу от чистого сердца! — Перед нами появилась крошечная летающая горбатая коняга. Она плавно приземлилась рядом с Ником на тоскливо похрустывающую дверцу и вдохновенно попросила: — Отойди!

Тот с сомнением покосился на самонадеянного призрака:

— Зачем? Чтобы к нам выбрались шамахане?

— Да не. Чтобы не раздавить! — фыркнула кобылка и вдруг стремительно принялась расти. Ник едва успел отпрыгнуть, как кобылка из мухи превратилась в слона и уселась по-собачьи, запечатав люк белоснежным огромным задом. — Ну что? Влипли?

— Влипли! — покаянно вздохнула я. Поднялась и целомудренно скрестила руки на груди. Адреналин погони исчез, и я почувствовала все прелести жизни разом: голод, жажду, стеснение и саднящую на плече и спине кожу.

— Тогда жду с нетерпением! — Кобылка, точнее, теперь уже кобыла, а еще вернее будет — Кобылище-горбылище окинула нас хитрым взглядом. — Просить будете? Или мне лучше не тратить на вас время, а обсудить наши дальнейшие планы вместе с вашим очаровательным рыжиком?

— Будем! — не выдержала я и, не обращая внимания на предостерегающие взгляды Ника, выпалила: — Пожалуйста, помогите нам выбраться отсюда. Из этого дворца, из этого города, из этой страны! Домой! К отцу хочу! Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста!

— Ладно, ладно! Будет вам побег, а тебе топик, последней восточной моды! — Кобылка фыркнула в мою сторону, и я принялась разглядывать украшенный стразами лиф, удобно стянувший мне грудь. — И не надо благодарностей! Просто завидки берут, почему одним все, а другим все то же самое, только на спине? Эх! — Зверюга встала и, прижимая одним копытом люк, приказала: — Ну? Забирайтесь на меня. Живо!

Меня не надо было упрашивать. Я подпрыгнула и первой повисла на шее горбылки. Лошадка сжалась, и у нее на спине появилось удобное седло, чем я и не преминула

воспользоваться. Забралась и уселась, намертво прилипнув к ней. Затем моему примеру последовал Ник и, устроившись сзади, прижал меня к себе.

— Мы полетим?

— Нет. Не сейчас! Что-то не хочется попасться в магические сети дворцовой охраны! Ну что? Побегаем?

— Но если ты сойдешь с люка, нас пленят! — В голосе Ника зазвучала паника.

— Может, и пленят. Когда отмоются.

Послышался характерный звук, а после проявился и запах. Я даже свесилась, не веря своим ушам и носу. Увы, опасения подтвердились. Кобылка оставила в подарочек преследователям такие огромные, ароматные «яблочки», что даже у меня развеялись все сомнения. Тот, кто вляется в это богатство, забудет о погоне!

— Держитесь крепче. Стартуем!

Уменьшаясь с каждым шагом, горбылка прошла к краю площадки, перешагнула через каменное ограждение и прямо по отвесной стене, как по мостовой, направилась вниз. Я изо всех сил вцепилась в шею зверюги и едва сдержала крик, разглядывая лежащий далеко внизу дворец. Да чего там дворец! Перед нами как на ладони лежал целый город! А если мы упадем?!

Но... опасения мои не оправдались. Не знаю как, но кобылка не собиралась падать или позволить упасть нам. Она медленно, но верно шагала вниз, издавая странный звук. Я прислушалась и даже нахмурила брови, надеясь, что в таком положении они помогут моему мыслительному процессу: «чпок-чпок», «чпок-чпок»...

Чтобы узнать отгадку, я, не придумав ничего умнее, попросту нагнулась к брюху кобылки и уставилась на странные присоски, вдруг выросшие на ногах нашей кобылки-вездехода вместо копыт. Прилепляясь к гладкой поверхности каменной башни, они резко отрывались, когда кобылка делала шаг, и издавали такой странный звук.

— Странная магия! — Ник тоже имел такой порок, как любопытство, и теперь любовался нашей спасительницей с другой стороны.

— Обычная! — хмыкнула кобылка. — Мозг называется. Потому что, когда нельзя, но очень нужно, может сгодиться любая умная мысль.

— На вантузы эта мысль похожа! — не выдержала я. — У моего батюшки в опочивальне рядом с ночным горшком стоят. Если продукты его жизнедеятельности в отхожую трубу не пролазят, так он этой «мыслью» очень хорошо их проталкивает! Каждое утро, вместо зарядки!

— Так с твоих мыслей я эти прилады и срисовала! — одобрила кобылка и зачпокала дальше.

На какое-то время нас объединило молчание. Обсуждать вантузы и то, как в ближайшем будущем сложится наша судьба, — не хотелось. Особенно если радужные мысли ушли на покой, а внизу нас уже поджидала растущая в геометрической прогрессии толпа страждущих нашей смерти. Причем одна ее половина сообщала об этом довольно вяло, не иначе, все еще пребывая под моими чарами, а вторая яростно рвала глотки, требуя нашего сожжения немедленно. Причем агрессия этих оппозиционеров объяснялась просто — вонь от яблоч нашей спасительницы доносилась даже до нас, с каждым «чпоком» приближая нас к развязке.

Но! До развязки кобылка решила не доводить! Не забывая об обещанном нам спасении, эта бестия зависла в нескольких метрах от мстителей, развернула крылья и, сделав последний хоровой «чпок!», взмыла в воздух, перелетев над дворцовым забором. Звонко приземлилась копытами на каменную улочку и понеслась так, словно за нами гнался дьявол.

Хотя гнался, и наверняка. Вот только не догнал!

Борька честно и терпеливо поджидал нас там, где мы его оставили. Перебраться на него было делом одной секунды. Миг, и мы уже петляли по улицам Санда-Карама, стремительно удаляясь прочь от дворца.

Я уже готова была праздновать победу, когда перед нами выросли городские ворота.

— Открывай! — Ник первым прыгнул на камни улочки, начинающие поблескивать сапфирным блеском в неровном свете восходящей луны. — Быстрее!

— Что за спешка? — Из арки, ведущей в стражницкую, показалось заспанное, круглое лицо стража. — Кто такие? Куда собрались? И чего это я должен открывать вам? Задаром?

— За нами гонятся... — Я тоже решила внести свою лепту в диалог, но Ник ловко закрыл мне рот и закончил:

— Чудовища! За нами гонятся чудовища! Выпусти нас! Мы не хотим подвергать город опасности!

— Ага! Так я вам и поверил! — Страж аппетитно зевнул. — Последнего джинна шах сам затиранил в местном зоопарке, в память о своей любимой жене. За городом их, поверьте, в разы больше!

— Ну и что? Жалко тебе, что ли, нас выпустить? Хотим добровольно на волю! В пампасы!

— В пам... пас... Страшное какое-то место, судя по названию. — Стражу, скорее всего, попросту нечего было делать, и он решил немного с нами поболтать. А может, отомстить за прерванный сон. — Наверное, это такой заповедник-бестиарий? Вы там на кого-то охотиться будете?

— Терпеть не могу охотников! — Маленькая горбатая мушка завертелась у нас перед носом, стремительно увеличиваясь в размерах. Наконец перед ошалевшим от увиденного стражником появилась Кобылка-горбылка и оскалилась в два ряда острых акульих зубов. — Так кто тут не верит в существование монстров в городе?

— Эмм... — Страж был то ли глупым, то ли сонным, но эффектное появление кобылки прошло без должных эмоций. Единственное, что парень оценил, были зубы коняги. — Вах-вах! Какие зубки! Да если я по одному чернокнижникам продам, я озолочусь!

— Но-но! Я и покусать могу! — Кобылка отпрыгнула. — А за то, что ты, парниша, наш убегающий ужин спас — большое мерси! Сейчас перекусим ими и покинем ваш город. И даже тебя не тронем, если успеешь открыть нам дверь!

— А чего это ты, верблюд-мутант, о себе во множественном числе отзываешься?

Нет, а стражник скорее глуп, чем умен. А может, мы его поднять подняли, а разбудить забыли? Наверное, думает, что все это ему снится?

— Да потому, что во-о-он там летит мой друг — Змей Подгорный. — Кобылка запрокинула голову в звездное небо и снова зубасто улыбнулась. — Вот ему-то точно вас всех мало будет, а тебя он сожрет первым, головастый ты наш!

Мы с Ником уставились в звездное небо, боясь поверить в такую новость, и бросились врассыпную, давая Афанасию место для посадки. В темноте, с горящими желтым глазами и большими кожистыми крыльями, он больше походил на нетопыря. К тому же из одежды на нем теперь болталась только набедренная повязка, обнажая его здоровенное, накачанное тело. Просто какой-то нетопырь-герой из легенды! Либо покалечит, либо убьет!

Больше доводов не потребовалось. Стражник бросился к двери, точнее, к огромному колесу, поднимающему главные ворота, и, кряхтя, принялся его крутить.

— Помочь? — Змей плавно приземлился. Подмигнув нам, прошагал к стражу и, отстранив того, одной левой запустил колесо. Цепь загремела, решетка лязгнула и плавно поплыла вверх. — Так-то, служивый. Или, может, с тобой, на полставки, подъемщиком ворот постоять?

От такого предложения ноги стражника подкосились, и он бесшумно осел возле колеса.

— Тоже верно! Работа у вас бросовая. Тебе, видать, и самому грошей мало! — посочувствовал Змей и развернулся к нам, повторяя улыбку Кобылки-горбылки: — Ну что, гаврики! Поскакали?

— Только в путь! — поддакнул Борька и в нетерпении переступил копытами. — Ну что, хозяйка? Валим?

Я не ответила. Только покрепче вцепилась в поводья.

ЭПИЛОГ

Если за нами и снаряжали погоню — мы не узнаем. Впрочем, думаю, нашлось мало охотников погоняться за сумасшедшими, водящими дружбу с горбатым зубастым призраком и странным подобием Змея Подгорного, а если таковые и нашлись... Пустыня, владычествующая в странном царстве под названием Шамаханское, очень быстро скрыла наши следы шелестящим песком.

Я еще раз оглянулась, чтобы в последний раз посмотреть на крошечный, блестящий в лунном свете Санда-Карам, но его уже занавесили крупные звезды, подмигивающие мне с темных бархатных небес. Все! Теперь впереди и позади нас только пустота. И кажется, что весь мир вокруг состоит из этой пустоты, песка и звезд.

Эх... где же, в какой стороне родной дом?

Словно почувствовав мое настроение, с небес перед понуро шагающим Борькой спикировал Змей.

— Фух, устал! Вокруг ни души. Парочка охотников за головами долго шли за нами. Сам видел сверху! Но отстали. Я им еще легкую бурю наворожил, чтобы наши следы замело. — Он взял Борьку под уздцы. — Так... может, отдохнем? Костерок запалим? Я за колючками слетаю?

— Давай! Я вообще за любое начинание, кроме голодовки! — обрадовался Борька и коварно уселся по-собачьи, стряхнув нас с Ником прямо в песок.

— Еще раз так сделаешь — сосисок наверчу, как только домой вернемся! — Я вскочила первой и щелкнула конягу по уху. — Ишь манеру взял! Что, со своей горбатой блондиночки пример берешь?

— Не буди лихо! — тут же запаниковал Борька, поднялся и заоглядывался. — Исчезла по-аглицки — и хорошо! Не дай бог, вспомнит, придет план-подряд о выполненной работе требовать!

— Дай на память автограф, и прости-прощай, родная! — ввернул Змей.

Только Борька не поддержал шутки. Отчего-то еще больше помрачнел и снова сел на песок.

— Эх... злые вы! Уйду я от вас! Домой!

— Домой... — Голос Ника заставил нас замолчать. Уж столько в нем прозвучало боли и какого-то сожаления.

— А почему нет? — Я подошла первой и встала рядом. — Ведь кольцо у нас. Пора и Феникса искать... Где вот только...

— Никого искать не надо. — Ник обернулся, и я отшатнулась, разглядывая его ставшие серебристыми глаза. Он вскинул руку. Из песка вырвалось яркое пламя и заплясало в воздухе, потрескивая на невидимых бревнах. — Василек, я должен тебе признаться. Возможно, ты никогда мне не простишь... Но... — Его губы улыбнулись, а в глазах жило такое отчаяние, что мне стало страшно. Готова ли я услышать это признание? — Я больше не могу таить это от тебя, любимая!

— А может, лучше не надо? — Я сделала шаг назад. Ох как мне все это не нравится!

— Да, друг... правда... — Змей тоже как-то подобрался. — Не нужно пока говорить... Повремени... Глядишь, может, и не понадобится... Пепельного найдем, желание загадаем, как и хотели.

— И ничего не изменится! — Ник стремительно обернулся к нему. — Если я не признаюсь ей сейчас, потом может быть поздно!

— Хорошо! — Змей вскинул вверх когтистые лапы. — Как скажешь! Хочешь копать себе могилу — вперед! А Пепельный... Подождет!

— Ты уже назвал его имечко два раза! — буркнул Борька.

— И что?! — вдруг рявкнул Змей.

— Да ничего... Так... подумалось... — Жеребец покосился на него и снова замолчал, уставившись на пламя.

— Вась... — Никита подошел ко мне. Глаза как глаза... И когда уже эти кошмары меня перестанут мучить?! — Я очень тебя люблю. Я увидел тебя пять лет назад, когда проездом заезжал в гости к твоей мм... к Мафане. Увидел и понял, что сошел с ума. Понял, что, если мы не будем вместе — не жить мне. И я... тебя... В общем, все то, что произошло с тобой: кошмары, и сны, и эти странствия — из-за меня! И кольцо, что мы ищем, тоже из-за меня и для меня...

— Ты... — Я почувствовала, что у меня пересохло в горле. Стало нечем дышать. — Что же это... Значит... Ты... — И я решилась: — Пепельный?

— Много чести, моя принцесса! — Пламя вздыбилось, повторяя собой высокую огненную фигуру, и исчезло, выпуская из своего жаркого нутра мой ночной кошмар. Того, кого я панически боялась. Моего мужа...

Как я могла подумать, что Феникс — Ник? Я не знаю, что он хотел мне сказать своим признанием, но только... Да вот же он!

— Пепельный? — Я постаралась, чтобы мой голос прозвучал громко, но он предательски сорвался в хрип. — Ты...

— Я! Неужто не узнала? Вроде столько раз виделись тет-а-тет... — Гость шагнул ближе и обвел нас бельмами глаз. И как я могла сравнивать глаза Никиты с этими... глазами? — Значит, вы все-таки нашли мое колечко?

— Да! — Я посмотрела на Никиту, ожидая поддержки, и похолодела, разглядывая точно такие же, как у Феникса, затянутые бельмами выжженные глаза. — Ник? Отдай ему кольцо! Прошу тебя!

Никита, будто ожившая кукла, медленно полез за пазуху и так же медленно вынул оттуда знакомую хрустальную коробочку.

— Отлично! История повторяется! — Феникс на мгновение исчез и снова появился рядом с Никитой. — «Султан желаний»... Мое самое лучшее творение...

Он на миг замер, разглядывая коробочку и лежавшее там кольцо. Затем склонил голову, безошибочно нашел меня взглядом и страшно улыбнулся обугленными тонкими и черными губами.

— Перстень случайно попал в твой мир, принцесса, но не напрасно я искал его так долго. Именно он показал мне тебя и... вора, что посмел прикоснуться к моему детищу... — Феникс снова обвел взглядом замерших Змея, Борьку, Никиту и посмотрел на меня. — Подойди ко мне, избранница!

Избранница? Неужели рассказанный тетей и Кудыкой кошмар — сбывается? И все впустую? И он меня не отпустит?!

Я сделала шаг, другой и остановилась рядом с ним. Ник по-прежнему стоял застывшей статуей, устремив взгляд на кольцо.

— Открой шкатулку и дай мне его! — приказал Феникс, не сводя с меня страшных глаз.

Щелкнув крышкой, я взяла двумя пальцами теплое, тяжелое кольцо и храбро посмотрела в глаза мужу.

— Вот оно. Ты просил меня найти этот перстень и в награду исполнить мое желание! Но без помощи всех здесь присутствующих я бы не смогла этого сделать. Итак... исполни обещанное, и я отдам тебе кольцо!

— Хм... — Не переставая улыбаться, Феникс протянул ко мне руку и коснулся пальцами подбородка, поднимая к себе мое лицо. Я вздрогнула, почувствовав идущий от него жар, но даже не пикнула. Ни за что не покажу ему, как мне страшно и больно! — И... Что же вы все хотите? Начнем с твоего жеребца. Жертва обжорства и тупости... Я бы отправил его на скотобойню, но... это было бы ошибкой! После ваших скитаний он стал умнее, хитрее, а главное — он научился чувствовать. Поэтому... Вот тебе, говорливый ты наш, твоя награда!

Феникс словно завязал в воздухе узелок и дунул его в сторону Борьки. Я недоуменно уставилась на жеребца, пытаюсь понять, чего ждать от такого пожелания. Но понаблюдать за

Борькой Феникс не дал. Он наставил палец на Змея и, что-то пробормотав, выдал:

— Тебя я бы тоже оставил в том облике, что ты у меня просил, но... боюсь, тогда ты очень скоро найдешь свое истинное счастье в объятиях той, с кем разделил жизнь. Поэтому... вот тебе моя награда!

И снова ничего не произошло.

Феникс развернулся ко мне.

— А ты? По-прежнему ли ты, моя принцесса, хочешь расторжения брака? Все так же ль манит тебя призрак свободы?

— Да! Я хочу снова стать свободной! И выйти замуж за любимого!

Ник словно очнулся и шагнул ко мне:

— Нет! Василиса, не проси этого!

Но Феникс утробно расхохотался и отвесил мне шутовской поклон:

— Как пожелаешь, моя принцесса. Теперь ты — свободна! Слово Бедоларга Пепельного, властелина Пекельного царства! — Он протянул ко мне руку, и я бросила в его ладонь теплое, будто живое украшение. — Сделка состоялась. Пора и мне выполнить свой уговор — исчезнуть, избавив тебя от ненавистного брака. Прощай, принцесса. Точнее — до свидания! — Феникс сжал в кулаке кольцо и подошел к Нику. — Пора отправляться домой, раб. Твоя клетка ждет тебя!

Я застыла от ужаса, разглядывая, как лицо и руки Никиты покрылись такими же огненными язвами, что горели на лице и руках Феникса. Серебряные глаза Никиты нашли меня. Губы шевельнулись, пытаюсь что-то сказать. Но в этот момент из песка, будто из преисподней, вырвалось яркое пламя и скрыло их огненным сполохом.

Крик разорвал мое горло. Казалось, вместе с криком из меня рвется к безмолвным небесам — сама душа!

Я не думала в тот момент ни о чем. Просто бросилась в пламенный столб, мечтая только об одном — не опоздать! Но когда я влетела в пламя — оно погасло, словно затушили свечку, оставив после себя снегопад из черного пепла и выжженное пятно на земле.

— Не плачь, Василек... Никита один раз уже из царства Пекельного сбежал, сбежит еще раз... — Мне на плечи легли мягкие руки.

— Афанасий, ты pomoжешь мне его найти? — Я обернулась и остолбенела, разглядывая черноволосого, сочувственно тарашившегося на меня чуть выпуклыми глазами, невысокого толстячка. — Афанасий? Это... ты?!

Мужчина сосредоточенно себя оглядел и приосанился.

— Если ты видишь перед собой высокого, статного красавца-брюнета — значит, я!

Хм, голос его... Значит, Феникс выполнил желание и вернул ему настоящий облик?

— Вижу. — Я криво усмехнулась. — Пудов десять сбросишь и будешь статным. Мож, заодно и росту прибавится. — Врун каких поискать! Впрочем, сейчас это не главное. И снова спросила: — Так ты мне поможешь?

— Тяжело это, Василек! — Змей вздохнул. — Если честно — и очень опасно. Хочешь, расскажу то, что не успел рассказать Никита?

Я кивнула, стараясь унять бешено колотящееся сердце.

Змей помолчал.

— Как ты уже знаешь, он учился вместе со мной здесь, в Шамаханском шахстве. У очень сильного колдуна. А у колдуна была договоренность с этим... Пепельным... И он отправлял своих учеников с различными заданиями в его проклятое царство-королевство. Если ученики возвращались — тем самым доказав свою силу и мастерство, — что ж, честь и хвала. Не возвращались — вечная память. Пепельному очень нужны рабы из плоти и крови, да еще и в магических делах обученные. Правда, были и те, кто возвращался, но не всегда оставался таким, каким уходил. Например, я. Пошел искать свою вторую сущность и изменился до неузнаваемости. Нику повезло больше. Он получил свою вторую сущность неизменной. Птица феникс. Но не устоял перед искусом и украл у Пепельного то, что было ему дороже всего. «Султан желаний». Когда вы нашли меня, Ник рассказал, что

Пепельный долго мучил его во снах, требуя вернуть «Султан», но не мог добраться. Вторая сущность Ника защищала его душу от Пепельного, но и избавиться от кошмаров он не мог, пока владел драгоценностью. К тому же Пепельный с помощью «Султана желаний» мог следить за Никитой и не раз посылал своих рабов, чтобы вернуть кольцо. Однажды это им даже почти удалось. Они напали на Никиту за городом и избили до полусмерти. Его спас твой отец. Ему-то Ник и отдал кольцо, так сказать, в благодарность. И забыл обо всем на долгие тринадцать лет.

— И что же случилось через тринадцать лет? — Вот оно, значит, как! Феникс... мать его разэта! Значит, увидел меня и влюбился?

Я почувствовала, как отчаяние сменила здоровая злость. Нет. Я его теперь по-любому найду! Уж очень много к нему у меня появилось вопросов!

— Он начал меняться. — Змей снова вздохнул. — Однажды Пепельный его нашел... во сне. И пообещал, что, если Ник вернет ему кольцо, он остановит изменения и даже отпустит того без наказания.

— Отлично! Тогда почему сейчас Пепельный забрал Ника с собой? Он же получил кольцо! — спросила я, уже зная ответ.

— Потому что Пепельный пообещал исполнить твоё желание. — Черные глаза Змея прищурились, разглядывая меня в упор. — И исполнил...

Я изо всех сил стиснула виски. Уже сама давно все поняла... но... признать то, что я лично, добровольно засунула своего... законного и, что главное, любимого мужа к черту на рога... Это трудно.

— И что теперь делать?

— Знаю я одну дорожку в Пекельное царство... Поможешь нам, Борька? — Афанасий потрепал по загривку бесшумно подошедшего и ткнувшегося ему в руку жеребца.

— И-го-го... — печально вздохнул тот и вдруг принялся ритмично колотить по песку копытами.

— Это что еще за танцы? — Я нахмурилась, глядя на летку-енку, что выделял копытами Борька.

— Это не танцы. Это такой язык. Тайный. Коняшка-морзяшка называется.

— А по-человечески сказать? Язык отнялся? — нахмурилась я и тут же, шокированная догадкой, зажала рот руками. Боженька мой, только не это! Если еще и этот болтун замолчит, я не знаю, что сделаю с Пепельным! Наверное, помогу догореть!

— Говорит, отнялся! — через минуту подтвердил мои опасения Змей. — А еще говорит, что надо срочно возвращать ему дар речи!

Точно! И я даже знаю, кто мне в этом поможет!

Я украдкой коснулась зеркальца. Нет... пусть мой визит будет для тети подарком. Молча взлетела в седло и посмотрела на Афанасия.

— Ты со мной?

— А то! Мы в ответе за тех, кого приручили! — прокряхтел он, забираясь позади меня в седло, и зычно гикнул: — Цоб-цобе!

Борька в ответ смерил его мрачным взглядом и, не оправдав надежд Афанасия, медленно поплелся вперед, увязая в колючем песке.

Март 2013 г.